

Г. Н. Мокшин

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА

в последней трети XIX — начале XX вв.

Воронеж 2010

Г. Н. Мокшин

**ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ
ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА
в последней трети XIX – начале XX вв.**

**Воронеж
«Научная книга»
2010**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)51
М 74

Научный редактор:

д-р ист. наук *М. Д. Карпачев*

Рецензенты:

д-р ист. наук *В. В. Зверев*

д-р ист. наук *В. В. Блохин*

д-р ист. наук *Ю. В. Варфоломеев*

Мокшин Г. Н.

М 74 Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. : монография / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2010. – 299 с.
ISBN 978-5-98222-684-6

Предмет исследования данной книги – становление, развитие и кризис идеологии правого народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Впервые в отечественной историографии разработана социокультурная концепция идейной эволюции легального народничества и обоснована ее новая периодизация. История легально-народнической мысли рассматривается как непрерывно-поступательный процесс, который имеет общую направленность, движущие силы, механизм и закономерности развития.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся интеллектуальной историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-98222-684-6

© Мокшин Г. Н., 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Народнический реформизм как идеология демократической интеллигенции	33
1.1. Легальное народничество: этимология и содержание понятия; основы идеологии; типология течений	33
1.2. Развитие самосознания демократической интеллигенции и идейная эволюция легального народничества	52
Глава 2. Генезис легального народничества в 1860-х – начале 1880-х гг.	74
2.1. Зарождение легально-народнической мысли в 60-е гг. XIX в.	74
2.2. Легальные народники в период подготовки и начала массового «хождения в народ» (1868–1874 гг.)	90
2.3. Формирование течений легального народничества в середине 70-х – начале 1880-х гг. XIX в.	106
Глава 3. Интеллигенция, власть и народ в доктрине общественных преобразований правого народничества	133
3.1. Историческая миссия «общественной» интеллигенции	133
3.2. Государство как субъект реформирования общественной жизни	152
3.3. Русский народ и социальный прогресс	170
Глава 4. Народники-реформисты в эпоху «малых дел» (середина 1880-х – первая половина 1890-х гг.)	195
4.1. Вопрос о новом «хождении в народ» в народнической печати середины 1880-х – начала 1890-х гг.	195
4.2. Попытки реформирования доктрины народничества в первой половине 1890-х годов	212
Глава 5. Кризис идеологии правого народничества на рубеже XIX–XX вв.	235
5.1. Распад легально-народнического лагеря во второй половине 1890-х гг.	236
5.2. Народники-реформисты в начале XX в.	254
Заключение	281
Список сокращений	291
Указатель имен	292

«Величайшее зло России – это отсутствие культурности в европейском смысле...». «Суть дела в том, что в противоположность другим культурным народам, у нас доселе нет массового культуртрегерства, нет заметного участия отдельных классов или, по крайней мере, известных групп в культурной работе, инициаторов, пионеров культуры. Но эти пионеры все-таки были и есть... Недостает только традиции культуртрегерства и его поддержки затяжной работой масс...»

Д. Н. Овсяннико-Куликовский

ВВЕДЕНИЕ

Легальное народничество – это идеология и движение в среде демократической интеллигенции последней трети XIX – начала XX вв. Его теоретики Н. К. Михайловский, И. И. Каблиц, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов отстаивали доктрину мирного, эволюционного пути России к идеалам социализма. Наибольшей популярностью эта народническая доктрина пользовалась в царствование Александра III, нередко называемое «эпохой малых дел», когда трудовая интеллигенция (не находя применение своим силам в крупных городах) устремилась в провинцию, в земство на «культурную работу».

В марксистской историографии легальное или, как тогда говорили, «либеральное» народничество¹ ассоциировалось с упадком и вырождением доктрины русского социализма. Идеальный рост народничества после разгрома правительством «Народной воли» или вообще отрицался, или ограничивался областью экономической мысли. Теория «малых дел» однозначно оценивалась как примирение народнической интеллигенции с действительностью, отказ от борьбы за «коренные» интересы народа.

Реабилитация легально-народнической доктрины общественных преобразований началась лишь в 90-е гг. XX в. Тогда впервые было сказано о преимуществах предложенного правыми народниками реформистского пути развития российского общества; о том, что его теории не были разбиты Г. В. Плехановым и В. И. Лениным и «дожили» до начала XX в., став необходимым звеном в становлении идеологии неонародничества.

В настоящее время изучение разрабатываемого легальными народниками механизма трансформации авторитарного общества в демократическое приобретает все большую актуальность. Во-первых, их доктрина самобытной модернизации учитывала историко-культурные традиции страны и, в частности, особенности менталитета ее основного населения. Во-вторых, именно интеллигенция, как наиболее сознательная и граждански активная часть нации, оказалась главной социальной базой и опорой отечественной демократии, причем не только на рубеже XIX–XX вв., но и сто лет спустя².

Народничество как тип общественного сознания не случайно возникло в среде радикальной интеллигенции. Между этими двумя явлениями пореформенной русской жизни существует органическая

внутренняя связь, исследование которой может приблизить нас к более глубокому пониманию их первоначального смысла и значения. К сожалению, в современной исторической литературе проблема идейной эволюции народничества и проблема становления и развития самосознания интеллигенции изучаются отдельно друг от друга.

Главным препятствием на пути утверждения нового подхода к изучению идеологии народнической интеллигенции является отсутствие у исследователей четкого понимания механизма и движущих сил ее эволюции. Между тем, именно история легально-народнической мысли содержит богатый материал для интерпретации народничества как самостоятельной интеллигентской субкультуры, имеющей собственную (внутреннюю) логику развития. Первые обстоятельные концепции русской интеллигенции, раскрывающие специфику ее мировоззрения, приемов мышления и действия, создали Михайловский, Каблиц и Воронцов. Они же положили начало острейшим дискуссиям о народничестве. На сочинениях теоретиков легального народничества выросла идейно, обретая стройную систему взглядов, передовая русская интеллигенция семидесятых, восьмидесятых и отчасти девяностых годов XIX века.

Историография темы. Изучение общих закономерностей эволюции легального народничества всегда признавалось одной из приоритетных задач отечественного народниковедения. Однако анализ научной литературы свидетельствует об отсутствии целостной парадигмы развития легальной народнической мысли. Корни этой проблемы в персонифицированном характере течений правого народничества. Тенденция к их консолидации проявилась относительно поздно и не привела к смягчению разногласий даже по ключевым вопросам реформистской доктрины общественных преобразований. Все это существенно затрудняет выявление общего направления развития идеологии народников-реформистов.

Первые отзывы на книги и статьи легальных народников появились в консервативной, либеральной и марксистской литературе в последней трети XIX в. Разбор народнических идей и программ, как правило, носил тенденциозный характер, т.к. был подчинен задачам политической борьбы.

Консервативный подход разрабатывался в статьях Л. А. Тихомирова, И. С. Аксакова, И. И. Фуделя, В. В. Розанова, К. Н. Яроша³. Его отличают следующие черты: признание народничества порождением «тлетворных» западных идей; критика народников за раскол

с народом, в котором виновата сама радикальная интеллигенция, оторвавшаяся от своих духовных корней; объяснение попыток интеллигенции воздействовать на народное сознание и быт ее тайной «злонамеренной» целью переделать народ по своему образу и подобию, чтобы лишить Россию исторических основ; рекомендация «истинного» пути слияния с народом – научиться мыслить по-русски, т.е. усвоить народные мнения и идеалы при сохранении в обществе внешних сословных перегородок.

Вопросом «что такое народничество?» специально занимался Лев Тихомиров. Будучи народовольцем, он жестко критиковал Каблицу-Юзова, попытавшегося взять за основу народничества понятие о национальном (а не самостоятельном) типе развития⁴. Став консерватором, Тихомиров пересмотрел свое отношение к концепции развития самодеятельности мужика вне его «национальной среды». Главным источником заблуждений народников, включая Воронцова, он считал заимствованную из Западной Европы идею народа (точнее «простонародья») в качестве самостоятельного общественного класса. Ошибочное противопоставление народных и национальных интересов, по мнению Тихомирова, сделало народническую интеллигенцию неспособной стать выразительницей самосознания русской нации⁵.

Либеральный подход представлен статьями А. Н. Пыпина, К. Д. Кавелина, В. А. Гольцева, Л. З. Слонимского, В. С. Соловьева⁶. Отличительными особенностями народничества они называли самобытность, признание деревни центром русской жизни; недооценку значения политики как главного рычага прогрессивных изменений; идею слияния умственного и физического труда (с точки зрения либералов – это регресс); идеализацию простонародья и принижение значения культуры (цивилизации).

Указывая народникам на «ошибки и заблуждения», либералы пытались вскрыть их идейные и исторические корни, ссылаясь при этом на опыт других народов, значительно опередивших Россию в своем историческом развитии. В этом плане выделяются труды известного литературоведа и публициста Пыпина. С его статьи «Народничество» (1884 г.), по сути дела, начинается систематическое изучение идеологии легального народничества⁷. По мнению Пыпина, «коренное заблуждение» народников заключалось в исключении из числа «народа» представителей образованного общества⁸.

Наиболее резким нападкам идеи русский народников 1880–1890-х гг. подвергались со стороны русских марксистов (П. Б. Струве, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. И. Богданович)⁹. Всех их объединяло стремление доказать ошибочность народнической доктрины общественных преобразований, обвинив своих соперников в борьбе за умы молодежи в идеализме, субъективизме и историческом волюнтаризме.

С точки зрения марксистов, научная постановка вопроса о том, какая идеология необходима отечественной интеллигенции, основывалась на следующих положениях: «человек будущего» в России – не крестьянин, а пролетарий, поэтому народники обращались за сочувствием и поддержкой не по адресу; народу принадлежит решающая роль в истории, а вооруженной передовыми идеями интеллигенции – вспомогательная, служебная: организация и руководство массами (для народников народ не творец новой жизни, не субъект истории, а все лишь объект спасительного воздействия интеллигенции); в классовом обществе возможно существование только классовой интеллигенции (бессловная интеллигенция как специфический феномен русской жизни – это народнический миф, придуманный для оправдания теории всемогущества мелкобуржуазной разночинной интеллигенции); «локомотивом» истории является классовая борьба и ее высшее проявление – революция (народники-реформисты сделали ставку на общественную совесть и подвижничество); тесное сближение интеллигенции с народом возможно только после захвата политической власти «партией пролетариата», создание которой – главная задача передовой интеллигенции (большая часть народников «ошибочно» надеялась заручиться поддержкой народа при помощи «малых дел»).

Марксисты первыми разделили легальных народников на «культурников» и сторонников политической борьбы с самодержавием¹⁰. Народники-культурники (Абрамов, Кривенко, Воронцов и др.) призывали демократическую интеллигенцию идти в деревню, чтобы устраивать там школы и больницы, защищать юридические права крестьянства, оказывать ему агрономическую помощь, т.е. «совершенно очистить поле политической битвы»¹¹. По убеждению Ленина, программа деятельности, направленная на удовлетворение насущных потребностей деревни, вела к примирению с действительностью, отвлекая народ и демократическую интеллигенцию от борьбы за радикальные социальные и политические преобразования России.

Поэтому ко всем сторонникам «малых дел» были приклеены ярлыки идеологов мещанства, оппортунистов и реакционеров¹².

С гораздо большей симпатией относились марксисты к Михайловскому и возглавляемому им «Русскому богатству», которое в конце XIX в. превратилось в орган зарождающегося тогда неонародничества. Например, Н. А. Бердяев, будучи легальным марксистом, написал об этом народническом теоретике целую книгу, где доказывал, что направление Михайловского «выше других, родственных ему» (Червинского, Каблица, Воронцова), т.к. Михайловский «не травил» культуры, науки и искусства и не предлагал интеллигенции «потонуть в реакционной массе»¹³.

Очевидно, что идейные противники народников-реформистов рассматривали их представления о целях и движущих силах социального прогресса с позиции собственных моделей общественного развития России. Иными словами, критика народников консерваторами, либералами и марксистами носила идеологический характер.

В начале XX в. появляются первые обобщающие труды по истории русской интеллигенции, которые подводили под идейными исканиями народников, мечтавших избавить народ от капитализма, итоговую черту. Существенным достижением нового этапа изучения идейного наследия легального народничества стала постановка вопросов о причинах возникновения в стране народнического движения, основных течениях народнической мысли и их взаимных отношениях, а также о факторах, способствовавших упадку влияния «старой» народнической идеологии в обществе. В поисках ответов на них многие исследователи приходили к выводу об особой роли в истории народничества некоторых его специфических идей и теорий (об общинном социализме, надклассовости интеллигенции и власти, о «расплате» с народом, «больших и малых делах», опрощении)¹⁴.

В центре внимания авторов практически всех крупных исследований по истории русской общественной мысли оказались также вопросы о причинах тяготения интеллигенции к народу и о том, почему народникам 1870–1890-х гг. не удалось добиться своей главной цели – повести за собой массы? Почему народническое движение так и осталось интеллигентским? Сами народники усматривали истоки широкого распространения в русском обществе народнических идей в сочетании целого ряда исторических, политических и идейно-нравственных причин. В начале XX века на «комплексном» подходе к решению данного вопроса особенно настаивал Воронцов¹⁵. Но в

литературе по-прежнему основное внимание уделялось идейной и морально-психологической подоплеке русского народничества. Например, С. А. Венгеров главную причину демократизма отечественной интеллигенции увидел в том, что она «полюбила отвлеченное понятие народ»¹⁶. О «фантастических» представлениях народников о народе и о том, как оторванная от реальной жизни идея массы формировала самосознание интеллигенции неоднократно писали русские марксисты¹⁷. Доказательству «бесплодности самоотречения» народнической интеллигенции во имя идеи долга народу посвятили свои обстоятельные труды Д. Н. Овсяннико-Куликовский и Е. А. Соловьев¹⁸. В конечном итоге речь шла о несоответствии идеологии народничества русской действительности, следствием чего стала его неизбежная смерть¹⁹.

Восприятие народничества как «отжившей» свой век общественной теории и практики отразилось на общей схеме периодизации его истории. Обычно в ней выделялись следующие этапы:

- 1840–1860-е – зарождение и формирование идеологии русского народничества;
- 1870-е – подъем народнического движения (эпоха «хождения в народ»); апогей влияния идей радикальной интеллигенции на общественное мнение;
- 1880-е – распад народнической идеологии и движения на составные элементы (сторонников идеи политической борьбы с самодержавием и теоретиков и практиков «мещанского социализма»);
- 1890-е – эпоха «ликвидации» народничества из-за невозможности возрождения идей 1870-х гг.²⁰.

На фоне «дружного хора» либеральной и марксистской печати диссонансом выступали работы идейных наследников классического народничества – неонародников. А. Б. Петрищев, Р. В. Иванов-Разумник, К. Р. Качаровский подвергли сомнению тезис о быстрой гибели и увядании народничества, доказательством чему являлся рост популярности его идей в простом народе. По убеждению неонародников, революция 1905 г. «закрыла» пропасть между интеллигенцией и народом, в чем была немалая заслуга народников 1870–1890-х гг. и в первую очередь Михайловского – одного из «главных учителей» и «объединителей» пореформенной русской интеллигенции²¹. При этом деятельность идеологов так называемого «ортодоксального народничества» (Каблиц, Воронцов, Кривенко) оценивалась более чем скромно. Например, Иванов-Разумник назвал эпоху

культуртрегерства 1880-х – начала 1890-х гг. «идеологической дырой», давшей «карликовый идейный рост»²².

Иной точки зрения в отношении Воронцова и Кривенко, как общепризнанных представителей народничества в 1890-е гг.²³, придерживались их бывшие товарищи. Так, Н. Н. Златовратский признал подход Воронцова к пониманию сути народничества и его ближайших задач более определенным и свободным от крайностей, чем у его предшественников («мистически-сентиментального» народничества Каблицы и «критического» народничества Михайловского)²⁴. Реабилитации Кривенко как идеолога культурнического народничества 1870–1890-х гг. посвятил серию статей его первый биограф М. Слобожанин. По его мнению, разрабатываемые Кривенко программа и тактика реформирования русской жизни не имели ничего общего ни с толстовством, ни с «пресловутой» теорией «малых дел»²⁵.

Необходимо так же отметить особую позицию А. Н. Потресова по отношению к культурническому движению 1890-х гг., которое, по словам публициста, дало «начатки политического воспитания масс культурных работников». Потресов призывал не смешивать это широкое общественное движение, охватившее общество после голода 1891–1892 гг., с «малыми делами» публицистов «Недели» – порождением реакции 1880-х гг.²⁶.

Обобщая дореволюционную историографию темы, можно сделать следующие выводы:

во-первых, история легального народничества изучалась в контексте истории народнического движения 1870–1890-х гг. При этом под «народничеством» большинство исследователей понимало сложный комплекс теоретических взглядов, настроений, нравственных принципов демократической интеллигенции, объединенной идеей служения «народу». Поэтому возникновение и эволюция народнической мысли рассматривалось сквозь призму сближения интеллигенции с народом, как важнейшей практической задачи того времени.

во-вторых, исследователи, как правило, выделяли две линии эволюции народничества, связанные с идеализацией «народа» и «интеллигенции» (под влиянием неудачного «хождения в народ» и событий 1881 г.). Первая из них заключалась в приспособлении идеологии народничества к наличному сознанию масс (т.е. к ее фактическому окрестьяниванию). Вторая линия вела к гиперболизации значения интеллигенции как движущей силы социального прогресса;

в-третьих, в изучении основных течений легально-народнической мысли наметился явный дисбаланс в пользу народников-политиков во главе с Михайловским. Не только неонародники, но и либералы, и марксисты считали, что его тактика решения проблемы общественных преобразований гораздо ближе к истине, чем та, которую предлагали Каблиц, Абрамов, Воронцов, Кривенко, В. С. Пругавин и др. теоретики правого народничества.

Октябрьская революция произвела в сложившейся традиции народниковедения решительный переворот. На смену различным вариантам интерпретации теорий народников пришел марксизм-ленинизм.

Эволюцию народничества историки-марксисты связывали с изменением социальной природы крестьянства – его постепенным обуржуазиванием. Шестидесятники и семидесятники хотели поднять народ на революцию, в 1880-е гг. народническая мысль снизошла до идеологии «малых дел» и «тихой культурной работы». Налицо тенденция к «понижению» ее идейно-теоретического уровня (по сравнению с основоположниками народничества А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским), что оказалось одной из причин перерождения «героического» народничества в «пошлый мещанский оппортунизм». Подобному пониманию эволюции народничества соответствовал известный тезис Ленина о том, что «либеральное» народничество произошло от революционного народничества 1870-х гг.²⁷.

Основная причина не только замалчивания, но и целенаправленного искажения доктрины народников-реформистов (атрибутация ее как реакционной мелкобуржуазной утопии) чисто идеологическая. Глубокое изучение социальной философии народничества могло посеять сомнения в непогрешимости марксистско-ленинской концепции исторического развития. Поэтому, даже сойдя с политической сцены, народничество заключало в себе потенциальную опасность для новой власти. Не случайно вплоть до начала 1970-х гг. смысл большинства работ по идеологии легального народничества сводился к ее «критике» и «разоблачению» русскими марксистами во главе с Лениным и Плехановым.

В 1920-е – начале 1930-х гг., когда ленинская концепция народничества еще не стала доминирующей, в исторической литературе продолжалась традиция изучения эволюции народнической мысли сквозь призму развития самосознания интеллигенции. Согласно этому подходу, «мещанский социализм» народников 1880-х гг. был одной из первичных форм перерастания идеологии и психологии ин-

теллигентского «отщепенства» двух предшествующих десятилетий²⁸. Ценным вкладом в изучение идейной истории легального народничества стали работы В. Е. Евгеньева-Максимова, Б. П. Козьмина и Н. Ф. Бельчикова о народниках «Отечественных записок», «Недели», «Русского богатства» и «Устоев»²⁹. Они наглядно свидетельствовали о существовании «мирного» народничества до разгрома правительством «Народной воли».

Однако по мере того, как история правого народничества начинает изучаться в контексте его отношений с марксизмом, на первое место выходят «внешние» факторы эволюции. Наиболее ярким примером догматизации ленинских оценок народничества служит одна из статей редактора журнала «Каторга и ссылка» И. А. Теодоровича. Здесь русское народничество уже четко разделяется на «старое» (революционное, демократическое) и «новое» (либеральное, мещанское) и проводится тезис о снижении идейного уровня у народников 1880–1890-х гг. под влиянием «успехов» русского капитализма³⁰.

Особое место в советской историографии занимает период с середины 1930-х гг. до середины 1950-х гг. В течение этих 20 лет исследования народничества были практически свернуты, т.к. все без исключения народники объявлялись реакционерами и злейшими врагами марксистов, не сумевшими подняться до понимания передовой роли рабочего класса. Легальных народников заклеили еще и как культурнических оппортунистов и пособников самодержавия. Отныне тема борьбы В. И. Ленина и Г. В. Плеханова против субъективизма народников становится основным форматом для академического изучения идеологии «либерального» народничества³¹.

Вторую половину 1950-х – 1970-е гг. можно назвать периодом реабилитации русского народничества, т.е. признания его прогрессивных сторон. Однако народников-реформистов эта реабилитация, осуществляемая под флагом возвращения к ленинским оценкам народничества, затронула очень мало. Потому что, как и прежде считалось, что после 1 марта 1881 г. народничество «исчерпало себя», растворившись в либерализме и утратив тем самым свое исторически прогрессивное значение³².

О слабой изученности взглядов легальных народников говорит крайняя скудость литературы о них в обобщающих изданиях по истории различных областей общественной мысли дореволюционной России³³. Проблема идейной эволюции этого течения народнической мысли рассматривалась в них в традиционном для марксист-

ской историографии ключе. Лишь Н. К. Каратаев в 1960 г. высказал смелое предположение о почти одновременном возникновении революционного и либерального народничества в конце 1860-х гг. И то с оговоркой, что между либеральными народниками 1870-х и 1880–1890-х гг. имелись существенные различия³⁴. Дело в том, что методологической основой для анализа идеологии правого народничества по-прежнему выступала концепция упадка народнической мысли, которую большинство исследователей, включая Козьмина³⁵, связывало с кризисом революционного народничества начала 1880-х гг.

Важный вклад в ревизию данной концепции внесли первые в отечественной историографии обобщающие труды по идеологии позднего народничества Ф. М. Суловой и В. Г. Хороса³⁶. Эти исследователи не просто отказались от утрированных обвинений народников-реформистов в реакционности и сознательном затушевывании эксплуатации трудящихся, но и поставили вопрос об известной прогрессивности легально-народнической мысли 1880-х гг., в частности, о сохранении ее антикапиталистической направленности. Кроме того, Сулова и Хорос вновь включили в состав продолжателей традиции «русского социализма» теоретиков правого народничества Каблица и Воронцова.

Однако до начала 1980-х гг. историки предпочитали заниматься идейным наследием Михайловского, который входил в обиход идеологов «действенного» народничества 1870-х гг.³⁷. Особое внимание к Михайловскому было обусловлено масштабностью задач, поставленных им перед демократической интеллигенцией (определение дальнейшего пути исторического развития России, подготовка радикальной политической реформы, представительство интересов народа и т.д.). Наиболее подробно эти вопросы освещались в монографии Э. С. Виленской³⁸.

В рассматриваемый период возрождается интерес к народнической литературной критике и журналистике 1870–1880-х гг., когда, по признанию исследователей, обсуждение проблемы интеллигенции и ее роли в пореформенной русской жизни выходит на одно из первых мест³⁹. Специальному изучению полемики вокруг идеалов и практических задач демократической интеллигенции второй половины 1870-х гг. посвятила свою статью К. В. Зенкова. Сопоставив позиции П. П. Червинского, Н. К. Михайловского, М. А. Протопопова и Н. В. Шелгунова, она пришла к выводу о наличии в легальном на-

родничестве не только либеральной, но и демократической тенденции, которую представляли «Отечественные записки» и «Дело»⁴⁰.

В 1980-е гг. историография темы обогатилась работами В. И. Харламова, Т. М. Канаевой, В. М. Фирсова, В. З. Дворкина, Т. А. Васильевой. Хотя в целом они не выходили за рамки марксистской методологии, некоторые идеи и подходы этих исследователей носили новаторский характер.

В диссертации Харламова о Каблице-Юзове давалась новая периодизация истории «либерального» народничества, начинавшаяся не с 1881 г., а с рубежа 50–60-х гг. XIX в.⁴¹. Это был серьезный удар по концепции классового перерождения позднего народничества, на которой строилась его марксистская критика. Именно Харламов поставил такие важные для дальнейшего изучения рассматриваемой темы вопросы, как необходимость более подробного анализа факторов, определивших эволюцию легально-народнической идеологии, выявления ее устойчивых и подвижных элементов, изучения диалектики развития народнической мысли (т.е. внутренних противоречий между ее течениями). Отмечалась также настоятельная потребность согласования и одновременного разграничения таких нетождественных понятий как «либеральное/легальное народничество», «культурничество», «теория малых дел». В еще один «категориальный» ряд Харламов выделил понятия «перерождение народничества», «кризис народничества», «крах народничества», в которые исследователи вкладывали разное содержание, что создавало взаимное непонимание⁴².

Харламов, как и многие его предшественники, подчеркивал тесную связь проблемы эволюции народничества с вопросом о взаимоотношениях демократической интеллигенции с народом. Особый упор он сделал на причинах отрыва передового умственного меньшинства от народных масс и на основных подходах к ее решению: революционном, политическом (народовольцев и Михайловского) и либеральном, культурническом (публицистов «Недели» во главе с Каблицем). Оценивая позиции ведущих теоретиков позднего народничества, исследователь признал историческую правоту представителей его левого крыла. Именно они, по мнению Харламова, сумели преодолеть (в теории) традиционное, намеченное еще славянофилами, противостояние «народа» и «интеллигенции» и указать новые пути к их сближению. В то же время в самой формулировке проблемы «народ и интеллигенция», а не наоборот, Харламов следовал за Каблицем-Юзовым⁴³.

О пробуждении в начале 1980-х годов исследовательского интереса к идеологии правого народничества свидетельствует диссертация Канаевой о публицистах «Недели» (Червинском, Каблице, Лаврском и Абрамове). По мнению автора, «либеральное» народничество возникло в эпоху подготовки крестьянской реформы. Однако его складывание в цельное направление завершилось лишь в 1880-е гг. с окончательным оформлением теории «малых дел». Канаева подробно осветила причины обращения публицистов «Недели» к пропаганде «культурной работы» в деревне. При этом она одной из первых в советской историографии народничества назвала устройство больниц, развитие народных школ и защиту правового положения крестьян прогрессивным по своему характеру явлением. Хотя в целом эта деятельность по-прежнему оценивалась как нисходящая линия в развитии народничества⁴⁴.

Социальной философии «либерального» народничества посвятил свое исследование Фирсов. Основной ее тон – критика идеалистических взглядов «правых» народников на развитие общества и их конкретизации в реформистском пути общественных преобразований страны. Хотя цель диссертации состояла в разоблачении «реакционности» идей В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, И. И. Каблица и С. Н. Южакова (в частности, их попыток обоснования соглашательской политики с царизмом), в конце концов, автор пришел к выводу о том, что по ряду важных положений своей программы они примыкали к идеям просветителей 1860-х гг. Интересно также замечание Фирсова о близости концепций интеллигенции «либеральных» народников и авторов сборника «Вехи»⁴⁵.

В 1984 г. появилось первое специальное исследование немарксистских концепций интеллигенции, выполненное ленинградским философом Дворкиным. По его словам, в литературе по истории общественной мысли теоретическим формам самосознания русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. уделялось определенное внимание. Однако исследователи никогда не ставили задачу установить систему и эволюцию концепций интеллигенции в главных направлениях общественной мысли, вследствие чего разработка этой проблемы носила фрагментарный характер. Наблюдение Дворкина касалось и социально-этической концепции интеллигенции, разрабатываемой Лавровым, Михайловским и Воронцовым. Подробно изучив эту первую по времени возникновения концепцию русской интеллигенции, автор пришел к выводу, что она полностью соответст-

вовала тогдашнему историческому контексту. Более того, после усвоения этой концепции народнической интеллигенцией, она (концепция) превратилась в «фактор практического действия»⁴⁶.

Тема идейно-политической эволюции народничества на страницах журнала «Русское богатство» изучалась в кандидатской диссертации Васильевой. По мнению автора, именно этот журнал (после его перехода в середине 1890-х гг. в руки сторонников Михайловского) стал органом «возрождающегося» народничества⁴⁷. Васильева связывает пересмотр доктрины «либерального» народничества с признанием народниками-политиками неизбежности развития капитализма в России, что повлекло за собой изменение их отношения к общине как ячейке будущего социалистического общества. Превращение ведущих публицистов «Русского богатства» в теоретиков неонародничества завершилось во время первой русской революции, когда указ от 9 ноября 1906 г. окончательно подорвал их веру в демократические реформы со стороны самодержавного государства⁴⁸.

Тот факт, что многие будущие идеологии неонародничества до 1905 г. сотрудничали в легально-народнических изданиях, не мог не натолкнуть советских исследователей на мысль о том, что «кризис народничества» 1890-х гг. был следствием его роста. В «тупике» оказалось лишь правое крыло народников-реформистов, а группа Михайловского, несмотря на «идейный разгром» со стороны марксистов, сумела сплотить вокруг себя сторонников борьбы с самодержавием и дать толчок дальнейшему развитию народнической идеологии⁴⁹.

Наличие в истории легального народничества 1881–1905 гг. устойчивой политической тенденции послужило основой для возникновения концепции поступательного развития народнической мысли в этот период, прямо противоположной концепции ее упадка. У истоков новой концепции стоял Н. Д. Ерофеев, который одним из первых причислил к левому флангу «либерального» народничества конца XIX – начала XX в. будущих неонародников Н. Ф. Анненского, А. В. Пешехонова и В. А. Мякотина⁵⁰. Однако подробное обоснование она получит уже на следующем этапе изучения идейной истории легального народничества.

С конца 1980-х гг. марксистский подход к изучению народничества постепенно утрачивает свои монопольные позиции. По признанию нового поколения исследователей, народники обогатили русскую мысль знанием отечественной специфики, включая четкое представление о соотношении уровней развития России и Европы.

«Взросление» народнической доктрины привело к разработке детальной, приближенной к личности программы социального действия: отказу от глобальных планов переустройства общества в пользу подвижнической деятельности в земстве. В марксизме же демократическая интеллигенция освобождалась от тридцатилетнего опыта эволюционизма, от надежд на перемены сверху или мирным путем, но, как оказалось, не навсегда⁵¹.

Радикальные изменения в социально-политической жизни России 1990-х гг. способствовали развитию новых подходов к интерпретации концептуальных и теоретических построений народничества. Самым востребованным оказался подход, основанный на теории модернизации, которая вошла в мировое обществоведение в середине XX в. Среди советских исследователей тезис о том, что народнический социализм можно интерпретировать как средство более гармоничной и менее болезненной для традиционного населения модернизации, еще в 1980 г. попытался обосновать В. Г. Хорос⁵².

В числе первых постсоветских исследователей, пересмотревших марксистскую трактовку народничества, связав его возникновение и эволюцию с особенностями модернизации страны, был А. М. Медушевский. По его мнению, мировоззрение народничества представляло собой поиски альтернативы западному пути социального развития, стремление к синтезу особенностей национального уклада и преимуществ модернизации. Такой синтез мог быть осуществлен лишь на основе утопического социального идеала (народнического социализма)⁵³.

Дальнейшее развитие эта точка зрения получила в докторской диссертации Л. Г. Березовой. По ее убеждению, народничество – это тип сознания, миропонимания определенной части русской интеллигенции, который она выработала в условиях ускоренной модернизации России с целью собственной идентификации⁵⁴. Русский интеллигент, – развивает ту же мысль И. Герасимов, – это интеллигент в модернизирующемся обществе, который берет на себя несвойственную людям интеллектуального труда функцию реорганизации общества в поисках новой социальной идентификации⁵⁵.

По мнению исследовательницы Е. С. Элбакян, одна из характерных особенностей народнического сознания интеллигенции – его «религиозность» или точнее «религиозное настроение», причудливо переплетающееся с атеистической идеологией. Данный феномен проявился в некритической вере интеллигенции в силу разума, доб-

ровольном стремлении к бедности и мессианском восприятии своего служения народу. Причины противоречивости сознания народнической интеллигенции Элбакян вполне справедливо объясняет переходным состоянием тогдашнего общества⁵⁶.

Из работ первой половины 1990-х гг., непосредственно посвященных легальному народничеству, выделяется монография В. В. Блохина об исторических взглядах Михайловского. Советская историческая наука трактовала народническую теорию прогресса как субъективно-идеалистическую и антиисторическую. Главный объект ее критики – субъективный метод, руководствуясь которым народники представляли критически мыслящих личностей (интеллигенцию) сверхисторической силой. Блохин задается вопросом: можно ли отрицать эвристическую значимость теорий, если они (несмотря на весь свой утопизм) на практике нормируют жизнь и управляют действительностью? В итоге историк приходит к заключению о том, что нет и не может быть универсальных и неизменных критериев научности без учета социокультурной динамики (изменения запросов конкретно-исторической среды)⁵⁷.

Заметным событием в новейшей историографии легального народничества явилась монография Б. П. Балугева о наиболее видных его теоретиках. В ней содержится анализ идейных позиций правого (ортодоксального) и левого (политизированного) крыла «либерального» народничества, а также история их формирования и эволюции от 1870-х до начала 1900-х гг. По убеждению ученого, всех «мирных» народников роднят такие типологические черты, как «осознанная отстраненность» от подпольных и тем более террористических методов борьбы, вполне лояльное отношение к «малым делам» (несмотря на теоретическое их осуждение Михайловским и его сторонниками) и, наконец, апелляция к властям по поводу сохранения общинных устоев в деревне. Поэтому он не считал возможным отказываться от традиционного именованья этих народников «либеральными»⁵⁸.

Нельзя не отметить, что именно Балугев первым заявил, что не было никакого идейного разгрома народников марксистами⁵⁹. В начале 1900-х гг. народничество переживало явный подъем, идейно подготовленный в «Русском богатстве» Михайловского «либеральными» народниками «второго призыва» (будущими народными социалистами), которые сумели преодолеть отставание народнических идей от действительности. Не случайно Балугев предпочел говорить

не о крахе народничества, а об «определенной паузе» в его развитии в связи с процессом образования в России политических партий⁶⁰.

Важный вклад в разработку современной методологии изучения правого народничества внес В. В. Зверев. Чтобы отгородиться от прежней (марксистской) исследовательской традиции, он ввел термины «народники-реформаторы» и «реформаторское народничество». Сущность народнической доктрины, ее целевую направленность Зверев определяет как идеологию модернизации, своеобразную реакцию «идейной» интеллигенции на развитие капитализма в России. Субъективно считая себя выразительницей взглядов крестьянства, народническая интеллигенция объективно выражала собственное видение происходивших процессов и пыталась оказать на них влияние⁶¹.

Анализируя состав идейных течений «реформаторского народничества», Зверев выделяет в нем адептов культурнической деятельности (Червинский, Каблиц, Абрамов, Воронцов и Кривенко) и сторонников социалистического выбора («политики» во главе с Михайловским). По убеждению Зверева, в их противостоянии друг другу «отчетливо проявились два различных подхода, как в оценке общего состояния российского общества, так и возможных перспектив его развития в будущем: или приспособление к новым условиям существования, или политическое реформирование страны с ориентацией на социалистический идеал». Единственным объединяющим элементом легальных народников, пишет исследователь, осталось лишь признание необходимости ненасильственной, мирной эволюции страны⁶². Фактически Зверев предложил собственную концепцию эволюции идеологии легального народничества, которую можно называть концепцией поляризации его ведущих идейных течений.

Характерной чертой новейшей литературы о легальном народничестве является более взвешенное отношение исследователей к теории «малых дел». Одним из первых историков, отказавшихся квалифицировать ее как «реакционную», «чисто мелкобуржуазную» и, «безусловно, несоциалистическую», был В. И. Харламов⁶³. В дальнейшем идеи Харламова получили развитие в работах С. Я. Новака и В. В. Зверева⁶⁴. На сегодняшний день подробно проанализированы как содержание этой теории, так и практические вопросы «культурной работы» народолюбивой интеллигенции в деревне. С другой стороны, большинство исследователей по-прежнему убеждено, что все защитники «малых дел» отрицали «большие дела» (т.е. общественные преобразования, призванные не улучшить сложившуюся

структуру общественных отношений, а принципиально ее изменить). На наш взгляд, такой подход существенно упрощает понимание причин и характера народнической полемики о механизме общественных преобразований страны.

Особый интерес у исследователей вызывает учение народников об общине. В диссертации Д. Д. Жвании устанавливается преемственность взглядов на этот социальный феномен между народниками-реформистами и основоположниками народничества (Герценом и Чернышевским). Автор подробно изложил сущность народнической концепции общины, как «института горизонтальной амортизации» и влияния на ее становление и развитие «морального характера крестьянской экономики». По-новому освещено отношение народников-реформистов к процессу разложения общины и той противоречивой роли, которую сыграла в ее судьбе крестьянская реформа (в пику известному марксистскому тезису об идеализации народниками реформы 1861 г.)⁶⁵.

Во второй половине 90-х гг. курс на «реабилитацию» легально-народнической стратегии модернизации России встретил поддержку не только у историков народничества. Есть все основания считать, пишет, например, доктор экономических наук В. Т. Рязанов, что народники, несмотря на ряд серьезных ошибок, одними из первых в мировой экономической науке подошли к необходимости выбора отличной от западной модели формирования рынка с опорой на создание многоукладного хозяйства, активной ролью государства, учетом исторических особенностей развития страны (сохранения поземельной общины и т.д.)⁶⁶.

Разумеется, в исторической литературе по-прежнему существует и противоположная точка зрения. Одним из ярких ее выразителей является Б. Н. Миронов. Он, в частности, доказывает, что в социокультурном, экономическом и политическом отношениях Россия XVIII – начала XX вв. изменялась в тех же направлениях, что и другие европейские страны, только асинхронно. Поэтому антибуржуазное сознание российской интеллигенции, главной идеологией которой было народничество, тормозило социальную модернизацию страны (индивидуализацию личности, демократизацию семьи, генезис гражданского общества и правового государства) и появление в ней среднего класса⁶⁷. С резкой критикой народнического учения об особом пути развития России, как одного из главных наших национальных мифов, выступает В. К. Кантор⁶⁸.

В XXI в. идейное наследие народничества продолжает привлекать внимание историков. Новые сюжеты открываются в работах молодых исследователей.

В этом отношении выделяется монография И. А. Гордеевой об интеллигентных земледельческих общинах, в создании которых принимали участие известные народники, например, С. Н. Кривенко. В отечественной историографии коммунитарные эксперименты 1870–1890-х гг. (интеллигентные поселки учеников А. Н. Энгельгардта, колония Криница на Черноморском побережье и т.д.) представлялись скорее как курьезы, а их участники – как странные люди с оторванными от жизни идеями. Гордеева убедительно показала, что коммунитарный идеал выражал стремление определенной части образованного общества к внутреннему нравственному самосовершенствованию, как основному способу улучшения общественных отношений, альтернативному революции. Поэтому и движение образованных людей «на землю» она идентифицировала как составную часть российского общественного движения последней четверти XIX в., расширив, тем самым, наши представления о его многообразии⁶⁹.

Важным дополнением концепции поступательного развития идеологии правого народничества служит диссертация С. Н. Касторнова. Он, по сути, первым предложил внутреннюю периодизацию истории легально-народнической мысли, выделив в ней три этапа: 1875–1884; 1884–1893; 1894–1904 гг. Главная идея автора – непрерывный характер эволюции идеологии народников-реформистов за счет попеременного преобладания то правого, то левого его крыла. Однако, как пишет Касторнов, весь ход событий подталкивал народников к мирной борьбе за политические права и свободы. То есть в целом легальное народничество развивалось по пути все большей и большей его политизации⁷⁰.

Анализу взглядов известного народнического «расколоведа» А. С. Пругавина посвятил свое исследование Б. Б. Сажин. Его внимание привлекло стремление Пругавина создать в 70–80-е гг. XIX в. теоретическую систему, примиряющую правое (культурническое) и левое (политическое) течения легального народничества. Почвой для их сближения мог стать отказ народников от противопоставления «ума» и «чувства», теории и жизни (почвы), умственного и нравственного факторов общественного прогресса, а, в конечном счете, от антитезы «интеллигенция» – «народ», чьи идеалы представляли, по убеждению Пругавина, неразрывное единство. Практическим выражением данной теории стала постановка перед интеллигенцией задачи про-

паганды в народной и раскольниковой среде научного социализма, но без разрушения религиозной подкладки народного мирозерцания⁷¹.

К изучению идейной эволюции народничества 1880–1890-х гг. непосредственное отношение имеет докторская диссертация В. В. Блохина об общественно-политических взглядах Михайловского. В ней значительное место уделено попыткам этого лидера российской демократии воспроизвести социальный и духовный облик передовой русской интеллигенции. Автор обстоятельно проанализировал предложенную Михайловским концепцию руководящей роли интеллигенции в жизни общества, в соответствии с которой ей было необязательно считаться с мнениями «незрелого», «веками забитого» народа. По мнению исследователя, именно на этой почве с конца 80-х гг. XIX в. Михайловский сближается с либералами (сторонниками «мирного» прогресса, опирающегося на современные достижения науки и общественной практики), что повлияло на окончательное оформление его доктрины «либерального социализма»⁷².

В последние годы тенденция к сближению народнического эволюционного социализма и идеологии социального либерализма рассматривается исследователями как отражение общей линии развития общественной мысли середины XIX – начала XX вв. Формированию полусоциалистической, полулиберальной системы ценностей способствовал тот факт, что социал-реформизм (с его стремлением примирить либерализм в политике и социально ориентированную экономику) не был жестко связан с какой-либо определенной доктриной⁷³.

В зарубежной историографии идейная эволюция легального народничества специально не изучалась. Тем не менее, взгляды Воронцова, Михайловского, Каблицы, на проблемы социального прогресса, интеллигенции, капитализма (особенно в контексте споров народников с русскими марксистами) неоднократно привлекали внимание специалистов по российской истории⁷⁴. Большинство из них видит задачу изучения народнических идей в реконструкции процесса самоидентификации интеллигенции, т.е. рассматривает идеологию народничества как продукт ее субъективного самосознания.

Таким образом, исследователи больше не интерпретируют историю правого народничества в свете упадка и перерождения революционно-народнической идеологии. Становление легального народничества началось еще в эпоху «хождения народ». С самого начала у этого течения были свои специфические общественные задачи, стратегия и тактика общественных преобразований и свои идеологи, а,

следовательно, и своя внутренняя логика развития. Поэтому изучение идейной эволюции легального народничества от анализа влияния на этот процесс внешних факторов (изменение условий общественной деятельности, обуржуазивание крестьянства), в конце концов, должно было прийти к акцентированию внимания на внутренних закономерностях его развития.

До недавнего времени считалось, что расцвет легально-народнической мысли пришелся на вторую половину 1880-х – начало 1890-х гг., после чего наступает общий кризис идеологии классического народничества, спровоцированный голодом 1891–1892 гг. Дальнейшее изучение истории легального народничества с точки зрения развития внутренних противоречий между его главными фракциями (взгляд «изнутри») способствовало возникновению новых концепций идейной эволюции народнической мысли в последней трети XIX – начале XX в. Прежде всего, это концепция поступательного развития легального народничества, подробно обоснованная в работах Балуева и Касторнова. Данная концепция строится на преемственности между «критическим» народничеством группы Михайловского и народными социалистами начала XX в. Тем самым отрицается сама идея упадка и вырождения легального народничества. Еще одна концепция (Зверева) рассматривает его историю как противоборство двух противоположных тенденций развития (политической и культурнической). От позиции Харламова и Хороса, взгляды которых развивает Зверев, концепцию поляризации народничества 1880–1890-х гг. отличает признание верности социалистическим идеалам только за народниками-политиками во главе с Михайловским.

Принципиальным недостатком названных концепций является то, что они базируются на принципе линейности развития легально-народнической мысли. Общее направление ее эволюции выделяется на основе какого-то одного признака (чаще всего – отношения к политике, как решающему фактору развития страны в конце XIX – начале XX в.). На наш взгляд, такой подход не учитывает особую роль противоречий между ведущими течениями легального народничества как движущей силы развития его идеологии. Под их влиянием в идейной истории правого народничества имели место не только разнонаправленные линейные процессы, но и цикличность⁷⁵.

Предмет исследования – содержание, направленность, движущие силы и механизм идейной эволюции правого народничества (от возникновения до кризиса его идеологии).

Цель работы – разработка социокультурной концепции эволюции идеологии легального народничества. Опираясь на изучение базовых стратегий самореализации демократической интеллигенции и связанных с ними теорий общественных преобразований, мы попытаемся доказать, что изменения в способах мышления и действия (при помощи которых народническая интеллигенция решала стоящие перед ней проблемы) – это ключ для понимания того, что послужило внутренней пружиной развития народнической мысли.

Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд *исследовательских задач*, которые можно разделить на три группы.

В первую группу входят задачи, связанные с общей характеристикой легального народничества как идеологии пореформенной демократической интеллигенции (этимология и содержание понятия «легальное народничество»; теоретические основы, целевая направленность, структура и функции идеологии легальной демократической интеллигенции; главные идейно-тактические течения легального народничества, истоки и сущность разногласий между их лидерами; место в идеологии народничества учения о новой русской интеллигенции и ее особой исторической миссии).

Вторая группа объединяет задачи по изучению генезиса, развития и кризиса легальной народнической мысли (причины возникновения, основные тенденции и механизмы эволюции идеологии легального народничества; идеи и теории, определившие развитие легально-народнической мысли; периодизация идейной истории легального народничества; внешние и внутренние факторы эволюции взглядов народников-реформистов на задачи «передовой» русской интеллигенции; причины кризиса идеологии народнического реформизма).

И еще одна группа задач связана с общей оценкой идейно-теоретического наследия легальных народников (место и роль легально-народнического этапа в идейной истории русского народничества; вклад народников-реформистов в развитие общественной мысли пореформенной России).

Хронологические рамки работы охватывают период от отмены крепостного права до революции 1905–1907 гг. Именно в это время, нередко определяемое как пореформенные годы, легальное народничество сложилось в самостоятельное течение народнической мысли и прошло все основные этапы своей интеллектуальной истории.

Методология исследования основана на общих принципах исторического познания. В соответствии с принципами научной объек-

тивности и историзма народнические идеи и теории изучаются и интерпретируются на основе первоисточников в контексте своего времени, а не исходя из априорных схем, как это было в недавнем прошлом. Принцип системности предполагает целостность изучения избранного объекта, установление взаимосвязи и взаимодействия между всеми входящими в него компонентами. Этот подход дает возможность найти у внешне противоречивых идейно-тактических течений легального народничества общие черты, из которых складываются отличительные особенности его идеологии.

При разработке темы особое внимание уделяется социокультурному подходу. Он основан на изучении взаимосвязи между способами общественных изменений и самосознанием их субъектов. Главное преимущество данного подхода в том, что он позволяет реконструировать механизм идейной эволюции народничества и его движущие силы⁷⁶.

Поскольку данная работа носит конкретно-исторический характер, при разработке поставленных задач применялись специальные научные методы. Одним из важнейших является ретроспективный метод, позволяющий взглянуть на проблему идейной эволюции как бы изнутри, глазами самих идеологов народничества, образно говоря, проникнуть в их интеллектуальную лабораторию. Чтобы не попасть в зависимость от идей и решений, созданных персоналиями данного исследования, их необходимо сравнивать не только между собой, но и с аналогичными идейными построениями противников народничества (метод сравнительно-исторического анализа). Критические суждения со стороны полезны для выяснения сильных и слабых сторон народнических теорий. Третий метод – проблемно-хронологический создает возможность выделить основные этапы эволюции народнической мысли на значительном временном промежутке.

Идеологи легального народничества использовали в своих текстах понятия «народ», «интеллигенция», «прогресс», «культурная работа» и т.д., не совпадающие по смыслу и значению. Для выявления этих различий в работе применялись приемы дискурсивного анализа. Определенную помощь в реконструкции легально-народнического учения об интеллигенции оказали социологический, аксиологический (ценностный) и коммуникативный подходы к пониманию ее социальной природы и роли в обществе.

В исторической литературе о легальном народничестве прочно утвердился персонифицированный подход к изучению взглядов его

теоретиков, т.к. это течение общественной мысли не было оформлено организационно, т.е. не имело своих партий и организаций в современном их понимании. Важность использования этого подхода в работе определяется тем, что легально-народническую мысль можно трактовать как совокупность персонифицированных идей и теорий.

Основными источниками для написания работы послужили научно-публицистические труды теоретиков легального народничества, их идейных предшественников и противников из других общественных лагерей, документы программного характера, художественно-публицистические произведения народников, мемуарная и эпистолярная литература⁷⁷. Кроме того привлечены архивные материалы, хранящиеся в ГАРФ, РГАЛИ, РГИА, РО ИРЛИ, ОР РГБ, РО РНБ. В основном это следственные дела из архивов III-го Отделения, Департамента полиции и Министерства юстиции, редакционные материалы журнала «Русское богатство», черновики неопубликованных статей, автобиографии и письма, отражающие идейную эволюцию правого народничества.

Структура работы основана на сочетании проблемного и хронологического принципов. В первой главе разработан общий алгоритм решения проблемы эволюции идеологии правого крыла русского народничества. Во второй главе исследован процесс возникновения легального народничества и формирования его основных идейных течений. В третьей главе реконструированы главные положения легально-народнического учения о движущих силах и механизме общественных преобразований. В четвертой главе проанализированы взгляды на практические задачи русской интеллигенции сторонников и противников теории «малых дел» и попытки их примирения теоретиками умеренного народничества. В пятой главе изучены причины кризиса идеологии правого народничества на рубеже XIX–XX вв.

П р и м е ч а н и я

¹ Именованное правого (нереволюционного) крыла народничества «либеральным» затемняет принципиальное различие между либералами и народниками. Если первые стремились к приоритету свободы человеческой личности, то вторые, хотя и ставили личность во главу угла общественного прогресса, в конечном счете, пытались подчинить ее развитие интересам коллектива. Поэтому более точным является термин «легальное» народничество, т.е. действующее на законной почве (по аналогии с легальным марксизмом).

² *Межуев В.* Интеллигенция и демократия // Свободная мысль. 1992. № 16. С. 47.

³ *Тихомиров Л.* Что такое народничество // Русское обозрение. 1892. № 12; [*Аксаков И. С.*] Передовая // Русь. 1884. № 11; *Н. Н.* [*Фудель И. И.*] Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888; *Розанов В. В.* Памяти Осипа Ивановича Каблицы // Русское обозрение. 1893. Т. 6. № 11; *Ярош К. Н.* Интеллигентный человек конца века // Русский вестник. 1895. № 3.

⁴ *Кольцов И.* [*Тихомиров Л. А.*] Шатанье политической мысли // Дело. 1883. № 3. С. 9.

⁵ *Тихомиров Л.* Что такое народничество. С. 920, 925; *Он же.* Что делать нашей «интеллигенции»? // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 873–876.

⁶ *В-н А.* [*Пыпин А. Н.*] Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10; *Кавелин К. Д.* Злобы дня // Русская мысль. 1888. № 3; *Гольцев В.* Еще о народничестве // Русская мысль. 1893. № 10; *Слонимский Л.* Наши теоретики народничества // Вестник Европы. 1893. № 11; *Соловьев Вл.* Идолы и идеалы // Вестник Европы. 1891. № 3.

⁷ Вестник Европы. 1884. № 1, 2. Впоследствии А. Н. Пыпин включил эту статью во второй том «Истории русской этнографии» (СПб., 1892).

⁸ *В-н А.* [*Пыпин А. Н.*] Народники и народ // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 663, 671–672, 689.

⁹ См.: *Струве П.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. Вып. 1; *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 1; *Плеханов Г. В.* Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.) // *Плеханов Г. В.* Сочинения: В 24 т. М.; Пгр., 1923–1927. Т. 9; *А. Б.* [*Богданович А. И.*] Критические заметки // Мир божий. 1895. № 3; 1898. № 3.

¹⁰ *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 282, 283, 294, 297, 342; *Воровский В. В.* Лишние люди // *Воровский В. В.* Литературно-критические статьи. М., 1956. С. 113, 118, 124; *Потресов А.* Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1909. Т. 1. С. 547, 552, 553.

¹¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 240.

¹² *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 249, 250, 264, 272.

¹³ *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901. С. 226–227.

¹⁴ См.: *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли: В 3 т. М., 1997. Т. 2–3; *Андреевич* [*Соловьев Е. А.*] Опыт философии русской литературы. СПб., 1909; *Овсянко-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции // *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1924. Т. 7–9.

¹⁵ *В. В.* [*Воронцов В. П.*] «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 147, 148, 172.

¹⁶ *Венгеров С. А.* Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 88.

¹⁷ См.: *Воровский В. В.* «Метущиеся» и «мечущиеся» // *Воровский В. В.* Указ. соч. С. 143–147; *Потресов А.* Указ. соч. С. 548, 552; *Неведомский М.* [*Микла-*

шевский М. П.] 80-ые и 90-ые годы в нашей литературе // История России в XIX в.: В 9 т. СПб., 1911. Т. 9. С. 100, 101, 107.

¹⁸ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Указ. соч. Т. 9. С. 92, 122, 159; Андреевич. Указ. соч. С. 239, 244, 270–271.

¹⁹ В 1925 г. П. Б. Струве в заметке об А. В. Пешехонове напишет, что «народничество – это особое культурно-политическое мирозерцание», которое отличается тем, что принадлежащее народникам душевное состояние и «умоначертание» видимых ими «народных масс» принимается за руководящую норму общественно-политического мышления и поведения. См.: Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М.; Париж, 2004. С. 69–70.

²⁰ Веселовский Б. Идеиные течения современного народничества // Образование. 1907. № 1. С. 8; Неведомский М. Указ. соч. С. 22–23; Туган-Барановский М. И. Марксизм и народничество // К лучшему будущему. М., 1996. С. 73.

²¹ Петрищев А. Противотечения // Русское богатство. 1907. № 8. С. 142; Иванов-Разумник Р. В. Литература и общественность. СПб, 1912. С. 41–43; Качаровский К. Народничество как социологическое направление // Заветы. 1913. № 1. С. 68.

²² Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Т. 3. С. 62, 68.

²³ Южаков С. Н. Народничество // Большая энциклопедия. СПб., 1896. Т. 13. С. 658.

²⁴ Златовратский Н. Н. Народничество // Настольный энциклопедический словарь Гранат. М., 1901. Т. 6. С. 26.

²⁵ Слобожанин М. [Максимов Е. Д.] К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. № 12; Он же. Из истории созидательного народничества. Черты из журнальной деятельности С. Н. Кривенко // Жизнь для всех. 1910. № 7, 8–9, 11.

²⁶ Старовер [Потресов А. Н.] Этюды о русской интеллигенции: сб. ст. СПб., 1906. С. 172.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1979. Т. 8. С. 461.

²⁸ Мартов Л. Общественные и умственные течения в России 1870–1905 гг. Л.; М., 1924. С. 68.

²⁹ См.: Евгеньев-Максимов В. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX в. М.; Л., 1927; Козьмин Б. П. «От девятнадцатого февраля» к «первому марта». М., 1933; Бельчиков Н. Ф. Народничество в литературе и критике. М., 1934.

³⁰ Теодорович И. Домарксистский период революционного движения в России в оценках В. И. Ленина // Каторга и ссылка. 1934. № 1 (110). С. 46, 47, 52.

³¹ См.: Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX вв. Л., 1948; Шестаков М. Г. Разгром В. И. Лениным идеалистической социологии народничества. М., 1951; Кадышева И. А. Борьба В. И. Ленина за идейное наследство русских революционных демократов против либерального народничества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1954.

³² Антонов В. Ф. Революционное народничество: Пособие для учителя. М., 1965. С. 5.

³³ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2; История философии в СССР: В 5 т. М., 1968. Т. 3; Очерки истории русской этической мысли. М., 1976; Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978.

³⁴ *Каратаев Н. К.* Формирование экономических идей народничества. Народники 70-х гг. // История русской экономической мысли. М., 1960. Т. 2. Ч. 2. С. 397–399.

³⁵ *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. Избр. тр. М., 1961. С. 725, 726.

³⁶ *Сулова Ф. М.* Эволюция крестьянского социализма (80-е – первая половина 90-х гг. XIX в.): Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1971; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. М., 1972.

³⁷ См.: *Седов М. Г.* К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России: Сб. ст. М., 1965; *Макаров В. П.* Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов, 1972.

³⁸ *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., 1979.

³⁹ См.: *Левин Ш. М.* Введение // История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 9. Ч. 1. С. 61; *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 303–310; *Михайлова С. Б.* Н. Н. Златовратский в литературно-общественном движении 70-80-х годов XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 164–165.

⁴⁰ *Зенкова К. В.* Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск, 1967. Т. 18. С. 57–58.

⁴¹ См.: *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы /Юзова/: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 6.

⁴² Подробнее см.: *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10.

⁴³ *Харламов В. И.* Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1980. № 4. С. 43.

⁴⁴ *Канаева Т. М.* Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 14, 15.

⁴⁵ *Фирсов В. М.* Социальная философия либерального народничества (Воронцов В. П., Даниельсон Н. Ф., Каблиц И. И., Южаков С. Н.): Дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. С. 96, 176.

⁴⁶ *Дворкин В. З.* Концепции интеллигенции в русской общественной мысли конца XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1984. С. 5. *Он же.* Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России: Межвуз. сб. Л., 1989. С. 145.

⁴⁷ Некоторые исследователи считают, что обновление народнического движения началось еще в 1887 г., с изданием журнала «Самоуправление». См.: *Billington J. Mikhailovsky and Russian Populism*. Oxford, 1958. P. 153.

⁴⁸ *Васильева Т. А.* Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 165–168.

⁴⁹ См.: *Алексеева Г. Д.* Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция). М., 1990. С. 93; *Зверев В. В.* В поисках социалистической перспективы // Наше отечество (Опыт политической истории). М., 1991. Т. 1. С. 196–199.

⁵⁰ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 10–53, 82–85.

⁵¹ См.: *Колеров М.* Народническое наследие и русский марксизм: 1890-е годы // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты: Сб. ст. М., 1990. С. 64–65.

⁵² *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 88–89.

⁵³ *Медушевский А. М.* История русской социологии. М., 1993. С. 95–97.

⁵⁴ *Березовая Л. Г.* Самосознание русской интеллигенции начала XX в.: Дис. ... докт. ист. наук. М., 1994. С. 51.

⁵⁵ *Герасимов И.* Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 67.

⁵⁶ *Элбакян Е. С.* Религиозная идея в сознании народников // Кентавр. 1995. № 3. С. 135, 138, 150. Интересно, что, характеризуя основные положения народничества, автор взяла за основу их определение В.П. Воронцовым, правда, без сноски на первоисточник. Там же. С. 138.

⁵⁷ *Блохин В. В.* Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001. С. 11, 69, 105, 109.

⁵⁸ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 7, 258–259.

⁵⁹ *Балуев Б. П. Н. К. Михайловский и легальный марксизм (К 150-летию со дня рождения)* // Отечественная история. 1992. № 6. С. 16, 29–30.

⁶⁰ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 196.

⁶¹ *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 22, 24.

⁶² Там же. С. 363–365.

⁶³ *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 182–183.

⁶⁴ См.: *Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел»* // Отечественная история. 1997. № 4. С. 80–85; *Зверев В. В.* Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 86–94. См. также: *Мокшин Г. Н. С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847–1906)*. Воронеж, 1998. С. 99–106.

⁶⁵ Жвания Д. Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 279–287.

⁶⁶ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 7.

⁶⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 289, 291, 320–321.

⁶⁸ Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. М., 1997. С. 254.

⁶⁹ Гордеева И. А. «Забытые люди». М., 2003. С. 7, 9, 148, 230–232.

⁷⁰ Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 22.

⁷¹ Сажин Б. Б. Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 13–15, 20.

⁷² Блохин В. В. Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 30–32, 37–38.

⁷³ Пантин И. К. А. И. Герцен: начало либерального социализма // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 124, 126; Селезнев Ф. А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 32.

⁷⁴ Billington J. Op. cit.; Mendel A. Dilemmas of progress in Tsarist Russia. Legal Marxism and Legal Populism. Massachusetts, 1961; Wortman R. The Crisis of Russian Populism. Cambridge, 1967; Müller O. Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt, 1971; Walicki A. The Controversy over Capitalism. Notre Dame, 1989; Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Масарик Т. Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2004. Т. 2; Цвайнерт Й. История экономической мысли в России: 1805–1905. М., 2008.

⁷⁵ В данной работе на основе изучения механизма разрешения внутренних противоречий делается вывод о спиралевидном типе развития легально-народнической мысли.

⁷⁶ Содержание социокультурного подхода и возможность его применения к изучению идейной эволюции правого народничества подробно рассматривается во втором параграфе первой главы.

⁷⁷ Библиографию основных трудов легальных народников, мемуаров и собраний писем см.: Мокшин Г. Н. Русское легальное народничество 60–90-х гг. XIX в. Очерки истории и историографии. Воронеж, 2005. С. 140–154.

Г л а в а п е р в а я

НАРОДНИЧЕСКИЙ РЕФОРМИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Что означает понятие «легальное народничество»? Из каких элементов сложилась идеология народнического реформизма? Отражает ли современная типология течений и периодизация истории легально-народнической мысли общее направление ее развития? Только ответив на эти вопросы, мы сможем найти решение проблемы идейной эволюции легального или реформистского народничества.

1.1. Легальное народничество: этимология и содержание понятия; основы идеологии; типология течений

«Легальное народничество» – не самоназвание. Большинство сторонников эволюционного пути к крестьянскому социализму считали себя демократами, но не народниками. Дело в том, что в легальной печати 1880-х – начала 1890-х гг. народничество ассоциировалось с крайним его представителем – И. И. Каблицем. В своем главном труде «Основы народничества» (СПб., 1882; 1888–1893) он доказывал необходимость смотреть на ближайшие задачи русской жизни «глазами мужика». Поэтому не согласные с этим принципом Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко и даже Я. В. Абрамов, пришедший в газету «Неделя» на смену Каблицу, не называли себя народниками. Лишь в начале 1890-х гг., когда популярность идей Каблицы сошла на нет, вторую жизнь слову «народник» попытался дать Воронцов в своих «Попытках обоснования народничества» («Русское богатство» 1892–1893 гг.). Но все попытки объединить легальных народников вокруг задачи «умственного подъема массы» завершились окончательным разрывом между народниками-культурниками и народниками-политиками. Причем Михайловский публично отказался от чести именоваться народником.

Наличие острых идейно-тактических противоречий не позволило легальным народникам выработать общую программу действий и подходящее для всех самоназвание. И если кто-то из них называл себя «народником», то с обязательным противопоставлением своей позиции так называемым «лженародникам». На самом деле, между народниками «Отечественных записок», «Русского богатства» и

«Недели» было много общего, на что еще в начале 1880-х гг. указывал редактор журнала «Мысль» Л. Е. Оболенский. Он одним из первых предложил для них общее название «народники-западники» (или «народники-либералы»), противопоставив их «народникам-славянофилам» во главе с Ф. М. Достоевским¹.

В литературе и общественном сознании восприятие правого (неревolutionонного) крыла народничества как единого общественно-политического течения относится лишь к 90-м гг. XIX в., когда его теоретики единым фронтом выступили против русских марксистов. С начала XX в. появляются первые публикации по истории общественного движения последней трети XIX в., в которых данное течение народнической мысли нередко называется «легальным» (по явной аналогии с «легальным марксизмом»)².

С советской историографии после публикации в конце 1930-х гг. «Краткого курса» истории ВКП(б) возобладал термин «либеральное народничество». Он был придуман В. И. Лениным в 1897 г. и вполне соответствовал марксистской интерпретации правого народничества как переродившегося революционного. Первые серьезные попытки пересмотреть этот подход были предприняты только в конце 1960-х – 1970-е гг. Так, К. В. Зенкова и В. Г. Хорос попытались доказать, что целесообразность «постепеновской линии» в правом народничестве отстаивали только публицисты «Недели». Представители же «Отечественных записок» и «Дела», а после их закрытия группа народников-политиков во главе с Михайловским, напротив, занимали демократические позиции. Поэтому их следовало называть не либеральными, а легальными народниками³. Кстати, новейшие исследования показывают, что тенденция к сближению народников с либералами в большей мере характерна именно для Михайловского, как сторонника «либерального социализма»⁴.

Дальнейшее осмысление понятия «легальное народничество» связано с работами В. И. Харламова. По мнению исследователя, оно могло быть использовано для обозначения всего неревolutionонного течения народнической мысли, как более широкое понятие, чем «либеральное народничество» «Недели». При этом под легальностью понимался, прежде всего, подцензурный способ изложения народниками своих взглядов⁵. Впоследствии эта достаточно поверхностная интерпретация встретила серьезные возражения со стороны Б. П. Балуева – автора одного из первых обобщающих исследований идеологии правого народничества. По его мнению, легальность или неле-

гальность не могут служить отличительным признаком данного течения, т.к. это показатель формы, а не существа направления. В легальных изданиях сотрудничали многие революционные народники, так же как либеральные народники в нелегальных⁶.

И все же в последние годы понятие «либеральное народничество», стараниями нового поколения историков во главе с В. В. Зверевым, постепенно выходит из употребления как заведомо идеологизированное. Либерализм и народничество, конкретизирует свою позицию Зверев, доктрины, полярные в своей основе. Либерализм ориентирован на индивидуализм личности, народничество на первое место ставит коллектив. Либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество – обеспечение достойных условий существования всем членам общества⁷.

Чтобы отгородиться от прежней (марксистской) исследовательской традиции, Зверев ввел в употребление термины «народники-реформаторы» и «реформаторское народничество». На реформаторство как характерную особенность правого народничества указывал еще Г. В. Плеханов. В 1880 г. он назвал всех сторонников мирного пути к социализму «социальными реформаторами» (чтобы показать их отличие от «социалистов-революционеров») ⁸.

Правые народники действительно доказывали в своих трудах необходимость и возможность преодоления общественных противоречий путем социально-экономических и политических реформ⁹. Однако их целенаправленным проведением должно было заниматься государство. Легальная народническая интеллигенция, как представительница общественности, могла лишь способствовать развитию этого процесса. Поэтому «реформаторами», т.е. лицами, которые сами осуществляют реформы (или широкие общественные преобразования), народников можно называть с определенными оговорками.

По этой причине в марксистской историографии существовал другой (на наш взгляд, более корректный) термин – «социал-реформистское народничество»¹⁰, по аналогии с «реформизмом» в европейском социал-демократическом движении. Как известно, с конца XIX в. Э. Бернштейн, Г. Фольмар, А. Мильеран отстаивали курс на реформирование, улучшение буржуазного общества с целью его постепенного «врастания» в социализм¹¹. Правда, здесь следует учесть, что народнический реформизм и бернштейнианство развива-

лись в разных социокультурных контекстах и общего у них было не больше, чем в целом между народничеством и марксизмом¹².

В последние годы термины «народники-реформисты» и «реформистское народничество» опять входят в употребление в народнико-ведческой литературе. Используются они и в настоящей работе. Однако более предпочтительным представляется общее именование правого течения в классическом русском народничестве не реформистским или эволюционным¹³, а легальным.

Слово «легалисты» ввел в употребление П. Л. Лавров еще в начале 1870-х годов, применив его к тем, кто действовал на законной почве, но опирался при этом на свои собственные силы, а не на правительство¹⁴. В 1883 г. тот же Плеханов использовал его применительно к правому народничеству («народники-легалисты» и «легальные народники»)¹⁵. Как раз к этому времени завершилось идейное и организационное оформление легального народничества, а разгром правительством «Народной воли» создал предпосылки для его преобладания в народническом движении.

Термин «легальное народничество» означает приверженность его представителей к мирным, легальным, законным (т.е. признаваемым государством, обществом и народом), средствам борьбы за народнические идеалы¹⁶. Эти средства нельзя сводить только к печати – главному, но не единственному оружию легальной оппозиции. В арсенале правых народников были также органы земского самоуправления, культурно-просветительские общества и кружки, а также возможность проводить различные мирные акции и кампании («банкеты» как разновидность общественных собраний, сбор денежных средств, подача петиций и т.п.). На необходимости именно «легальной» работы на пользу народа «честных» земцев, врачей и учителей еще в 1880 г. настаивал народнический журнал «Мысль»¹⁷.

Говоря о содержании понятия «легальное народничество», прежде всего, следует уточнить, как оно соотносится с более общим понятием «русское народничество». В современной литературе «народничество» представляется в трех ипостасях: как особый тип сознания или мышления, идеология (доктрина) и движение демократической интеллигенции России пореформенного времени. Рассмотрим эти значения термина «народничество» более подробно.

О народничестве как особом типе интеллигентского (общественного, наднационального) сознания писали уже первые его критики¹⁸. Его главные черты (нацеленность на развитие, наивный рациона-

лизм, примат общего над частным) позволяют локализовать народничество как симбиоз традиционного (религиозного) и современного (рационалистического) типа мышления. Причины возникновения народничества и все его характерные черты связаны с ускоренной модернизацией России в XVIII – начале XX вв.

Переходное состояние российского общества, а также социальные издержки его модернизации вызвали к жизни явление радикальной интеллигенции. Народничество явилось идеологией этой новой (бессловной по своему происхождению и идейной ориентации) интеллигенции, т.е. теоретически обоснованной формой выражения ее самосознания. При этом под идеологией следует понимать не только систему идей и взглядов различных субъектов социокультурной жизни, но и их идеалы, ценности и нормы поведения, а также программу социальных действий, направленную на их практическое воплощение¹⁹.

О конкретном содержании идеологии русского народничества написано немало, хотя споры о ее целевой направленности продолжаются до сих пор. Большинство исследователей считает, что народники стремились избежать перипетий капиталистической модернизации страны, чреватой разорением крестьянства – основной массы населения страны. Однако избранная ими стратегия использования в качестве модели преобразований поземельной общины и артели (как залога особого русского пути развития) признается утопичной. Проблема в том, что на поздних этапах народнического движения легальные и революционные народники отказались от попыток непосредственного введения социализма в пользу предварительной демократизации экономической, политической и культурной жизни страны. Это позволило, например, Н. А. Троицкому утверждать, что социализм был лишь внешним облачением народничества, его цитоплазмой, а его истинная суть – демократизм²⁰.

Место народников-реформистов и их доктрины общественных преобразований в истории народнического движения лучше всего отражает его современная периодизация. Она включает три этапа:

- конец 1840-х – начало 1860-х гг. – разработка основоположниками народничества А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским исходных положений народнической доктрины (учения об общинном или русском социализме);

- вторая половина 1860-х – середина 1890-х гг. – движение революционного и легального народничества, обычно рассматриваемые

как два параллельных потока; причем с самого начала преобладало революционное народничество и только после его разгрома (в начале 80-х гг.) – легальное;

- конец XIX – начало XX в. – эпоха неонародничества²¹.

Из данной периодизации следует, что легальное народничество – это самостоятельное течение народнической мысли. Его идеология и движение вызревали и развивались под влиянием общих для всех народников целевых установок, приемов мышления и действия (которые нельзя было изменить и при этом остаться народниками). В то же время народники-реформисты пытались выработать свое собственное решение проблемы, над которой народническая мысль билась все 1870–1890-х гг.: возможен ли санкционированный родоначальниками народничества переход от модернизации «сверху» к модернизации «снизу» при неготовности народа и общества выступить в качестве главной движущей силы этих преобразований. Ответ теоретиков легального народничества был отрицательным. И Михайловский, и Воронцов, и Кривенко отказались от идеи радикального изменения существующего общественного строя до создания для этого соответствующих предпосылок. Интересно, что этот факт признают далеко не все современные исследователи народничества. В частности, Зверев доказывает, что от идейного наследства 1840–1860-х гг. отступили только народники-культурники, а сторонники политического реформирования страны продолжали ориентироваться на социалистический идеал²².

Отдельную проблему в определении легального народничества представляет его персонификация. Речь, конечно же, идет не о его общепризнанных представителях, таких как Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, И. И. Каблиц, С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловский, П. П. Червинский, А. И. Чупров, С. Н. Южаков. Разногласия у исследователей вызывает причисление к этому лагерю демократов-просветителей (Г. З. Елисеев, В. В. Берви-Флеровский, Г. И. Успенский, Н. В. Шелгунов, А. Н. Энгельгардт) и неонародников начала XX в. (Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов). На наш взгляд, все указанные в этом далеко не полном перечне общественные деятели могут считаться легальными народниками, но только применительно к периоду с 1868 по 1905 гг. Сужение легального народничества до представителей «первого ряда» не только уменьшает влияния его идей на современников, но и искажает картину генезиса его идеологии (участие в этом процессе «шестидесятни-

ков»). С другой стороны, неоправданно включение в это течение народных социалистов, т.к. в 1906 г. они образовали самостоятельную политическую партию.

С персональным составом легального народничества тесно связан вопрос о народниках-реформистах 1-го и 2-го призыва (1870–1880-х и 1890-х гг.), поставленный Балуевым²³. По нашему мнению, всю народническую интеллигенцию можно разделить на три поколения: 1840–1860-х гг., к которому принадлежали основоположники народничества и его «пионеры» 1860-х гг.; поколение 1870–1880-х гг. (теоретики и практики действенного народничества)²⁴ и поколение 1890-х – 1900-х гг. – неонародники. Всех главных представителей легального народничества следует отнести к одному поколению, рожденному в 40–50-е гг. XIX в. Как точно подметил А. И. Богданович, к концу 1890-х гг. эти народники успели превратиться в «стариков», которые, не имея молодых наследников, никли один за другим, унося с собой свои заветы²⁵.

Итак, термин «легальное народничество» был введен в употребление Плехановым в самом начале 1880-х гг., чтобы показать различия в средствах и методах деятельности между социалистами-революционерами и социальными реформаторами. О необходимости «легальной» работы тогда же писали и сами народники. При этом под мирной деятельностью на пользу народа подразумевалась не только пропаганда народнических идей в легальной печати, но и практическая деятельность культурно-просветительского и политического характера.

Для того чтобы лучше понять, что представляет собой идеология правого народничества, попытаемся определить ее основные функции.

В исторической литературе под идеологией русского народничества обычно понимается теоретически обоснованная система взглядов, идей и программ радикально-демократической интеллигенции. О других важных составляющих ее идеологии (социокультурные ценности данной социальной группы, ее специфические приемы мышления, особенности самоидентификации) исследователи народнической мысли практически не упоминают. В итоге типично интеллигентский (религиозно-нравственный по своей сути²⁶) характер идеологии действенного народничества отходит на второй план, что, безусловно, препятствует его адекватному восприятию.

В современных словарях часто подчеркивается научный характер народнической доктрины (разумеется, для того времени)²⁷. В дейст-

вительности народническая программа общественных преобразований опиралась не только на теоретически обоснованные положения (об особенностях развития капитализма в России, специфической природе самодержавия, моральном характере крестьянской экономики и т.д.). Теоретики народничества породили и целый ряд мифов, например, о социалистических инстинктах мужика или о мессианской роли русской интеллигенции. Уже современники народников отмечали антиисторизм, утилитаризм, идеализм и субъективизм как отличительные особенности их идейных построений. Поэтому, еще раз повторим, что общественная идеология, прежде всего, есть форма социально-обусловленного группового самосознания, со всеми его заблуждениями и предрассудками.

Главное назначение любой общественной идеологии – выработка типов мышления, поведения и программ социального действия, соответствующих интересам определенной социальной группы (в данном случае легальной демократической интеллигенции). Правда, связь между идеологией и самосознанием ее непосредственных творцов и носителей чаще всего не бывает явной и прямой. Вырастая из определенной социальной группы, идеология народничества обращалась ко всему обществу, убеждая его через своих теоретиков и пропагандистов в том, что она выражает общенародные интересы. На самом деле, идеологи народничества интерпретировали интересы народа с точки зрения достаточно узкой группы народнической интеллигенции.

Социальную базу легального народничества изначально составляли профессиональные писатели, ученые и общественные деятели, как правило, дворянского происхождения. Из этой среды вышли почти все его главные теоретики и популяризаторы (Михайловский, Воронцов, Каблиц, Кривенко, Оболенский, Червинский, Южаков и т.д.). Большинство из них училось в высшей школе на врачей, юристов, технологов, и прочих специалистов, которые, по их представлениям, могли быть полезны народу. Правда, из-за увлечения общественной деятельностью, до диплома дотянули единицы. Возможно, поэтому культуру мышления «кающегося дворянства» отличали излишний догматизм и вера в существование абстрактных истин, не подтвержденных опытным путем.

В 80-е гг. XIX в. лагерь легального народничества пополнили разночинцы. В условиях правительственной реакции многие участники революционно-народнического движения перешли к легаль-

ным формам работы, став в ряды трудовой провинциальной интеллигенции²⁸. Поскольку легальное народничество ориентировалось преимущественно на земскую интеллигенцию (учителя, врачи, агрономы, статистики), то можно сказать, что оно представляло зрелую часть образованного общества. В 1880-е гг., имея за плечами определенный жизненный опыт, интеллигенция предъявляла к своим «умственным вождям» более высокие требования, нежели радикальная студенческая молодежь предшествующего десятилетия. Вот почему пересматривать «устаревшие» положения народнической доктрины (пришедшие в противоречия с новыми общественными условиями, в которых оказалась демократическая интеллигенция) пришлось как раз теоретикам легального народничества.

Функциональное назначение идеологии народников-реформистов (как и любой другой) было многообразное. Самая главная ее функция – целеполагающая: постановка перед демократической интеллигенцией целей, задач и программ, направленных на постепенное изменение существующего в России общественного строя в духе народнического учения о демократии и социализме. Этой же цели служили теории социального прогресса, «мертворожденности» капитализма, «народного производства», «малых дел» и т.п., разработанные непосредственно теоретиками легального народничества.

Вторая функция идеологии социальной группы – ориентационная. Она заключалась в создании общей картины или модели мира (как некой вымышленной и в то же время коллективно признаваемой реальности), сквозь призму которой народническая интеллигенция определяла свое место в истории и свои особые групповые интересы. Для большинства легальных народников эти интересы ограничивались сферой их убеждений, так как, будучи идеалистами, они действовали по сугубо идеологическим соображениям.

Третья функция – идентификационная. Она отражала очень важную для маргинальной интеллигенции потребность найти свое место в жизни и осуществлялась посредством ее самоидентификации через народ. (Все народники видели смысл существования интеллигенции в качестве отдельной силы в необходимости защиты интересов народа, естественно, рассчитывая на поддержку с его стороны). Без этой, хотя бы и мнимой опоры, интеллигенция никогда не смогла бы почувствовать себя самостоятельным субъектом исторического действия.

Далее следует мобилизационная функция идеологии: сплочение и активизация, в данном случае, сторонников эволюционного пути к

социализму для решения определенных задач (от публичной критики правительства в периодических изданиях до организации нового «хождения в народ»). Без этого невозможно было существование общественно-политического движения, каковым являлось легальное народничество.

Еще одна важная функция народнической идеологии – защитная. Для народников-реформистов это необходимость эффективного противодействия другим (родственным или враждебным) идеологиям.

Все общественные программы народников-реформистов в конечном итоге были направлены на решение важнейших общенациональных задач (преодоление вековой отсталости России, устранение противоречий «царской» модернизации, улучшение положения народа). Иначе легальные народники никогда не получили бы широкой общественной поддержки. Поэтому мы можем добавить к упомянутым выше функциям народнической идеологии еще и функцию интеграции российского общества (преодоление многовекового раскола между народом, передовым обществом и властью).

Итак, перечисляя функции идеологии легального народничества, мы могли еще раз убедиться в том, что ее возникновение было обусловлено не только потребностью в модернизации российского общества. Это была общая задача передовой интеллигенции. Однако, по ходу разработки своих доктрин общественных преобразований, каждая интеллигентская фракция решала и много других задач, более конкретных и практически достижимых. Забегая вперед, можно сказать, что самой важной такой задачей была консолидация сторонников тех или иных программ в самостоятельные общественные группы. Без ее решения (при помощи создания своей идеологии) легальное народничество попросту не имело бы своей идейной истории, которую мы сейчас пытаемся реконструировать.

Рассмотрим теоретические основы идеологии легально-народнической интеллигенции. Ее ядро, по общему мнению исследователей, составляет учение А. И. Герцена о русском социализме, как теоретической санкции особого (некапиталистическом) пути развития России. Поскольку содержание этого учения достаточно подробно описано в литературе, мы только обозначим его исходные положения и наиболее важные «прибавки», сделанные идеологами легального народничества.

Что такое социализм для народников? Это «царство высшей культуры», вершина в развитии человечества. Это такой обществен-

ный строй, при котором не будет частной собственности, эксплуатации человека человеком, социального неравенства и нищеты. То есть в середине XIX в. идеальное устройство общества мыслилось русской интеллигенцией как прямая противоположность европейскому капитализму эпохи первоначального накопления, со всеми ее катаклизмами, так талантливо описанными К. Марксом. Однако в отличие от капитализма, развивающегося по естественным экономическим законам, социализм являлся умозрительной схемой, созданной человеческим разумом, возмнившим себя творцом истории²⁹.

Тезис о необходимости и возможности вмешательства людей в ход исторического процесса стал основополагающим и для легальных народников. Его обоснованию служил целый ряд социологических и экономических теорий, среди которых выделяются теория типов и степеней развития (Михайловского), антикапиталистическая теория Воронцова и Даниельсона и, конечно же, знаменитое народническое учение о роли субъективного фактора в истории. Заметный вклад в его развитие внесли Михайловский и Южаков. Кроме того, с конца 1870-х гг. в народнической социологии складывается психологический подход к пониманию закономерностей общественной эволюции, главными представителями которого были Каблиц и Воронцов³⁰.

Залогом жизнеспособности своего учения о социализме основоположники народничества считали его укорененность в сознании и быту русского общинного крестьянства. Однако уже в 70-е гг. XIX в. вера интеллигенции в социалистические инстинкты мужика была поставлена под сомнение полной неудачей социалистической пропаганды в деревне. Ответом легальных народников на разочарование интеллигенции в народе стала концепция развития народных форм производства (общины, артели, кустарных промыслов), как альтернативы капиталистическим формам хозяйствования.

Наиболее уязвимым местом народнического учения о возможности сокращенного пути к социализму оказался тезис о народе как движущей силе этого процесса. Практика народнического движения 1860–1870-х гг. свидетельствовала, что если мужик и станет «человеком будущего», то только при помощи новой (общественной) интеллигенции. Народническая идеология явилась первой теоретически обоснованной формой выражения самосознания этой интеллигенции. Над разработкой проблем ее происхождения, положения в обществе и практических задачах работали все теоретики легального народничества. Итогом их совместных усилий стало ори-

гинальное учение об особой исторической миссии демократической интеллигенции.

Идеология правого народничества конкретизировалась в доктрине общественных преобразований страны. Как и любую общественно-политическую доктрину ее можно охарактеризовать по трем ключевым параметрам. Это ее идейно-целевая направленность, стратегия достижения целей и движущие силы общественного переустройства.

Легальные народники ориентировались в своей деятельности на идеалы народнической демократии и социализма. Как и их предшественники, высшей ценностью они считали служение благу народа, под которым понимались все трудящиеся классы общества, не эксплуатирующие чужой труд (крестьянство, работники, трудовая интеллигенция)³¹. Однако во главу угла общественного прогресса народники-реформисты ставили не интересы коллектива (народа, общества), а личность, ее свободу и возможность всестороннего развития. По их убеждению, путь к подлинной демократии и социализму лежал не через насилие коллектива над личностью, а через ее всестороннее умственное и нравственное развитие. Дело в том, что высшей ступенью совершенства человека народники считали альтруизма и чувство солидарности. При ее достижении каждый человек сам (т.е. добровольно) увидит в беззаветной преданности обществу не последнюю, а первую необходимость. Только начинать такое воспитание надо было с детства, приучая молодое поколение к совместному физическому труду³².

Отказ от признания насилия (борьбы классов) в качестве главной движущей силы социального прогресса, заставил теоретиков легального народничества разработать собственную стратегию построения социалистического общества. Ее главная идея: у России нет прямого³³ пути к идеальному общественному устройству, который можно было бы преодолеть одним рывком в течение нескольких лет. Ни народ, ни общество, ни тем более власть не были готовы к подобным переменам. Поэтому путь к русскому социализму лежал через демократию, создание гражданского (бессловного) общества и правового государства.

Окончательные свои очертания легально-народническая стратегия общественных преобразований приобрела в трудах Воронцова и Кривенко в первой половине 1890-х гг. Но ее формирование, как мы попытаемся доказать во второй главе, началось гораздо раньше, примерно с конца 1860-х гг.

Базовый принцип данной стратегии можно определить как постепенное и в то же время непрерывно-поступательное развитие общества. Его социологическим обоснованием стала теория эволюционизма, впервые четко сформулированная в трудах Л. Е. Оболенского в начале 1880-х гг. Опираясь на Г. Спенсера, Оболенский доказывал необходимость органического роста и развития общества, для которого вредна всякая насильственная ломка, будет ли это скачок вперед или скачок назад. Для этого «динамическое» развитие общества по пути прогресса должно было опираться на прочную «статическую почву», создаваемую каждодневным, будничным трудом всего общества³⁴. Правда, некоторые легальные народники все же допускали «скачки постепенности» в виде мирного перерастания количественных изменений в качественные, например, «малых дел» в «большие дела»³⁵.

Социально-экономическим обоснованием эволюционного пути развития общества явилась известная народническая теория об отсутствии в России предпосылок для капиталистического развития. В соответствии с этой теорией у радикальной интеллигенции больше не было необходимости бить в набат и собирать силы для борьбы с «огнем экономического прогресса», как это делал П. Н. Ткачев в середине 1870-х. Не случайно в следующем десятилетии в народнической публицистике споры о судьбе капитализма уступили место вопросу о практических мерах для поднятия «народного производства».

Политическим обоснованием новой стратегии общественных преобразований стала теория надклассового характера самодержавия, которое стремилось балансировать между интересами различных сословий во имя сохранения целостности государства и безопасности всего общества. Легальные народники естественно надеялись склонить власть к защите интересов народа (как они их понимали), т.е. попытаться убедить ее в пагубности развития для крестьянства капитализма. Поддержка власти была необходима народникам не только для усиления своих позиций. В пореформенной России власть являлась единственной силой, которая могла осуществить назревшие в стране демократические преобразования мирным путем.

И все же главным доводом в пользу развития страны по пути мирного прогресса служило реальное соотношение сил сторонников и противников коренных общественных преобразований. Отсутствие у демократической интеллигенции возможностей для силового воздействия на власть неизбежно направляло ее взоры в сторону посте-

пенного «усиления» общества путем развития его самосознания и самодеятельности. Но как только с началом царствования Николая II наметился новый общественный подъем, новое поколение народников вновь обратило свои взоры к идее революции.

Вопрос о движущих силах общественных преобразований стал важной составной частью общественно-политической доктрины легальных народников³⁶. Подход к его решению основывался на идее взаимодействия между представителями власти и общества, заинтересованными в мирном разрешении проблемы демократизации страны. Роль инициатора и посредника в организации такого взаимодействия отводилась передовой интеллигенции. В то же время решающим фактором трансформации общественных отношений легальные народники 1880–1890-х гг. по-прежнему считали рост политической культуры и самодеятельности основного населения страны (споры касались места и значения в развитии этого процесса радикальной политической реформы). Без превращения народа в активную и сознательную силу, субъекта истории ни о какой демократии и гражданском обществе в России не могло быть и речи³⁷.

Ближайшей своей задачей большинство легальных народников видело общий подъем благосостояния и культуры народа, как важнейшего условия для радикальных преобразований экономического и политического строя страны. Это была их программа минимум, рассчитанная не на один десяток лет и требующая согласованных действий всего общества и, прежде всего, самих народников-реформистов. Однако выработать общий подход к практической реализации этой программы им так и не удалось. Тактические разногласия между правым и левым крылом легального народничества оказались непреодолимыми, что и привело его сначала к общему идейному кризису, а потом и к распаду движения.

Наличие в легальном народничестве острых идейно-тактических разногласий, оказавших влияние на весь ход развития народнической мысли, заставляет нас обратить самое пристальное внимание на их характер и причины. Решению этой задачи служит типология течений легального народничества.

Большинство современных исследователей придерживается биполярной типологии легального народничества, которая выделяет в нем правое и левое крыло (без всяких промежуточных звеньев).

Правые народники, во главе которых стоял И. И. Каблиц, придерживались принципа: все для народа и только через народ. По их

убеждению, настоящие демократы должны были сосредоточить свои усилия на решении социальных вопросов русской жизни. Эта народническая фракция, группировавшаяся вокруг газеты «Неделя» и журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского, надеялась поднять умственный и нравственный уровень простого народа при помощи «малых дел» и развития местного самоуправления³⁸.

Левое крыло было представлено сторонниками политической демократизации страны. Его неизменный лидер Н. К. Михайловский всю свою жизнь был убежденным противником самодержавия. В 1870-е гг. он прошел быструю эволюцию от аполитизма к признанию первоочередного значения для дальнейших преобразований страны предоставления обществу широких политических свобод. Народники-политики, в основном сотрудничавшие в журнале «Отечественные записки», а после его закрытия – в «Северном вестнике», довольно скептически относились к народу как творцу новых социальных отношений. Руководящую роль в общественном развитии России они отводили русской интеллигенции, как самой передовой умственной силе страны, «мозге нации» и «совести народа»³⁹. Поэтому их формулу действий можно определить так: все для народа, но посредством интеллигенции.

Ясно, что речь идет о двух противоположных вариантах демократических преобразований России. Одни народники ставили на первое место социальные реформы, другие политические. Соответственно этому делению решался и вопрос о роли в истории народа и интеллигенции.

Разделение народников-реформистов на более умеренных и более радикальных его представителей имеет давнюю традицию. Прежде всего, так делали сами народники и их идейные противники, начиная с А. Н. Пыпина. Только названия для народнических фракций придумывались разные: «народники-славянофилы» и «народники-западники», «мистики» и «практики», «консерваторы» и «прогрессисты», «чистое народничество» и «критическое». В марксистской историографии закрепилось деление идеологов легального народничества на «культурников» (сторонников «культурной работы» в массах) и «политиков», которое сохранилось до наших дней. Но суть дела от этого не менялась. История легального народничества представлялась как противоборство его правого и левого флангов. При этом справа всегда оказывались П. П. Червинский, И. И. Каблиц, В. П. Воронцов, В. С. Пругавин, Я. В. Абрамов, С. Н. Кривенко, а

слева Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский, С. Н. Южаков, В. Г. Короленко, В. В. Лесевич⁴⁰.

Причины, по которым историки до сих пор выделяют в легальном народничестве именно два полюса притяжения достаточно серьезные. Строго говоря, существует два основных подхода к преобразованию общества: социальный и политический. Сторонники первого из них делают ставку на демократизм, аполитизм, необходимость активности и самодеятельности масс, вторые – на элитаризм, политизм, активную роль личности (образованного меньшинства). Возможны и промежуточные концепции, например, социально-политические или политико-социальные. Однако все стремления объединить социальные и политические аспекты революций (реформ) заранее обречены на провал, т.к. противоречия между ними неразрешимы в принципе и они могут образовывать лишь метафизическое единство⁴¹.

Еще одна важная причина сохранения биполярной типологии правого народничества состоит в том, что в исторической литературе изучены взгляды только главных его идеологов (Михайловского, Каблица, Воронцова, Даниельсона, Кривенко, Абрамова и Червинского), и то далеко не в полном объеме. Практически отсутствуют специальные исследования политических биографий и общественных воззрений таких видных теоретиков легального народничества, как Л. Е. Оболенский, А. С. и В. С. Пругавины, С. Н. Южаков, М. А. Протопопов, зафиксировавших и отобразивших в своем творчестве процесс самоопределения народнической интеллигенции. Все это позволяет предположить, что представления историков о многообразии идейно-тактических направлений этой ветви народничества будут расширяться вместе с заполнением указанного пробела.

Для доказательства приведем диссертацию С. Н. Касторнова. Одна из ее задач заключалась в характеристике течений, существовавших в правом народничестве, с учетом взглядов целого ряда деятелей «второго плана»: В. В. Бирюковича, А. А. Головачева, Л. С. Личкова, Е. Д. Максимова и др. Столкнувшись с большим количеством имен, Касторнов был вынужден доработать общепринятую классификацию легального народничества, предложив существование внутри «левореформистского народничества» умеренных и радикальных народников. К представителям умеренного крыла леворадикального народничества, не отрицавших относительную пользу «малых дел», по мнению исследователя, следовало отнести

С. Н. Южакова, Н. А. Карышева, Н. Ф. Даниельсона и Н. А. Каблукова; к главным радикалам – Н. Ф. Анненского, В. Г. Короленко, А. В. Пешехонова и В. А. Мякотина. К последним примыкали и ряд других публицистов «Русского богатства». Это С. П. Мельгунов, В. В. Водовозов, М. А. Плотник, А. Б. Петрищев, В. А. Розенберг⁴². В данной классификации примечателен факт выделения внутри легального народничества промежуточной группы умеренных народников, близких как к левым, так и к правым. Однако в своей основе это все та же биполярная типология.

Принципиальным недостатком рассмотренных классификаций является то, что все они изначально акцентирует внимание исследователей на внутренних разногласиях между идеологами «малых дел» и сторонниками политических реформ, оставляя в тени то, что их сближало. Это в свою очередь вынуждает народниковедов судить о легальном народничестве по его крайним представителям – Каблицу-Юзову и Михайловскому. А идеологи, стремившиеся преодолеть крайности «чистокровных» народников и их антиподов, образно говоря, смешать черные и белые цвета, остаются в тени, как нечто серое и неоригинальное. Их взгляды, как правило, оцениваются по статьям Михайловского, возведенного историками в ранг «апостола истины и справедливости». Хотя на самом деле отстаиваемый им механизм общественных преобразований страны не менее уязвим для критики, чем тот, что предлагали другие теоретики народнического реформизма.

В данной работе мы хотим поставить вопрос о существовании в легальном народничестве не только правого и левого флангов, но и центра в лице Воронцова и Кривенко.

Формирование тактической линии народников-центристов начинается на рубеже 1870–1880-х гг. В это время Кривенко организует первый артельный народнический журнал «Русское богатство», в котором «политики» объединились с «деревенщиками». Самая же значительная веха в истории среднего течения народнической мысли⁴³ относится уже к первой половине 1890-х гг., когда Воронцова и Кривенко попытались реформировать легальное народничество на началах теории «органической культурной работы». Однако примирить сторонников «малых дел» и политических радикалов во втором «Русском богатстве» им уже не удалось, главным образом из-за резкого противодействия Михайловского.

В дореволюционной литературе центристское течение в легальном народничестве получило название «практического» или «созидательного» народничества, что отражало его стремление к созданию материальных и духовных предпосылок для будущего культурно-исторического подъема страны⁴⁴. Современные историки также находят, что Воронцов и Кривенко понимали культурно-просветительскую миссию русской интеллигенции гораздо шире, чем публицисты «Недели»⁴⁵. И все же в исторической литературе по-прежнему господствует концепция, согласно которой идейная позиция этих бывших сотрудников «Отечественных записок» эволюционировала слева направо, пока на рубеже 1880–1890-х гг. они окончательно не встали в ряды правого крыла легального народничества. Данному подходу во многом способствует полное отождествление исследователями «культурничества» с теорией «малых дел», что явно не соответствует действительности. (Одним из первых на это обратил внимание В. И. Харламов⁴⁶).

Есть и еще одна чисто методологическая проблема, которая препятствует объективному изучению расстановки сил в легально-народническом лагере. Это убеждение большинства исследователей в существовании только одной истины и соответственно только одного «правильного» решения того или иного общественного вопроса или исторической задачи. Отсюда ориентация исторических исследований на поиск теоретиков, сумевших приблизиться к единственно правильной постановке проблемы. В легально-народническом лагере на роль такого «апостола истины» традиционно предлагается Михайловский как «истинный демократ», который якобы никогда не смыкался ни с «оппортунистами-культурниками» (идеологами «либерального» народничества), ни с крайними фракциями революционных народников⁴⁷.

На наш взгляд, деление народников-реформистов на «правых» и «неправых» разрушает диалектику развития народнического дискурса⁴⁸. В лучшем случае исследователи видят в нем «тезис» и «антитезис», которые время от времени меняются местами, создавая замкнутый цикл развития легально-народнической мысли, движение ее по кругу⁴⁹. А как же «синтез», который собственно и обеспечивает «рывок» вперед? Наличие в легальном народничестве среднего течения как раз и есть отражение устойчивой тенденции к примирению его крайних позиций, к их синтезу и рождению новых идей и подходов.

Новая (трехполярная) типология легального народничества позволяет:

во-первых, по-новому взглянуть на ход его истории, который можно интерпретировать как результат взаимодействия двух противоположных тенденций: центробежной, т.е. ведущей к распаду народничества и центростремительной, пытающейся помешать развитию этого процесса;

во-вторых, констатировать наличие в народническом дискурсе двух способов разрешения противоречий (первый из них – абсолютизация одной из крайностей, второй путь – их взаимопроникновение и синтез нового знания);

в-третьих, поставить вопрос о необходимости разработки диалектической модели эволюции легально-народнической мысли; на наш взгляд, ее развитие шло от дифференциации идейных течений (ведущая тенденция 1870-х гг.) к попыткам их интеграции (определяющая тенденция второй половины 1880-х – середины 1890-х).

До сих пор многие историки объясняют эволюцию легального народничества причинами преимущественно внешнего характера (развитие капитализма, расслоение крестьянства, изменения во внутренней политике правительства и т.п.). Разумеется, их нельзя сбрасывать со счетов. Однако не стоит забывать и о другом. Анализ новейшей литературы о радикальной русской интеллигенции убеждает в том, что двигательной пружиной ее истории (от «рождения» и до «смерти») стало развитие ее собственной мысли, влияние на которое реальной политической и социальной обстановки носило опосредованный характер. Вероятно, и в кризисе легального народничества середины 1890-х гг. основную роль сыграли тактические разногласия между сторонниками и противниками идеи практического сближения интеллигенции с народом (т.е. нового «хождения в народ», но уже без веры в быстрое политическое перевоспитание крестьянства).

Поэтому, только изучив все основные подходы к решению стоявших перед народнической мыслью проблем, можно будет составить общую картину развития идеологии легальной демократической интеллигенции в эпоху форсированной модернизации России. И первым шагом к этому должно стать признание всех идеологов правого народничества в качестве равноправных участников полемики о путях и методах общественных преобразований.

1.2. Развитие самосознания демократической интеллигенции и идейная эволюция легального народничества

В данном параграфе мы попытаемся разработать модель исследования идейной эволюции легального народничества. Для этого необходимо, во-первых, определить, в чем состоит проблематика данной темы, во-вторых, обосновать авторский подход к ее изучению. На этой основе мы сможем установить алгоритм решения проблемы.

За точку отсчета возьмем слово «эволюция». Происходит оно от латинского *evolutio* – «развертывание». В Россию это слово проникло из Франции в середине XVIII в. В широком смысле «эволюция» означает «развитие» – процесс постепенного изменения, последовательного перехода от одного состояния к другому, более развитому⁵⁰. То есть «эволюция» предполагает наличие направленных изменений, сдвигов, стадий развития. Неслучайно, применительно к социальным явлениям этот термин часто используют как синоним слова «история» (в смысле исторической реальности в ее развитии, движении).

У правого (нереволюционного) крыла русского народничества, несомненно, была своя, по справедливому замечанию Б. П. Козьмина, богатая и поучительная история, насчитывавшая около полувека⁵¹. Следовательно, имел место и процесс идейной эволюции легального народничества.

Основным средством построения модели исторического процесса, как известно, является его периодизация. Обычно под этим термином понимают деление процессов развития на основные качественно отличающиеся друг от друга периоды. Научная периодизация строится в соответствии с объективными закономерностями развития природы и общества.

Мы уже познакомились с общей периодизацией истории русского народничества. Легальному народничеству в ней отводятся 80–90-е гг. XIX в. – время, когда оно доминировало над революционным. До начала 1990-х гг. в историографии преобладала так называемая «пороговая»⁵² концепция возникновения легально-народнической мысли, т.е. ее самостоятельная история отсчитывалась со времени кризиса идеологии революционного народничества (как его непосредственный результат). Например, Б. П. Балугев еще в 1990 г. писал, что «либеральное народничество» – это второй этап в развитии народнической идеологии⁵³. Однако в последние годы возобно-

дала точка зрения, что революционное и легальное народничество зародились в 60-е гг. XIX в. и в дальнейшем развивались параллельно друг другу.

Периодизация этой так сказать «полной» версии истории легального народничества, как правило, включает четыре этапа⁵⁴:

- конец 50-х – 60-е гг. XIX в. – возникновение правового народничества;

- конец 1860-х – начало 1880-х гг. – формирование легально-народнической идеологии, ее социолого-экономических основ;

- 1880-е гг. – преобладание реформистской тенденции в народничестве, расширение влияния легально-народнической мысли на русскую интеллигенцию;

- 1890-е гг. – начало 1900-х гг. – кризис идеологии и движения легального народничества и его распад⁵⁵.

Ясно, что за основу периодизации здесь взята внутренняя логика эволюции идеологии и практики легального народничества. Каждое общественное явление, раз оно возникло, должно пройти через стадии становления, развития и упадка (конечно, речь идет о явлениях, которые достигли стадии зрелости). Однако выделение этапов эволюции – это только создание каркаса периодизации. Основные проблемы начинаются, когда историки пытаются определить их содержание. И вопрос номер один здесь – фиксация точек роста и развития⁵⁶, отделяющих один этап от другого.

Сами народники-реформисты высказывались по поводу своей истории весьма неопределенно, избегая конкретных дат. Условно за ее начало принималась эпоха 1860-х гг.⁵⁷, когда вопрос о просвещении народа, как обязательном условии его выхода на историческую арену, был поставлен на практическую почву⁵⁸.

В современной литературе генезис легального народничества связывается с рубежом 1850–1860-х гг. – временем подготовки и начала проведения крестьянской реформы. Но 1860-е гг. это, как удачно выразился А. Ф. Костин, период его «эмбрионального состояния»⁵⁹. Поэтому первая точка роста – начало самостоятельного развития легально-народнической мысли. Неслучайно исследователи относят возникновение правового народничества к периоду между концом 1860-х и серединой 1870-х гг.

Если говорить о конкретной дате рождения легального народничества, то большинство историков склоняется к 1875 г., когда «хождение в народ» обнаружило огромную пропасть между интел-

лигенцией и крестьянством. Реакцией на это неожиданное открытие стал переход части народников на позиции реформизма и культурничества⁶⁰. И лишь немногие исследователи настаивают на том, что разделение народнической интеллигенции на революционеров и реформистов произошло еще в конце 1860-х гг. под влиянием общих причин, вызвавших к жизни феномен действенного народничества⁶¹. Заметим, что в последние годы к этим причинам добавились факторы идейные и этические (идеи долга, вины и расплаты интеллигенции с народом). То есть историки, в конце концов, признали, что в данный период общественное развитие определял не экономический фактор, а нравственно-этические идеалы молодежи⁶².

Еще больше разногласий вызывает вторая точка роста, отделяющая этап формирования идеологии народнического реформизма от стадии зрелости. Большая часть исследователей считает, что легальное народничество окончательно сложилось в начале 1880-х гг., когда увидели свет основополагающие труды всех его главных теоретиков (Н. К. Михайловского, И. И. Каблиця, Н. Ф. Даниельсона, В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко, С. Н. Южакова, Л. Е. Оболенского). Но по-прежнему жива и точка зрения советских историков, по которой оформление «либерального народничества» в особую систему взглядов затянулось до начала 1890-х гг., когда шли ожесточенные споры между народниками и марксистами⁶³.

Существование десятилетнего зазора в датировке этапа наивысшего развития идеологии легального народничества, не может не отразиться на интерпретации данного процесса. Рассмотрим две его самые принципиальные схемы.

Согласно первой из них, расцвет народнического реформизма пришелся на 80-е гг. XIX в. Многие исследователи считают, что это было время интенсивного развития народнической экономической мысли, когда Воронцов и Каблиц-Юзов перевели абстрактные социологические схемы семидесятых годов на язык практических формул деятельности⁶⁴. По мнению Т. Г. Масарика, для этого им пришлось произвести индуктивную верификацию исходных положений народничества на предмет их соответствия новыми общественным условиям⁶⁵. Застойные в политическом отношении 1880-е гг. позволили народникам четче увидеть свои ближайшие задачи (подробно сформулированные Я. В. Абрамовым на страницах газеты «Неделя»), что сделало их движение к цели более ясным и убедительным. Соответственно кризис легального народничества сто-

ронники рассматриваемой концепции связывают с голодом 1891–1892 гг., который подорвал веру интеллигенции в народническое учение о капитализме и «народном производстве».

Вторая схема идейной эволюции легального народничества строится на том, что в 80-е гг. XIX в. теоретические основы его идеологии не претерпели серьезных изменений. После того как Воронцов опубликовал свое знаменитое сочинение о беспочвенности русского капитализма (ставшее народнической «библией»), проблема некапиталистического развития России ушла из печати, по крайней мере до начала 1890-х гг.⁶⁶. А возвращение к аполитизму 1870-х гг. означало шаг назад от уровня народнической мысли народовольческой эпохи. Поэтому расцвет «либерального народничества» такие историки как Н. Д. Ерофеев, Т. А. Васильева, Б. П. Балугев, относят ко второй половине 1890-х – началу 900-х гг. Он связывается с деятельностью народников «второго призыва» (Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов), которые вошли в редакцию журнала «Русского богатства» после 1895 г. О кризисе как синониме упадка народнической мысли здесь уже речь не идет. Например, Балугев пишет о временной заминке на рубеже XIX–XX вв., связанной с перегруппировкой сил: ослаблением правого крыла «либерального народничества» и усилением левого, которое в 1906 г. создало свою партию народных социалистов⁶⁷. Фактически мы видим стремление продлить историю легального народничества до 1918 г. Правда, реализовано оно пока только в одной работе⁶⁸.

Основа рассматриваемого варианта периодизации истории позднего народничества – расширенная трактовка понятия «либеральное народничество», которое включает всех народников – сторонников «либеральных» форм, методов и средств борьбы за политическую свободу и конституцию⁶⁹. Конечно, в действительности резкой грани между «классическим» народничеством второй половины XIX в. и неонародничеством начала XX в. не существовало. Однако попытки исследователей по-новому взглянуть на содержание «кризиса» легального народничества затушевывают те серьезные изменения в идеологии народничества, которые произошли после революции 1905 г. Поэтому мы согласны с теми историками, кто доводит самостоятельную историю легального народничества до первой русской революции. Хотя это вовсе не означает, что после 1905 г. канули в лету и его эпигоны. Например, Воронцов продолжил сотрудничество в либерально-демократической печати до 1918 г., внося важный

вклад в осмысление проблемы демократизации России в условиях политического пробуждения народных масс (конечно, с позиции теоретика умеренного народничества).

Итак, у современных исследователей нет единого понимания, в каком направлении и как развивалась легально-народническая мысль в 80-е – начале 90-х гг. XIX в., когда она преобладала среди других народнических течений. Во многом это обусловлено переходным характером данного периода, который на фоне двух общественных подъемов: 1870-х и 1890-х гг. выглядел как эпоха застоя. Не случайно еще недавно считалось, что консервативное царствование Александра III не обогатило народническую мысль серьезными теоретическими достижениями. Все главные положения легально-народнической доктрины реформирования российского общества (от теории мертворожденности русского капитализма до теории «малых дел») якобы были сформулированы еще на рубеже 1870–1880-х гг.⁷⁰

На наш взгляд, ключ к пониманию закономерностей эволюции легального народничества следует искать в тех вопросах, которые вызывали наибольшие разногласия среди его идеологов. Выявление внутренних противоречий исходных идей, самокритика и самоотрицание – это естественный и достаточно эффективный путь развития того или иного направления общественной мысли⁷¹. С данным утверждением согласны и современные народниковеды. Например, по утверждению В. Г. Хороса и В. В. Блохина, народническая мысль в значительной мере эволюционировала по «внутренним побуждениям» интеллигенции. Внешние факторы так же имели на нее воздействие, но они были опосредованы особенностями интеллигентского восприятия⁷². Сама возможность различной интерпретации одних и тех же явлений и фактов, хотя бы итогов неудачного для интеллигенции «хождения в народ», свидетельствует о наличии у народнической идеологии собственной логики развития.

В центре внимания теоретиков легального народничества были вопросы, прежде всего связанные с тактикой действий народнической интеллигенции (ее представлениями о путях и движущих силах общественных преобразований). Но настоящим яблоком раздора для народников оказался вопрос о взаимоотношениях интеллигенции с народом⁷³. В ходе решения именно этой проблемы, обострившейся в условиях нарастающей политической реакции, окончательно сформировались главные течения легально-народнической мысли.

Долгое время за основную тенденцию эволюции народничества в 80–90-е гг. XIX в. принималась его постепенная либерализация, которая охватила все легальные народнические течения. Историки-марксисты считали ее главным проявлением упадка и перерождения всей идеологии правого народничества. В 1990-е гг. вместе с кризисом марксистской методологии на смену концепции неуклонного спада легальной народнической мысли приходит концепция ее поступательного развития, которую наиболее авторитетный ее сторонник Б. П. Балуев связывал с постепенной политизацией позднего народничества.

Тогда же появляется еще одна модель идейного развития легального народничества. По мнению ее автора В. В. Зверева, в «реформаторском» народничестве было два главных течения (политическое и культурническое), которые примерно с середины 1870-х гг. развивались в разных направлениях. Одно из них, возглавляемое Михайловским, сохранило социалистическую направленность народнической доктрины, благодаря чему оно и стало связывающим звеном между народниками 1870-х и 1890-х гг. Другое течение, лидерами которого были теоретики «Недели», изменило идейному наследству 1860-х гг., встав на путь приспособления к существующему социальному строю, что привело его последователей в тупик.

Все упомянутые концепции идейной эволюции легального народничества (включая концепцию Зверева⁷⁴) сводят ее к линейному типу развития. Прямолинейность означает неизбежность прохождения ряда необходимых стадий. В этом главный ее недостаток, т.к. при таком подходе все отклонения от магистральной линии развития (как правило, отождествляемой с постепенной политизацией народничества) интерпретируются как тупиковые, связанные с какой-то ошибкой, ложным пониманием народничества и его задач. Все это отнюдь не способствует изучению внутренней диалектики развития идеологии правого народничества и оправдывает тезис об ее эклектичности.

Более перспективной является модель, основанная на циклическом типе развития. Как уже отмечалось, современная типология течений легального народничества выделяет в нем два непримиримых лагеря. Если верно утверждение, что главным двигателем эволюции народнической мысли являются противоречия между этими течениями, то данная система взглядов должна функционировать в режиме маятника. То есть перемещаться от одного полюса к другому и

обратно, пока общественные условия не обнаружат «правоту» одной из тенденций.

Внешне история легального народничества 80–90-х гг. XIX в. именно так и выглядит. На рубеже 1870–1880-х гг. наблюдается предельная политизация народников-реформистов, о чем свидетельствует огромная популярность «Отечественных записок». Однако в 1885 г. инициатива переходит к газете «Неделе», призвавшей интеллигенцию к новому «хождению в народ», правда, уже под флагом теории «малых дел». К середине 1890-х гг. ситуация опять меняется. Очередной общественный подъем вновь выдвигает группу Михайловского в авангард легально-народнического движения, чему в немалой степени способствует переход в ее руки журнала «Русское богатство». Идейные противники народников-политиков (в лице публицистов «Недели», «Нового слова» и «Сына отечества») влчат «жалкое существование» и доживают лишь до начала нового века.

Но есть факты, которые не вписываются в модель маятника.

Во-первых, раскол легальных народников на левых и правых не означал существование между ними непроходимой черты. Фланги «держали» Михайловский и Каблиц. В отношениях этих двух лидеров действительно присутствовал откровенный антагонизм. (Михайловский считал, что Каблиц скомпрометировал народничество, а тот называл своего визави главным защитником «интеллигентного бюрократизма»). Но были и другие народнические идеологи, которые претендовали на собственное видение явления народничества. Взять, например, Л. Е. Оболенского. В молодости он сочувствовал идеям Михайловского, с конца 1870-х сближается с Каблицем. Однако это не помешало Оболенскому стать в 80-е гг. XIX в. идеологом «синтетического» народничества и критиковать своих бывших наставников за попытки преувеличения роли «интеллигенции» или «народа». Особую позицию в легальном народничестве, имеющую точки соприкосновения, как с левым, так и с правым флангом, занимали также Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, Н. Н. Златовратский, Г. И. Успенский, М. А. Протопопов⁷⁵. Персонафицированный характер легально-народнических течений (т.е. сосуществование различных точек зрения на задачи народнической интеллигенции) позволяет предположить, что развитие народнической мысли носило диффузный характер.

Во-вторых, нельзя утверждать, что взгляды народников-политиков и сторонников «малых дел» все время развивались в про-

тивоположных направлениях. Маятник флуктуации⁷⁶ то увеличивался (как в начале 1880-х гг.), то уменьшался (конец 1880-х), в зависимости от перепада общественных настроений. И как бы Н. В. Шелгунов не критиковали «малоделов» за их отступление от идеи радикальных общественных преобразований, он должен был понимать, что каждый выбирает себе работу по плечу. «Средний человек» не мог быть борцом с самодержавием уже в силу своего темперамента. Он, по образному выражению И. И. Петрункевича, плыл в своей маленькой лодочке близ берега и был вполне доволен, тем, что «наше время не время великих задач»⁷⁷. Спорить с ним было бесполезно. Поэтому пропаганда мирной «культурнической» деятельности в деревни, рассчитанная не на «героев», а на людей обычной меры, присутствовала и на страницах «Отечественных записок», и в «Русском богатстве» Михайловского.

В-третьих, среди легальных народников всегда были идеологи, которые доказывали необходимость консолидации интеллигенции для решения практических вопросов общественной и политической жизни страны. На преодоление разногласий между «политиками» и «культурниками» в 1880-е гг. работали Оболенский, Златовратский, Кривенко, Воронцов. В 1892 г. Воронцов попытался сформулировать новую формулу народничества с позиции его среднего течения. По его словам, это течение существовало в народничестве более двадцати лет. Обоснованию необходимости примирения народников-политиков и народников – сторонников «малых дел» посвятил свои статьи 1890-х гг. Кривенко. Теоретическую санкцию их сближению должна была дать его теория «органической культурной работы».

Таким образом, о механизме развития легально-народнической мысли нельзя судить только по ее колебаниям от «политики» к «аполитизму» и обратно. Существование устойчивой тенденции к примирению этих крайностей и выходу на новый уровень разрешения внутренних противоречий позволяет предположить, что идеология народнического реформизма развивалась по более сложной модели, сочетающей циклическое (круговое) движение и прогрессирующее (не повторяющееся). Арнолд Тойнби приводит в своем «Постижении истории» наглядный пример гармонии этих двух движений – большого необратимого движение, которое рождается через малое повторяющееся движение. Это колесо и ось. Движение колеса относительно оси, безусловно, движение повторяющееся. Но то, что

ось движется благодаря колесу, не означает, что ось повторяет ритм вращения колеса⁷⁸.

При реконструкции модели идейной эволюции легального народничества особое внимание следует обратить на то, что мы имеем дело с рефлекторной системой. Ее главная особенность заключается в том, что интеллигенция разрешала свои внутренние противоречия на основе самоанализа. Причем методы и приемы мышления народнической интеллигенции также не оставались неизменными.

Известно, что изменения в ментальности социальной группы быстро не происходят и потому их достаточно трудно уловить⁷⁹. Для этого необходима особая методика исследования и понятийный аппарат. В данной работе – это методика социокультурного анализа. Один из ее авторов (А. С. Ахиезер) разработал методологию исследования проблем общественной трансформации в России, опирающуюся на выявлении взаимосвязей между механизмом общественных изменений (включая развитие идеологических систем) и самосознанием их субъектов⁸⁰.

Социокультурный подход фиксирует понимание общества как социокультурной системы, которая возникает и изменяется в результате взаимодействия культуры (совокупность способов и результатов деятельности человека) и социальности (совокупность взаимоотношений социальных субъектов)⁸¹. Обоснованием данного подхода служит рефлексивность истории, т.е. особая роль в ее развитии идей, норм, ценностей, мотиваций, которые часто идут впереди социальных изменений. Отсюда особое внимание субъекту действия и его системе ценностей (идеалы, идеи, этические нормы), выраженных в ментальности⁸². По убеждению сторонников данного подхода, именно ментальностью, которая непосредственно влияет на выбор способов решения проблем, определяется парадигма (тип и темп) социального развития. Иными словами, главными факторами исторических изменений является не «способ производства», а менталитет общества и входящих в него социальных групп (вместе с их особой психологией, идеологическими системами, нравственными идеалами и ценностями)⁸³.

Механизм общественного развития в рамках социокультурного подхода объясняется при помощи таких специфических понятий, как «дуальная оппозиция», «раскол», «инверсия» и «медиация». Они были разработаны в западной структурно-функциональной антропологии и адаптированы Ахиезером для анализа истории России.

Дуальная или бинарная оппозиция – это основа содержательного мышления и базовый принцип объяснения социальных явлений⁸⁴. Мысль развивается через полюса оппозиции, т.к. это главное условие различных интерпретаций одного и того же явления. Однако амбивалентность человеческого мышления чревата абсолютизацией разрыва между полюсами и расколом общества. Поэтому его существование и воспроизводство возможно только при условии постоянного разрешения столь же постоянно возникающих социокультурных противоречий. Данное условие нормального развития и функционирования общества было сформулировано Ахиезером в виде основного социокультурного закона⁸⁵.

Понятие «раскола» – одно из важнейших в отечественной историософии. О неорганическом характере русской истории, которую реформы Петра Великого насильственно разделили на народную, православную Русь и императорскую Россию, писали И. В. Киреевский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов. Ахиезер определяет «раскол» как особое патологическое состояние социальной системы, характеризующееся распадом всеобщности, пониженной способностью преодолевать противоречия между менталитетом и социальными отношениями, обеспечивать гармоничный консенсус⁸⁶.

Для понимания механизма социокультурного развития принципиальное значение имеют понятия «инверсия» и «медиация» как два противоположных способа преодоления противоречий большого общества.

Инверсия – это такой способ развития, при котором конфликтная ситуация снимается путем перехода от одного полюса дуальной оппозиции к другому. Инверсионную логику мышления характеризует абсолютизация полярностей, т.е. монизм, признание возможности существования только одной (истинной) точки зрения. Это означает, что победа одной из сторон конфликта достигается не путем дискуссии, а под влиянием внешних обстоятельств. Таким образом, мысль движется от тезиса к антитезису и обратно, образуя так называемые инверсионные циклы развития, каждый из которых состоит из прямой и обратной инверсии⁸⁷.

Очевидно, что господство инверсии имманентно порождает в обществе раскол. Поэтому в истории мышления инверсия постоянно дополняется и оттесняется медиацией – уходом от принятия одного из полюсов в качестве единственно возможного. Медиация есть способ развития, основанный на синтезе, примирении противоположно-

стей, их взаимопроникновении, которое обеспечивает выход за рамки сложившихся дуальных оппозиций и «наращивание» нового содержания культуры⁸⁸. Для обозначения этой культурной инновации Бердяев еще в начале XX в. ввел термин «срединная культура»⁸⁹, используемый сторонниками социокультурного подхода.

Движение от инверсии к медиации предполагает существенные изменения в менталитете общества, которое должно выйти за рамки своей традиционной культуры. Роль движущей силы этого процесса Ахиезер отводит правящей и духовной элите общества, точнее, его интеллигенции. Социокультурная функция этих групп – критика почвы, народа, т.е. массового сознания, как необходимый элемент их развития. В связи с этим Ахиезер замечает, что у русской интеллигенции эта критическая функция была в значительной степени ослаблена из-за страха отпадения от народа (тотема). В наибольшей степени это характеризует самосознание народнической интеллигенции⁹⁰.

В настоящее время социокультурный подход активно применяется исследователями для анализа механизма эволюции российского общества в XVIII–XX вв.⁹¹. Особенно преуспели в этом отечественные интеллигентоведы. Постановка вопроса о социокультурном расколе между народом и обществом во многом проясняет происхождение феномена русской разночинной интеллигенции XIX в. как носителя особой субкультуры⁹². Мы имеем в виду присутствие у нее таких «избыточных» (для профессиональных работников умственного труда) качеств как оппозиционность власти, обостренное чувство ответственности за судьбу страны и народа, гипертрофированный морализм и альтруизм. Становятся понятными и причины гибридного характера предлагаемого ее теоретиками идеала общественного согласия (русского социализма). Это была попытка соединить последние достижения европейской мысли, перед которыми преклонялась радикальная интеллигенция, и традиционные бытовые формы жизни русского народа⁹³.

Первой теоретически обоснованной формой выражения самосознания разночинной русской интеллигенции стало народничество. На чисто интеллигентский характер народнической идеологии указывает уже тот факт, что она зародилась и развивалась в среде интеллигенции – ее главной социальной базы. Конечно, сами народники (и революционные, и легальные) объявили себя выразителями и защитниками общенародных интересов, но интерпретировали их в соот-

ветствии со своим интеллигентским пониманием. Интеллигентный человек при всем желании не мог последовать совету Каблицы-Юзова: смотреть на задачи народной жизни «глазами мужика». Для этого ему пришлось бы изменить все свое мирозерцание. Да и сам Каблиц так и не смог принять простой народ таким, каков он есть, т.е. примириться с так называемыми «темными» сторонами массового сознания (консерватизм, традиционализм, иррациональное восприятие социальной действительности и т.д.).

Тот факт, что народничество может трактоваться как способ самоопределения интеллигенции, позволяет использовать социокультурный подход не только при изучении истории народнической интеллигенции, но и для анализа развития народнической мысли.

Поскольку цель данной работы состоит в разработке социокультурной концепции эволюции идеологии легального народничества, мы, прежде всего, должны сформулировать ее главную идею или объяснительный принцип.

Суть авторского подхода: эволюция легально-народнической мысли была напрямую связана с развитием самосознания легальной демократической интеллигенции. Существование такой зависимости признают многие историки. Например, В. В. Зверев поставил целью своей докторской диссертации анализ процесса самоидентификации той части отечественной интеллигенции, которая отвергала революционное насилие и искала наименее болезненные для народа пути модернизации страны⁹⁴. Однако ни одна из известных нам концепций эволюции народнической идеологии не дает удовлетворительного объяснения движущих сил и механизма ее саморазвития.

Исследователи изучают, как развивались взгляды народнической интеллигенции на русский капитализм, общину, власть, народ, общество и на ее собственную роль в истории России, но не стремятся выявить изменения в приемах мышления и самооценки ее идеологов. Наличие в народническом дискурсе разных способов разрешения внутренних противоречий даже не обсуждается. А между тем, то, как народники оценивали предыдущий опыт развития и позиции своих оппонентов внутри и вне народнического лагеря, могло иметь решающее значение для появления новых стратегий самореализации и, соответственно, новых тенденций в развитии народнической идеологии и движения.

Причины такого положения во многом дань сложившейся в отечественной историографии традиции изучения проблемы интелли-

генции. Долгое время историки находились внутри интеллигентского дискурса, т.е. говорили ее же языком. В итоге сложилось убеждение в том, что изучать представления интеллигенции об ее месте и роли в жизни общества – значит заниматься описанием ее групповых комплексов и предрассудков. Некоторые современные исследователи вообще отрицают существование феномена отечественной интеллигенции, доказывая, что мы имеем дело с мифами, созданными ее идеологами⁹⁵.

Конечно, при обсуждении проблемы народнической интеллигенции речь может идти скорее о феномене группового сознания, чем о реальных носителях нового мировоззрения и нравственности (хотя они были и в реальной жизни). Но именно по этой причине понимание сущности интеллигенции и ее поведения возможно только с учетом ее представлений о мире, которые становились основой для самоидентификации интеллигенции в русском обществе⁹⁶.

Выявлению эвристической ценности собственно народнического учения об интеллигенции препятствует также слабая изученность его ключевых положений. Так, до сих пор не ясны причины вопиющих противоречий между русскими народниками в определении понятия интеллигенции, природы ее демократизма, антибуржуазности и оппозиционности власти, особенностей генезиса этой социальной группы, ее положения в обществе и социальных функций. Камнем преткновения остается вопрос о том, почему народническая интеллигенция позиционировала себя в терминах служения народу и как изменялась история ее репрезентации на протяжении 70–90-х гг. XIX в.

Отсутствие в современной литературе цельного представления о народнической интеллигенции как социальной группе, имеющей общее происхождение, тип сознания и нравственный кодекс поведения, по-прежнему заставляет исследователей судить о народниках по отдельным и, еще раз подчеркнем, крайне противоречивым высказываниям ее теоретиков. Для устранения данной проблемы необходимо специальное исследование народнической типологии интеллигенции. Нужно не только выявить разногласия по проблеме интеллигенции между лидерами главных легально-народнических фракций, но и определить их влияние на развитие народнической идеологии на всех этапах ее эволюции. То есть, рассмотреть историю народничества сквозь призму формирования и развития особой интеллигентской субкультуры.

Следует учесть и еще одно важное обстоятельство, которое затрудняет выявление тесной взаимосвязи между самосознанием народнической интеллигенции и развитием ее идеологии. Мы уже установили, что идеология возникает на определенном этапе общественного движения с целью организации его участников для решения конкретных практических задач. Идеология легального народничества также была призвана вооружить интеллигенцию программой социального действия, которая отвечала бы потребностям не только народа, но и ее собственным (хотя бы они и носили идеальный характер). Однако легальное народничество до сего дня изучается не как общественное движение и явление культуры, а лишь как течение общественной мысли. В. И. Харламов еще в 1982 г. обратил внимание на это печальное обстоятельство, искажающее восприятие его истории⁹⁷. Но за последние три десятка лет, кроме постановки тем же Харламовым вопроса о «втором хождении» демократической интеллигенции «в народ»⁹⁸, принципиально ничего не изменилось.

Главная идея социокультурного подхода, которую мы намерены применить к истории легального народничества, заключается в необходимости решения отечественной интеллигенцией медиационной задачи. Суть ее заключается в интеграции расколотого российского общества на основе гибридного идеала, призванного примирить интересы различных общественных групп.

В 1870-е гг., т.е. на начальном этапе народнического движения, его идеологи, как правило, выделяли в социальной структуре русского общества только два элемента: «народ» и «не народ». «Народ» (точнее простонародье) – это все работники физического труда. «Не народ» – представители господствующих классов, занятых умственным трудом. Отношения между ними носили антагонистический характер, т.к. «народ» был вынужден кормить и поить «бесполезных и вредных для него паразитов». При таком радикальном подходе, ни о каком «классовом» мире не могло быть и речи. Передовая интеллигенция, которая изначально воспринималась как внеклассовая сила, должна была поднять «народ» против его эксплуататоров и помочь ему установить бесклассовый (социалистический) общественный строй. Это было решение проблемы, соответствующее инверсионному стилю мышления народнической интеллигенции (снятие конфликта путем «уничтожения» одного из полюсов противостояния).

После 1881 г. народнический радикализм резко пошел на убыль. На смену теории насилия, как главного двигателя социального про-

цесса, пришла теория мирного эволюционного развития общества. Новые теоретики народничества предлагают интеллигенции новую стратегию и тактику общественных преобразований, которая основывалась на новой формуле: «народ – общество – власть». Идея классового антагонизма сменяется идеей сотрудничества при посредничестве новой «народной» интеллигенции. На смену инверсии приходит медиация. «Народничество» начинает мыслить в масштабах всего общества, т.е. пытается примирить свои представления о демократии и социализме с наличными нуждами и потребностями всех «заинтересованных» сторон.

Конечно, в действительности не все было так просто и гладко, как в нарисованной нами схеме. В любом общественном процессе интеграция идет рука об руку с дезинтеграцией. Такова диалектика социокультурной динамики общества⁹⁹. И в истории легального народничества наряду с попытками ряда идеологов 1880–1890-х гг. объединить интеллигенцию и все общество вокруг решения «великой культурно-исторической задачи» по-прежнему развивалась центробежная тенденция. Проблема в том, что исследователи видят в развитии народничества одни расколы. А потому вопрос об образовании в нем «срединной культуры» и возможности интерпретации ее в качестве принципиально нового этапа в эволюции самосознания легально-народнической интеллигенции (и ее идеологии) остается открытым.

Для построения социокультурной модели эволюции идеологии правого крыла русского народничества необходимо произвести следующие действия:

- выявить дуальные оппозиции и их влияние на формирование главных идейно-тактических направлений в правом народничестве;
- типологизировать легально-народнические концепции общественных преобразований страны и установить их связь с различными стратегиями самореализации демократической интеллигенции;
- выделить основные этапы развития самосознания народнической интеллигенции и соответствующие им механизмы разрешения противоречий между главными течениями легально-народнической мысли;
- определить общее направление идейной эволюции легального народничества;
- проанализировать динамику развития легально-народнической мысли и установить ее тип.

Таким образом, в данной работе идейная эволюция легального народничества будет изучаться в контексте истории ее репрезентации интеллигенцией, т.е. как история саморефлексии этой социальной группы.

Разработка социокультурной концепции интеллектуальной истории легального народничества, основанной на появлении новых подходов к разрешению противоречий как внутри демократической интеллигенции, так и в масштабах большого общества, это не самоцель. Она призвана открыть в идеологии народнического реформизма новые тенденции развития, связи и значения и, следовательно, по-новому взглянуть на ее содержание. В конечном итоге мы надеемся пересмотреть традиционное представление о народниках-реформистах как идеологах эпохи общественного застоя.

П р и м е ч а н и я

¹ Л. О. [Оболенский Л. Е.] Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Мысль. 1880. № 9. С. 89, 94.

² Антекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. По личным воспоминаниям. 2-е изд. Пгр., 1924. С. 308; Дейч Л. 16 лет в Сибири. СПб., 1906. С. 237; Ковалик С. Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. С. 65.

³ Зенкова К. В. Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск, 1967. Т. 18. С. 48; Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 38–39.

⁴ См.: Блохин В. В. Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006.

⁵ Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: сб. ст. М., 1990. С. 164.

⁶ Балугев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 7–8.

⁷ Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 24.

⁸ Плеханов Г. В. Статьи из «Черного Передела» // Плеханов Г. В. Соч.: В 24 т. М.; Пгр., 1923. Т. 1. С. 129.

⁹ Более подробно этот вопрос рассматривается в первом параграфе второй главы.

¹⁰ Мартов Л. Общественные и умственные течения 70-х гг. // История русской литературы XIX в.: В 5 т. М., 1910. Т. 4. С. 34.

¹¹ См.: *Бовин А. Е.* Реформизм в рабочем движении // Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 22. С. 61.

¹² См.: *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972. С. 133–135.

¹³ Термины «эволюционное народничество» и «народники-эволюционисты» также иногда употребляются в литературе. См., напр.: См.: *Биллингтон Д. Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 474, 533.

¹⁴ *Лавров П. Л.* Вперед! – Наша программа // *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934–1935. Т. 2. С. 36–39.

¹⁵ *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939. С. 247, 251, 328.

¹⁶ В этом значении термин «легальное» народничество употребляется в англо-американской историографии. См., напр.: *Mendel A.* Dilemmas of progress in Tsarist Russia. Legal Marxism and Legal Populism. Massachusetts, 1961. P. 265; *Naimark N.* Terrorists and Social Democrats. The Russian Revolutionary Movement Under Alexander III. Cambridge, 1983. P. 4, 28, 214–215; *Биллингтон Д. Х.* Указ. соч. С. 510.

¹⁷ *Н. Н.* [Оболенский Л. Е.] Беллетристика в журналах 1880 г. // Мысль. 1880. № 11. С. 78–79.

¹⁸ См.: *В-н А.* [Пыпин А. Н.] Народники и народ // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 672–674; *Тихомиров Л.* Что такое народничество // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 920; *Бердяев Н.* Народническое и национальное сознание // Русская мысль. 1917. № 7–8. С. 94.

¹⁹ *Яковлев М. В.* Идеология. М., 1979. С. 20; *Ильин В. В.* Идеология // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 170.

²⁰ *Троцкий Н. А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 69.

²¹ См., напр.: *Хорос В. Г.* Народничество // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 397.

²² *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 364.

²³ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 259.

²⁴ В литературе первое поколение народников обычно идентифицируется с революционерами конца 1860-х – начала 1880-х гг., а второе – с легальными народниками 1880–1890-х гг. См.: *Кузьминов Я. И.* Предисловие к разделу «Народники» // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избр. произведения. М., 1994. С. 10–11; *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России: 1805–1905. М., 2008. С. 289.

²⁵ *А. Б.* [Богданович А. И.] Критические заметки // Мир божий. 1898. № 3. С. 6.

²⁶ Подробнее см.: *Элбакян Е. С.* Религиозная идея в сознании народников // Кентавр. 1995. № 3.

²⁷ Зверев В. В. Народничество // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 229.

²⁸ См.: Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 101.

²⁹ Подробнее см.: Баталов Э. Социалистическая перспектива и утопическое сознание // Коммунист. 1988. № 3. С. 78–82.

³⁰ Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 188.

³¹ Одним из первых такое определение народа предложил Н. К. Михайловский. См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 1. Стб. 828.

³² См.: Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 231, 256, 266.

³³ Имеется в виду непосредственный переход к социализму из крестьянской общины.

³⁴ *Н. Н.* [Оболенский Л. Е.] Возможно ли работать только для прогресса // Мысль. 1880. № 12. С. 244–245; *Ред.* [Оболенский Л. Е.] Первое марта 1881 года. Куда идти теперь? // Мысль. 1881. № 3. С. 419.

³⁵ См.: Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. № 7. С. 224, 227.

³⁶ Об этом, в частности, свидетельствует огромное количество публикаций в легальной народнической печати по вопросу о роли в общественной жизни страны интеллигенции и народа.

³⁷ Наиболее подробное обоснование этот тезис получил в трудах В. П. Воронцова. См.: В. В. [Воронцов В. П.] Наши направления. СПб., 1892. С. 66, 71, 95, 98–99, 111.

³⁸ Каблиц И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 41–42, 107, 128, 145; [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 173; Абрамов Я. Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. Стб. 501.

³⁹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 3. Стб. 705, 730; Т. 5. Стб. 537–546; Т. 6. Стб. 393–394; Южаков С. Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 12. С. 106–107; Николай-он [Даниельсон Н. Ф.] Теория трудовой стоимости и некоторые из ее критиков // Русское богатство. 1902. № 2. С. 47–51.

⁴⁰ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Проблема типологии идейно-тактических направлений в легальном народничестве // Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени: сб. ст. Воронеж, 2005.

⁴¹ Блюм Р. Н. Некоторые методологические вопросы изучения революционной мысли // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 599. Тарту, 1982. С. 82, 84, 89.

⁴² Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 20, 49–56, 60, 68.

⁴³ Термин принадлежит В. П. Воронцову. См. его «Попытки обоснования народничества» (Русское богатство. 1892. № 2).

⁴⁴ См.: *В-н А. [Пытин А. Н.]*. Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 709–710, 745–746.; *Слобожанин М.* Из истории созидательного народничества. Черты из журнальной деятельности С. Н. Кривенко // Жизнь для всех. 1910. № 7, 8–9, 11.

⁴⁵ *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 202; *Жвания Д. Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 103; *Касторнов С. Н.* Указ. соч. С. 42–43.

⁴⁶ *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 110.

⁴⁷ Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* К вопросу о «культе» Н. К. Михайловского в новейшей историографии русского легального народничества // Россия: история, наука, культура. М., 2003.

⁴⁸ Народнический дискурс – способ ведения народниками дискуссии о путях и средствах осуществления идеалов русского социализма.

⁴⁹ Видимо, по этой причине многие историки не могут обнаружить *поступательного* развития легально-народнической мысли в 1880–1890-е гг. и по-прежнему считают их временем общего кризиса народничества.

⁵⁰ См.: *Старостин Б. А.* Эволюция // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 786.

⁵¹ *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. Избр. тр. М., 1961. С. 715.

⁵² «Пороговая» означает, что явление не нарастает линейно, а начинает развиваться с какого-то момента (порога).

⁵³ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество и Г. В. Плеханов (проблема интеллигенции) // Революционеры и либералы России: сб. ст. М., 1990. С. 48–49.

⁵⁴ Здесь указана примерная хронология этапов истории легального народничества, о «нестыковках» которой у исследователей будет сказано ниже.

⁵⁵ *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России. С. 113; *Хорос В. Г.* Народничество. С. 396–397; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 6; *Касторнов С. Н.* Указ. соч. С. 21, 247–248.

⁵⁶ Точки роста и развития – точки, являющиеся источниками «интенсивного потока новшеств». См.: *Ахиезер А. С.* Россия: Критика исторического опыта: В 3 т. М., 1991. Т. 3. Социокультурный словарь. С. 394.

⁵⁷ Мы говорим «условно», т.к. в народнической историографии возникновение народничества в узком смысле этого слова нередко относилось к 1870-х гг. См.: *[Златовратский Н. Н.]* Народничество // Настольный энциклопедический словарь Гранат. М., 1901. Т. 6. С. 26.

⁵⁸ *Кривенко С.* По поводу культурных одиночек // Русское богатство. 1893. № 12. С. 184; *В. В. [Воронцов В. П.]* Народничество, как общественно-политическое направление, – его исторические корни // Политическая энциклопедия. СПб., 1907. Т. 2. Вып. 7. С. 1090; *Слобожанин М. [Максимов Е. Д.]* К вопросу

о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. № 12. Стб. 41.

⁵⁹ *Костин А. Ф.* От утопии к науке. Из истории революционной мысли в России. М., 1984. С. 78.

⁶⁰ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 25–26, 256; *Зенкова К. В.* Указ. соч. С. 48; *Касторнов С. Н.* Указ. соч. С. 246–247.

⁶¹ *Зверев В. В.* Русское народничество: доктрина и практика // Политическая история России. М., 1998. С. 251–252.

⁶² *Блохин В. В.* Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001. С. 219–225; *Щербакова Е. И.* Синдром разночинца: социально-психологические истоки радикализма русской интеллигенции // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности: сб. ст. М., 2001; *Юдин А. И.* Идея вины русской интеллигенции // Вестник ТГУ. 1998. Вып. 2. С. 62–64.

⁶³ *Касторнов С. Н.* Указ. соч. С. 247.

⁶⁴ *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). С. 56; *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. С. 181; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 254.

⁶⁵ *Масарик Т. Г.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2004. Т. 2. С. 343.

⁶⁶ *Суслова Ф. М. Ф.* Энгельс и социально-экономическая мысль России // Энгельс и проблемы истории: сб. ст. М., 1970. С. 320.

⁶⁷ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 259.

⁶⁸ *Азаркин Н. М.* Эволюция народнической идеологии // История политических учений. М., 2002. С. 736.

⁶⁹ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 52–53; *Васильева Т. А.* Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 9.

⁷⁰ *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX в. С. 180. Точнее речь идет о 1878–1882 годах, которые Харламов назвал «решающим этапом» в становлении идеологии легального народничества.

⁷¹ *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969. С. 54; *Пантин И. К.* Социалистическая мысль: переход от утопии к науке. М., 1973. С. 259, 281.

⁷² *Хорос В.* Разомкнутый треугольник // Знание-сила. 1990. № 1. С. 10; *Блохин В. В.* На переломе. 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX в. (Исторические этюды). М., 2004. С. 15, 18–19.

⁷³ Подробнее см.: *Харламов В. И.* Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1980. № 4.

⁷⁴ Если бы В. В. Зверев признавал за политическим и культурническим течениями народнической мысли равное влияние на ход развитие народнической мысли, то последнее должно было носить циклический характер.

⁷⁵ Последовательность перечисления имен идеологов определяет их положение в народническом лагере.

⁷⁶ Флуктуация – колебания. Подробнее о вариантно повторяющихся процессах общественного развития см.: *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 80–93.

⁷⁷ *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля // Архив русской революции: В 22 т. М., 1993. Т. 21–22. С. 278.

⁷⁸ *Тойнби А. Дж.* Постыжение истории: сб. М., 2006. С. 309.

⁷⁹ *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007. С. 96.

⁸⁰ *Ахиезер А. С.* Указ. соч.

⁸¹ *Лапин Н. И.* Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000. С. 21, 25.

⁸² Ментальность – совокупность образов и представлений, которыми руководствуются члены социальной группы в своем поведении и в которой выражено их понимание мира и своего места в нем. Ментальность имеет коллективный характер. См.: *Бессмертный Ю. Л.* Кризис «Анналов»? // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 20.

⁸³ *Куценко В. А.* Социокультурный подход // Энциклопедический словарь по культурологии. М., 1997. С. 369; *Березовая Л. Г., Берлякова Н. П.* История русской культуры: В 2 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 12–13.

⁸⁴ Примеры дуальных оппозиций: революция и эволюция, интеллигенция и народ, малые и большие дела и т.п.

⁸⁵ *Ахиезер А. С.* Указ. соч. Т. 3. Социокультурный словарь. С. 371.

⁸⁶ Там же. С. 289.

⁸⁷ Там же. С. 116.

⁸⁸ Там же. С. 186.

⁸⁹ *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 31.

⁹⁰ *Ахиезер А. С.* Указ. соч. Т. 3. С. 121, 332.

⁹¹ Подробнее см.: *Кирдина С. Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 27. По мнению автора, одним из главных достоинств социокультурного подхода является его многомерность. Он объединяет в одно целое, например, цивилизационный и формационный подходы. И, добавим от себя, вполне совместим с теорией модернизации. – Там же. С. 25.

⁹² Субкультура (от лат. sub – под) – целостная культура определенной социальной группы в рамках «большой» национальной культуры. Важнейшими признаками субкультуры являются этическое самоопределение, идейность, на-

личие собственных харизматических лидеров, своего языка и стиля поведения. См.: *Соколов А. В.* Указ. соч. С. 16, 33.

⁹³ Подробнее о продуктивности изучения «классической» русской интеллигенции как субкультуры, которая сама себя провозглашает и определяет см.: *Виртуафтер Элис.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 180–189. Критику социологической интерпретации феномена интеллигенции см.: *Müller O.* *Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes.* Frankfurt, 1971. P. 195–251.

⁹⁴ *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 1.

⁹⁵ См.: *Соколов К. Б.* Мифы об интеллигенции и историческая реальность // *Русская интеллигенция. История и судьба.* М., 1999; *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосмос в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999; *Орлов С. Б.* Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // *Социальные исследования.* 2001. № 11.

⁹⁶ *Сабурова Т. А.* Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2006. С. 5.

⁹⁷ *Харламов В. И.* Идеология правого народничества в публицистике Каблицы-Юзова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1982. № 1. С. 48

⁹⁸ *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. С. 177, 180.

⁹⁹ См.: *Коротаев А. В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 3; *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 406.

Глава вторая

ГЕНЕЗИС ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА в 1860-х – начале 1880-х гг.

Когда, почему и на какой идейной основе возникло легальное народничество, кто стоял у его истоков? Когда началось формирование основных течений легально-народнической мысли. Какие факторы стимулировали развитие этого процесса. В народниковедческой литературе эти вопросы никогда не решались однозначно.

2.1. Зарождение легально-народнической мысли в 60-е гг. XIX в.

Существуют две концепции генезиса идеологии правого (нереволюционного) течения народнической мысли. Согласно первой из них, господствующей в советской историографии, «либеральное» (легальное) народничество явилось продуктом перерождения революционного народничества, которому так и не удалось поднять народ на восстание против «эксплуататорского» строя. Основателями «либерального» народничества называются И. И. Каблиц и В. П. Воронцов, которые заложили основы нового направления в первой половине 1880-х гг.¹ Сторонники второй концепции доказывают, что революционное и легальное народничество зародились в эпоху подготовки реформы 1861 г. и в дальнейшем развивались параллельно друг другу. Однако организационное и идейное оформление легального народничества затянулось до начала 1880-х гг., т.к. его безусловный лидер – Н. К. Михайловский все 1870-х гг., не веря в революцию, поддерживал революционеров².

Суть разногласий относительно начала истории легального народничества, очевидно, сводится к вопросу о том, когда его представители стали позиционировать себя в качестве самостоятельной общественной силы:

- в эпоху подготовки и отмены крепостного права (вторая половина 1850-х – начало 1860-х гг.);
- в период становления идеологии действенного народничества (конец 1860-х – середина 1870-х гг.);

- в ходе размежевания народников-семидесятников на сторонников и противников политической борьбы с самодержавием (вторая половина 1870-х – начало 1880-х гг.).

Прежде всего, необходимо уточнить, что под возникновением легального народничества следует понимать некую условную точку роста, разделяющую процесс генезиса этого течения народнической мысли на два этапа: зарождение концепции мирного пути к социализму и ее последующее развитие в общественно-политическую доктрину. На первом этапе народнический реформизм – это одна из идейных тенденций 1860-х гг., так сказать, явление узкогруппового сознания, представленное отдельными публикациями в «Современнике», «Веке», «Русском слове». Но уже в следующем десятилетии у легальных народников появляются своя программа общественных преобразований, свои идеологи и своя социальная база в среде разночинной интеллигенции. Иными словами, возникновение легального народничества связывается с началом его оформления в идеологию и движение той части отечественной интеллигенции, которая сочувствовала идеалам народнического социализма, но склонялась к легальным, ненасильственным методам деятельности.

Рассмотрим объективные предпосылки возникновения в России народничества, общие для всех его течений, т.к. действие этих предпосылок сохранялось на протяжении всей истории народнической мысли и движения.

Во-первых, это догоняющий характер модернизации российского общества. В XVIII–XIX вв. все реформы в России осуществлялись по инициативе власти и были направлены на преодоление отставания страны от ушедшей вперед Западной Европы. «Верхушечный» характер российской модернизации предопределил ее ориентацию не на улучшение положение населения, а на решение государственных задач. Важнейшим негативным последствием политики ускоренной вестернизации страны стал ее социокультурный раскол на «народ» и «образованное общество». Со времен реформ Петра I высшие слои России стремились усвоить европейский (немецкий, французский, а потом и английский) образ жизни, мировоззрение и культурные традиции. Простой же народ продолжал жить традициями Московской Руси, почитая своих господ за иностранцев. По образному выражению писателя Дмитрия Минаева, народ как бы остался за рекой допетровского мира, т.е. в XVII столетии, «без моста и без желания перейти на нашу сторону»³.

Русское народничество возникло на почве раскола и искусственной изоляции интеллигенции от народа⁴. Этот разрыв сделал возможным характерную для народнической интеллигенции идеализацию «народа-почвы» и «тягу» к сближению с ней. С другой стороны, поставленная народниками задача приобщения трудящихся масс к культуре и цивилизации, или хотя бы к тем благам, которыми пользовались представители привилегированного общества, было объективной потребностью преодоления неорганического характера отечественной истории нового времени.

Вторая предпосылка для возникновения народничества – появление в России в последней трети XVIII в. так называемого «передового» общества, которое примерно со второй четверти XIX в. будет ассоциироваться с дворянско-разночинной интеллигенцией. Первоначально это были лица «свободных» профессий (литераторы, ученые, общественные деятели), не связанных с государственной службой. В дальнейшем именно этот промежуточный общественный слой станет главной опорой российского освободительного движения. Дело в том, что интеллигенция, в отличие от дворянства, духовенства и нарождающейся буржуазии, изначально отличалась не только образованностью, но и идейностью, развитым самосознанием, т.е. наличием собственных мнений и убеждений. Поэтому теоретики интеллигенции взяли на себя инициативу разработки общественной программы реформ, учитывающей интересы основного населения страны, и «подталкивания» власти к ее проведению в жизнь⁵.

Объективными причинами оппозиционности общества правительству явились не только несбалансированный характер проводимых в стране преобразований, но и отсутствие законных методов воздействия на власть (т.е. ее бесконтрольный характер).

Разумеется, русское народничество (как одна из ветвей социалистической мысли) никогда бы не возникло, если бы в России не сохранились крестьянская поземельная община и рабочие артели. Здесь же следует упомянуть о слабости отечественного капитализма и «среднего» класса (несостоявшегося лидера модернизации «снизу»), заместителем которого попыталась стать либерально-демократическая интеллигенция⁶.

Отправной точкой для начала народнического движения послужили реформы 1860–1870-х гг. Отмена крепостного права вызвала у значительной части крестьянства серьезное недовольство условиями его освобождения, что создало благоприятную почву для пробужде-

ния самосознания общества. Огромное значение для развития критического отношения интеллигенции к правительственным реформам имел их незавершенный характер. Так, создав органы местного самоуправления, самодержавная власть ограничила их функции «хозяйственными вопросами местного значения», пытаясь тем самым пресечь развитие в обществе оппозиционных настроений. Наконец, реформы Александра II стимулировали развитие хозяйственно-экономической жизни страны на рыночных, предпринимательских основах. Со временем это приведет к росту деревенского пролетариата и маргинализации самой интеллигенции.

В то же время даже заядлые критики Великих реформ признавали, что они стали исторической гранью двух эпох: дореформенной и пореформенной. Либеральные реформы дали огромный толчок развитию народного сознания. Более того. Они, хотя и в скрытой форме, создали базу для развития в стране идеи свободы и равенства⁷. Данное обстоятельство оказало существенное влияние и на генезис идеологии и движения легального народничества.

Таким образом, народничество как идеология и движение радикально-демократической интеллигенции – это, по сути, ее негативная реакция на издержки модернизации «сверху» (обеднение простого народа и появление «умственного» пролетариата) и стремление преобразовать Россию в соответствии с собственным видением идеального общественного устройства.

Идейную почву для возникновения народничества подготовил общий процесс демократизации русской общественной мысли конца XVIII – первой половины XIX вв.

Еще в 1769 г., если верить журналу «Смесь», в русском дворянстве было распространено отношение к крестьянам как к «тварям», более похожим на животных, нежели на людей⁸. Но с развитием просвещения такой откровенно крепостнический взгляд должен был отойти в прошлое. Уже в 1806 г. А. С. Кайсаров заявит в своей магистерской диссертации о том, что первое место в русском народе должно принадлежать не «дворянам-дармоедам», а крестьянам, которые не только всех кормят, но и составляют наиболее здоровую в физическом и моральном отношении часть народонаселения, «корень» государства⁹.

Мощный толчок к сближению господствующих классов и простонародья дала победа русского народа в войне 1812 года. Как Россия смогла остановить нашествие Наполеона, покорившего почти

всю Европу? Почему все сословия, невзирая на прежние обиды и унижения, сумели объединиться вокруг престола и дать отпор «бесстыдному хищнику», вторгшемуся, как писал тогда «Сын Отечества», в «пределы благословенные» земли Русской. Видимо, русские не совсем обычный народ? В поиске ответов на эти вопросы у представителей образованного общества появилась потребность раскрыть типичные черты русского национального характера, что обогатило отечественную литературу и художественную культуру. Возродился интерес к русской истории. Раньше дворянство стыдилось своего русского происхождения. Теперь начинается обратный процесс его русификации. Образованные классы вновь обращаются к культуре и быту своего народа, что придало их духовному творчеству недостающие ранее национальные черты.

В 20–30 гг. XIX века в передовых общественных кругах, во многом благодаря влиянию просветительских идей, господствовало сентиментально-романтическое отношение к простому народу, канонизированное в 1833 г. «теорией официальной народности» С. С. Уварова. «Народ» воспринимался как общенациональная (социально нерасчлененная) категория и наделялся такими «идеальными» качествами как богобоязненность, царелюбие, терпимость к жизненным невзгодам и т.п. Однако постепенное утверждение в русской литературе реалистического метода воспроизведения действительности (стараниями А. С. Пушкина, Ю. М. Лермонтова, Н. В. Гоголя и писателей «натуральной школы») привело к обострению споров об истинной и ложной народности и появлению нового – социального понятия народа¹⁰. Согласно одному из его творцов – В. Г. Белинскому – народ это не совокупность всех сословий того или иного государства, а его простонародье или, говоря современным языком, трудящиеся классы. Поэтому их интересы и интересы привилегированных классов общества диаметрально противоположны. Если писатель или художник действительно хотел стать народным, то он должен был защищать интересы народа-пахаря¹¹.

Весомый вклад в развитие идеи народа внесли «люди сороковых годов» (славянофилы и западники), сделавшие простой народ предметом своих пламенных споров, сложных теоретических построений и самых радужных надежд.

Славянофилы А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков первыми заговорили о народе, как субъекте истории, хранителе национальных традиций и устоев собственной неповторимой цивили-

зации. Основой дальнейшего развития России славянофилы считали такие, по их мнению, коренные начала русской истории, как крестьянская община, православие и власть, дружная с народом. Отныне образованное общество должно было прислушаться к голосу народа, учитывать его понятия, верования и чувства, находя в них не одни только суеверия и предрассудки, но и отражение вековой мудрости народной и высшей правды. «Мы вовсе не желали воскресить древнюю Русь, – вспоминал впоследствии А. И. Кошелев, – не ставили на пьедестал крестьянина, не поклонялись ему и отнюдь не имели в виду себя и других в него преобразовать. Все это – клеветы, ни на чем не основанные. Но в этом первобытном русском человеке мы искали, что именно свойственно русскому человеку, в чем он нуждается и что следует в нем развивать... Кто теперь не за изучение русской старины, обычного народного права и других особенностей нашего народного быта? Кто теперь не признает в них глубокого смысла и великого для нашей будущности значения?»¹².

Противоположную славянофилам позицию занимали в 40–50-е гг. XIX в. западники (Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, В. П. Боткин). Они тоже понимали, что русское общество, расколотое преобразованиями Петра I, нуждается в гармонизации. Только сближение высших и низших сословий представлялось им не как возвращение общества к народу, т.е. к традиционным ценностям русской жизни. Это народ должен был постепенно «дорости» до общества, чтобы стать таким же культурным и цивилизованным (на европейский манер)¹³. Для этого западники требовали отменить крепостное право, ограничить самодержавие и предоставить всему населению широкие личные и гражданские права и свободы.

На рубеже 40–50-х гг. XIX в. от либералов-западников отделяется радикальное крыло во главе с В. Г. Белинским, А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Их идейная эволюция под влиянием европейской социалистической мысли произведет в представлениях передового общества о русском народе новый решительный поворот. Простой мужик, который до сих пор мало участвовал в своей истории, будет признан ее решающей движущей силой, творцом новых форм общественной жизни.

Увидеть в темном, забитом нуждой мужике «социалиста по инстинкту», человека будущего, который «незримо» творит русскую историю – это было слишком даже для славянофилов. Чтобы интеллигенция поверила в такие смелые предположения, основоположни-

кам народничества потребовалось предварительно «перевести» социализм на русский язык, вписать его в национальную культуру. Надо было создать принципиально новую систему взглядов на народный быт, мировоззрение, культуру, умственные способности и нравственные задатки обыкновенного крестьянина. В 1850-е годы с этой задачей успешно справился Герцен, который «секуляризировал» славянофильство (его религиозно окрашенную веру в народ), подготовив тем самым почву для народопоклонства русской интеллигенции¹⁴. Итогом его трудов стала одна из самых востребованных в XIX веке теорий общественных преобразований России – теория русского общинного социализма.

Генезис идеологии легального народничества начался с зарождения концепции мирного неревolutionционного пути к социализму. У ее истоков стояли А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. По своему духу создатели учения о возможности некапиталистического развития России через сохранение и развитие крестьянской общины, безусловно, были радикалами. Однако в отношении средств построения социалистического общества (революция или реформы) однозначного решения у них не было. И Герцен, и Чернышевский прекрасно понимали необходимость длительной подготовки народа и образованного общества к радикальному социальному перевороту. Эта подготовка предполагала не только освобождение крестьян с землей (без выкупа), но и организацию местного самоуправления, создание новой судебной системы, и, наконец, реформирование всего государственного управления, вплоть до установления в стране конституционного порядка. Революция рассматривалась основоположниками народничества как крайнее средство и то если ее начнет сам народ¹⁵. До 1861 г. ни о какой организации в России революционного переворота по инициативе и силами передовой демократической интеллигенции (коих тогда насчитывалось несколько десятков человек) ни в Лондоне, ни в Петербурге еще не помышляли.

Отмена крепостного права «сверху» и вызванная ею цепная реакция реформ «призвали» русское общество к активной деятельности на пользу освобожденного народа. Судя по воспоминаниям современников этих событий, освобождение помещичьих крестьян воспринималось как начало долгожданной весны. Ожидалось, что народ, сотни лет спавший непробудным сном, теперь «войдет в нашу жизнь», «изменится сам и изменит нас»¹⁶. Тогда же в печати был открыто поставлен вопрос, который Н. А. Некрасов выразил крылатой

фразой: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?». Именно в эти годы «народничество» сделало первый шаг по пути превращения из книжной теории в широкое движение «народных заступников», недовольных «грабительским» характером крестьянской реформы.

Русские радикалы были заранее уверены, что крестьянская реформа не принесет мужику должного удовлетворения, т.к. правительство проводит ее в интересах помещиков и сохранения в стране собственной власти. Поэтому в недрах революционного подполья началась деятельная подготовка к ожидаемому в 1863 г. всенародному бунту. В том, что массы знают, что им нужно и готовы к решительной и беспощадной борьбе за свободу, сомневаться считалось чем-то неприличным, недостойным настоящего демократа. Вера в народ еще была безграничной. Причем не только у рядовых интеллигентов, но и у их главного идеолога – Чернышевского.

О Николае Чернышевском обычно пишут, что он уже в силу своего происхождения, имел о народе более трезвые представления, далекие от его идеализации. Однако и он надеялся, что вышедший из крепостной зависимости народ очень скоро поднимется на решительную борьбу с существующим общественным строем. В статье «Не начало ли перемены?» Чернышевский напишет об этом, правда не прямо, а эзоповым языком. «Ездит, ездит лошадь смирно и благоразумно – и вдруг встанет на дыбы или заржет и понесет. Будет ли какой-нибудь прок из такой выходки или принесет она только вред, это зависит от того, даст ли ей направление искусная и сильная рука (передовой интеллигенции. – Г. М.). Если вожжи схвачены такой рукой, лошадь в пять минут своей горячности перенесет все (и себя, разумеется) так далеко вперед, что в целый час не подвинуться бы на такое пространство мирным, тихим шагом. Но если не будет сообщено надлежащее направление порыву, результатом его останутся только переломанные оглобли и усталость самой лошади»¹⁷.

Готовясь к радикальному перевороту русской жизни (уничтожению дворянства и мещанства и их собственности), радикальные демократы в то же время допускали возможность удовлетворения их общедемократических требований мирным путем. Например, в прокламации «К молодому поколению» Н. В. Шелгунов и М. Л. Михайлов писали, что «...мы хотели бы, разумеется, чтобы дело не доходило до насильственного переворота» (физического устранения 100 тысяч помещиков)¹⁸. О надеждах на возможные уступки власти (прежде всего, по вопросу об уничтожении переходного состоя-

божденных крестьян) говорит тот факт, что наряду с требованием ликвидации самодержавия, прокламация затем требовала сокращения расходов на «царскую фамилию»¹⁹. Иначе говоря, ее авторы готовы были примириться с сохранением династии Романовых (спустя 20 лет то же самое сделали народовольцы в письме Исполнительного комитета Александру III).

Главными лозунгами нарождающегося народнического движения стали требование для народа «земли» и «воли», впервые четко сформулированные в статье Н. П. Огарева «Что нужно народу?». Она была опубликована в «Колоколе» в июле 1861 г.²⁰ В легальной печати эти требования проводились на страницах журнала «Современник» – самого популярного демократического издания того времени.

Особую остроту вопросу о положении «освобожденного» народа придали захватившие печать после манифеста 19 февраля 1861 «толки» о сближении с ним «образованных людей». Позиция «Современника» подробно раскрывалась в одном из критических очерков И. А. Пиотровского. Суть ее сводилась к признанию просвещения народа в качестве главного рычага предполагаемого сближения. Образование должно было заставить мужика «судить и мыслить» о причинах своего настоящего положения и возможности его улучшения, а также способствовать примирению интересов низших и высших классов народа²¹. То есть публицисты «Современника» разделяли убеждение просветителей XVIII в. в том, что достижения разума якобы могут быть легко перенесены в любую общественную среду.

В статье Пиотровского содержался и весьма прозрачный намек на то, какие еще шаги должны быть приняты со стороны сторонников сближения с простым народом. «Прямая обязанность людей образованных при проявлении народной воли (начала крестьянский волнений. – Г. М.) стремиться достичь благотворных для народа результатов, то есть доставить ему удовлетворение»²².

Постановка «революционерами 1861 года» вопроса о насильственном свержении существовавшего режима и немедленном осуществлении идеалов социализма ускорило самоопределение и сторонников мирных преобразований.

В первой половине 1860-х гг. реформистско-народническая мысль находит отражение в публикациях «Современника», «Века» (1862), «Очерков» (1863) и даже в «Русском слове»²³. Мирное сосуществование в этих легальных периодических изданиях сторонников

«реформ» и «революции» свидетельствует об отсутствии между ними острых противоречий.

Кто же были эти первые народники-реформисты и какие положения они развивали? К сожалению, в литературе эти вопросы специально не изучались, отчасти потому, что долгое время исследователи не рассматривали шестидесятников как народников, хотя и отмечали наличие у них некоторых народнических идей. Поэтому до сих пор начало складывания легального народничества в определенное течение связывается исключительно с расхождением в народнических рядах в оценке реформы 1861 г. «Те из народников, – читаем мы в одном из современных учебников, – кто приветствовал реформу, считая ее основой для достижения социалистического идеала в России, стали первыми представителями легального направления в народническом движении»²⁴.

Разработкой идей, которые затем легли в основу идеологии легального народничества, занималась плеяда известных публицистов и общественных деятелей 1860-х гг. – Г. З. Елисеев, А. П. Щапов, А. Н. Энгельгардт, И. А. Пиотровский, Н. А. Демерт, В. В. Берви-Флеровский, Н. В. Шелгунов и др. И хотя почти все из них попали в известный словарь «Деятели революционного движения в России», в легальной печати они отстаивали совсем другие принципы. По свидетельству А. М. Скабичевского, эти публицисты отличались «трезвою реальностью» своих взглядов: «не проповедуя никаких быстрых и решительных переворотов, они в то же время требовали, чтобы правительство прежде всего и более всего заботилось об увеличении народного благосостояния, употребляя все зависящие от него меры, практически осуществимые и не только не представляющие никакой опасности для государственного порядка, но, напротив того, ведущие к большему упрочению его»²⁵. Настоящие революционеры, конечно, не стали бы выступать за мероприятия, которые могут «упрочить» существующий общественный порядок.

Стройной теории эволюционного развития общества у молодых народников-реформистов 1860-х гг. не существовало. По крайней мере, она нигде не изложена в систематизированном виде. Это объясняется отсутствием у них единой организации, для которой потребовалось бы разработать и обосновать общую программу действий. Литературная же среда, в которой зародилось легальное народничество, отнюдь не располагала к такой консолидации. Тем не менее, у сторонников мирного народнического социализма с самого начала

были некоторые общие задачи и принципы действий, которые мы попытаемся реконструировать.

Свое понимание важнейших задач пореформенной русской жизни легальные народники сформулировали уже к середине 1860-х гг. К их числу относились:

- обеспечение свободы саморазвития и самоопределения общины;
- умственное развитие и просвещение народных масс;
- реальное улучшение материального быта крестьянства.

Отстаивание принципа свободного развития народа вытекало из теории общины, впервые сформулированной Герценом. В 60-е гг. XIX в. легальные народники приложили немало усилий к ее популяризации. Особенно преуспел в этом Щапов. В своих статьях он представлял крестьянскую общину как «первооснову и первообраз» для развития всего русского общества и даже призывал жителей городов учиться у сельского мира его практическим социальным принципам, усвоить себе «дух крестьянской мирской сходчивости и совещательности и мирской дружной общинной инициативы». По мнению публициста, грубый, необразованный, но могучий сельский мир с отменой крепостного права начинал свое «новое саморазвитие»²⁶. Эти утверждения Щапова позволили Г. В. Плеханову назвать его труды значительным вкладом в разработку идеологии народничества²⁷.

Теоретическим обоснованием попыток публицистов-демократов убедить власть в выгодности для государства продолжения курса на освобождение народа от остатков крепостничества явилась концепция самобытности общественного строя России. Эта самобытность виделась им в отсутствии сословий (в их европейском понимании) и «борьбы партий» по причине особой роли в истории страны централизованной государственной власти. «Русская история, — писал Елисеев, — есть дело любовного земского строения; в ней не было никогда и тени борьбы сословностей; народность, земственность составляют ее корень и почву»²⁸. Широкому распространению в легальной народнической публицистике идеи земского, «органического» (бессословного и бесклассового) саморазвития, способного объединить все сословия вокруг общенациональных задач, во многом способствовали подготовка и проведение правительством земской реформы 1864 г.

В 1863 г., когда рухнули надежды на то, что российское крестьянство поднимется на всеобщий бунт по собственному почину, вера

народников-просветителей в социальное саморазвитие масс заметно потускнела.

Первыми о грубости, тупости и пассивности простого народа открыто заявили ведущие публицисты «Русского слова» В. А. Зайцев и Д. И. Писарев. Мировоззрение народа таково, писал Писарев, что надежды на устройство им своей жизни на разумных началах выглядят, по меньшей мере, неосновательными. Люди массы – это «желудок человечества». Они живут по установленной норме, довольны собой и средой и не желают никаких усовершенствований. Поэтому луч света в это «темное царство» принесет не дитя народа – Катерина, как утверждал Н. А. Добролюбов, а «мыслящий реалист» Базаров. К поставленной публицистами «Современника» задаче просвещения народа Писарев относился довольно скептически. По его мнению, для изменения всего строя народного мирозерцания необходимы были соответствующие экономических предпосылки. Их создание также возлагалось на плечи нарождающегося из провинциального дворянства и разночинцев поколения «новых людей»²⁹.

Сам Писарев народником не был, но некоторые из его идей оказали заметное влияние на развитие народнической мысли. Речь идет о признании первостепенного значения развития производительных сил общества и необходимости устройства на рациональных началах фабрик, заводов, экономических ассоциаций, как лучших проводников в народ «реальных» идей и знаний. Без этой, по словам Щапова, «страдной работы», призванной уничтожить дуализм между передовым меньшинством и отсталым большинством («демократией невежества, суеверия и рутины»), всякое движение вперед сделается невозможным³⁰.

К середине 1860-х гг. молодые народники располагали достаточно стройным учением о возможности некапиталистической модернизации страны, опирающимся как на достижения европейской мысли (идеи просвещения, демократии, социализма), так и на традиционные российские институты и ценностей. Однако народничество еще не обладало серьезной общественно-политической силой, способной оказать влияние не только на власть, но и на народ. Потенциально субъектом народнического движения могла стать разночинная интеллигенция, заявившая о себе в начале 1860-х гг. Именно к ней (студентам столичных вузов) обратился тогда Герцен со своим знаменитым лозунгом «в народ!»³¹.

Для завоевания сознания демократически настроенной молодежи новым теоретикам народничества потребовалось перенести идеи и теории его основоположников как бы в новую систему координат, ориентированную на особенности интеллигентского мировосприятия. Точнее речь шла о выработке народнической идеологии – системы взглядов и ценностей новой, «народной» интеллигенции, теоретически обосновывающей место и роль этой социальной группы в обществе. Только идеология обеспечивает переход от теории к социальной практике, от кружковщины к массовому движению под флагом обоснованных его идеологами идеалов и программ практического действия.

С конца 60-х гг. XIX века в народничестве начинают формироваться две идеологии – революционная и реформистская. Сами названия их говорят о том, что главная причина этого раздвоения – разные пути перехода к более справедливому общественному устройству. Революционные народники считали, что для построения в России социализма необходимо предварительно уничтожить существующий в стране эксплуататорский строй как главный источник всех бед простого народа. Они верили, что крестьян можно поднять на вооруженное восстание без апелляции к их традиционным авторитетам (царю и Богу), чего прежде никогда не было. Легальные народники в близкую революцию не верили, полагая, что массы к ней не готовы. Кроме того, их серьезно волновал вопрос о том, что будет на другой день после революции. Чтобы новые общественные формы выполнили свое предназначение, народ и сама интеллигенция должны были до них дорасти. Иначе эти формы могли переродиться. Быстрому, но чреватому непредсказуемыми последствиями решению народного вопроса они предпочитали путь постепенных экономических, политических и культурных преобразований, главной движущей силой которых со временем должен был стать сам народ. Они рассчитывали, что общество и власть рано или поздно поддержат их в этом начинании, уступив требованиям прогресса.

Обе идеологии возникают на волне нового общественного подъема, вызванного ухудшением положения народа и резкими колебаниями правительственного курса. Интеллигентская молодежь, чье мировоззрение формировалось под влиянием демократических идей 1860-х гг., жаждала живого дела. Ответом на запрос интеллигентской среды стали программы практической деятельности в народе, которые включали в себя не только революционную пропаганду, но

и вполне мирную созидательную работу на ниве народного просвещения, оказания населению медицинской, агрономической, юридической помощи, заведения в деревне различных производственных ассоциаций и т.п.

Почвой для зарождения идеологии правого народничества послужили первые попытки легального сближения с освобожденным крестьянской реформой народом, которые интеллигенция начинает предпринимать примерно с середины 1860-х гг. До этого, судя по воспоминаниям современников, «новые люди» ограничивались одними разговорами о просветительской миссии «старшей братии» перед «меньшей братией» и вежливым обращением с народом³².

Приток в провинцию идейной интеллигенции связан, прежде всего, с введением в стране земских учреждений. Многие земцы надеялись, что сумеют поднять народ до своего уровня развития и затем повести его по пути общественного прогресса. В демократической прессе отношение к земству было сдержанным, т.к. его деятельность ограничивалась хозяйственными вопросами местного значения, грозившими интеллигенции погрязнуть в рутине повседневности. С другой стороны, земство открывало реальную возможность для развития местного самоуправления как лучшей школы общественности для народа и самой интеллигенции³³.

Перенесению центра общественной жизни из города в деревню способствовало также развитие в стране кооперативного движения. Молодые народники второй половины 1860-х гг. с большим энтузиазмом восприняли идею создания в деревне образцовых земледельческих общин-коммун. Они мечтали показать народу практический пример того, как можно устроить свою жизнь на артельных началах, без эксплуатации человека человеком. И при этом добиться всеобщего счастья и материального благополучия³⁴.

Так, в 1869 г. в Борисоглебске при непосредственном участии С. Н. Кривенко был организован кружок из представителей местной разночинной интеллигенции. Члены кружка надеялись, действуя легальными средствами, оградить крестьянскую массу от «бюрократического произвола и экономической эксплуатации» – главных, в их понимании, причин ухудшающегося положения народа. Кружок просуществовал почти три года. За это время, благодаря ряду успешных мероприятий (организации для крестьян агрономической, врачебной, юридической помощи и т.п.) его деятельность приобрела симпатии и поддержку со стороны местного населения уезда. Учи-

тая достигнутые успехи, следующим шагом предусматривалось устройство образцовой сельскохозяйственной общины, где хозяйство велось бы по последнему слову агрономической науки, а отношения между работниками базировались бы на принципах полной равноправности и социальной справедливости. Но этой своей цели молодые люди так и не достигли из-за вмешательства местных властей. Опасаясь преследований, в 1871 г. Кривенко и его товарищи перенесли свою деятельность на Кавказ, где они попытались выработать практический образец земледельческой общины-коммуны, чтобы в случае успеха предложить его народу. Однако и этот социальный эксперимент закончился неудачей³⁵.

С конца 1860-х гг. началось паломничество в народ «культурных одиночек» (вольноопределяющихся учителей, врачей, агрономов и т.п.). Своеобразным манифестом нового движения стал роман Д. Л. Мордовцева «Знамения времени» (1869 г.). Устами одного из своих героев автор призывал молодежь отречься от привилегий умственной жизни (книг, литературы, политики) и идти в деревню, чтобы навсегда раствориться в крестьянской среде и жить своим трудом. И все это ради того, чтобы, как тогда говорили, «унавозить почву». «...Мы идем не бунты затевать, не волновать народ и не учить его, а учиться у него терпению, молотбе и косьбе... Мы просто идем слиться с народом: мы бросаем себя в землю, как бросают зерно, чтоб зерно это взшло и уродило от сам-пять до сам-сто, как египетская пшеница»³⁶. По своей популярности в молодежной среде «Знамения времени» почти не уступали роману Чернышевского «Что делать?»³⁷.

Некоторые исследователи считают, что до «хождения в народ» противопоставлять революционеров и реформистов не совсем корректно, т.к. и те и другие воспринимали себя как одно целое³⁸. Здесь уместно привести воспоминания о том времени Н. А. Морозова. По его словам, в начале 1870-х гг. представители революционного подполья называли себя радикалами, людьми дела, а всех писателей легальной литературы, включая Н. К. Михайловского и сотрудников «Отечественных записок», причисляли к либералам, понимая под этим словом всех говорящих о свободе, но не способных пожертвовать собой за свои убеждения. При этом Морозов делает важное добавление, что связей с литераторами у них тогда еще не было³⁹.

С самого начала легальные деятели и подпольщики преследовали разные задачи, хотя и принадлежали к одному демократическому ла-

герю. Известно, что незадолго до «хождения в народ» чайковцы активно обсуждали вопрос о том, должны ли революционеры заниматься чисто просветительской деятельностью. По свидетельству Е. К. Брешко-Брешковской, многие ее товарищи, включая П. Б. Аксельрода, выступили тогда за создание школ для крестьянских детей подросткового возраста, т.к. «неграмотному народу очень трудно привить наши социалистические взгляды и нашу решимость покончить с монархией»⁴⁰.

О том, что легальные народники уже в начале 1870-х гг. представляли самостоятельную общественную силу, свидетельствует резкая критика в их адрес со стороны М. А. Бакунина и П. Л. Лаврова, опасавшихся уклонения молодежи от революционной работы в массах.

Бакунин, обращаясь к «друзьям народа», не верящим в успех народной революции и надеющимся на мирный путь освобождения русского народа от его бед, доказывал полную несостоятельность их позиции. При существующих в стране общественно-политических условиях подтолкнуть крестьянство на путь самостоятельных экономических преобразований путем образования рабочих артелей и кооперативных обществ (ссудных, потребительных и производительных), по убеждению Бакунина, было практически неразрешимой задачей⁴¹. В другом месте Бакунин замечает, что он не против кооперации как таковой, но молодые люди не должны обманывать себя насчет ее результатов, которые будут «песчинками в степи» и «каплями в море»⁴².

С еще более жесткой критикой в адрес «легалистов» выступал Лавров. По его словам, все, кто признают русскую империю, как она есть, и считают возможным подготовить на этой почве социальный переворот, «сами не знают, что говорят». Легальные народники верили, что с помощью артели и школы можно укрепить силы народа и подготовить их к тому моменту, когда массы сумеют добиться своего освобождения «без потрясений, без кровавых и напрасных жертв». Все это, было бы прекрасно, – язвил Лавров, – если бы было возможно. «Народ не в состоянии возродиться сам». Ему необходимо не лечение, а операция, но и она может опоздать, «если гангрена захватила народное тело»⁴³. «Пусть земство, общества сельских хозяев, правительственные комиссии, – писала газета «Вперед!», – толкут воду, говорят речи и пишут отчеты об ”улучшении крестьянского быта”, о “содействии сельскому хозяйству”... Жалкие орудия жалкого общества, они не хотят, да и не могут посмотреть прямо в

глаза вопросу... Он будет поставлен и решен другими»⁴⁴. Конечно, хирургические приемы действуют быстрее, чем терапевтическое лечение. Если правильно поставлен диагноз болезни, в чем у части отечественной интеллигенции уже в начале 70-х гг. XIX в. было немало сомнений.

Итак, легальное народничество возникло в период подготовки отмены в России крепостного права и в течение 1860-х гг. превратилось в устойчивую тенденцию в развитии народнической мысли. А уже с конца 1860-х гг., вместе с началом размежевания между революционными и легальными народниками, создаются предпосылки для формирования идеологии народнического реформизма. Это был очень сложный процесс, затянувшийся до начала 1880-х гг., когда у легальных народников появилась, говоря словами В. И. Харламова, более-менее цельная и в известной мере самостоятельная социолого-экономическая доктрина»⁴⁵.

Для того чтобы установить более точную дату превращения легального народничества в относительно самостоятельное народническое направление, со своей собственной стратегией решения народного вопроса, прежде всего необходимо разобраться с составом его первых теоретиков. Тем более что вопрос об основоположниках легального народничества (применительно к концу 1860-х – первой половине 1870-х гг.) еще не ставился в литературе. Многие исследователи до сих пор считают, что до середины 1870-х гг. у правых народников вообще не было своих идеологов.

2.2. Легальные народники в период подготовки и начала массового «хождения в народ» (1868–1874 гг.)

Перерастание реформистской тенденции в самостоятельное направление развития народнической мысли начинается после перехода в 1868 г. в руки демократов «Отечественных записок» и «Недели». В этих изданиях сосредотачиваются лучшие литературные силы «мирного» народничества в лице Н. К. Михайловского, В. В. Берви-Флеровского, Г. З. Елисеева, С. Н. Кривенко, Н. А. Демерта, А. П. Щапова, С. Н. Южакова, П. А. Гайдебурова, которые станут теоретиками его нового течения.

Народники-реформисты хорошо осознавали значение периодической печати для развития русского общества. В России, по признанию

Елисеева, «по журналу учатся мыслить, судить, даже действовать»⁴⁶. Превращением в главное орудие формирования самосознания и консолидации оппозиционной интеллигенции литература была обязана отсутствием в стране политических свобод. Кроме того, пресса, пусть и подцензурная, – это была, по сути, единственная легальная возможность для оппозиции заявить о своих требованиях к правительству.

В 1870-е гг. легальные народники, в отличие от революционных, в большинстве своем были профессиональными литераторами, т.е. жили доходами от своих публикаций в печати. Развитие журналистики, разделение номеров на отделы (беллетристика, научный и философский, по внутренним вопросам, иностранный и т.д.), необходимость знакомства с научными и практическими достижениями в избранной литератором области, возможность пристального наблюдения за развитием русской жизни способствовали превращению ряда легальных народников в подлинных экспертов, особенно по вопросам положения пореформенной деревни. По этим причинам именно сотрудники легальных журналов занялись разработкой и обоснованием не только социологии и этики действенного народничества, но и его экономической программы, которая станет общей для обоих течений народнической мысли.

К сожалению, правое крыло русского народничества не имело общепризнанного программного произведения. Не один из народников-реформистов 1860-х – первой половины 1870-х гг. даже не пытался систематизировать свои взгляды на механизм общественных преобразований. Неслучайно первым сложившимся идеологом легального/либерального народничества чаще всего называется И. И. Каблиц⁴⁷. И все же позволим себе в этом усомниться. Для этого необходимо не отождествлять, подобно историкам-марксистам, легальное народничество только с его правым крылом (с газетой «Неделя» и теорией «малых дел», с появлением которой якобы началось перерождение «старого» русского народничества).

Первым кандидатом на роль основоположника идеологии легального народничества, безусловно, является Н. К. Михайловский – самый талантливый, плодовитый и наиболее востребованный из народников-реформистов 1870-х гг., подлинный властитель дум тогдашней молодежи⁴⁸. Одно время советские историки причисляли его к «легальным публицистам революционного лагеря». Например, Э. С. Виленская расценивала известное высказывание Михайловского о том, что он больше боится революции, чем реакции, как косвен-

ное подтверждение его революционности⁴⁹. Но в последние годы исследователи предпочитают объяснять отказ Михайловского от сотрудничества в газете «Вперед!» другим его признанием из письма к Лаврову: «я не революционер, всякому свое» (написано в 1873 г.)⁵⁰.

Роль Михайловского в становлении доктрины легального народничества трудно переоценить. Его формула прогресса, теория типов и степеней развития, субъективный метод оценки общественных явлений и т.д. укрепят веру интеллигенции в ее демократические идеалы, основанные на принципах солидарности и сотрудничества. Именно Михайловский, как убежденный противник идеи стихийного социального творчества масс (революции «снизу»), одним из первых указал на то, что простой народ всегда ожидал своего спасения от Бога, царя, московских купцов, но не от себя. Поэтому было бы наивно надеяться, что он «спасет себя и нас». Кроме того, по мнению Михайловского, стихия народного бунта могла разрушить все достижения цивилизации в России, достигнутые такой дорогой ценой⁵¹. Неутешительные итоги попыток интеллигенции пробудить в массах дух революционного протеста лишней раз убеждали публициста в необходимости предварительного подъема общего уровня народного просвещения и культуры.

Уже в начале «героического» десятилетия Михайловский – одна из самых ярких фигур русского освободительного движения, настоящий кумир народнической интеллигенции. Большинство других видных теоретиков легального народничества (В. П. Воронцов, С. Н. Южаков, Л. Е. Оболенский, А. С. Пругавин, не исключая главного антипода Михайловского – Иосифа Каблицы, сформулируют свои взгляды только после «хождения в народ», а то и позднее, предварительно переболев (по молодости лет) разными формами революционизма. Вероятно, поэтому никто из них не сможет встать с Михайловским на одну ступень или хотя бы бросить тень на его славу «апостола истины и справедливости».

Проблема в том, что Михайловский был, прежде всего, социологом, разрабатывавшим вместе с П. Л. Лавровым и С. Н. Южаковым главные положения субъективной социологии народничества. Вопросами текущей внутренней жизни страны он почти не занимался (по крайней мере, до конца 1870-х гг.), а именно в этой области легальное народничество могло сказать свое новое слово.

Важный вклад в формирование экономической программы раннего народничества внес В. В. Берви-Флеровский⁵². В 1869 г. он под-

готовил капитальный труд «Положение рабочего класса в России» – первое обстоятельное исследование о состоянии пореформенной экономики, жизни крестьян, ремесленников и кустарей. По признанию современников, появление этой книги стало «призывным набатом, раздавшимся неожиданно в тиши глубокой ночи... Все мыслящее общество встрепелось, а особенно молодежь»⁵³. К. Маркс назвал ее «самой значительной книгой», вышедшей после «Положения рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса. Между тем, предлагаемые Берви практические меры помощи народу никак не систематизировались и, по сути, ограничивались призывом к власти освободить крестьян от подушных, оброчных и земских сборов и указанием на возможность гармонизации отношений между предпринимателями и рабочими через организацию производственных товариществ⁵⁴.

Но на роль родоначальника реформаторского народничества может претендовать еще один яркий представитель демократической журналистики первых пореформенных десятилетий, ведущий публицист «Отечественных записок» Г. З. Елисеев⁵⁵. Он не был ни социологом, ни экономистом, хотя за ним признают постановку вопроса о русском капитализме. Основная заслуга Елисеева в том, что он первым сформулировал идейно-тактические принципы практической деятельности легального народничества.

С конца 1860-х гг. во внутренних обозрениях Елисеева для «Отечественных записок» деревня окончательно превращается в центр русской жизни, а крестьянство с его нуждами и горестями – в главный объект забот демократической интеллигенции. Конечно, не Елисеев привлек внимание общества к крестьянскому вопросу. Но, по признанию современников, он сконцентрировал на нем внимание народнической публицистики. Как вспоминал потом Н. В. Шелгунов, именно Елисееву «мужик обязан более всего тем, что к нему повернулось общественное мнение, и что, наконец, явилась даже “мужицкая” внутренняя политика»⁵⁶.

В 1868 г. Елисеев публикует в «Отечественных записках» статью программного характера «Крестьянский вопрос». В ней он не только дает в целом положительную оценку отмены в России крепостного права, но и проводит крамольную для шестидесятников мысль, что крестьянская реформа создала почву для поступательного развития народа и общества. «С крестьянской реформой неразрывно связаны все лучшие начинания настоящего – городское и земское самоуправление, гласные суды, свобода прессы и т.п. С нею, – по словам пуб-

лица, – связаны и все наши надежды в будущем. Усомниться относительно прочности нашей крестьянской реформы в будущем... значило бы признать свое полное умственное и экономическое банкротство...»⁵⁷.

Елисеев вовсе не закрывал глаза на недостатки реформы 1861 г. «Крестьянство, – писал он в 1872 г., – свободное de jure со времени обнародования положения 19-го февраля, de facto остается все еще связанным по рукам и ногам: 1) круговой порукой, паспортной системой, рекрутством; 2) чрезмерными налогами; 3) отсутствием надлежащей организации общины, которая вследствие этого во многих местностях уже и в настоящее время находится в опасности чрезмерного размножения населения»⁵⁸. Но могла ли демократическая интеллигенция исправить эти недостатки, опираясь на свои собственные силы? Как уже отмечалось, Елисеев очень высоко оценивал деятельность органов местного самоуправления. (Известно, что он передал тверскому земству 20 тыс. руб. личных сбережений для усиления капитала, назначенного на ссуду крестьянским обществам для покупки земли⁵⁹). В то же время публицист предлагал демократической интеллигенции признать и другие реалии пореформенной русской жизни, а именно тот факт, что кроме земства и печати у нее нет других рычагов для оказания практической помощи народу. Более того. По убеждению Елисеева, освободить крестьян от остатков крепостничества, «поставить мужика на ноги» и уберечь от дальнейшего разорения под силу только существующему государству. Поэтому он не призывал к немедленной замене монархии парламентаризмом, опасаясь, что при сохранении в стране господства капиталов это приведет к захвату власти имущественными классами⁶⁰. Елисеев все еще надеялся «приспособить» проводимые царским правительством реформы к потребностям нарождающегося либерально-демократического общества, воздействуя на власть проповедью принципов и начал истинного прогресса.

Последовательно проводимая Елисеевым «программа будничного дня», несмотря на ее умеренность и аполитизм, оказала сильное влияние как на формирование взглядов будущих идеологов легального народничества (С. Н. Кривенко, В. П. Воронцов, С. Н. Южаков и др.), так и на многотысячную читательскую аудиторию «Отечественных записок» 1870-х гг. Тот факт, что Елисеев не сделал себе громкого имени и вскоре после смерти был забыт, во многом объяс-

няется анонимностью большинства его статей и отсутствием их отдельных прижизненных переизданий⁶¹.

Из народников-легалистов, с самого начала не разделявших тактических принципов революционного народничества, назовем также С. Н. Кривенко и В. П. Воронцова.

Сотрудничество Кривенко в журнале «Отечественные записки» начинается в 1873 г.⁶². На страницах этого преемника «Современника» он занялся разработкой популярного тогда в обществе кооперативного вопроса. Следует отметить, что отношение Кривенко к кооперативным обществам было сдержанным. Он, в частности, выражал несогласие с мнениями некоторых буржуазных экономистов, считавших кооперацию радикальным средством против нищеты. Не разделял он и надежд на то, что кооперативные ассоциации «переродят весь мир». Получившие тогда широкое распространение ссудо-сберегательные и потребительские товарищества в большинстве своем являлись объединениями зажиточных людей. В борьбе со злоупотреблениями крупного капитала они опирались на самопомощь и, естественно, не могли охватить все рабочее сословие. Потому публицист делал вывод, что, обещая общее счастье, они будут только помогать сильному сделаться еще сильнее, а слабому еще слабее. Тем не менее, будущее, по убеждению Кривенко, принадлежало крупным промышленным кооперативам и производительным товариществам, основанным на началах совместного труда и распределения⁶³.

Общественная деятельность Воронцова⁶⁴ началась с участия в студенческих волнениях 1869–1870 гг., в ходе которых он дважды оказывался под арестом⁶⁵. Чуть позже Воронцов сближается с чайковцами. Однако членом этой революционной организации он так и не стал, мотивируя это тем, что «подпольная революционная деятельность в русских условиях, не давая реальных результатов, всегда лишь усиливает реакцию и сокращает возможность культурной работы в народе»⁶⁶. В то же время, никто не отрицает, что Воронцов был идейно близким к народническому движению 70-х гг. и оказывал революционерам всякое содействие. Известно, что в декабре 1871 г. он участвовал в собрании радикальной молодежи на квартире профессора Н. С. Таганцева. На нем обсуждался вопрос о том, какое положение должна принять «народная партия» в случае дарования Александром II конституции. По воспоминаниям И. Е. Деникера и Н. А. Чарушина, в прениях выступали Воронцов и чайковцы

Д. А. Клеменц и Ф. В. Волховский. Все они были едины в том, что конституция «дело хорошее», но без сознательного участия в борьбе за нее широких масс она не будет выражать общенародных интересов. Правительство может дать лишь «кущую» конституцию. В итоге собрание пришло к выводу о необходимости организации народных масс в целях вовлечения их в активную борьбу с самодержавием⁶⁷.

Изучение политических биографий первых легально-народнических социологов, экономистов и публицистов интересно не только тем, что впоследствии они стали видными теоретиками народничества. Жизненный путь таких народников как Кривенко и Воронцов, целиком посвятивших себя общественному служению, во многом типичен для русских «кающихся дворян» 60–70-х гг. XIX в. Это важное обстоятельство дало им впоследствии моральное право говорить о демократической русской интеллигенции и от своего собственного имени.

В истории русской общественности 1870-е годы – это время, когда народническая интеллигенция превращается в серьезную общественную силу, способную осуществить такую грандиозную акцию, как «хождение в народ».

Характерной особенностью «действенного» народничества как выражения взглядов наиболее радикальной части русской интеллигенции многие его современники признавали идею неоплатного долга образованного общества перед народом, т.е. его этическое самоопределение. По свидетельству Н. Н. Златовратского, Я. В. Абрамова, Л. Е. Оболенского, готовность народников принести себя в жертву народным интересам возникла из этой идеи и продолжала жить до тех пор, пока мысль о долге перед «меньшим братом» – мужиком сохраняла власть над умами и сердцами интеллигентной молодежи⁶⁸.

С таким идеалистическим взглядом на причины возникновения одного из крупнейших общественных течений пореформенной России были согласны далеко не все его теоретики⁶⁹. Но, видимо, не случайно идейные противники народничества часто направляли острие своей критики именно против догмата долга, т.е. признания коллективной ответственности образованного общества за грехи отцов-крепостников и за свое «теперешнее» привилегированное положение⁷⁰.

В литературе о народничестве возникновение вопроса о расплате интеллигенции с народом, как ее первой нравственной обязанности, обычно связывают с эпохой «хождения в народ»⁷¹. И лишь не-

многие исследователи вспоминают о том, что идея возвращения долга «обездоленному нашему брату (мужику. – Г. М.)» уже присутствовала в статье Герцена «С того берега» (1850 г.)⁷². Она вытекала из концепции двух России – народной (производящей материальные блага) и дворянско-чиновничьей, существующей за счет систематического грабежа трудящихся масс и потому находящейся перед ними в постоянном долгу⁷³. Другими словами, одна из самых проникновенных народнических идей возникла у Герцена уже тогда, когда он закладывал основы теории русского общинного социализма. Правда, еще в течение десяти лет она будет достоянием «уединенной» интеллигентской мысли.

Проникновение в сознание передового русского общества идеи вины и неизбежной расплаты за многовековые страдания народа произойдет в эпоху отмены крепостного права. Именно тогда журнал «Современник» начнет настойчиво убеждать дворянскую интеллигенцию в том, что она «заедает» народный труд, не испытывая при этом ни малейшего стыда перед теми, кто обеспечивает ее безбедное существование⁷⁴. В том же журнале в хронике «Записки современника» за 1865 г. появилась теоретически важная статья Ю. Г. Жуковского «Как измерить примерно долг народу цивилизованных классов?». Ее цель – доказать право народа на землю, капиталы и приобретение культуры, чего он был насильственно лишен крепостным правом. Вернуть все это – означало восстановить историческую справедливость, нарушенную в свое время предками нынешней дворянской интеллигенции. В статье весьма обстоятельно разбирается вопрос о моральном состоянии современного общества, воспитанного в духе «спекуляции» и посягательства на «личное достоинство массы» и доказывается необходимость противопоставить ему принципы гуманизма и уважения человеческой личности. По мнению автора, личная энергия должна возбуждаться только «чувством долга» и «обеспечиваться общественным мнением»⁷⁵.

Из идеологов народничества 1870-х гг. о долге передового меньшинства перед народом одним из первых заговорил П. Л. Лавров в своих знаменитых «Исторических письмах» (1868–1869 гг.). Основное содержание «писем» заключалось в обосновании особой роли в истории «критически мыслящих личностей» (лавровский аналог слова «интеллигенция», которое пока им не употреблялось). Эти личности обеспечены от самой упорной борьбы за существование, не подавлены ежедневными заботами о хлебе насущном, а потому

имеют возможность смотреть далеко вперед и думать об общем деле, в том числе об историческом прогрессе. В силу своего высокого нравственного развития «критически мыслящие личности» начинают сознавать, что современная цивилизация и культура созданы «ценой крови, страданий и труда миллионов». Поэтому они считают своим нравственным долгом снять с себя ответственность за кровавую цену прогресса, употребив свое развитие на то, чтобы облегчить положение народа путем «посильного распространения удобств жизни, умственного и нравственного развития на большинство». «Зло (отстранение трудящихся масс от участия в культурно-исторической жизни страны. – Г. М.) надо зажить»⁷⁶.

Таким образом, идея долга из благого пожелания облагодетельствовать бывших крепостных, какой она была в 1860-е гг., под пером Лаврова превращается в строгий нравственный императив: долг неоплатен до тех пор, пока простой народ остается несвободным.

Следующий важный шаг в развитии теории долга сделал тогда еще молодой публицист и литературный критик Н. К. Михайловский. К теме нравственного долга интеллигенции перед народом Михайловский обратился в 1872–1873 гг. в «Литературных и журнальных заметках», которые являлись откликом писателя на «злобу дня». На его повестке стоял тогда вопрос о сближении идейной молодежи с массами. Будучи легальным публицистом, Михайловский открыто идти в деревню не призывал, тем более с целью подготовки там народной революции, в успехе которой он сильно сомневался. В первой половине 70-х гг. XIX в. главной задачей интеллигенции народнический теоретик считал развитие самосознания народа и его приобщение к цивилизации при помощи имеющихся у образованного меньшинства средств (науки, искусства, техники и т.п.).

«Мы поняли, – писал Михайловский в феврале 1873 г., – что сознание общечеловеческой правды и общечеловеческих идеалов далось нам только благодаря вековым страданиям народа. Мы не виноваты в этих страданиях, не виноваты и в том, что воспитывались на их счет, как не виноват яркий и ароматный цветок в том, что он поглощает лучшие соки растения. Но, принимая эту роль цветка из прошедшего, как нечто фатальное, мы не хотим ее в будущем... мы пришли к мысли, что мы должники народа. Может быть, такого параграфа и нет в народной правде, даже, наверное, нет, но мы его ставим во главу угла нашей жизни и деятельности, хоть, может быть, не всегда вполне сознательно. Мы можем спорить о размерах долга, о

способах его погашения, но долг лежит на нашей совести, и мы его отдать желаем»⁷⁷.

В данной тираде обращает на себя внимание мысль, проходящая красной нитью через все размышления Михайловского об интеллигенции и народе. Интеллигенция стремилась вернуть долг кредиторам, который таковым себя не считала. Она по сути дела навязывалась народу, что грозило ей однажды услышать грозное предостережение: «не суйся!»⁷⁸. Сознать этот факт чисто психологически необыкновенно больно и горько. Но интеллигенция была готова служить народу, даже если он отвернется от этой помощи, потому что, замечает Михайловский, это служение необходимо не только массам обездоленных крестьян, темных даже в своей вере в Бога, но и самой интеллигенции⁷⁹. Почему необходимо? Если верить публицисту, по тем же психологическим причинам.

Сопереживание страданиям других людей является важнейшим психологическим свойством личности, способным оказывать серьезное влияние на мотивы ее поведения. Это положение Михайловский взял за основу своего учения о так называемой «кающейся» дворянской интеллигенции. И как показала дальнейшая история, апелляция к психологии человеческого поведения оказалась очень важным дополнением к аргументации Лаврова в пользу теории нравственного долга.

Само выражение «кающийся дворянин» впервые упоминается в художественно-публицистических очерках «Вперемежку», печатавшихся в «Отечественных записках» в 1876–1877 гг.⁸⁰ От лица «кающегося дворянина» Григория Темкина Михайловский ведет в них повествование о настроениях современной ему русской демократической интеллигенции.

Давая характеристику данному типу общественных деятелей, публицист замечает, что появился он «очень давно». Уже потом историки назовут первым «раскаявшимся дворянином» Александра Радищева. «Я взглянул окрест себя, – писал великий русский просветитель в своем знаменитом «Путешествии», – душа моя страданиями человечества уязвлена была»⁸¹. Однако в массе своей такие дворяне-интеллигенты обнаружались лишь в 40-е годы XIX в., а заметным историческим фактором стали только в эпоху реформ 1860-х гг., когда, по словам Михайловского, «смешались с разночинцами». В семидесятые годы это течение «лишь ярче и резче обозначилось»⁸².

Кто же такой «кающийся дворянин»? Это человек с «больной совестью». Мироощущение «кающегося дворянина» определялось чув-

ством ответственности перед народом за свое привилегированное положение и страстным желанием «омыть грехи прошлого» (своих дедов и отцов – крепостников), чтобы самим стать «лучше и чище». Михайловский писал об этом так: «если я, “интеллектуальный” человек, сознаю, что интеллект мой и все связанные с ним наслаждения куплены ценою “пота многих”, то каково должно быть мое поведение? Отказаться от интеллектуальных наслаждений я не могу, признать их происхождение безгрешным – тоже не могу»⁸³.

Постоянные приступы нравственной рефлексии у людей, воспитанных в духе передовых идей своего времени, были естественной реакцией на жестокости и несправедливости существующего в России общественного порядка. Знание что такое истина и справедливость, и невозможность гармонизировать с ними собственную жизнь порождали у интеллигента не только муки совести, но еще и болезненный самоанализ, ведущий к серьезному внутреннему разладу и колебаниям. Выходом из этого душевного кризиса стала идея искупления исторического греха своего сословия путем изменения хода русской истории во благо всего народа.

Конечно, нельзя объяснить причины активизации дворянской интеллигенции в 60–70-е гг. XIX века, анализируя только ее морально-психологическое состояние. Народничество как идеология некапиталистической модернизации страны всегда ставило перед своими адептами куда более важные цели и задачи, чем замаливание грехов. Но то, что самоидентификация народнической интеллигенции началась с признания идеи ее неоплатного долга перед народом – это исторический факт.

На то, как глубоко запала в душу учащейся молодежи нравственная проповедь Лаврова и Михайловского, указывают непосредственные участники событий. Один из самых красноречивых примеров – письмо к матери студента Медико-хирургической академии Сергея Голоушева⁸⁴. «Народ, – делится он с ней в феврале 1874 г. своими самыми сокровенными мыслями, – единственный производитель, он кормит и поит целый класс бесполезных ему и вредных паразитов, из среды которых и мы с вами вышли и к которым отчасти пока еще и принадлежим. И всякий человек, не обративший всю свою деятельность, не отдавшийся совершенно на служение народу, является непременно паразитом и вором». Не паразиты – это народный учитель или доктор, помогающий беднякам⁸⁵. Судя по мемуарной литературе, в семидесятые годы подобные убеждения разделяли сотни

молодых людей, составлявшие цвет тогдашней демократической интеллигенции⁸⁶.

По свидетельствам современников можно попытаться реконструировать и сам процесс приобщения человека к «новой вере» в особую миссию «народного спасителя». Помимо влияния соответствующей литературы (сочинений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, Н. К. Михайловского, Д. Л. Мордовцева, Г. З. Елисеева, Н. В. Шелгунова) – главного источника новых идей, огромную роль здесь сыграли студенческие кружки и собрания. Так, из мемуаров известного «чайковца» Николая Чарушина мы узнаем, что осенью и зимой 1873 г. повсеместно в России, но особенно оживленно в Петербурге происходили многочисленные собрания, на которых в переполненных помещениях шли дебаты на злободневные темы. «Всюду, – пишет Чарушин, – говорилось о народе, его страданиях, его прогрессирующей нищете и систематическом угнетении, о том, что такое положение не может более длиться, что пора, наконец, открыть народу глаза на причины этого зла и тем заставить его выйти из бездейственного состояния. Говорилось далее, что обязанности в этом великом и неотложном деле прежде всего лежат на интеллигенции, познавшей эти причины благодаря лишь тому, что этот народ веками за счет своего благополучия воспитывал ее и давал ей возможность приобщиться к знанию и культуре, что этот неоплатный долг народу пора наконец оплачивать, отдав свои силы на его освобождение...»⁸⁷.

А вот откровения одного из рядовых участников народнического движения Н. В. Васильева о том, как он полюбил простой народ. К мысли о необходимости пострадать за бедный русский народ 19-летний юноша пришел под влиянием речи студента Медико-хирургической академии Л. П. Буланова, будущего землевольца, участника покушения на шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Оратор так возбужденно говорил о нищете и темноте народной, о безысходности страданий и горе крестьян и рабочих, что «слушая его, я, – вспоминает Васильев, – как будто сам ощущал громадность этих страданий, захватывало дух, слезы сострадания наполняли глаза, а кулаки сжимались... Потом его «проповедь» перешла на тему о нашем, т.е. учащейся молодежи, долге служить народу, вывести его из бедности и темноты... Детали его речей исчезли из моей памяти, но я всегда чувствовал, что именно эта проповедь Буланова, в эту тихую ночь заложила во мне зерно любви к народу, зерно любви к бедному лю-

ду, к крестьянству, к рабочим, зерно беззаветной преданности их делу, которая дала потом направление всей моей жизни»⁸⁸.

Жажда молодыми людьми романтики, подвигов и приключений вполне понятна и объяснима. Однако посвящать свою жизнь борьбе за будущее счастье других, совершенно незнакомых людей, чтобы рано или поздно попасть в тюрьму или на каторгу, это привилегия единиц. Для этого нужно было, по выражению Васильева, заразиться «революционными бациллами». А потому овладеть нравственным сознанием значительной части молодежи этим идеям явно не удалось.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский вспоминает, как на одной из студенческих вечеринок его родственник В. Г. Малеванный буквально кричал о нравственной обязанности интеллигенции жертвовать собой для блага народа, выше которого ничего нет, «а кто этого не делает, тот подлец!». Будущего литературоведа эта логика тронула очень мало и не послужила противоядием пессимистическому отношению к народу и его судьбам. Слишком догматичны были приемы народнического мышления. Чувствовалась, пишет он, какая-то «психическая духота» и «спертость интеллектуальной атмосферы» подобных собраний, требовавших отказа от ценностей культуры и опрощения⁸⁹.

Учение о неоплатном долге интеллигенции народу вызывало сомнения у многих идейных противников народничества. Но в период общественного подъема 1870-х гг., тон которому задавали идеологи народничества, в сфере общественных вопросов было полное господство морали долга и покаяния⁹⁰. Даже те представители интеллигенции, кто не разделял народнических догматов, находились в той или иной степени зависимости от их «силовых полей».

По большому счету культ «страдающего народа» и «страдающей от мук совести интеллигенции» был необходим народникам как мощный импульс для начала движения в народ. Уже в конце XIX в. теория «вины» одного сословия перед другим не выдерживает критики. Но в 1874–1875 гг. она сработала весьма эффективно, как хорошо отлаженный пусковой механизм. Три тысячи человек пойдут в деревню, чтобы объяснить народу его истинные интересы. Для этого они отрекутся от всех выгод своего положения, от всех радостей жизни, принеся в жертву новому молоху (народу) свои личные интересы, личное счастье, а некоторые – свободу и жизнь.

«Хождение интеллигенции в народ» (в крестьянство) в середине 70-х гг. XIX в. явилось переломным моментом в истории всего народ-

нического движения. До этого «похода» у народников отсутствовало четкое понятие о массах, которые они собирались завоевать. Народ, «таинственный незнакомец», известный главным образом по книгам, слухам да случайным встречам на улице, представлялся им не иначе как «дедушка Егор» – защитник угнетенных⁹¹, люто ненавидящий современный общественный строй, желающий общинного владения землей и орудиями труда и т.д. в духе исповедуемых народниками социалистических теорий. Необходимо было только помочь пробудиться народному сознанию и уяснить ему то, что «он может быть не совсем ясно понимает в системе гнетущих его условий»⁹². Собственно говоря, эта безграничная вера в народ, основанная на идеализации его социально-творческих сил, и подтолкнула интеллигенцию к практическим шагам в направлении ею же сотворенного кумира.

Вначале «хождения» многие его участники, вдохновленные идеями М. А. Бакунина, принялись за активную агитацию против царя, церкви, помещиков и чиновничества, указывая на них как на главных виновников высоких податей, рекрутчины и малоземелья. Но народ жестоко обманул их розовые надежды. Признавая вполне законным протест против своих непосредственных угнетателей, крестьяне, мастера и пролетарии в большинстве своем категорически отказывались бунтовать против верховной власти⁹³. «Что подедаешь? – сетовали мужики. У начальства сила, а у нас рознь». «Да! молиться будем, авось Господь и помилует, а самим как можно сопротивляться?» В крайнем случае, ответ был таков: «вы там сами начните, а мы уж поддержим». Причину нужды и бедственного положения трудящиеся массы видели в собственном пьянстве и распутстве («ах кабы не вино»), в отступлении от Бога и наказании за грехи, но никак не во внешних условиях своей жизни⁹⁴.

Убедившись в том, что критика царя и призыв к бунту только отталкивают крестьянство, молодежь перешла на пропаганду социалистических идеалов. Народники надеялись, что инстинктивное стремление крестьян к уравнительному землепользованию и общественной обработке земли обеспечит этой пропаганде быстрый успех⁹⁵. Однако все попытки убедить мирян в преимуществах «огульного» (коллективного) труда также окончились безрезультатно. «А ты запасись-ко сам землей, – говорили мужики пропагандистам, – тогда и увидишь, как хозяйничать на ней всем вместе»⁹⁶. Немало трудностей на пути в народ встретил и идеал полного мирского самоуправления. Народники не раз отмечали отсутствие солидарности среди крестьян

ян, с точки зрения которых хороший мужик тот, «кто на сходках ни одна не бывал». Все дела в мире решались кулаками и их подручными, часто к невыгоде остальных односельчан⁹⁷.

Особую тревогу у народнической интеллигенции вызвала неудача книжной пропаганды. Как правило, слушатели зевали, поддакивали, но смысл прочитанного для большинства из них оставался непонятным. Книги, распространенные для самостоятельного чтения, шли на «цигарки»⁹⁸. Не удалась и попытки воспитания скольконибудь значительного числа пропагандистов из народа. «Слушают-то слушают, – замечал С. Л. Аронзон, – но сами слышанное не распространяют, разговоры остаются разговорами»⁹⁹.

Еще во время хождения молодежь начинает задумываться о причинах его неудачи. Многие увидели их в невежестве и религиозных предрассудках почти поголовно безграмотного крестьянства. Отмечался также консерватизм, бедность «внутренней психической жизни» (отсутствие склонности к отвлеченному мышлению). Тяжелый труд, скудное питание, большой рабочий день, по мнению А. О. Лукашевича, повлекли за собой притупление всякой умственной энергии масс, что сделало крайне затруднительным какую-либо широкую идейную деятельность в народе¹⁰⁰.

Вместе с тем, обращали на себя внимание и другие, более глубокие причины невосприимчивости массового сознания к отвлеченным социальным идеалам народничества. Участники хождения, например, отмечали отсутствие в деревне резких границ между эксплуататорами и эксплуатируемыми, применение многими крестьянами наемного труда при обработке земли и, наконец, стремление «хозяйственных мужиков» разделить прикупленную «божью землю» в частную собственность («своя-то выгоднее!»), от которой их было труднее отговорить, чем от царя¹⁰¹.

Все эти факты свидетельствовали о начале социального расслоения крестьянства под влиянием проникновения в деревню товарно-денежных отношений. «Я убежден, – резюмировал этот процесс Дмитрий Рогачев, – что в будущем община уничтожится, и у нас будет пролетариат»¹⁰². Но не все участники хождения пришли к столь пессимистическим выводам. Деревня открыла свои «темные» стороны, развенчала многие навешанные революционерами-теоретиками радужные иллюзии. В то же время она укрепила веру молодежи в «отрадные» свойства народной души (ненависть к эксплуататорам, стремление к черному переделу, уважение к производительному

труду, «презрение к торговле», сочувствие деятельности пропагандистов и т.п.)¹⁰³. Спустя много лет И. И. Каблиц напишет в своей автобиографии, что пешее «путешествие» по ряду южных губерний «внушило мне радостную уверенность в правильности моих народнических убеждений», которые, впрочем, заключались в признании за народом права на самоопределение своей жизни и необходимости устранения от влияния на нее интеллигенции¹⁰⁴.

Более глубокое осознание неоднозначных результатов «хождения в народ» требовало времени и опыта, но уже эта первая серьезная попытка сближения с крестьянством обнаружила, что «кредитор» вовсе не считает себя таковым. Более того, он весьма далек от мысли об улучшении своего положения путем радикальных социальных и политических преобразований. Оказалось, что интеллигенцию и народ разделяют не столько внешние препятствия в виде социальных перегородок и «полицейских рогаток», сколько разное отношение к окружающей жизни и друг к другу, почти полное взаимное незнание и непонимание. Преодолеть это внутреннее отчуждение и порождаемое им недоверие силой убеждения (на что изначально делалась ставка идеологами революционного народничества) было практически невозможно¹⁰⁵.

Таким образом, наметившаяся еще в «Современнике» тенденция к поиску мирных путей к идеалам крестьянского социализма с 1868 г. на страницах «Отечественных записок» превращается в самостоятельное течение народнической мысли. Главной причиной возникновения легального народничества явился подъем в стране общественного движения, в котором с самого начала принимали участие не только представители революционных кружков, но сторонники мирной просветительской работы в деревне.

Изначально у народников-реформистов сложилось два противоположных подхода к путям общественных преобразований. Одни из них отдавали приоритет практической работе в земстве или в качестве «культурных одиночек». Другие придавали особое значение созданию новых социальных учреждений (коммун-общин, производственных артелей и т.п.).

Еще до «хождения в народ» усилиями Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловского, С. Н. Кривенко получила развитие доктрина «раннего» эволюционного социализма. Ее суть сводилась к убеждению в возможности организации в народе широкого кооперативного движения, которое со временем приведет к возникновению в деревне оча-

гов «народного социализма» (в обход власти или даже при ее частичной поддержке). Тогда же на страницах «Отечественных записок» и «Недели» были разработаны основные положения легально-народнической программы неотложной (просветительской, врачебной, агрономической, технической, юридической и т.п.) помощи деревне. Эта деятельность должна была создать предпосылки для пробуждения в народе стремления к изменению своей жизни. Однако дальнейшее развитие общественного движения заставит и революционных, и легальных народников внести в свои первоначальные представления о народе и задачах интеллигенции серьезные коррективы.

2.3. Формирование течений легального народничества в середине 70-х – начале 1880-х гг. XIX в.

70-е годы XIX в. вошли в историю русского народничества как время перехода от разработки теоретических основ программы действий к попыткам ее реализации на практике. Знакомство интеллигентной молодежи с реальным народом совершенно неожиданно открыло существование между ними глубокого раскола, разрыва, который можно было сравнить с широкой полосой выжженной земли. Оказалось, что интеллигенцию и народ разделяют не только сословные перегородки и исторически сложившееся недоверие мужика к представителям привилегированных классов. Их еще можно было попытаться преодолеть. Подлинная преграда на пути их сближения заключалась в существенных различиях в мировоззрении, образе жизни и культуре. Интеллигенция и народ мыслили и говорили как бы на разных языках, а потому завязать между ними диалог оказалось крайне затруднительно. Не случайно уже во второй половине 1870-х гг. восторженная вера в мужика сменяется откровенным пессимизмом и на смену лозунга «все для народа и через народ» приходит новая формула действий: «для народа, но без народа», т.е. при помощи одной передовой интеллигенции.

Ближайшим последствием «крестового похода» в деревню станет окончательный раскол народничества на два самостоятельных лагеря (революционный и реформистский).

Революционные народники (в лице землевольцев), не желая расставаться с верой в потенциальную готовность народных масс к революции, попытаются объяснить все свои прошлые неудачи не-

знанием народа, торопливостью пропаганды, стремлением поднять крестьянство во имя совершенно непонятных для него идеалов западноевропейского социализма, т.е. неумелостью собственных действий. В основу своей новой программы землевольцы поставят «действительные» народные идеалы и требования в том виде, «как их создала история и осознает сам народ». «Мало сбросить платье и надеть сермягу, чтобы быть принятым народом. Пришло время сбросить и с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу»¹⁰⁶.

Однако воплощение в жизнь «крестьянских» требований «земли» и «воли» революционеры по-прежнему связывали с организацией всенародного бунта. По этой причине «Земля и воля» просуществовала всего три года, до тех пор, пока народники-политики не убедились в невозможности пробить брешь в стене, разделяющей их с народом, при сохранении существующего в стране политического режима. «Понятно, – заключал по этому поводу С. М. Кравчинский в июле 1878 г., – что толпа бьющихся об стену, наконец, почувствовала изнеможение. Начинается новый очень серьезный период в нашем движении»¹⁰⁷.

Во второй половине 1870-х гг. процесс размежевания на почве идейно-тактических разногласий затронет и теоретиков легального народничества. Попытаемся выяснить как различные ответы на вопрос «что делать интеллигенции?» приведут к становлению «ортодоксального» народничества «Недели» и «критического» народничества «Отечественных записок» и «Дела». И почему многие народнические публицисты и литературные критики перестанут доверять «народной мудрости» и в деле освобождения трудящихся классов главную ставку сделают на «критически мыслящих личностей»?

В 70-е гг. XIX в. сакральный для русской интеллигенции вопрос о ее общественных задачах чаще всего будет осмысливаться в форме дилеммы: «народ учить или у народа учиться?». Еще до «безумного» лета 1874 г. об этом с истинно юношеским задором будут спорить бунтари и пропагандисты. Более близкое знакомство интеллигенции с народом только углубит разногласия между народническими фракциями¹⁰⁸.

В 1875 году полемика об отношениях интеллигенции с народом получила дальнейшее продолжение в серии статей молодого публициста «Недели» П. П. Червинского¹⁰⁹, только что возвратившегося из пятилетней ссылки в Холмогоры. Эти статьи, подписанные псевдо-

нимом «П. Ч.», были пропитаны обычной для народников риторикой. Деревня провозглашалась центром русской жизни, а крестьянская община – не символом отсталости России, а ее главной национальной особенностью. «Новое слово» Червинского, сделавшее его выступления в печати настоящей сенсацией, заключалось в тех рекомендациях, который «П. Ч.» давал народолюбивой русской интеллигенции. Если она действительно желала посвятить себя служению народу, то должна была перестать мудрить над его жизнью по иностранным образцам и книжкам, т.е. вести народ к идеалам, выработанным на Западе. Русская жизнь, по убеждению Червинского, ставила перед интеллигенцией совершенно другие задачи: возвышение земледельца до уровня цивилизованных потребностей, развитие народного сознания за счет обогащения его положительными знаниями о мире, обществе и о себе, и главное – восстановление культурной самобытности народа-пахаря как залога его дальнейшего самостоятельного развития¹¹⁰.

Главная мысль Червинского: интеллигенции следовало не учить крестьян «книжной правде жизни», уже отвергнутой ими во время «хождения» молодежи по градам и весям российской глубинки, а, наоборот, учиться у народа общинности, нравственности и коллективизму. То, что отношения между людьми должны строиться на основе солидарности и нравственных связей (как в общине), а не на индивидуализме и нравственной разобщенности (как в городе), не вызывало у народнического публициста ни малейшего сомнения¹¹¹. В защиту идеи возвращения образованного меньшинства к национальным корням Червинский написал специальную статью «От себя или от деревни?», еще раз доказывавшую, что только крестьянство с его общинными традициями способно дать совершенно новый «отпечаток» всей русской цивилизации¹¹².

Призыв Червинского учиться мыслить по-русски, по-мужицки, т.е. брать понимание задач народной жизни у самого народа, означал серьезное отступление от заветов шестидесятников (Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других учителей и наставников передовой русской интеллигенции). Не случайно против «Недели», как годом раньше против Л. Н. Толстого, выступила целая когорта прогрессивных публицистов, доказывавших, что передовое умственное меньшинство должно учить народ, а не учиться у него¹¹³.

Наибольший интерес представляет реакция на статьи П. П. Червинского ведущего публициста «Отечественных записок» Н. К. Ми-

хайловского. К. В. Зенкова верно подметила, что в позиции двух народников было нечто такое, что позволяло им вести между собой конструктивный диалог, а не словесную перепалку¹¹⁴. В отличие от других критиков Червинского, Михайловский не отрицал его исходного тезиса: корень проблемы взаимоотношений интеллигенции с народом в существовании между ними глубочайшей социальной и культурной пропасти, на преодоление которой должны быть направлены главные усилия передового общества¹¹⁵.

Михайловский согласился с тем, что интеллигенции следовало не только развивать народный ум, но и учиться у народа его умению жить в коллективе и решать свои общественные дела сообща, всем миром. Только он понимал это взаимодействие не как механический обмен знаний интеллигенции на народную нравственность. Это ведь не две груши, которые можно разрезать пополам и приставить правую половинку одной груши к левой половинке другой. Здесь требовалась более тонкая технология отбора. По убеждению Михайловского, брать надо было не все, а только то, что соответствовало общечеловеческим идеям и нравственным ценностям. Нельзя «зацикливаться» на идее особого национального пути русского народа, т.к. в будущем исторические пути Европы и России непременно соединятся¹¹⁶.

Главным объектом полемики «Отечественных записок» против «Недели» стали рассуждения Червинского о необходимости прислушаться к «голосу деревни» и черпать у мужика его общественные идеалы. Свои возражения на этот в будущем основополагающий тезис правого народничества Михайловский обосновал в виде оригинального учения о «мнениях» и «интересах» народа.

В основу данного учения был положен старый народнический догмат о противоположности интересов простого народа и привилегированного общества, поскольку оно существовало за счет эксплуатации народного труда. Вывод Михайловского из этого основного противоречия человеческой истории строг и вполне логичен: демократическая интеллигенция должна употребить все свои силы на защиту экономических интересов рабочих классов. Но надлежит ли ей при этом прислушиваться к мнениям народа о том, что ему нужно? В этом вопросе Михайловский не столь категоричен. Желания масс надо знать. Но принимать их к руководству оказывается возможным далеко не всегда, т.к. интересы народа и его мнения о них часто не совпадают. Право решать, что соответствует, а что противоречит на-

родным интересам, Михайловский оставлял за передовой интеллигенцией на том основании, что ей доступны последние выводы экономической науки и человеческого знания. «Хороши бы мы были, – пишет публицист, – если бы прожив целые века на счет деревни и изуродовав ее крепостным правом, сложили теперь руки и сказали бы: шабаш! мы пусты как шелуха ореха... выходи, мужик, выходи и поучай нас!»¹¹⁷.

Быструю эволюцию «Недели» от «идейности» к «практицизму» (к постановке перед интеллигенцией задач, близких и понятных простому народу) многие современники восприняли как отказ от возвышенных идеалов шестидесятых годов. На этой почве во второй половине 1870-х гг. проблема путей сближения передового общества с народом приобретает новый аспект: а не устарели ли те идеалы, во имя которых русская интеллигенция шла в народ? И не следует ли их приземлить, как предлагал Петр Червинский?

Одним из первых на эти непростые вопросы попытался ответить лучший публицист журнала «Дело» Н. В. Шелгунов¹¹⁸. В статье «Теперешний интеллигент» он спрашивал своих читателей: что делает интеллигента интеллигентом? И тут же отвечал – наличие общественных идеалов. С их помощью она указывает обществу пути к прогрессу. Интеллигент, пишет публицист, может ошибаться, но его ошибка всегда «ошибка вперед»¹¹⁹. В еще одной своей статье «Утратились ли идеалы?» Шелгунов замечает, что дело вовсе не в идеалах, а в самой интеллигенции, которая «совершенно бессильна перед задачами времени и должна быть заменена другой»¹²⁰. Главной задачей своего времени Шелгунов считал освобождение народа от гнета господствующих над ним классов.

Несколько иной позиции в споре об идеалах придерживались молодые публицисты «Отечественных записок».

В 1877 г. М. А. Протопопов¹²¹ в первой своей статье для этого журнала попытался доказать, что роль передовой интеллигенции заключалась не в обновлении русской жизни. Для решения этой действительно важной задачи у нее просто не было сил. Главная обязанность интеллигенции – вызвать к жизни силы, способные изменить существующий в стране общественный строй. Речь, разумеется, шла о народе. До сих пор эта сила действовала в качестве слепого орудия в руках других общественных классов. Однако Протопопов уверял, что это положение вполне поправимо, стоит только интеллигенции внести в массы свет просвещения¹²².

Идея союза «знания» (интеллигенции) и «труда» (народа) активно проводилась на страницах «Отечественных записок» еще одним народническим публицистом – С. Н. Кривенко. Считая главной причиной торжествующего в жизни зла угнетенное положение физического труда, Кривенко искренне полагал, что, только сделав его всеобщей обязанностью, можно будет изменить основы господствующих в стране общественных отношений. «Если бы я был человеком могущественным в Европе или даже в какой-нибудь отдельной стране, то я, – писал Кривенко в 1877 г., – не задумываясь, сделал бы физический труд обязательным для каждого гражданина и был бы уверен, что страна моя скоро достигнет громадного материального могущества, выиграет в личной свободе и достигнет такой умственной высоты, какой еще не видел мир»¹²³. Предлагаемая Кривенко программа деятельности интеллигенции в деревне предусматривала не только оказание народу практической помощи в его повседневной борьбе за существование (в качестве врача, учителя, агронома, юриста), но и организацию в его среде различных трудовых ассоциаций, где крестьяне и интеллигентные люди соединялись с одной общей целью – проведение в жизнь отдельных начал будущего строя. По мнению Кривенко, в этих вопросах «мы могли бы поучиться у народа многому»¹²⁴.

Весомый вклад в пропаганду идеи служения народу личным трудом внес А. Н. Энгельгардт¹²⁵. В «Письмах из деревни» (1879, 1881 гг.) он предложил городской молодежи попробовать свои силы на земле в качестве простых работников, т.е. опроститься в мужиков. По мнению опального профессора, русская деревня очень нуждалась в таких интеллигентных земледельцах, которые не только подняли бы культуру земледельческого труда, но и вернули бы народу знания, полученные на его деньги. «Неужели же, – обращался он к читателям «Отечественных записок», – участь всех интеллигентных людей служить, киснуть в канцеляриях? Неужели же земля не привлечет интеллигентных людей? ...Интеллигентный человек нужен земле, нужен мужику. Он нужен потому, что нужен свет для того, чтобы разогнать тьму. Земля ждет их, и место найдется для всех»¹²⁶.

На призыв Энгельгардта «сесть на землю» откликнулось несколько десятков человек, которые в разные годы образовывали «интеллигентные поселки»¹²⁷. Все они, за исключением сельскохозяйственной колонии в Батищево, очень быстро прекратили существование, что лишней раз доказывало утопичность идеи создания

«интеллигентных деревень» как пути внедрения в деревню культуры и просвещения.

Наиболее ярким событием идейной жизни легального народничества конца 1870-х гг. стала полемика между Каблицем и Михайловским о главных факторах исторического прогресса.

Политическая биография Каблица – первого сложившегося идеолога правого крыла легального народничества – настолько необычна для защитника идеи «мирного прогресса», что заслуживает хотя бы краткого описания. Иосиф Каблиц уроженец Поневежского уезда Ковенской губернии (его отец – лифляндский дворянин). Образование получил в киевской гимназии и на юридическом факультете Киевского университета, из которого трижды исключался за неуплату. В молодости Каблиц принадлежал к последователям М. А. Бакунина. В 1873–1874 гг. он организовал бакунистский кружок «вспышкopusкателей» и разработал первый в истории народничества план взрыва Зимнего дворца с целью уничтожения царской семьи. После неудачного «хождения в народ» Каблиц некоторое время скрывался за границей, но вскоре вернулся в Россию, где примкнул к «Земле и Воле». В 1878 г. И. И. Каблиц начинает сотрудничать в газете П. А. Гайдебурова «Неделя», намереваясь стать выразителем идей народнического подполья в легальной публицистике¹²⁸. К этому времени в среде землевольцев обозначился раскол на «деревенщиков» и «политиков». Бывший бакунист Каблиц выступил на стороне Г. В. Плеханова¹²⁹.

В первой же своей большой статье «Ум и чувства как факторы прогресса» Каблиц высказал идею об особой роли в человеческой истории нравственного чувства, определяющего способ распределения между людьми произведенных ими материальных благ¹³⁰. Опираясь на данное положение, главной движущей силой социального прогресса он объявил не работу «критической мысли», а развитие в обществе альтруистических чувств. При этом Каблиц особенно настаивал на том, что в России чувства солидарности и взаимной поддержки сохранились только в крестьянской общине, т.е. в народе. В итоге на роль подлинного творца человеческого прогресса мог претендовать один только народ-общинник. Таковы были главные аргументы Каблица-Юзова в защиту пошатнувшегося к концу 70-х гг. XIX в. народнического принципа: все для народа и только через народ.

На попытку публициста «Недели» «поставить ум на запятки, а чувства на барское место» тут же отреагировал Михайловский. Еще

в конце 1877 г. – начале 1878 гг., также под влиянием споров в «Земле и воле», он перешел на позицию сторонников радикальной политической реформы, что сделало его самым энергичным противником любых попыток принизить особую роль в новейшей истории России демократической интеллигенции.

По мнению Михайловского, интеллигенция – это единственный ускоритель естественного развития русской цивилизации. Только интеллигенция понимает, что самодержавие – главное препятствие на пути к возрождению русского народа, только интеллигенция готова начать борьбу за завоевание для всего население страны важнейших политических свобод, пользу и значение которых оно осознает лишь после завершения политического переворота¹³¹.

Развернувшаяся в легальной народнической печати конца 1870-х гг. полемика о соотношении роли в отечественной истории интеллигенции и народа свидетельствовала о вступлении русского народничества в полосу очередного идейного кризиса. Народ по-прежнему не оправдывал возлагаемых на него надежд, что неминуемо вело к усилению в среде интеллигенции самых пессимистических взглядов и настроений.

В пику народникам-ортодоксам «Недели» во главе с Каблицем, которые стремились к «окрестьяниванию» народничества (его постепенному «врастанию в почву») на страницах «Отечественных записок» и «Дела» зарождается идеология так называемого «критического» народничества, т.е. не доверяющего «народной мудрости»¹³². Его ведущие теоретики Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, Г. И. Успенский доказывали, что народ прежде всего нуждался в просвещении и скорейшем изменении тех гнетущих общественных условий, которые ставили пореформенную деревню в положение самой жестокой и бесчеловечной борьбы за выживание.

В становлении нового отношения интеллигенции к народу особую роль сыграл Г. И. Успенский¹³³. Современники считали этого народнического писателя чуть ли не главным знатоком психологии и быта пореформенной русской деревни. Его художественно-публицистические очерки содержали ужасающие картины разложения вековых устоев крестьянской жизни под влиянием утверждения в стране буржуазной цивилизации. Успенский первым открыто заговорил о том, что власть денег, «господина Купона» легко превращала вчерашнего «коллективиста» в мироеда – «живореза» и «живоглота». Поэтому за писателем закрепилась репутация «разрушителя» иллю-

зий о мужике и его общинных идеалах¹³⁴. К концу 1870-х гг. благодаря публикациям Успенского отрицать пышный расцвет в крестьянской среде кулачества было уже невозможно.

Народники-семидесятники надеялись добиться освобождения народа от бюрократического произвола и экономической эксплуатации не прямой борьбой с властью, а путем подготовки крупной социальной реформы, действуя, как писал Е. Е. Колосов, «наполовину чисто легальными средствами» (организуя всевозможные товарищества и артели, а также пропагандируя свои идеи в крестьянской и рабочей среде)¹³⁵. Неудача попыток локализовать «внутренних» врагов (бюрократию и буржуазию) и заставить их капитулировать вынудила народников признать некоторые реалии пореформенной России, а именно тот факт, что капитализм набирает силу благодаря протекции царского правительства.

Летом 1879 года возникает первая в истории России политическая партия – «Народная воля». Разочаровавшись в попытках создать на селе массовую революционную организацию, народовольцы сделали принципиально важный для дальнейшего развития идеологии действенного народничества вывод о том, что вся их предшествующая деятельность в народе – «наполнение бездонных бочек Данаид»¹³⁶. Однако уже в январе 1880 г. они убедились в несостоятельности расчетов опереться в борьбе с самодержавием на одну интеллигентную часть нации и заявили о необходимости подготовить себе активное содействие масс¹³⁷.

По плану народовольцев интеллигенция должна была возглавить общее руководство революционным переворотом, дать народу четкий план действий и, главное, нанести первый решительный удар (парализовать центр правительственной власти), чтобы вывести массы из их пассивно-выжидательного состояния. Только «инсurreкция» (восстание) в центре силами интеллигенции, городских рабочих и армии могла дать толчок крестьянской революции на местах¹³⁸.

Однако у программы действий русских революционеров было свое уязвимое место. Переворот должен был начаться с убийства Александра II, который имел в народе репутацию царя-освободителя. Самодержцев в России убивали и раньше, но сам факт насильственной смерти «помазанника божьего» всегда скрывался, чтобы не волновать народные чувства. Народовольцы первыми решили сделать из цареубийства показательную акцию.

О царелюбии русского народа народники знали не понаслышке. Первые же попытки участников «хождения в народ» 1874–1875 гг. отговорить мужика от царя закончились оглушительным провалом. Однако, по убеждению народников 1870-х гг. царская власть не могла иметь в народе прочных корней. «Царь в политике мужика, – писал Л. Тихомиров в сентябре 1880 г., – то же, что бог в религии. Он силен и высок беспредельно, но лишь до тех пор, пока против него не возбуждается ни малейшего сомнения». Но стоит только представить народу доказательства измены ему царя, и сам принцип царизма пошатнется¹³⁹.

Разумеется, народовольцы не могли не понимать, что до планируемого ими переворота народ в царю не изверится. Сообразуясь с данным фактом, революционная партия могла сознательно стремиться поскорее убрать популярного у населения монарха, чтобы использовать «наивный» крестьянский монархизм в интересах предстоящих революционных преобразований¹⁴⁰. В данном случае расчет мог основываться на том, что народ поддержит любую власть, если она даст ему землю.

Теперь рассмотрим отношение к планам народовольцев легальных народников. Особое внимание необходимо обратить на появление у них новых идей, ускоривших оформление их главных идейно-тактических направлений.

В 60–70-е гг. XIX в. почти все известные в будущем теоретики правого народничества (Л. Е. Оболенский, И. И. Каблиц, С. Н. Южак, А. С. Пругавин, В. П. Воронцов) были так или иначе связаны с революционным подпольем. Например, дружба публициста «Отечественных записок» С. Н. Кривенко с революционерами началась незадолго до раскола партии «Земля и Воля». Раньше других он познакомился с Д. А. Лизогубом и Л. А. Тихомировым. Весной 1879 г. состоялась встреча Кривенко с А. П. Корбой, затем с В. Н. Фигнер и Г. А. Лопатиным¹⁴¹. Многие легальные народники были хорошо знакомы с подпольной печатью, находясь в курсе всех внутривнутрипартийных разногласий.

Размежевание в «Земле и воле» на «деревенщиков» и «политиков» отразилось и на взглядах народников-реформистов. Публицисты «Отечественных записок», «Дела» и «Слова» вполне определенно поддерживали сторонников политической борьбы с правительством. На «Народную волю» они смотрели как на чуть ли единственную силу, способную изменить внутреннюю политику само-

державия. Сами народовольцы, в свою очередь, также были заинтересованы в установлении прочных контактов с близкими им по духу народниками-литераторами. По утверждению А. П. Прибылевой-Корбы, «нарождающаяся партия имела в виду наилучшим образом обставить свой литературный орган», заводя тесные отношения «с выдающимися писателями, которые могли сотрудничать в газете»¹⁴². К ним относились тогда Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко, М. А. Протопопов, А. М. Скабичевский, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, Н. В. Шелгунов, А. И. Эртель. Правда, деятельными сотрудниками нелегальных изданий «Народной воли» из них стали только Михайловский и Кривенко.

В 1880 г. активно обсуждаемый в революционной среде вопрос о необходимости радикальных политических преобразований выходит за пределы подпольной печати.

Одним из первых легальных народнических писателей о значении «внешних условий» (для успешной общественной деятельности интеллигенции) заговорил Н. Н. Златовратский¹⁴³. В статье «Народный вопрос в жизни и литературе», проанализировав попытки сближения интеллигенции с народом на практической почве, он приходит к неутешительному выводу, что связи между ними «не было, нет и вряд ли скоро будет». Никогда интеллигенция не сделает ничего для «народного вопроса», пока она не вооружится орудиями, соответствующими своей «великой задаче». Речь, разумеется, шла о политических свободах. Служить народу при существующих у интеллигенции средствах означало «наполнение бездонных бочек Данаид»¹⁴⁴. В этом вопросе Златовратский и народовольцы были единомышленны.

«Мы, народники. Мы последовательные общинники, мы, которых преимущественно зовут народолюбцами, – говорит Златовратский в заключение своей статьи от имени публицистов журнала “Русского богатства”, – мы заявляем, что прежде “народного вопроса” должен быть разрешен “вопрос интеллигенции”: вопрос об элементарнейших правах умственного и образовательного ценза. Только свободная интеллигенция во всеоружии своих прав и свободной мысли может слить свои интересы с интересами народа и смело и плодотворно взяться за решение задач, логически неизбежно назревших для нашего поколения... В этом вся суть. Обойти этого положения невозможно. Только свобода и признание прав интеллигенции могут быть гарантией быстрого и плодотворного решения «народного вопроса»¹⁴⁵.

Намеченный Златовратским путь заполнения пропасти между интеллигенцией и деревней вызвал резкую критику со стороны публицистов «Недели». Главный идеолог газеты Иосиф Каблиц, который к этому времени окончательно порвал со своим революционным прошлым¹⁴⁶, посвятил этому вопросу специальную статью под громким названием «Что такое народничество?». По мнению Каблицы, говорить о правах интеллигенции как главной современной задаче может только «бездушный либерал», для которого политический вопрос вытесняет народный. Такое мнение о народных интересах фальшиво, т.к. оно игнорирует отношение к ним самого народа. Истинное народничество, по Каблицу, ставит на первое место не политические, а социальные вопросы (земельную проблему и т.п.), т.к. они касаются непосредственно народа. При разрешении этих вопросов настоящий народник опирается на «коллективную мысль народа», т.е. на его собственное мнение о своих интересах. Народ, пишет Каблиц, мудр. Он лучше других знает, что ему нужно, что должно считаться самой важной задачей, и каково должно быть ее разрешение¹⁴⁷. Иначе говоря, русская интеллигенция должна была отказаться от непосредственного введения социализма по западному образцу и сосредоточиться на практических нуждах народа.

Весь пафос доктрины Каблицы сводился к обоснованию нового (отличного от революционно-народнического) понимания исторического предназначения русской интеллигенции. Оно заключалось в развитии самостоятельности деревенской жизни. Народ имел неотъемлемое право на свободное определение своих действий и своей жизни, даже если при этом он будет хуже есть, пить, одеваться. Насажение общественных форм, для которых народ еще «не созрел», по Каблицу, губительно для прогресса. «Насильно подчиняя жизнь народа своим идеям, интеллигенция... явилась бы, в глазах народа, в виде тирана, компрометируя вместе с тем и себя, и свои заветные, быть может, вполне правильные идеи»¹⁴⁸.

Статьи Каблицы о народничестве вызвали в обществе бурную полемику, разделив ее участников (П. П. Червинский, Л. А. Паночини, Л. Е. Оболенский, С. А. Венгеров, В. А. Гольцев, А. Л. Эльсниц, А. Н. Пыпин и др.) на «юзовцев» и «антиюзовцев»¹⁴⁹.

Позицию сторонников неотложной политической демократизации страны наиболее решительно отстаивал ведущий публицист «Отечественных записок» Михайловский, который расстался с «предрассудками» аполитизма раньше других народников. В ходе

полемики с Каблицем-Юзовым он особенно настаивал на том, что желания «мужика», к сожалению, далеко не всегда совпадали с его действительными нуждами. Но даже если народ осознает свои потребности, он чаще всего не знает, как добиться их удовлетворения. Поэтому прогрессивная русская интеллигенция должна была объяснить народу, что его «настоящие» интересы состояли в изменении в России политического режима, что это единственный путь к осуществлению главных, по мнению народников, народных требований – земли и воли¹⁵⁰.

В основание нового государственного здания народники из окружения Михайловского предлагали поставить освобожденное от административной опеки крестьянское самоуправление и расширенное в своем составе и правах земство. Развитие общественного самоуправления в свою очередь требовало изменения существующих в стране политических условий, и прежде всего, дарование населению широких гражданских и личных свобод, гарантированных законом¹⁵¹.

Сторонники политической борьбы с самодержавием преобладали в народническом лагере вплоть до печальных событий 1 марта 1881 г. Взрывы бомб Н. И. Рысакова и И. И. Гриневицкого на набережной Екатерининского канала станут поворотным пунктом в истории не только «Народной воли», но и всего народнического движения.

Во-первых, никакой народной революции, призванной пошатнуть традиционные устои русской общества, в стране так и не началось. Это еще больше усилит разочарование интеллигенции в народе и своих силах. Во-вторых, в августе 1882 г. правительство вводит «временные меры относительно периодической печати», поставившие ее в еще большую зависимость от администрации. Тогда же народническая публицистика отмечает начало процесса по «упразднению интеллигенции на всех пунктах общественной деятельности». «Легальная русская интеллигенция, – писал в подпольной печати Кривенко, – побеждена и раздавлена» и ей теперь уготовлены «издевательства и мучительная смерть»¹⁵². Наконец, с начала 1880-х гг. в печати начинается длительная полемика о том, какая интеллигенция нужна России (тираноборческая или трудовая). На народническую интеллигенцию как сор из дырявого мешка посыпятся обвинения в том, что она далека от идеала бескорыстного борца за счастье и процветание своего народа, т.к. якобы преследует собственные материальные интересы¹⁵³. Чуть позже в журнале «Русский вестник» появится известная статья А. Д. Пазухина с программой возрождения

русского дворянства. Представителей передовой интеллигенции автор уличит в стремлении подвергнуть Россию всевозможным политическим экспериментам «с целью добиться для себя более прочного социального положения». На этом основании он предложит правительству наложить на элементы «бессловной России» крепкую узду¹⁵⁴.

В итоге в напуганных царубийством обществе и народе начинают развиваться устойчивые антиинтеллигентские настроения¹⁵⁵. Для народников возникает реальная угроза социальной изоляции.

Изменившиеся условия «места и времени» требовали коррекции целей и средств. Вот почему народнические теоретики 1880-х гг. поставят вопрос о необходимости:

- осознания действительных нужд и потребностей простого народа и их первоочередного удовлетворения как реального пути сближения демократической интеллигенции с трудящимися массами;
- опоры на рядовых членов т.н. образованного общества (врачей, учителей, агрономов, технологов и т.д.), а не только на «критически мыслящих личностей»;
- конструктивной оппозиции власти, позволяющей использовать ее потенциал для подготовки радикальных социальных преобразований (к тезису о надклассовости самодержавия революционные и легальные народники пришли еще на рубеже 1870–1880-х гг.).

Новые идейно-тактические ориентиры были предложены идеологами правого народничества в виде теории «малых дел». Ее основные положения, по признанию современных исследователей, были сформулированы еще в статьях Каблицы, сразу после его перехода в 1879 г. на легальные позиции, а программа (конкретное содержание «малых дел») получила широкое звучание благодаря статьям Я. В. Абрамова в газете «Неделя» в середине 1880-х гг.

В этой связи мы должны упомянуть еще об одном, к сожалению, основательно забытом «пионере» «малых дел» – Л. Е. Оболенском¹⁵⁶. В самом начале 1880-х гг. он опубликовал в журнале «Мысль» серию статей в защиту «мелкой, будничной работы», направленной на излечение «насущенных недугов» народа. Высказанные в них сентенции – это прекрасная иллюстрация того незавидного положения, в котором оказалась радикальная демократическая интеллигенция в первой половине 1880-х гг.

Острые критики Оболенского было направлено против тех представителей «партии прогресса» (интеллигенции), кто не понимает

своего истинного предназначения, пытаясь навязать народу свои вкусы, потребности и желания. По убеждению самого публициста, общественный прогресс, требует массы «черной работы». Отрицание ее необходимости во имя радикального исцеления человечества признается публицистом «великой ошибкой» литературы 1860-х гг. Ее следствием стала эмансипация общества (состоящего не из «героев», а из обыкновенных, «средних» людей) от всяких идеальных стремлений. Ясно, что Оболенский не верил в возможность народовольцев осуществить их «всеисцеляющие» идеалы при жизни современного поколения. Общество и народ к этому просто не были готовы. Поэтому Оболенский называет «гражданскую скорбь» русских революционеров совершенно бесплодной¹⁵⁷.

На страницах «Мысли» Оболенский стремился убедить интеллигенцию в возможности утверждения высших общественных форм из частных их улучшений, осуществляемых силами самого общества. «Мы, – пишет публицист, – как нация, чересчур отставшая от других, поняли, когда проснулись, необходимость только усиленной прогрессивной работы, чтобы скорее догнать других. От этого мы и забыли другую сторону дела: статическую» (повседневные потребности общественного организма в питании, образовании и т.п., без чего невозможно его существование). «Идеалы и прогресс – вещи прекрасные», но возможны ли они в голодном обществе?¹⁵⁸ Было время, когда прогрессивная литература, желая пробудить дремавшие силы общества, смеялась над маленькими делами, называя их паллиативами. В итоге у нас «каждая мошка считает себя призванной вершить одни только великие дела!». Однако большинство общества состоит не из героев, а из обыкновенных средних людей, которым эти великие дела не по плечу. Поэтому отрицание «маленьких идеальчиков» привело не к признанию «больших» идеалов, а к совершенному отрицанию всяких. «Помилуйте, как же! Работать теперь, при существующем порядке... В этих словах, – замечает Оболенский, – все: и холопская лень, и холопская трусость, и холопские отговорки!». А все потому, что «мы белоручки, потому что мы ничего не умеем делать, потому что нам все далось даром: и наше образование, и наше общественное положение, и наши средства к жизни. Мы, как истинные лакеи, не будем работать черную работу: на это есть пониже нас, а мы состоим при господах – идеалах!»¹⁵⁹.

Оболенский был одним из первых идеологов правого народничества, осознавших самоценность мирной культурной деятельности,

т.е. значение для интеллигенции личного служения общественным потребностям путем добросовестного выполнения своих профессиональных обязанностей. Однако по причине слабости в передовом русском обществе традиций культуртрегерства предлагаемая им программа не получила должного понимания и поддержки.

Резкое обострение разногласий между легальными народниками по вопросу о том, что должна делать русская интеллигенция (чтобы стать подлинным духовным вождем своего народа), свидетельствовало о серьезном кризисе, охватившем правое народничество в первой половине 1880-х гг. Главным итогом кризиса явился окончательный раскол народников-реформистов на две враждебные друг другу фракции. Это был самый простой способ его преодоления.

Первая из фракций объединила сторонников народничества «Недели». Их «исповеданием веры» стала книга И. И. Каблицы-Юзова «Основы народничества» (СПб., 1882). Позиция публицистов «Недели» по отношению к практическим задачам демократической интеллигенции сводилась к старой народнической формуле «все для народа и через народ». Не случайно единомышленников Каблицы чаще всего называли «ортодоксальными» народниками. Только в отличие от народников 1870-х гг. «восьмидесятники» предлагали интеллигенции опроститься («опуститься» до народа), чтобы яснее сформулировать идеи, вытекающие из чувств и настроений массы, т.е. сосредоточиться на насущных нуждах народа – программе «будничного дня». Идеейные противники правого народничества всегда подвергали эту тактику действий резкой критике, считая, что «культурничество» ведет к примирению с действительностью¹⁶⁰.

Политические радикалы «Отечественных записок» и «Дела», возглавляемые Н. К. Михайловским и Н. В. Шелгуновым, составили ядро «критического» народничества конца 1870-х – первой половины 1880-х гг. Их формула действий – «все для народа, но посредством лучшей части народа – интеллигенции» основывалась на признании неготовности масс вступить на путь самостоятельных общественных преобразований без помощи интеллигенции. Взяв на себя роль руководителя и наставника народа, левые народники рассчитывали пробудить его сознание только после того, как для этого будут созданы благоприятные внешние условия. Под ними тогда понималось ограничение самодержавия и предоставление интеллигенции широких политических свобод.

Фактически речь идет о двух противоположных типах общественных преобразований – социальном и политическом. Первый из них ориентируется на органическое развитие общества (т.е. на его внутренние возможности). Поэтому этот подход характеризуют аполитизм, популизм¹⁶¹ и, как следствие, признание необходимости развития самодеятельности масс. Сторонники второго типа преобразований делают ставку на инновационное развитие (за счет заимствования извне). Его специфические черты – политицизм, элитаризм и этатизм – признание решающего значения в реализации программы преобразований за политической надстройкой.

На рубеже 1870–1880-х гг. начинает формироваться еще одно идейно-тактическое направление, попытавшееся занять промежуточную позицию между народниками «Недели» и «Отечественных записок». Речь идет об организованных С. Н. Кривенко артельных народнических журналах «Русское богатство», «Слово» и «Устой»¹⁶². Программные установки этих изданий свидетельствуют, что они были органами сторонников продолжения практического сближения интеллигенции с народом, как это было в 1870-е гг. Свой мощный вклад в будущее процветание России С. Н. Кривенко, Н. Н. Златовратский, М. А. Протопопов, П. В. Засодимский, А. М. Скабичевский и др. артельщики видели в том, чтобы указать обществу те общие идеалы, к которым необходимо было стремиться при решении народного вопроса. Искать их они предлагали не в лоне западноевропейской цивилизации, а в «тайниках» народного мирозерцания, выработавшегося на более прочных, «с точки зрения высшей справедливости и морали», основаниях (т.е. на основе трудовой этики общинного крестьянства)¹⁶³. В то же время в вопросе о значении политической борьбы с самодержавием эти «последовательные общинники», по справедливому замечанию историка Б. П. Козьмина, вынуждены были отойти от старой позиции «правоверного» народничества¹⁶⁴.

Этот был центристский, промежуточный (социально-политический) тип общественных преобразований. Поэтому его отличает умеренность, компромиссность, прагматизм (отказ от идеологической борьбы в пользу решения насущных общественных проблем), а также стремление к обеспечению баланса интересов всех социальных групп на почве служения народу.

Таким образом, разное понимание народниками-реформистами задач интеллигенции было обусловлено противоречиями между ни-

ми по вопросу о движущих силах и механизме демократизации страны. В данной главе намечены только самые общие подходы к их решению, которые сформировались в период генезиса идеологии легального народничества в 1860-х – начале 1880-х гг. Для того, чтобы реконструировать народнические стратегии самореализации интеллигенции в более полном объеме, необходимо привлечь работы идеологов народнического реформизма, увидевшие свет в 80–90-е гг. XIX века.

Примечания

¹ См., напр.: *Костин А. Ф.* От утопии к науке. М., 1984. С. 78.

² *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 113; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 6.

³ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 4 т. М., 1989–1999. Т. 4. С. 77.

⁴ *Карпачев М. Д.* Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). Воронеж, 1985. С. 28.

⁵ *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 261–262.

⁶ Подробнее см.: *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 90–91; *Троицкий Н. А.* Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 68; *Согрин В. В.* Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 13.

⁷ *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля // Архив русской революции: В 22 т. М., 1993. Т. 21–22. С. 323–324.

⁸ См.: Речь о существовании простого народа // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. М., 1952. Вып. 1. С. 65.

⁹ *Кайсаров А. С.* Об освобождении крепостных в России. 1806 // Русские просветители (От Радищева до декабристов). Собр. произведений: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 369.

¹⁰ См.: *Сарычев А. П.* Проблема народности и критический реализм. М., 1975. 116, 167, 171; *Хватов А.* Пути народности и реализма. Л., 1980. С. 26, 28–29.

¹¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 1. С. 66; Т. 8. С. 603–604.

¹² Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. С. 91.

¹³ См.: *Хазанов Б.* Русская интеллигенция. История безответной любви // Погружение в трясину. М., 1991. С. 634.

¹⁴ См.: *Левицкий С. А.* Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт на Майне, 1983. С. 175; *Земцов Б. Н.* Идеология и ментальность дореволюционной российской интеллигенции // *Общественные науки и современность.* 1997. № 3. С. 76.

¹⁵ Подробнее см.: *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 33–79.

¹⁶ *Некрасова Е.* Были ли у нас газеты для народа // *Русская мысль.* 1889. № 12. С. 68; *Короленко В. Г.* История моего современника. Кн. 2 // *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1953. Т. 7. С. 118; *Николаев П. Ф.* Очерк развития социально-революционного движения в России [1888 г.] // *Литературное наследство.* М., 1977. Т. 87. С. 411.

¹⁷ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Т. 7. С. 881–882.

¹⁸ Народническая экономическая литература: Избр. произведения. М., 1958. С. 94.

¹⁹ Там же.

²⁰ Полная версия формулы Н. П. Огарева – «Земля, воля, образование». См.: *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 т. М., 1952. Т. 1. С. 530.

²¹ *Пиотровский И.* К вопросу о сближении с народом // *Современник.* 1861. № 8. С. 239, 262, 263. См. также: *Ред. [Гиероглифов А. С.]* Может ли дворянство слиться с народом? // *Русский мир.* 1862. 31 марта. № 13. С. 300–302.

²² *Пиотровский И.* Указ. соч. С. 241.

²³ *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. Избр. тр. М., 1961. С. 77–78, 715.

²⁴ *Азаркин Н. М.* Эволюция народнической идеологии // *История политических учений: Учебник для вузов.* М., 2002. С. 735.

²⁵ *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М., 2001. С. 309.

²⁶ *Щапов А. П.* Сельская община // *Народническая экономическая литература.* С. 110, 114, 116.

²⁷ *Плеханов Г. В.* Афанасий Щапов // *Плеханов Г. В.* Соч.: в 24 т. М.; Пгр., 1923. Т. 2. С. 10.

²⁸ *[Елисеев Г. З.]* Внутреннее обозрение // *Современник.* 1864. № 3. С. 118.

²⁹ *Писарев Д. И.* Базаров // *Писарев Д. И.* Соч.: В 4 т. М., 1955–1956. Т. 2. С. 15, 20–21.

³⁰ *Щапов А. П.* Естествознание и народная экономия // *Шестидесятники.* М., 1984. С. 358–359.

³¹ *Герцен А. И.* Исполин просыпается // *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1954–1966. Т. 15. С. 175.

³² Периодические издания // *Русская мысль.* 1891. № 6. С. 293.

³³ См.: *[Елисеев Г. З.]* Представительство крупной поземельной собственности в земских учреждениях // *Современник.* 1865. № 5. С. 2; *Шелгунов Н.* Неудавшаяся «беседа» и задачи интеллигенции // *Дело.* 1871. № 5. С. 40.

³⁴ См.: *Васильев Н.* В 70-ые годы (Из моих воспоминаний) // Мир божий. 1906. № 6. С. 224; Из показаний Е. К. Брешковской о пропагандистской деятельности // Революционное народничество 70-х годов XIX века: В 2 т. М.; Л., 1964–1965. Т. 1. С. 271.

³⁵ *Кривенко С. Н.* Неудачная попытка кружка народников // *Кривенко С. Н.* На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 93–111.

³⁶ *Мордовцев Д. Л.* Знамена времени. Роман в 2 ч. М., 1957. С. 312. Подробнее см.: *Муратов А. Б.* Роман Д. Л. Мордовцева «Знамена времени» // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Л., 1971. № 349.

³⁷ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 167, 170, 413.

³⁸ *Зенкова К. В.* Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск, 1967. Т. 18. С. 48; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 26, 256.

³⁹ *Морозов Н. А.* Повести моей жизни: В 3 т. М., 1947. Т. 1. С. 89–90.

⁴⁰ *Брешко-Брешковская Е. К.* Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М., 2006. С. 23–24.

⁴¹ *Бакунин М. А.* Государственность и анархия (Прибавление А) // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 38, 40–42, 51–52.

⁴² Там же. С. 43.

⁴³ *Лавров П. Л.* Потерянные силы революции // *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934–1935. Т. 3. С. 147, 156–158; *Он же.* Знание и революция // Там же. Т. 2. С. 68, 69, 72, 73.

⁴⁴ [*Лавров П. Л.*] Гниль старого и рост нового // Вперед. 1875. № 6. С. 182.

⁴⁵ *Харламов В. И.* Из истории развития легально-народнической мысли в пореформенной России // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета М. Г. Седова). М., 2005. С. 674.

⁴⁶ [*Елисеев Г. З.*] Журналистика // Современник. 1866. № 2. С. 265.

⁴⁷ *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: сб. ст. М., 1990. С. 179; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 42.

⁴⁸ Н. К. Михайловский родился в 1842 г. в городе Мещовске Калужской губернии в бедной дворянской семье. Учился будущий народник сначала в костромской гимназии, затем в Горном институте в Петербурге. В 1862 г. после участия в столкновении кадетов с учебным начальством он с большой радостью расстался с карьерой горного инженера всего за несколько месяцев до выпуска. В духе того времени юноша мечтал стать адвокатом, чтобы защищать простой народ, «обиженный» мнимым освобождением. Впрочем, получить юридическое образование ему тоже не удалось. Попав под влияние артельного движения середины 1860-х гг. и израсходовав на одну из кооперативных мастерских все свои средства, Михайловский занялся литературным трудом и, в конце концов, стал известным на всю Россию социологом и «первым критиком» 1870-х – начала 1880-х гг. Подробнее см.: *Петрова М. Г.* Ми-

хайловский Николай Константинович (1842–1904) // Русские писатели. 1800–1917. Т. 4. С. 99–106.

⁴⁹ Подробнее см.: *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., 1979. С. 222–223.

⁵⁰ *Блохин В. В.* Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 27.

⁵¹ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 1. Стб. 867; Т. 3. Стб. 692.

⁵² Берви-Флеровский Василий Васильевич (1829–1918) – российский экономист, социолог и публицист, участник народнического движения 1860–1890-х гг.

⁵³ Цит. по: *Подоров Г.* Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 103.

⁵⁴ *Берви-Флеровский В. В.* Положение рабочего класса в России. М., 1933. С. 63, 303.

⁵⁵ Елисеев Григорий Захарович (1821–1891) – известный публицист; сын сельского священника Томской губернии; в 1845–1854 гг. проф. Казанской духовной академии; активный участник общественного движения 1860-х гг., член ЦК «Земли и воли», сотрудник журналов «Искра», «Современник», «Век».

⁵⁶ *Ветринский Ч.* Очерк истории журналистики за вторую половину XIX века // История русской литературы XIX в.: В 5 т. М., 1910. Т. 5. С. 422.

⁵⁷ [*Елисеев Г. З.*] Крестьянский вопрос // Отечественные записки. 1868. № 3. С. 152.

⁵⁸ *Елисеев Г. З.* Плутократия и ее основы // Народническая экономическая литература. С. 150.

⁵⁹ *Южаков С.* Елисеев Г. З. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 82 т. СПб., 1894. Т. 22. С. 622.

⁶⁰ *Елисеев Г. З.* Плутократия и ее основы. С. 135.

⁶¹ *Южаков С.* Указ. соч. С. 623.

⁶² Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906) – видный теоретик и практик народнического движения. Родился в г. Борисоглебске. По происхождению – малороссийский дворянин. Учился в Михайловском Воронежском кадетском корпусе, затем в 1-м военном Павловском училище в Петербурге, но военным быть не захотел. Поддавшись общему настроению эпохи, Кривенко в 70-е гг. XIX в. увлекся идеями организации в деревне земледельческих ассоциаций социалистического толка. Лейтмотивом его деятельности был поиск путей мирного внедрения в жизнь отдельных сторон более справедливого общественного строя.

⁶³ [*Кривенко С. Н.*] Сущность, цель и границы потребительских обществ // Сборник материалов об артелях в России. Потребительные общества. Вып. 3. СПб., 1875. С. 22–23.

⁶⁴ Воронцов Василий Павлович (1847–1918) – известный народнический экономист и социолог. Происходил он из семьи малороссийских дворян Ека-

теринославской губернии. Получив домашнее образование, юноша сумел стать студентом Медико-хирургической академии. Закончив учебу, Воронцов около восьми лет проработал в провинции простым врачом. Удел земского доктора молодой народник выбрал, повинувшись своим идейным убеждениям. С 1879 г. Воронцов начинает публиковать в «Отечественных записках» статьи о русском капитализме, которые оказали существенное влияние на его современников.

⁶⁵ О студенческой сходке у студентов В. Троцанского, А. Петрицкого и А. Урсати. – ГАРФ. Ф. 109. III эксп. 1870 г. Д. 28. Л. 1, 1 об., 2 об.

⁶⁶ *Чарушин Н.* Что было на собрании у профессора Таганцева // Каторга и ссылка. 1925. № 2. С. 100.

⁶⁷ Воспоминания И. Е. Деникера // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 24; *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. М., 1973. С. 129–133. О радикальном направлении мыслей студента Воронцова свидетельствует также написанная им в 1872 г. статья «Товарищества и артели». По данным III Отделения, в ней проповедовалось «коммунистическое учение» о пользе заведения общественных лавок, фабрик и магазинов и передачи земли в руки всего народа. Ввиду явно антиправительственного характера сочинения Воронцова тайная полиция предложила начальству МХА установить за ним особый надзор. См.: О лекаре В. П. Воронцове. – ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 92. Д. 208. Л. 2, 4 об.; Об издательской деятельности владельца кооперативной библиотеки в Харькове Н. П. Баллина. – ГАРФ. Ф. 109. III эксп. Оп. 157. 1872 г. Д. 123. Л. 15, 19, 28, 29, 31.

⁶⁸ *Златовратский Н.* Открытое письмо А. Н. Пыпину (По поводу его статьи «Народничество». Вестник Европы, № 1 и 2) // Русские ведомости. 1884. 17 февраля. № 48; *Абрамов Я. В.* Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 1–3; *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 127–128. См. также письмо Л. Е. Оболенского к В. П. Воронцову от 28 июля 1899, в котором он утверждал, что «никогда не говорил, что основа народничества есть сознание долга народу, но этический принцип, лежащий в основе его стремлений, есть, несомненно, признание этого долга». – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 316. Л. 1.

⁶⁹ См., напр.: *В. В. [Воронцов В. П.]* «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 152, 153, 171.

⁷⁰ *Пытин А.* Народная грамотность // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 255–256; *А. Б. [Богданович А. И.]* Критические заметки // Мир божий. 1895. № 3. С. 228; *Фудель И.* Поучительная история. (К школьному вопросу) // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 756.

⁷¹ В действительности родословная этой идеи начинается с русских просветителей XVIII века, впервые поставивших вопрос о долге просвещенного человека перед низшими слоями народа. См.: *Матковская И. Я.* Проблемы развития прогрессивной этической мысли России (домарксистский период). М., 1990. С. 120; *Кириллова Е. А.* Очерки радикализма в России XIX века. Новосибирск, 1991. С. 126–127.

⁷² Более пространно идея долга народу была выражена А. И. Герценом в статье «Русское крепостничество» (1852): Скажем спасибо «этому забытому

рабу за ту мудрость, которую мы приобрели ценою голода многих; трудового пота большинства и грубого невежества всех; поблагодарим их; ведь мы – пышный цвет славной цивилизации, чьи приветливые сады орошены кровью и слезами бедняков». См.: *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 12. С. 42.

⁷³ См.: *Туниманов В. А.* А. И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX в. СПб., 1994. С. 116, 117; *Юдин А. И.* Идея вины русской интеллигенции // Вестн. Тамбовск. гос. ун-та. 1998. Вып. 2. С. 63.

⁷⁴ См.: *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961–1964. Т. 1. С. 83; Т. 2. С. 326.

⁷⁵ [*Жуковский Ю. Г.*] Как измерить примерно долг народу привилегированных классов? // Современник. 1865. № 9. С. 102, 104, 105, 107.

⁷⁶ *Лавров П. Л.* Исторические письма // *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы. Т. 1. С. 220–226.

⁷⁷ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. 1. Стб. 868.

⁷⁸ «Не суйся!» – название очерка Г. И. Успенского (1880 г.).

⁷⁹ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. 5. Стб. 872.

⁸⁰ Там же. Т. 4. Стб. 210.

⁸¹ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981. С. 37.

⁸² *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. 7. Стб. 135.

⁸³ Там же. Т. 3. Стб. 488.

⁸⁴ Отцом революционера С. С. Голоушева был начальник Оренбургского Главного жандармского управления полковник С. Ф. Голоушев.

⁸⁵ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 166.

⁸⁶ См.: *Лукашевич А. О.* В народ! (Из воспоминаний семидесятника) // Былое. 1907. № 3. С. 5; *Попов М. Р.* Из моего революционного прошлого (1878–1879 гг.) // Былое. 1907. № 7. С. 254; *Ковалик С. Ф.* Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. С. 108–109.

⁸⁷ *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 200.

⁸⁸ *Васильев Н.* Указ. соч. С. 220.

⁸⁹ *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Воспоминания // *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 326, 330.

⁹⁰ Подробнее см.: *Неведомский М.* Наша художественная литература пред-революционной эпохи // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1909. Т. 1. С. 483.

⁹¹ Дедушка Егор – главный герой одноименного рассказа писательницы М. К. Цебриковой, опубликованного в газете «Неделя» в 1870 г. (№ 30 и 31). Отдельное издание этого рассказа народники использовали для пропаганды идеи активного социального протеста в народе во время «хождения в народ».

⁹² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 100, 137, 165, 356. Для выполнения этой просветительской миссии интеллигентному человеку предлагалось «разорвать свой дворянский паспорт», отрешиться от всех культурных привычек и навсегда сделаться простолюдином (крестьянином,

фабричным, мастеровым). См.: [*Кропоткин П. А.*] Программа революционной пропаганды // Народническая экономическая литература. С. 234.

⁹³ [*Брешко-Брешковская Е. К.*] Воспоминания пропагандистки (одной из осужденных в каторгу) // Община. 1878. № 8–9. С. 12–13.

⁹⁴ *Дейч Л.* Хождение в народ (Из воспоминаний). Пг., 1920. С. 23.

⁹⁵ *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. С. 207.

⁹⁶ *Морозов Н. А.* Указ. соч. С. 209.

⁹⁷ Неоконченное письмо П. А. Орлова С. С. Голоушеву // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 278; *Иванчин-Писарев А. И.* Хождение в народ. М.; Л., 1929. С. 22, 168.

⁹⁸ *Морозов Н. А.* Указ. соч. С. 6, 98, 173.

⁹⁹ Из письма С. Л. Аронсона С. С. Голоушеву // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 277–278.

¹⁰⁰ *Лукашевич А. О.* Указ. соч. С. 35.

¹⁰¹ См.: Неоконченное письмо П. А. Орлова С. С. Голоушеву. С. 278.

¹⁰² *Аптекман О. В.* Дмитрий Рогачев в его «Исповеди к друзьям» и письмам к родным // Былое. 1924. № 26. С. 78.

¹⁰³ См.: Неоконченное письмо П. А. Орлова С. С. Голоушеву. С. 278.

¹⁰⁴ *Каблиц И. И.* Автобиография. – РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1670. Л. 3.

¹⁰⁵ Подробнее о народнических представления о народе см.: *Мокшин Г. Н.* Концепция «народа» в социально-революционной доктрине русского народничества // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1. Гуманит. науки. 2005. № 1.

¹⁰⁶ *Земля и воля!* // Земля и воля. 1878. № 1. С. 6.

¹⁰⁷ Из переписки С. М. Кравчинского // Красный архив. 1926. Т. 6 (19). С. 247.

¹⁰⁸ Видимо по этой причине, когда в девятом номере «Отечественных записок» за 1874 г. появится статья Л. Н. Толстого «О народном образовании», поднятые в ней, казалось бы, сугубо педагогические вопросы вызовут бурную реакцию прежде всего у народнических писателей Н. К. Михайловского и П. Н. Ткачева.

¹⁰⁹ *Зверев В. В.* Червинский Петр Петрович (1849–1931) // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 603–604.

¹¹⁰ *П. Ч.* [*Червинский П. П.*] Наша национальная особенность // Неделя. 1875. № 31. Стб. 1009, 1018; *Он же.* Отчего безжизненна наша литература? // Неделя. 1875. № 44. Стб. 1429.

¹¹¹ *П. Ч.* Отчего безжизненна наша литература? Стб. 1432; *Он же.* Интеллигенция и деревня // Неделя. 1876. № 9 и 10. Стб. 316, 318.

¹¹² Неделя. 1876. № 2. Стб. 63–64.

¹¹³ См.: *Ткачев П. Н.* Культурные идеалы и почва // *Ткачев П. Н.* Избр. соч. на социально-политические темы: В 7 т. М., 1932–1935. Т. 4; *Он же.* О почвенниках новейшей формации // Там же; *Пытин А.* Об упадке современной критики // Вестник Европы. 1876. № 1; [*Полонский Л. А.*] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1876. № 8. С. 791, 796, 797, 801.

¹¹⁴ *Зенкова К. В.* Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов // Учен. зап. Казань. пед. ин-та. Петрозаводск, 1967. Т. 18. С. 52–53.

¹¹⁵ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. 3. Стб. 701.

¹¹⁶ Там же. Стб. 773, 774, 776, 778, 798–799.

¹¹⁷ Там же. Стб. 707.

¹¹⁸ *Чернец Л. В.* Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) // Русские писатели. XIX в. Биобиблиографический словарь: В 2 ч. М., 1996. Ч. 2. С. 412–417.

¹¹⁹ *Языков Н.* [Шелгунов Н. В.] Теперешний интеллигент // Дело. 1875. № 10. С. 72, 75.

¹²⁰ *Языков Н.* [Шелгунов Н. В.] Утратились ли идеалы? // Дело. 1877. № 6. С. 53, 54.

¹²¹ Протопопов Михаил Алексеевич (1848–1915) – литературный критик и публицист народнического направления. Подробнее о нем см.: *Бельчиков Н. Ф.* Народничество в литературе и критике. М., 1934. С. 148–175.

¹²² *Морозов Н.* [Протопопов М. А.] Литературная злоба дня // Отечественные записки. 1877. № 1. С. 41, 43, 46.

¹²³ *Кривенко С. Н.* Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 232.

¹²⁴ Там же. С. 270–273.

¹²⁵ Энгельгардт Александр Николаевич (1832–1893) – русский публицист-народник 1870-х гг., автор писем «Из деревни» (1872–1887).

¹²⁶ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем, 1872–1887. СПб., 1999. С. 65.

¹²⁷ См.: *Гордеева И. А.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003. С. 37–47.

¹²⁸ *Харламов В. И.* Каблиц Иосиф Иванович (1848–1893) // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. С. 429–430. Первая статья Каблицы в газете «Неделя» («Брачники и безбрачники») появилась еще в 1875 г. См.: *Каблиц И. И.* Автобиография. Л. 3.

¹²⁹ См.: *Харламов В. И.* «Земля и воля» и легально-народническая печать // Федоровские чтения. М., 1980. С. 205–218.

¹³⁰ Неделя. 1878. № 7. Стб. 228.

¹³¹ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Т. 4. Стб. 543–546. Подробнее см.: *Кудрин Н. Е.* [Русанов Н. С.] Н. К. Михайловский как публицист-гражданин // Русское богатство. 1905. № 1. С. 161–162.

¹³² Термин «критическое народничество», т.е. не доверяющее «народной мудрости» (как народники-ортодоксы), видимо, принадлежит М. П. Миклашевскому. См.: *Неведомский М.* [Миклашевский М. П.] Художник-интеллигент (Н. А. Ярошенко) // Начало. 1899. № 1–2. С. 201.

¹³³ Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – русский писатель-демократ, один из главных представителей «мужицкой беллетристики» 70–80-х гг. XIX в.

¹³⁴ См.: *Зверев В.* «Власть земли» и «власть денег» в произведениях Глеба Успенского. Традиционный мир русского крестьянства // Историк и художник. 2004. № 1.

¹³⁵ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятих годов // *Кривенко С. Н. Собр. соч.*: В 2 т. СПб., 1911. Т. 1. С. XXXV.

¹³⁶ *Тихомиров Л. А.* Передовая (20 сентября 1879 г.) // *Литература партии «Народная воля»*. С. 4.

¹³⁷ Программа Исполнительного комитета // *Революционное народничество 70-х годов XIX века*. Т. 2. С. 173–174.

¹³⁸ *Литература партии «Народная воля»*. С. 51, 92–94, 97, 109.

¹³⁹ Там же. С. 84, 101, 106–107.

¹⁴⁰ Призыв к народолюбцам статья на место «солдатско-кулацкого» царя со-держался в «Политических письмах социалиста» Н. К. Михайловского, опубликованных в № 3 «Народной воли» в январе 1880 г. См.: *Литература партии «Народная воля»*. С. 53.

¹⁴¹ *Колосов Е. Е.* С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятих годов. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 334. Л. 25, 27.

¹⁴² *Прибылева-Корба А. П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х годах. М., 1926. С. 36.

¹⁴³ Златовратский Николай Николаевич (1845–1911) – прозаик, публицист, один из теоретиков легального народничества.

¹⁴⁴ *Оранский Н.* [Златовратский Н.Н.] Народный вопрос в нашем обществе и литературе // *Русское богатство*. 1880. № 6. С. 19, 29.

¹⁴⁵ Там же. С. 20.

¹⁴⁶ См.: *Мокшин Г. Н.* От бунтарства к идеологии ультраправого народничества. Трудный выбор Иосифа Каблицы // *Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков: Материалы Всероссийск. науч. конф.* СПб., 2002. С. 157–160.

¹⁴⁷ [Каблицы И. И.] Что такое народничество? // *Неделя*. 1880. № 31. Стб. 981–986. См. также: *Он же.* Интеллигенция и народ // *Неделя*. 1880. № 10; *Он же.* Либерал и народничество // *Неделя*. 1880. № 33; *Он же.* Пессимизм нашей интеллигенции // *Неделя*. 1880. № 42. В 1882 г. эти и другие статьи И. Каблицы конца 1870-х – начала 1880-х гг. были переизданы в книге «Основы народничества».

¹⁴⁸ *Каблицы И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 82–83.

¹⁴⁹ См.: *Козьмин Б. П.* Указ. соч. С. 418–426; *Харламов В. И.* Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // *Из истории общественно-политической мысли России XIX в.: Межвуз. сб. науч. тр.* М., 1990. С. 99–103; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 44–47.

¹⁵⁰ *Харламов В. И.* Каблицы (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История*. 1980. № 4. С. 42–43

¹⁵¹ Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847–1906). Воронеж, 1998. С. 58–66.

¹⁵² [Кривенко С. Н.] Новая эра // *Литература партии «Народная воля»*. С. 189. Речь шла о начале политических репрессий в отношении противников

самодержавия. Сам Кривенко будет арестован в январе 1884 г. и в административном порядке сослан в Сибирь.

¹⁵³ Объективные предпосылки для возникновения споров об «интеллигенции» и ее роли в русской жизни, продолжавшихся все 1880–1890-е гг., – это существенные и противоречивые изменения в социально-экономической жизни страны, которые произошли под влиянием реформ 1860–1870-х гг. (успехи российского капитализма и начало разложения общины, развитие местного самоуправления и «контрреформы» Александра III, образование широкого слоя работников умственного труда и появление интеллигентской безработицы).

¹⁵⁴ *Пазухин А.* Современное состояние России и сословный вопрос // *Русский вестник.* 1885. № 1. С. 56.

¹⁵⁵ *Мокшин Г. Н.* Вопрос об интеллигенции в легальной печати начала 1880-х гг. // *Исторические записки: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ.* Воронеж, 2005. Вып. 11; *Колоницкий Б. И.* «Интеллигентофобия» в конце XIX – начале XX в.: К постановке вопроса // *Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века: Сб. ст.* СПб., 1999. С. 267, 271.

¹⁵⁶ Оболенский Леонид Егорович (1845–1906) – философ, социолог и литературный критик, редактор народнических журналов «Мысль» (1880–1882) и «Русское богатство» (1883–1891). См. о нем: *Книгин И. А.* Леонид Егорович Оболенский – литературный критик. Саратов, 1992.

¹⁵⁷ *Деревенский О.* [Оболенский Л. Е.] Общественные вопросы последних дней // *Мысль.* 1880. № 10. С. 209–210; *Он же.* Причины наших страданий (Посвящается недовольным жизнью) // *Мысль.* 1880. № 10. С. 218–219; *Он же.* Возможно ли работать только для прогресса // *Мысль.* 1880. № 12. С. 242–245.

¹⁵⁸ Там же. С. 245.

¹⁵⁹ Там же. С. 242–243; *Л. О.* [Оболенский Л. Е.] Обзор руководящих идей нашей печати в 1881 году // *Мысль.* 1882. № 2. С. 288.

¹⁶⁰ См.: [Аксаков И. С.] Передовая // *Русь.* 1882. № 3. С. 3; Нечто о «либералах» и «народниках» // *Русская мысль.* 1887. № 9. С. 198; *Ларский И.* На родине. Интеллигенция и культурная работа // *Современный мир.* 1908. № 2. С. 76–78; *Дебогорий-Мокриевич Вл.* От бунтарства к терроризму. М.; Л., 1930. Кн. 2. С. 52–53.

¹⁶¹ Термин популизм используется здесь в узком его значении, как преклонение перед коллективной мыслью народа (необходимость смотреть на задачи русской жизни «глазами мужика»).

¹⁶² Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* С. Н. Кривенко. С. 50–57.

¹⁶³ [Кривенко С. Н.] *Русская жизнь* // *Русское богатство.* 1880. № 1. С. 87.

¹⁶⁴ См.: *Козьмин Б. П.* Указ. соч. С. 430.

Г л а в а т р е т ь я

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ВЛАСТЬ И НАРОД В ДОКТРИНЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРАВОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Интеллигенция, власть и народ. Эти три силы традиционно воспринимались народниками как самые важные в отечественной истории (в отличие от дворянства и буржуазии – старой и новой русской аристократии). Без поддержки хотя бы одной из них народническая интеллигенция, как показали 1860-е – начало 1880-х гг., была бессильна сделать что-либо значительное для ускорения продвижения России по пути культурно-исторического прогресса. В исторической литературе преобладает точка зрения, что после неудачного «хождения в народ» в легально-народнических теориях реформирования русской жизни значение тандема интеллигенция и власть неуклонно возрастало, а народ терял образ субъекта истории, каким представляли его себе семидесятники, и превращался в объект спасительного воздействия трудовой интеллигенции. Но так ли это было на самом деле?

3.1. Историческая миссия «общественной» интеллигенции

Вопросы о том, что такое русская интеллигенция и являлась ли она специфическим феноменом общественной жизни России XIX–XX вв. до сих пор вызывает у исследователей сомнения и споры¹. Однако никто не отрицает, что именно народники, более полувека олицетворявшие собой авангард русского освободительного движения, первыми попытались обосновать наличие у демократической интеллигенции особой исторической миссии ускорителя социального прогресса в России.

Впервые об этой во многом таинственной и загадочной силе русского общества заговорило в середине 1870-х гг., после «хождения» интеллигенции в народ и последовавших за ним политических процессов «50-ти» и «193-х». В это время народничество превращается в массовое общественно-политическое движение. Для объединения своих сил, разрозненных по многочисленным кружкам и группам, народникам необходимо было самоопределиться: кто мы, что мы должны делать, кто наши друзья и враги. А всякая самоидентифика-

ция, в данном случае выработка общей программы действий, начинается с самоназвания.

Именно тогда слово «интеллигенция» (от латинского *intelligens* – знающий, понимающий, разумный) начинает вытеснять бытовавшие ранее в подпольной и легальной печати выражения «лишние люди», «мыслящие реалисты», «критически мыслящие личности», «передовое меньшинство», что свидетельствовало о тенденции к консолидации всех оппозиционных существующему режиму сил². Во-первых, слово «интеллигенция» носило действительно собирательный характер и могло заменить все упомянутые выше самоназвания образованного меньшинства (от «умственного пролетариата» до «радикалов»). Во-вторых, в нем не было ничего уничижительного, как, например, в словах «лишние люди» или «отщепенцы». Наоборот, интеллигенты – это лучшие люди страны («мозг нации»³) – все знающие и все понимающие и потому способные возглавить победоносное шествие народа по пути прогресса.

Учитывая расплывчатость концепта «интеллигенция», прежде всего, необходимо уточнить, в каких основных значениях оно употреблялось в легальной народнической литературе. Таковых можно выделить как минимум два: общеупотребительное и более узкое, впервые появившееся в России.

Интеллигенция в широком или точнее общечеловеческом смысле – это наиболее образованная, просвещенная, умственно и нравственно развитая часть общества. Такое определение встречается у представителей всех народнических фракций. Например, М. А. Протопопов, защищая интеллигенцию от нападков консервативной печати, писал, что понимает под этим словом совокупность всех до известной степени образованных и критически мыслящих людей страны. Их политические пристрастия, как собственно и их нравственная позиция, пестрая как мозаика, принципиального значения не имели⁴. Состав интеллигенции, определяемой по формальным признакам, т.е. без учета ее национальной и классовой специфики, получался довольно пестрым и расплывчатым, как и у понятия «образованное и культурное общество». К ней относились не только представители творческих профессий (ученые, писатели, художники), но и «аристократия умственного труда» – помещики, чиновники, духовенство⁵.

«Интеллигенция» в узком понимании этого слова – это особая социальная группа. По мнению народников, она возникла в незапа-

мятные времена первоначально в виде касты жрецов и шаманов. По мере развития просвещения и усложнения социальной структуры общества «кастовая» интеллигенция разбивалась по сословиям и классам, чтобы обслуживать их духовные потребности и выражать их общие интересы. Лишь в новое время, когда под влиянием капитализма границы между сословиями начинают размываться, наряду с традиционной (сословно-классовой) интеллигенцией наблюдается тенденция к консолидации образованных людей в совершенно особую социальную группу, позиционирующую себя в качестве новой (общенародной) общественной силы – носителя исторического, нравственного и иного самосознания общества, творца новых социальных форм и этических идеалов. Как правило, это были представители «свободных профессий» (писатели, врачи, учителя, деятели искусства)⁶.

Для того чтобы показать существенные различия между «старой» и «новой» интеллигенцией, легальные народники вводят понятия «исторической» и «общественной» интеллигенции. Первое используется для характеристики сословно-классовой интеллигенции. Своим появлением в России она обязана власти, создавшей ее в XVIII в. как орудие европеизации страны. Однако к середине XIX в. отдельные представители отечественной интеллигенции, благодаря духовно-интеллектуальной эволюции, сумели преодолеть свою классовую ограниченность, связанную с их принадлежностью к привилегированным слоям общества, и стать выразителями интересов всего населения страны, т.е. «общественной» интеллигенцией в прямом смысле этого слова⁷.

Однако отношение идеологов легального народничества к демократической интеллигенции было далеко не однозначным. Не случайно разработанные в народнической литературе два ее типа («идейная» и «трудовая» интеллигенция) имели различный социальный состав и идейно-нравственные характеристики. Сами народники воспринимали их как «тезис» семидесятников и «антитезис» людей восьмидесятых годов.

Рассмотрим два основных подхода к интерпретации природы русской интеллигенции в идеологии легального народничества.

Первый подход – социально-этический. Такое название он получил, вероятно, потому, что его сторонники во главе с П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским принадлежали к «этико-социологическому» (субъективному) направлению в отечественной социологии,

отводившему личности и ее нравственным идеалам роль катализатора исторического прогресса. Согласно данному подходу, интеллигенция – это совокупность лиц, объединенных общими идеалами и нравственными ценностями и отличающихся от остального населения критическим типом мышления, альтруистической моралью и высокой гражданской активностью. Происхождение, образование и род занятий особого значения здесь не имели. Главный критерий для «истинной» интеллигенции – служение народу и прогрессу⁸.

Тот факт, что созданный в работах народнических теоретиков из «Отечественных записок» и «Дела» образ новой интеллигенции был лишен каких-либо принципиальных недостатков, имел под собой веские причины. В 70-е – начале 80-х гг. XIX в. народническое движение находилось на подъеме и перед его теоретиками стояла задача не критиковать радикальную молодежь (с этим успешно справлялись идейные противники народников), а предоставить ей *идеал* «истинной интеллигенции» как образец для подражания. И действительно собиравшийся портрет представителя «партии прогресса» оказался очень привлекательным для определенных кругов идейной молодежи.

Нельзя сказать, что все легальные народники относились к «людям семидесятых годов» только с пиететом. Сомнения в том, что России нужны именно «критически мыслящие личности», возникли у ряда народнических теоретиков (в основном из газеты «Неделя») сразу же после провала «хождения в народ». Главными разоблачителями культа «героев» и «борцов за народное дело» стали И. И. Каблиц-Юзов и Л. Е. Оболенский. Они очень точно подметили причину неспособности интеллигенции 1870-х гг. оказать позитивное влияние на дальнейшее развитие страны. Это ее неукорененность в настоящем, отрыв от первоочередных задач русской жизни, связанных с общим подъемом благосостояния и культуры народа. Радикальная народническая интеллигенция стремилась форсировать процесс политической и экономической демократизации страны, чтобы в кратчайшие сроки (долго ждать она не хотела) пройти путь, который у народов Западной Европе занял не одну сотню лет. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ее усилия оказались малопродуктивными.

Новые практические задачи, которые хотели поставить перед демократической интеллигенцией идеологи «малых дел», потребовали от них разработки и новой концепции самой интеллигенции. Дело в том, что переориентация на «тихую» и малозаметную «культурную работу» противоречила мировоззрению русского радикала – убеж-

денного сторонника «больших» дел, совершаемых быстрыми (экстраординарными) средствами⁹. Интеллигенцию, способную посвятить себя созидательному труду в деревне или земстве, нужно было воспитывать. Требовалось создать привлекательный образ простого, честного интеллигентного труженика – героя невидимого, тяжелого, будничного труда, который должен был открыть путь для подлинного расцвета народной жизни¹⁰.

Второй подход к пониманию явления русской демократической интеллигенции условно можно назвать социально-экономической, потому что в ее основу было положено представление об интеллигенции как работников умственного труда. Не всякого, конечно, а требующего специального образования – технического, медицинского, педагогического, юридического, художественного. Деление людей на работников мускульного (физического) труда и работников мысли, т.е. на «народ» и «не-народ», является одним из главных постулатов народнической доктрины. Однако социально-экономический подход к пониманию природы интеллигенции, впервые обоснованный в статьях Д. И. Писарева, долгое время отвергался теоретиками инакомыслия, как не соответствующий ее основному предназначению – распространению в обществе новых идей. Восприятие интеллигента как «культурного работника» утвердится в народнической литературе лишь в 80-е годы XIX века.

К этому времени в жизни русского общества произойдут очень важные перемены. Во-первых, альтруизм, свойственный народнической интеллигенции семидесятых годов, практически сойдет на нет. Во-вторых, под влиянием реформ 1860–1870-х гг. и развития капитализма, увеличится общее количество в стране образованных людей. Наряду с гуманитарной интеллигенцией (писателями, учеными, врачами, учителями), которая раньше придавала окраску умственной жизни общества, вырастут кадры технической интеллигенции (инженеры, технологи, агрономы), более ориентированные на государственную службу¹¹. Сама жизнь раздвигала узкие рамки интеллигентности, отводимые ей теоретиками радикального народничества.

Идея навстречу этим изменениям, идеологи народничества 80-х гг. XIX в. включают в состав интеллигенции всех работников умственного труда, всех, по словам Каблицы, «руководителей народа во всех сферах его жизни», а именно: учителей, духовенство, военных, промышленников, сельских хозяев, торговцев и, наконец, чиновников и администраторов¹².

Однако подвижки во взглядах на интеллигенцию правых народников имели свои пределы, выйти за которые можно только расставшись с догматами народнической идеологии. Поэтому основным критерием истинной интеллигентности по-прежнему оставалось отношение к идее долга пред народом представителей образованных классов. «Настоящая» интеллигенция могла теперь не разделять всех народнических убеждений, но служить народу по мере сил и возможностей была обязана, как и прежде. С этой точки зрения, социально-экономическая концепция интеллигенции была такой же идеологизированной как и социально-этическая.

Сравнивая между собой две народнические концепции русской интеллигенции, легко убедиться, что по вопросу об общественной природе этого феномена они были диаметрально противоположны. Одни легальные народники утверждали, что интеллигенция - это совершенно особая бессловная социальная группа, складывающаяся по идейно-нравственным признакам. Другие настаивали на социально-экономических критериях отбора, так как определяли интеллигенцию как новый интеллигентный класс-сословие, состоящий из профессиональных работников умственного труда.

Причины столь существенных разногласий обусловлены различиями в концепциях роли и места интеллигенции в предстоящих общественных преобразованиях страны, которые отстаивали представители левого и правого крыла легального народничества. Левые (Н. К. Михайловский и его ближайшее окружение) рассматривали интеллигенцию в качестве главной руководящей и направляющей силы. Поэтому от «настоящей» интеллигенции требовались идейность и готовность к самопожертвованию во имя осуществления ее народнических идеалов. Правые (И. И. Каблиц и публицисты «Недели») отводили интеллигенции сугубо служебную роль – подготовку народа к предстоящим радикальным изменениям его традиционной культуры и быта. Сражаться и умирать ради светлого будущего здесь уже не требовалось. Достаточно было сознательно и честно выполнять какое-нибудь практически полезное для народа дело.

В то же время все народники-реформисты признавали в качестве главного критерия истинной интеллигентности деятельное служение народным массам (в различных его формах). Наличие единого подхода позволяет объединить социально-этическую и социально-экономическую концепции интеллигенции в общее учение о «народной» интеллигенции. Ядро этой интеллигенции (своеобразную на-

родническую элиту) составляли ее идейные борцы, для которых служение народу стало смыслом существования; основной состав – представители массовых интеллигентских профессий (тип «среднего» интеллигента). Именно так распределяли силы внутри народнической интеллигенции идеологи легального народничества, стремящиеся к консолидации всех его фракций.

Все что идеологи легального народничества писали о новой (демократической) интеллигенции, в конечном счете, было призвано обосновать ее особую роль в общественной жизни пореформенной России. В ответ на требование консервативной печати об «упразднении интеллигенции», они пытались доказать, что она – самая ценная общественная сила. «Не любим мы эту интеллигенцию, знаю я, – писал на страницах «Отечественных записок» С. Н. Кривенко, – но что же делать, если без нее нельзя жить, если она в истории играет теперь большую роль, чем все мечи и пушки, вместе взятые»¹³.

Что же давало народникам такую уверенность? Ведь все их крупные акции, начиная с попытки увлечь за собой народ в середине 1870-х гг., неминуемо заканчивались провалами?

В исторической литературе мессианским настроениям народнической интеллигенции всегда уделялось большое внимание. Однако отношение к ним (особенно в советской историографии) было довольно скептическое. Народники добровольно взвалили на свои плечи заведомо невыполнимую задачу – изменить ход русской истории, спасти отечество и народ от «гибельного пути» капиталистического развития, на который страна вступила после отмены крепостного права. Взвалили и, естественно, надорвались¹⁴.

Рассмотрим главные положения народнического учения о русской интеллигенции как факторе общественной эволюции. Действительно ли все народники отводили решающую роль в истории одной только интеллигенции? Ведь и среди них всегда находились идеологи, которые считали интеллигенцию «бессильной» сделать что-нибудь для страны в одиночку, без опоры на поддержку народа. Неслучайно, например, И. И. Каблиц-Юзов употреблял выражение «великая миссия интеллигенции» только в ироническом смысле¹⁵.

Поскольку интеллигенция – субъективный (т.е. человеческий, личностный) фактор исторического процесса, прежде всего, необходимо разобрать представления народников о целях и движущих силах исторического процесса.

Целью общественного развития народники считали социальный, а не технический прогресс. Дело в том, что развитие производства сопровождалось ростом специализации труда, а это, как еще в 1869 г. доказывал Н. К. Михайловский, препятствовало гармоничному развитию личности, улучшению общественных форм и приближению человека к «царству высшей культуры»¹⁶.

В 1870-е годы многие народники видели свою главную задачу в построении такого общества, в котором личность получит, наконец, возможность для всестороннего развития в физическом, умственном и нравственном отношениях. В дальнейшем идея совместить прогресс человека (т.е. развитие его индивидуальности) и прогресс общества встретит серьезные возражения со стороны И. И. Каблицы, Л. Е. Оболенского, Я. В. Абрамова и других народнических теоретиков 1880-х гг. Как замечал по этому поводу Абрамов, «прогресс общества основан на регрессе (одностороннем развитии. – Г. М.) личности», равно как «рост личности неизбежно ведет к ослаблению общности»¹⁷. Это, по словам Абрамова, «всемирно-исторический факт». Поэтому целью существования общества он признавал благо не отдельной личности, а всего общества¹⁸.

И все же антропологический подход к истории всегда оставался для народников основой их исторического сознания, т.к. подлинным творцом человеческой истории для них являлся сам человек. Ход общественного развития народники ставили в прямую зависимость от энергии действующих лиц. «Человечество всегда шло вперед через борьбу идеально честной личности с жизнью за истину и цивилизацию»¹⁹.

Обоснованием этого принципиально важного (для понимания сущности прогресса) положения послужила субъективная социология народничества, у истоков которой стояли П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский. Согласно их учению, в истории общества все законы действуют не автоматически, а через человека. В этом их главное отличие от законов, которыми управляется физический и органический мир. Производство, обмен и распределение – это чисто человеческое дело. Поэтому человек здесь выступает не как какой-то служебный механизм или хозяйственный инвентарь, послушное орудие исторического процесса, но как «первая и главная сила» (в ряду условий и сил), направляющая общественную, а, следовательно, и экономическую жизнь²⁰.

Исторические законы не с неба падают. Они обусловлены «живыми факторами»: знаниями, идеями, нравственными чувствами и психологией людей²¹. При этом одни народники определяющей силой общественного развития считали рост научных знаний. Другие доказывали, что до тех пор, пока наука играет в жизни общества «подсобную» роль, главным фактором прогресса остаются человеческие чувства, инстинкты и настроения. Общим для народников было то, что генезис и эволюцию форм государственного и народного быта они представляли как результат развития идей и чувств участвующих в их создании людей, а не способа производства²².

Таким образом, критически мыслящая личность, вооружившись знанием объективных законов, может установить над их действием свой контроль, т.е. вмешиваться в историю и координировать ее ход. Как писал Оболенский, если общество состоит из свободно мыслящих и сознательных личностей, оно может (если захочет) перескакивать через типичные стадии развития (включая капитализм) по своему произволу при условии «подготовленности элементов обществ к нравственным чувствам и привычкам, необходимым на следующей стадии»²³.

Однако роль личности в истории не абсолютна. Например, Абрамов написал по этому поводу специальную статью «Личность в истории», где доказывал, что «поворачивать колесо истории по своему произволу» (для осуществления желательного идеала) она не может. Возможности личности всегда ограничены условиями времени и среды. Игнорирование их означало бы утрату связи с реальностью²⁴. В то же время Абрамов восстает против марксистской теории, отрицающей, по его мнению, значение личных усилий в борьбе за прогресс с инертной частью общества. Как и все народники, он был убежден, что, осознав действительные потребности своего времени и включившись в борьбу за их удовлетворение, личность может влиять на будущее. Потому что будущее начинается сегодня²⁵.

Особо следует отметить позицию легальных народников в отношении выдающихся личностей. Многие из них писали о недопустимости сведения истории к деятельности царей, полководцев, иерархов церкви, представителей науки, искусств, литературы. «Жизнь, — замечал по этому поводу Н. В. Шелгунов, — создают не титаны, а обыкновенные люди; историю творят массы обыкновенных людей»²⁶ критикой точки зрения, будто человеческая история совершается одной интеллигенцией и даже отдельными критически мыслящими

личностями, особенно активно выступал Оболенский. По его убеждению, история «есть дело *всех* личностей данного общества, а не отдельных выдающихся личностей; она есть дело целого психологического агрегата, целой коллективной психологии и характера; отдельные же личности лишь потому и возвышаются или падают среди известного общества, что коллективный характер целого либо подымает их на поверхность, либо бросает в Лету». Причины, обобщает свою мысль публицист, «всегда в массе, в целом, т.е. в народе»²⁷. Аналогичную позицию в народническом лагере занимали Оболенский, Воронцов, Кривенко и мн. др. его теоретики²⁸.

Здесь уместно вспомнить теорию «героев и толпы» Михайловского, разрабатываемую им с начала 1880-х гг. в связи с попытками практического разрешения народолюбцами проблемы «личность и массы». Цель его изысканий: определить откуда берутся «герои» и почему они становятся «двигателями» масс. При этом героем он называет человека, увлекающего своим примером массу других людей «на хорошее или дурное», а толпой – массу индивидов, способную «увлекаться примером... высокоблагородным или низким...»²⁹. Исследуя механизм взаимодействия между ними, Михайловский приходит к убеждению, что героев создает сама толпа, точнее «та же среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них (великих личностях. – Г. М.) разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания»³⁰.

Интересен главный практический вывод публициста и социолога из его экскурсов в психологию массовых движений. «Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело...»³¹. Сам Михайловский находил ненормальным такое положение, когда массы бессознательно идут за своими вождями, когда все их действия носят сугубо подражательный характер. Но чтобы толпа превратилась в народ, требовалось развитие в каждом «человеке массы» независимого мышления, индивидуальности, активного творческого начала. В пореформенной России необходимые для этого внешние условия пока еще отсутствовали³².

Итак, по убеждению народников, история делается живыми людьми. Энергичная личность может влиять на ее ход, выбирая один из возможных вариантов развития событий. Этот вывод существен-

но повышал социальный статус народнической интеллигенции, по крайней мере, в ее собственных глазах. Однако доказать возможность вмешательства интеллигенции в общественную жизнь страны – это только половина дела. Ее теоретикам необходимо было обосновать еще и острую необходимость такого вмешательства.

Самый веский аргумент, получивший отражение на страницах легально-народнической печати – хроническое отставание России от передовых европейских стран, ее шествие, как выражались народники, «в хвосте европейской цивилизации». Российский народ беден, страдает от малоземелья и всевозможных платежей, прозябает в темноте и невежестве. Общество бесправно и беззащитно перед произволом администрации и может только мечтать о тех буржуазных свободах, которыми пользовалось население Западной Европы. В стране сохраняется множество феодальных пережитков в лице самодержавно-бюрократической системы управления, помещичьего землевладения, подушной подати, паспортной системы и т.д. В целом картина русской жизни вырисовывалась народниками довольно мрачной и беспросветной. Светлые краски в ее изображении присутствовали только в виде редких белых пятен. Писатели, позволившие себе заговорить о «реабилитации» русской жизни, о каких-то «светлых явлениях» и «бодрящих впечатлениях», тут же подвергались публичной критике и осмеянию как, например, Абрамов во второй половине 1880-х годов.

Конечно, пореформенная Россия, только начинавшая освобождаться от застойных явлений крепостной эпохи, была далека от совершенства. Но чтобы не видеть за омрачающими ее бытие противоречиями ростки новой жизни, оживление промышленности, начало разрушения заскорузлости деревенского мира, развитие общественной самодеятельности, успехи народного просвещения и общий подъем культурной жизни страны? На то должна быть какая-то особая субъективная причина.

Если отбросить свойственные всем русским демократам XIX в. моралистские суждения по поводу антинародности царского режима, якобы являвшегося главным источником народных страданий, то остается только одна причина, которая могла побуждать народников ставить вопрос о коренном переустройстве России. Это их общественные идеалы социальной справедливости, свободы и равенства, с высоты которых современная русская жизнь и вправду казалась каким-то жалким прозябанием, недостойным высокого звания Человека.

Подход к действительности с точки зрения того, какой она должна быть в идеале, выдает в русских народниках типичных романтиков. Не случайно средний возраст рядовых участников народнического движения колебался в пределах от 21 до 25 лет³³. Учеба закончена, своей семьи и постоянной работы еще нет. Самое время для реализации грандиозных планов о том, как освободить свой народ от всех зол современного мира.

До Октябрьской революции передовую русскую интеллигенцию нередко сравнивали с Прометеем, подарившим людям лепестки божественного огня³⁴. Благородство помыслов народнической интеллигенции делает ей честь. Только стал ли занесенный ею в Россию огонь источником света и тепла? И почему вообще русский Прометей оказался социалистом?

Социализм в Европе нового времени был по своей природе учением антибуржуазным – болезненной реакцией на «дикий» (законодательно не урегулированный) капитализм эпохи первоначальной конкуренции. Один из парадоксов истории русской интеллигенции заключается в том, что социалистические идеи проникли в ее среду задолго до утверждения капитализма в России.

Попробуем обобщить основные причины неприятия народнической интеллигенцией капитализма, т.к. именно здесь следует искать первоисточник развития в ее среде мессианских идей и настроений.

Имея перед собой опыт Западной Европы и свой собственный (российский), народники считали капиталистический путь развития человечества тупиковым. Несмотря на значительные успехи в обобществлении производства и труда и общего повышения уровня жизни населения, капитализм не устранял главной, по их мнению, причины «торжествующего в жизни зла» (бедственное, угнетенное положение большинства населения страны). Этой причиной являлось несправедливое общественное разделение труда.

Михайловский еще в своей первой крупной работе «Что такое прогресс?» (1869) доказывал, что дифференциация общественных функций ведет к разрушению естественной целостности личности. «Мускульная система у одних стала развиваться в ущерб нервной системе, а у других наоборот». В итоге человеческая личность обезличивается настолько, что превращается в «палец от ноги»³⁵.

Впоследствии «обнаружились» и другие негативные последствия односторонней деятельности человека. Это хаос в экономике как следствие ее стихийного развития от кризиса к кризису³⁶. Это жизнь,

полная лишений для тех, кто вынужден был заниматься только физическим трудом и кормить значительную часть исключенного из непосредственного производства населения. Это начало физического вырождения и умственной деградации человечества, причем слабоумие и идиотизм особенно быстро распространялись среди подрастающего поколения. Это дурное нравственное состояние общества, моральный кодекс которого основывался на стремлении к богатству, общественному положению и власти, что вело к личному соперничеству и разладу общественной жизни³⁷

Для преодоления крайностей разделения труда народники предлагали обобществить производство и обмен, и регулировать их обществом по заранее обдуманному плану, т.е. заменить товарное производство «производством более правильным», при котором «двигателями труда» будут не нужда, деньги и конкуренция, а природная потребность человека в труде и сочувствие его общему благополучию³⁸.

Еще одна причина категорического неприятия капитализма заключалась в специфических особенностях его развития уже непосредственно в России. Русский капитализм в силу своей искусственности (принудительного насаждения сверху) с самого начала принял уродливые формы «кулацкого» (торгово-ростовщического) капитализма³⁹. Такой капитализм не мог выполнить той прогрессивной роли (обобществления производства и труда), которую он сыграл в Европе. Он мог только разрушать самобытные формы народного производства, разоряя, тем самым, основное население страны.

Особо следует отметить, что народники не отрицали перспективы создания в России крупного промышленного производства. Суть народнического плана социально-экономической модернизации России, подробно обоснованного в статьях Воронцова и Даниельсона, состояла в развитии земледелия и промышленности путем постепенного утверждения социализированной (артельной, кооперативной, государственной) экономики, исключающей эксплуатацию человека человеком. При этом они предлагали сделать ставку на расширение внутреннего рынка (т.е. рынка потребительских товаров и прежде всего агропродуктов). И только накопив ресурсы, оздоровив хозяйство и обеспечив тем самым начальную самоиндустриализацию, России следовало активно включаться в мировые хозяйственные связи. Иначе ей грозило превращение в сырьевой придаток развитых капиталистических стран⁴⁰.

Итак, главная причина антибуржуазности народнической интеллигенции заключалась в том, что капитализм ориентировал общество на совершенствование производства, а не социальных отношений. Кроме того, народники не верили в созидательные возможности капитализма в России, считая его не прогрессом, а регрессом. Буржуазия (презрительно именуемая ими «плутократией», «саранчой», «рыцарями наживы») якобы несла народу только новое рабство и еще большее обнищание, ибо она не преследовала иных целей кроме личного обогащения за счет эксплуатации чужого труда.

Если русская буржуазия, целиком и полностью зависящая от самодержавия, не могла взять на себя решение задач перехода от аграрного общества к индустриальному (как это было в Западной Европе нового времени), то кто мог это сделать? Собственно никаких сомнений на этот счет у народников никогда и не было. Единственной силой в России, способной спасти отечество от «горестных путей западноевропейского экономического развития», они считали демократическую интеллигенцию⁴¹. Она одна осознавала необходимость радикальных общественных преобразований и готова была взять на себя ответственность за судьбу страны. Сомнения касались вопроса, как она должна действовать, точнее, в чем должны состоять ее ближайшие практические задачи по отношению к народным массам.

В 70-е гг. XIX века данные вопросы решались по схеме, предложенной идеологами революционного народничества. Суть ее состоит в следующем: массы пассивны, но способны придти в движение под влиянием внешнего фактора, как это не раз случалось во время крестьянских восстаний. Будет ли это призыв к бунту или какие-то экстраординарные события (голод, стихийные бедствия и т.п.) принципиального значения не имело. Интеллигенция могла начать действия и без народа, отводя массам (до поры до времени) роль сторонних наблюдателей. Во всех случаях обязанность починать и инициативы переворота возлагалась на интеллигенцию. Наиболее яркими сторонниками «теории толчка» были народовольцы⁴². Правда, некоторые идеологи революционного народничества, например, П. Л. Лавров, выражали сомнения в возможности поднять народ на революцию таким «прямым» путем (без предварительного воздействия на народное сознание), но к концу 1870-х гг. они сдали свои позиции крайним радикалам.

В 80–90-е гг. XIX в. представления народнической интеллигенции о своих возможностях стали, если так можно выразиться, более

адекватными русским условиям. Среди народников-реформистов все чаще раздается критика радикальной интеллигенции за преувеличение ее влияния на жизнь народа, за уподобление его человеческому материалу, который только под руками интеллигенции превращается в культурное общество. По признанию Златовратского, в 60–70-е гг. самостоятельной роли интеллигенции в истории придавалось чрезмерно преувеличенное значение. Эти годы показали «как бессильна интеллигенция во всем, что еще не вошло в сознание народа или не стало еще его жгучей потребностью, которая должна быть удовлетворена во что бы то ни стало». Они заставили внимательнее присмотреться к действительности и только в ней черпать указания на тенденции будущего⁴³. О том, что русская интеллигенция для успеха своей миссии социального реформаторства должна была исходить не из законов истории, а из реальных потребностей масс, научившись жить их жизнью, писал и Воронцов⁴⁴.

Усложнение представлений о механизме общественных преобразований существенно повлияло на понимании идеологами правого народничества практических задач (функций) русской интеллигенции. Судя по их высказываниям в статьях и книгах 1880–1890-х гг., можно выделить три главные направления деятельности демократической интеллигенции.

Культурно-просветительская функция интеллигенции в общих чертах сводилась к умственному и нравственному воздействию на народ с целью приобщения его к благам просвещения и цивилизации, которыми пользовалась она сама. Простой народ неграмотен, полон суеверий и самых нелепых предрассудков, опутывающих его жизнь со всех сторон. Борьба против них можно было только одним оружием – знаниями. Поэтому педагогическая, воспитательная миссия признавалась всеми легальными народниками как «святая и необходимая». Интеллигенция обязана была «явиться к народу и внести к нему яркий факел положительного знания и дух положительного мышления»⁴⁵.

Осознание народнической интеллигенцией своей роли как ключевого звена в социокультурном развитии общества должно было послужить надежной точкой отсчета для оценки степени «полезности» данного общественного слоя. И тот факт, что в 1880-е гг. в ее среде преобладали сторонники «культурной работы» в массах без ярко выраженного политического подтекста свидетельствует о том, что и практическая деятельность народников эволюционировала в этом

направлении. В то же время вопрос, поставленный еще в 1870-е гг.: «чему и как учить народ?», каждая народническая фракция, как и тогда, решала по-своему.

Часть народников под «просветлением» народного разума понимала сообщение трудящимся массам знаний, необходимых им для борьбы за существование в условиях развития в стране капитализма. Особенно настаивали на такой трактовке учительской миссии интеллигенции публицисты «Недели» и «Русского богатства» (при Кривенко и Оболенском). Например, в начале 1880-х гг. в «Русском богатстве» была помещена статья А. П. Мичурина под красноречивым названием «Какая польза от одной только грамотности?». По мнению автора, распространение народных школ, «дающих хотя бы и одну простую грамотность» и «чтения евангелия» может не только помочь поднять народную нравственность и материальное благосостояние, научить народ пользоваться своими правами и действительно самому управлять собой (в рамках крестьянского самоуправления). Польза от простой грамотности еще и «в ускорении процесса образования и выделения из народа идейных людей и лучшей части народа и ускорение чрез то общественного прогресса в России»⁴⁶.

Народнические публицисты Михайловский, Воронцов, Протопопов видели основную просветительскую задачу интеллигенции в распространении в народе идей, способных пробудить в нем сознание недовольства своим положением и необходимости изменения традиционных устоев и внешних условий жизни. Все это было необходимо для включения народных масс в состав активных общественных сил, борющихся за создание нового мира⁴⁷.

Особую позицию по вопросу о народном просвещении занимал Каблиц-Юзов. По его убеждению, в 1880-е гг. главная задача интеллигенции состояла не столько в дальнейшем развитии народного сознания (эта работа была затруднена правительством), сколько в осуществлении того, что «уже создано давно и что давно уже ждет своего воплощения в жизнь», в частности, разрешение земельного вопроса. Этим Каблиц хотел сказать, что народу нужны не «вещатели истины», а практические помощники в его повседневной борьбе за существование⁴⁸.

Вторая функция – социально-реформаторская или обновляющая, как называли ее сами народники. Она была связана со стремлением демократической интеллигенции содействовать развитию страны по пути общественного прогресса. Данное содействие заключалось в

отрицании (критике) старого феодально-крепостнического и нового буржуазного порядка; указании наиболее приемлемого для России общего направления или схемы общественного эволюции, а также форм быта отвечающих новым потребностям страны; преодолении инертности общества, направлении его в «известную» сторону (путем формирования нового общественного самосознания) и руководстве им в случае проявления инициативы⁴⁹. Лучшей иллюстрацией этой позиции народников служит сравнение интеллигенции с кормчим, стоящим у компаса (а не у руля) и указывающим куда плыть, а также с лоцманом, следящим за фарватером и выкрикивающим, где какая глубина и где находятся камни и мели⁵⁰.

Особо следует выделить вопрос об интеллигенции как разработчике новых общественных идеалов и соответствующих им формах быта. Многие народники считали интеллигенцию чуть ли не единственной умственной силой, которой творится общественное и государственное сознание и, следовательно, главным орудием прогресса. Например, публицист «Дела» Шелгунов доказывал, что только интеллигенция «знает и видит все, и только она дает всему направление, ибо она есть созидаящая сила и в этой роли – ее государственная функция»⁵¹. «Народ, – развивает он свою мысль, – конечно, основная сила, но все бытовое и традиционно установившееся только тогда получает общественный и государственный смысл, когда оно возведено в сознание. Этой-то сознающей силой и является интеллигенция»⁵². В качестве главного агента социальной эмансипации России признавали демократическую интеллигенцию и сотрудники «Отечественных записок».

Противоположную позицию по вопросу о соотношении роли в общественных преобразованиях интеллигенции и народа отстаивал Каблиц-Юзов, который, как известно, главным творцом новых форм общественной жизни признавал только «коллективную мысль» народных масс. Для ортодоксального народника мнение о том, что какая-нибудь маленькая группа людей может совершить «миссию общественной реформировки» являлось абсурдом. «Пора, – пишет Каблиц, – перестать верить в чудодейственную деятельность каких-то гигантов человеческого рода...». «Истинный... общественный прогресс бывает только там, где общественное дело двигает не одна интеллигенция, а весь народ». «Вне его мы нуль...»⁵³. Поэтому настоящая (народная) интеллигенция должна была стремиться к избавлению народа от «вредного» влияния интеллигентов-бюрократов.

тов, действующих наперекор всем стремлениям и желаниям народных масс⁵⁴.

С критикой насильственного насаждения нового общественного строя сообразного с идеалами и понятиями одной только интеллигенции очень часто выступал товарищ Каблица Оболенский. По его словам, Михайловский как один из наиболее ярких представителей прогрессивной русской интеллигенции «хотел бы явиться опекуном народным, навязывающим народу реформы по собственному усмотрению», тогда как направление реформам должен дать сам народ. Задача русской интеллигенции (считающей себя народнической) – облечь мысли и желания народа в свои «разумные, просвещенные формы»⁵⁵.

О бессилии передовой русской интеллигенции в «социальном творчестве» писал в своих статьях другой идейный противник Михайловского (правда, уже в 1890-е гг.) – Воронцов. Он также исходил из того, что правильная теория грядущей действительности не может быть построена в кабинетах, т.е. абстрактно. Основы новых общественных форм закладываются самой жизнью. Теория лишь систематизирует и обобщает то, что создается коллективной деятельностью класса. Иначе говоря, «обоснователи» теории должны принадлежать к тому общественному слою, который «является активным агентом в фактически развивающемся процессе смены одной формы другою» (т.е. к простому народу)⁵⁶.

Как видно, по вопросу о том, кто является подлинным творцом социального прогресса (интеллигенция или народ) у легальных народников существовали серьезные разногласия. Однако нельзя не заметить, что независимо от решения данного вопроса взаимоотношения внутри этого тандема строились по одной и той же схеме: активная сторона (интеллигенция) пытается воздействовать на пассивную сторону (народ), чтобы привести его в движение. Для этого используются три основных метода. Левое крыло народнической интеллигенции выступало за директивное управление массами; правое за воздействие путем не принуждения, а убеждения, нравственного авторитета, подстраиваясь под понимание народом собственных потребностей и интересов; центристы – за развитие между интеллигенцией и народом партнерских отношений.

Третья функция интеллигенции – коммуникативная или объединительная. Ее содержание сводилось к посредничеству демократической интеллигенции между различными частями нации (со времен

Петра I разделившейся на общество и народ) с целью налаживания между ними диалога и сотрудничества. Обоснованием этой задачи интеллигенции служили различные историко-социологические теории легальных народников. К примеру, Воронцов выделял в развитии общества три стадии: первобытную однородность; сословную разобщенность, связанную с развитием в обществе неравенства и соперничества между людьми; и, наконец, сближение всех общественных групп на основе развития кооперации и сотрудничества, в чем особую роль должна сыграть бессословная интеллигенция⁵⁷. Другие народники-реформисты (Михайловский, Южаков, Каблиц) разрабатывали схожие по смыслу интерпретации общего направления развития человеческой истории⁵⁸.

Разумеется, конкретные пути сближения народа и общества каждая народническая фракция видела по-своему. Здесь важно подчеркнуть, что в конечном итоге все должно было свестись к формуле, озвученной в свое время в журнале «Отечественные записки». «Интеллигенция и народ разделены еще теперь, но непременно соединятся в будущем. Народ должен быть и интеллигенцией, а интеллигенция и народом. Третьи лица этот союз или поглотит, или выбросит вон»⁵⁹. То есть со временем Россия должна была стать социально однородным обществом, без осуждаемого народниками разделения всего населения страны на работников умственного и физического труда.

В последние годы в исторической литературе по существу возрождается народническое определение интеллигенции как особой социально-духовной силы, не связанной непосредственно с интересами какого-либо сословия или класса⁶⁰. Если следовать логике данного подхода, то мы должны будем признать наличие у нее специфической исторической задачи, которая не стояла перед интеллигенцией других европейских стран.

В новое время Западная Европа вступает в период модернизации, в ходе которой осуществлялся переход от сословной структуры общества к классовой. Главной движущей силой этих процессов выступала молодая европейская буржуазия. В России «третье сословие» в качестве самостоятельной политической силы так и не сложилось. Поэтому в пореформенные годы роль ведущей (организующей и направляющей) силы социального прогресса попыталась взять на себя так называемая «общенародная» русская интеллигенция, маргинальная по своему положению в обществе. В отличие от других социальных групп ее представители обладали всем необходи-

мым (от идеологии до независимого материального положения) для того, чтобы позиционировать себя в качестве оппозиции существующему в стране режиму⁶¹.

Итак, в решении проблемы легитимации поведения передовой интеллигенции идеологи легального народничества опирались на сложившуюся в народнической литературе традицию самовозвеличивания до роли «катализатора» социально-исторического процесса. Существенное отличие от предшественников заключалось в более широкой трактовке общественных функций демократической интеллигенции. Теперь они включали не только деятельность, направленную на непосредственное изменение существующего строя (социальное реформаторство), но и создание предпосылок для этих изменений с помощью подъема общего уровня жизни народных масс (культурно-просветительская функция). Все легальные народники надеялись ускорить ход социального прогресса в России путем обращения к нему основного населения страны. Правда, понимание конкретных задач русской интеллигенции на этом, в сущности, главном направлении самореализации легальной интеллигенции у народников было разное.

Акцентирование внимания на разработке такого комплекса идей и представлений, который должен был способствовать пробуждению гражданского самосознания в народе и обществе – это важное достижение народнической мысли. Только образование в России новой социокультурной силы, способной к систематической борьбе за необходимые реформы, давало надежду на возможность мирной демократизации страны (в ее специфическом народническом понимании).

3.2. Государство как субъект реформирования общественной жизни

Одно из ключевых мест в легально-народнической доктрине общественных преобразований занимала проблема государственной власти и ее реформаторского потенциала.

Легальные народники были государственниками⁶². Даже те из них, кто в молодости сочувствовал анархическим идеалам М. А. Бакунина (например, И. И. Каблиц-Юзов), перейдя на реформистские позиции, неизбежно должны были задуматься о невозможности

мирного пути к осуществлению народнических идеалов без поддержки государственной власти.

Историки-марксисты вслед за Г. В. Плехановым и В. И. Лениным были убеждены, что легальные народники могли обращаться за поддержкой своих социальных программ только к царскому правительству. Причем, чтобы быть услышанными, они должны были отказаться от идеи политической демократизации страны, равно как и от надежд на радикальные социалистические преобразования⁶³. На этот счет даже существовал особый термин «монархическое народничество» И. И. Каблицы, В. П. Воронцова, В. С. Пругавина, отражавший перерождение вчерашних крестьянских социалистов в «пошлых» идеологов мещанства. В лояльном отношении к «малым делам» до сих пор подозревается даже лидер политического крыла легального народничества Н. К. Михайловский⁶⁴.

Современное поколение исследователей доказывает принадлежность народников-реформистов к легальной оппозиции самодержавно-бюрократического режима. В призыве к государственному вмешательству в народную жизнь они видят проявление политической гибкости народнических теоретиков, их особую тактику действий (использование силы бюрократии для противодействия усилению буржуазии) в условиях слабости и неорганизованности российского общества⁶⁵. Высказывается также точка зрения, что, обосновывая программу построения в России государственного социализма, народники (в частности Воронцов), имели в виду не самодержавное, а социалистическое государство, которое должно было возникнуть в результате народной революции⁶⁶.

Очевидно, в вопросе об отношении легальных народников к государству как инструменту общественных преобразований не может быть однозначных суждений. В легальном народничестве сосуществовали разные идейно-тактические направления. Одни теоретики признавали политику Александра III «народной» и шли на хотя бы и временное примирение с идеей народного царя. Другие, наоборот выступали за бескомпромиссную политическую борьбу с самодержавием. Поэтому, чтобы подвести под этими разногласиями общую черту необходимо установить:

- представления идеологов правого (нереволюционного) крыла народничества о государстве как субъекте управления обществом;

- взгляды народников-легалистов на роль самодержавия в истории России: действительно ли имела место идеализация его реформаторского потенциала, на чем в свое время настаивали марксисты;
- все ли представители правого народничества признавали существующий в стране политический строй антинародным и если да, то как планировали его преобразование идеологи основных народнических фракций;
- можно ли говорить об эволюции образа (концепции) власти в идеологии легального народничества последней трети XIX – начала XX в.

Что такое государство? Точного определения данного понятия у легальных народников нет. Это позволяет предположить, что они употребляли его в общепринятом смысле, как организацию оседлого населения, занимающего определенную территорию и подчиняющегося одной и той же власти⁶⁷.

Назначение государства (правительства, которое его представляет) – регулирование отношений в обществе, защита его общих интересов. Основа могущества любой власти – уровень благосостояния народа, т.к. в конечном итоге именно он определяет доходы государственной казны. Поэтому в идеале государство должно создавать условия для развития основного населения страны, т.е. быть общенародным (бесклассовым). Примерно так обосновывали социальную природу и интересы государства, как самостоятельного субъекта исторического развития, Каблиц, Кривенко, Пругавин и др. легальные народники⁶⁸. Но к такой интерпретации общественной роли власти они пришли не сразу.

До середины 1870-х гг. большинство народников воспринимало государство как силу, не просто враждебную народу (носителю общинного начала), но как главный источник его эксплуатации. Традиция противопоставления государства и народа как двух исконных антагонистов (что, конечно же, не соответствовало действительности), была заложена еще в 50-е гг. XIX в. А. И. Герценом. Его рассуждения о «коре московского царизма и империализма (самодержавия российский императоров. – Г. М.)», приставшей к телу народа и мешавшей его свободному саморазвитию⁶⁹, служили наглядным обоснованием полного отсутствия у этих форм власти народных корней.

Компромиссный характер реформы 1861 г., положившей начало обеднению крестьянства и деградации его хозяйства, еще больше убедил демократическую интеллигенцию 1860-х гг. в антинародно-

сти русского самодержавия. Тезис о том, что правительство защищает, прежде всего, интересы помещиков и нарождающейся сельской буржуазии (кулачества) разделяли и первые теоретики легального народничества (Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко). Однако в отличие от революционеров они не считали государство абсолютным злом и, несмотря на свой аполитизм, еще в начале 1870-х гг. ставили вопрос о государственной помощи крестьянству. Теоретическим обоснованием такой позиции послужила трактовка природы государства передовыми европейскими философами и историками (Ф. Лассаль, Л. Блан и др.). Например, на Михайловского значительное влияние оказала концепция социальной роли государства, созданная Луи Бланом⁷⁰. Этот французский социалист требовал для государства «роли не господина, а служителя» и потому настаивал на его вмешательстве в экономическую жизнь страны в интересах неимущих классов⁷¹.

Радикальная переоценка народниками силы государства и степени его влияния на русскую жизнь происходит после провала знаменитого «хождения в народ». Для многих его участников цель этой акции заключалась в организации всенародного бунта против власти. Его итогом должна была стать скорая гибель государства как политической организации общества и торжество народного социализма (федерации общин). По утверждению идеолога революционного народничества М.А. Бакунина, русский народ прекрасно мог обойтись без государства, играющего в его жизни исключительно паразитическую роль⁷².

Близкое общение с крестьянством убедило интеллигенцию в том, что простой деревенский мужик не революционер и анархист, а консерватор и государственник, чья безусловная преданность монарху освящается его верой в божественное происхождение царской власти. Из легальных народников одним из первых о монархизме как главной характеристике политического сознания народа в 1876 г. заявил Воронцов в газете П. Л. Лаврова «Вперед!»⁷³.

Конечно, политическая инертность крестьянства было открытием только для народников. И. С. Тургенев еще в конце 1860-х гг. в письме к Герцену убеждал его в том, что «народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор» и испытывает стойкое отвращение «ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности»⁷⁴. Однако признание этого факта имело самые серьезные последствия. Многие народники были вынуждены пересмотреть свое отношение к само-

державию, игравшему в русской истории вполне самостоятельную роль, отказаться от традиционного аполитизма и перейти к политической борьбе царской с властью.

Рассмотрим вопрос об исторической миссии самодержавия более подробно. Признавали ли народники его субъектом модернизации России, как это делают современные исследователи?

Легальные народники, конечно, не употребляли термин «модернизация». Они писали о необходимости преодоления отсталости России от передовых европейских государств и приобщения русского народа к благам общечеловеческой цивилизации. Роль царского правительства в разрешении этой проблемы, несмотря на постоянную критику «самовластья», оценивалась народниками-реформистами достаточно высоко. И ничего удивительного в этом не было. Все крупные реформы XVIII–XIX вв. были задуманы и осуществлены российскими царями (Петром I, Екатериной II, Александром II), которые, не взирая ни на какие социальные издержки, вели страну по пути вестернизации. Важнейшим итогом их просветительской политики стало зарождение на рубеже XVIII–XIX вв. самостоятельно мыслящего общества (в лице Н. И. Новикова и А. Н. Радищева) и, конечно же, Великие реформы 1860–1870-х гг.⁷⁵

Главное отличие самодержавия от других европейских монархий заключалось в том, что его деятельность была направлена на защиту не узкословных, а общегосударственных интересов. Личная свобода и инициатива подавлялись царским правительством во имя заботы об «общем» благе, которая вплоть до середины XIX в. сводилась к обеспечению внешней безопасности и территориальной целостности страны. Ни дворянство, ни духовенство, ни купечество (впоследствии буржуазия), а, по мнению ряда народников, и интеллигенция, не имели в России самостоятельного значения. Они были искусственно созданы властью и большую часть российской истории оставались послушными орудиями в ее руках. Опираясь на эти доводы, кстати, впервые обоснованные в трудах историков государственной школы, народники-реформисты во второй половине 1870-х гг. приходят к выводу о надклассовости русского самодержавия⁷⁶.

Для легальных народников независимость царского правительства от общественных классов (в действительности сильно преувеличенная) – это еще одно доказательство самобытности русского общественного строя. Однако всемогущество власти не давало никакого особенного преимущества простому народу. Скорее наоборот. Само-

державная власть «давила» крестьянство еще больше других сословий. Было время, пишет Воронцов, имея в виду удельно-вечевой период, когда простой народ сознавал себя серьезной политической силой, реальным участником исторического процесса, а не его материалом. Возвышение царской власти, благодаря которой было создано русское централизованное государство, победа светской власти над церковной и окружение личности царя божественным ореолом, наконец, утверждение в стране крепостного права, отменить которое мог только всемогущий царь, – все это привело к замене «демократического» мирозерцания крестьянства на монархическое. «Умственное изуродование» народа, его насильственное устранение от участия в общественной жизни страны – вот что, по мнению Воронцова, получил простой народ от «народной монархии»⁷⁷. И даже после «освобождения» крестьянства власть продолжала эксплуатацию его труда посредством выкупных платежей и подушной подати, которые не взимались с привилегированных сословий.

Таким образом, для народников главным критерием реформаторской деятельности правительства являлось ее влияние на положение основного населения страны. Признавая «всесословность» самодержавия и его значительный вклад в европеизацию России, народники продолжали обвинять его в антинародности. Правда, такой подход не снимал вопроса о возможности примирения государственных и народных интересов при посредничестве русской интеллигенции. И он, действительно, оставался предметом дискуссии на протяжении всей истории легального народничества.

По убеждению революционных народников, Великие реформы Александра II оказались «прерванными на полуслове». Самодержавие исчерпало свой реформаторский потенциал и нуждалось в немедленной замене народным представительством. Эту задачу они предполагали решить в течение ближайших лет либо посредством всенародного бунта, либо путем заговора. Даже открывшиеся в ходе «хождения в народ» факты безусловной преданности крестьян своему верховному патрону (народный монархизм) не могли разубедить революционеров в том, что самодержавие, говоря словами П. Н. Ткачева, «висит в воздухе».

Позиция легальных народников в данном вопросе была более осторожной. Как и все народники, они признавали необходимость замены «верхушечной» модернизации, осуществляемой властью во имя сохранения целостности российской империи, на модернизацию

«снизу». Эта необходимость диктовалась, во-первых, опасениями реставрации дореформенных порядков, возрождения «дворянской эры»⁷⁸. Сохранение помещичьего землевладения, превращение помещичьей общины в фискальный институт, продворянский характер земства, и, наконец, введение в 1889 г. института земских начальников – все это воспринималась народническими публицистами как звенья одной цепи, которая продолжала «теснить» развитие народного сознания и самодеятельности.

Вторая причина неприятия народнической интеллигенцией самодержавной формы правления связана с проблемой обуздания чиновничьего произвола, как оборотной стороны неограниченной (бесконтрольной) монархии. По убеждению легальных народников, русская бюрократия (презрительно именуемая «медными головами») со времен Николая I превратилась в самодовлеющую силу, способную ради интересов собственного существования «погасить» любые прогрессивные начинания верховной власти. На необходимости уничтожения опасного для будущего страны «средостения» между народом и властью настаивали представители всех народнических фракций⁷⁹. Радикальным средством борьбы с бюрократическим началом являлась политическая демократизация страны (развитие гласности, законности, установление общественного контроля над властью). Однако политические реалии пореформенной России исключали быстрое развитие этого процесса.

Для противодействия сложившемуся в обществе убеждению во всемогущести бюрократии, народники активно продвигали идею о том, что чиновники это не государство, а всего лишь исполнители его функций (слуги общества, которые используют свое положение в корыстных целях)⁸⁰. Взамен бюрократии предлагалось всеобщее земство. Правда, его еще предстояло достроить «снизу» и «сверху» (на волостном и общегосударственном уровне)⁸¹. Принцип саморазвития общества включал также развитие крестьянского самоуправления. Без этой его составляющей, интеллигенция, по словам Каблицы, будет обречена «взывать к бюрократии, вместо того, чтобы просить ее только посторониться...»⁸².

Третья причина заключалась в стремлении народников не допустить захвата власти буржуазией. В большей мере это была превентивная мера, поскольку до начала XX в. у русской «плутократии» (третьего сословия), находящейся под покровительством самодержавия, не было претензий на самостоятельную роль в управлении стра-

ной. Но народникам на рубеже 1870–1880-х гг. угроза буржуазного перерождения монархии казалась вполне реальной, т.к. правительство уже вступило на путь «искусственного» развития в стране капитализма. В данном случае легальные народники оказались жертвой собственной теории мертворожденности русского капитализма⁸³. Эта теория диктовала им пассивную и малоперспективную тактику убеждения правительства изменить ошибочно выбранный курс.

Драматизм ситуации для теоретиков правого народничества состоял в том, что в России отсутствовал легальный механизм воздействия на власть. В этих условиях единственным, с их точки зрения, действенным средством изменения экономической политики правительства оставалась революция. Но ни народ, ни общество еще не были готовы взять на себя инициативу модернизации, стать субъектом новой экономической политики. Революция была преждевременной. Ее победа могла привести страну к диктатуре просвещенного меньшинства, которой легальные народники опасались еще больше царского деспотизма⁸⁴. Отсюда их ставка на длительную политическую демократизацию страны, чреватую регрессиями к революционному способу разрешения проблемы.

Проблема выбора путей реформирования власти особенно остро встала перед легальными народниками в конце 1870-х гг. Как уже отмечалась во второй главе, главным ускорителем этого процесса послужил раскол «Земли и воли» и быстрая политизация народнического движения. Именно тогда народники-реформисты окончательно распались на две фракции: «политиков» и «социальщиков».

«Политики» во главе с Михайловским выступили за ограничение власти царя «народной конституцией». Причина – стремление самодержавия направить модернизацию страны по европейскому (т.е. капиталистическому) пути. Помешать развитию этого процесса, который неизбежно привел бы к захвату власти буржуазией, могло только скорейшее введение демократической конституции. Сам народ ее добиться не мог из-за неразвитости политического сознания и полнейшей разобщенности. Эта миссия возлагалась народниками на демократическую интеллигенцию, как наиболее сознательную и политически активную часть трудового народа⁸⁵. Первоначально на роль такого авангарда претендовала партия «Народной воли».

На рубеже 1870–1880-х гг. многие представители интеллигенции относились к героической борьбе горстки революционеров с самодержавием как к проявлению их необыкновенного гражданского

мужества. Не составляли здесь исключения и товарищи народовольцев по народническому лагерю – сотрудники журнала «Отечественные записки». Хотя характер их деятельности диктовал неприятие революционных методов борьбы, русская действительность давала достаточно поводов усомниться в возможности улучшения жизни народа по инициативе правящей власти.

Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 г. заставил Александра II учредить Верховную распорядительную комиссию. Вскоре было ликвидировано III-е отделение, ослаблена цензура. Легальные народники получили возможность обсуждать внутреннюю политику правительства. На страницах «Отечественных записок», «Дела» и «Слова» они сформулировали свою программу демократических преобразований (предоставление обществу свободы слова, печати, собраний, расширение прав местного самоуправления, радикальное решение аграрного вопроса и т.д.)⁸⁶.

Накануне первого марта 1881 г. Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, С. Н. Кривенко и Г. И. Успенский обсуждали вопрос о новом покушении на царя, уверяя друг друга, что революционерам надо спешить, так как, несмотря на конспирацию, слухи расползлись по всему городу⁸⁷. В шесть часов вечера в день цареубийства эти же литераторы и «кое-кто из революционеров» собирались на квартире Шелгунова. Николай Русанов вспоминал впоследствии, что большинство присутствующей на совещании литературной братии «отдавалось... всецело чувству радости», надеясь, что будет революция⁸⁸. Как писал сам Михайловский, только она одна могла вырвать с корнем идею самодержавия из жизни и из тела народа, т.к. русский царь был не мужицкий, а «солдатско-кулацкий»⁸⁹.

Однако трагедия, разыгравшаяся на набережной Екатерининского канала, положила конец наметившемуся сближению власти и общества. Надежды на политическую реформу как первый шаг к «народной конституции» лопнули как мыльный пузырь. И дело здесь не в том, что народники не знали о подписании царем проекта М. Т. Лорис-Меликова о привлечении депутатов от земств и городов к обсуждению общегосударственных вопросов. По свидетельству известного земского деятеля И. И. Петрункевича, Михайловский еще в конце 1870-х гг. отвергал любую конституцию, если она не гарантировала передачу всей земли крестьянам. «Народу, – уверял он Петрункевича, – наплевать на вашу помещичью конституцию. Когда народ возьмет власть в свои руки, он сам напишет свою конститу-

цию, какой вы ему не дадите»⁹⁰. В действительности простой народ оставался монархистом и не о какой свободе не помышлял.

Гибель Александра II вопреки прогнозам народников еще больше укрепила монархические иллюзии крестьян. «За нас покойничка убили, – говорили в народе, – што ен нам волю дал, царство ему небесное»⁹¹. По всей России по убиенному царю служились панихиды. Крестьяне одного из сел Воронежской губернии закажут для своей церкви новый колокол, на котором будут такие слова: «в память мученической кончины Императора Александра II – освободителя миллионного народа от крепостного права...», «глас мой Царю мой и Боже мой». Осенью 1881 г. этот колокол весом 422 пуда будет доставлен на железнодорожную станцию, а оставшийся путь (15 верст) крестьяне «с необычайной торжественностью» пронесут его на себе⁹².

Во второй половине 1882 г. через Михайловского и его близкого друга Кривенко Исполнительный комитет народолюбцев вел переговоры с тайной монархической организацией «Священная дружина» о прекращении террора в обмен на уступки со стороны правительства. От имени революционной партии они составили программу действий. По воспоминаниям Н. Я. Николадзе, она заключалась в приглашении правительства стать на путь социальных, вернее, экономических улучшений народного быта, со значительным в этом смысле расширением сферы действий печати и земского или общественного самоуправления. В основном это были требования узко-социалистического характера, без политической подкладки, в противоположность знаменитому письму Исполнительного комитета к Александру III по поводу 1 марта 1881 г.⁹³. О возможности установления в стране конституционного режима в ней даже не упоминалось на том основании, что «теперь настроение партии менее приподнятое и она уверилась, что политические реформы поведут к упрочению во власти не народолюбцев, а только буржуазии, что составляет не прогресс, а регресс»⁹⁴. Как известно, переговоры были прерваны, как только правительству стало известно о слабости «террористов».

В начале 1880-х гг. народники-политики, окончательно разочаровавшись в народе, устремят свои взоры к либеральному обществу. К либералам-конституционалистам, к мирным согражданам с предложением союза и взаимопомощи (в условиях надвигающейся политической реакции) обращены основные их публикации в подпольной печати⁹⁵. По сути это означало пересмотр политическими радикалами их прежней заговорщической тактики, лишавшей сторонников

ограничения самодержавия прочной опоры в обществе и народе. Любая монархия держится политической индифферентностью народа и разрозненностью общества. Реформы 1860–1870-х гг. показали тот предел уступок в политической сфере, на которые власть могла пойти добровольно. Чтобы добиться новых уступок, народникам требовалась поддержка политически активной части населения страны. Это был нормальный цивилизованный путь политической демократизации страны, путь, по которому шла Западная Европа⁹⁶.

После 1881 г. российское общество, напуганное разгулом революционных страстей и угрозой анархии, отвергло идею политической борьбы с самодержавием. Своеобразным манифестом новой эпохи в истории народничества стала книга Воронцова «Судьбы капитализма в России». В ней, в частности, обосновывается мысль, что благодаря невозможности развития в России капиталистического производства ее историческая миссия заключается в осуществлении равенства и братства, *«если уж ей не суждено бороться за свободу»*⁹⁷. Особое впечатление на современников произвела выделенная нами фраза. Воронцов расшифровывал ее так: раз в России нет класса, подобного европейской буржуазии, то нет и естественной опоры политической свободе, а значит, европейский конституционный либерализм теряет свое значение. Далее следует ремарка, адресованная правительству о том, что царская власть не будет иметь в обществе противника, который вынуждал бы ее на уступки либерализму. Эти уступки (например, в отношении печати) власть может сделать добровольно, потому что свобода общества и в этом случае будет фиктивна, ибо *«также легко изорвать клоч бумаги, “хартию свободы”, как подарить его»*⁹⁸. Заметим, что заявление Воронцова о возможности продолжения борьбы за социализм без завоевания политических свобод предвосхитило появление известной книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.), где проводилась обратная точка зрения.

Некоторое оживление общественного движения наблюдается лишь с конца 1880-х гг. Оно было связано с притоком в земство оппозиционной интеллигенции и дальнейшим развитием земского конституционализма. С этого же времени начинается сближение Михайловского и его единомышленников со сторонниками мирного прогресса. Так они нередко именовали либералов. По наблюдению Б. И. Горева, Михайловский все больше и больше становится на почву «чистого либерализма», т.е. ограничивает свои требования исключительно политической свободой, без малейшей социальной ок-

раски⁹⁹. О выхолащивании социального содержания доктрины Михайловского пишет современный ее исследователь В. В. Блохин. В своей докторской диссертации он доказывает, что итогом идейной эволюции мыслителя стало окончательное оформление доктрины «либерального социализма»¹⁰⁰. Такая интерпретация, видимо, имеет право на существование, т.к. в середине 1890-х гг. Михайловский окончательно порывает со сторонниками «ортодоксального народничества» и даже отказывается от того, чтобы его называли народником.

Перейдем ко второму крылу легального народничества – «социальщикам». Его представители в лице публицистов «Недели» выступали за самобытный (антилиберальный) путь общественных преобразований пореформенной России. Во имя истинного народничества они готовы были примириться с идеей народного царя. Главный орган этих народников – газета «Неделя» еще в феврале 1880 г., сразу после организованного Степаном Халтуриным взрыва в Зимнем дворце, напишет, что «русский народ издавна верен своему царю». Эту веру не смогут разрушить «злые фанатики», т.к. народ проникнут идеей прогресса, указанной «царственной рукой»¹⁰¹. С критикой идеи насаждения социалистического строя путем захвата власти революционной интеллигенцией активно выступал Каблиц-Юзов. По его словам, «социалистическая бюрократия» готова была насиловать мнения и совесть народа, только потому, что якобы обладала несомненной истиной¹⁰². Сам Каблиц доказывал, что социалистический идеал – это путеводная звезда просвещенной интеллигенции, а ближайшая станция на пути к нему – «осуществление желаний народа»¹⁰³.

Лучшей иллюстрацией отношения правых народников к событиям первого марта 1881 г. служат статьи Л. Е. Оболенского (одного из единомышленников Каблица-Юзова). В середине 1860-х гг. Оболенский проходил по делу Дмитрия Каракозова и был подвергнут длительной административной ссылке. После возвращения в конце 1870-х гг. в Петербург Оболенский становится одним из первых народнических теоретиков «малых дел». Все его творчество в эти годы будет посвящено попыткам убедить общество в необходимости двигаться вперед только путем саморазвития и самодеятельности, «упорного и энергичного труда внутри себя»¹⁰⁴. Убийство народовольцами царя еще больше убедило публициста в необходимости критики деятельности революционной партии.

В статье «Первое марта 1881 г. Куда идти теперь?», опубликованной в траурной рамке в журнале «Мысль», Оболенским напишет:

«Прочное и истинное развитие общества есть только его органическое развитие... Это есть развитие в духе, чувствах, верованиях и симпатиях большинства данного общества. Кто ж это большинство в России? Это крестьянская масса, так называемых серяков, многомиллионная *православная* масса русского народа, любящего своего Царя и верящая в то, что всякое благо придет к ней только через его власть, т.е. добровольно будет даровано им... Человек интеллигенции, который не хочет стать отщепенцем и врагом народа, не должен и не может идти вопреки его симпатиям и верованиям. Только идя в такт с этими симпатиями и верованиями, интеллигенция станет не отрезанным ломтем русского народа, а истинной народной силой, народной красотой и гордостью. Это не значит, что интеллигенция наша должна отказаться от своей науки и искусства, от своего образования и развития, это вовсе не значит, что она должна проникнуться народными предрассудками и невежеством. Предрассудки и невежество народа, это вовсе не то, что его исторические, выработанные веками, симпатии, верования и идеи»¹⁰⁵.

Итак, представители правого крыла легального народничества предлагали интеллигенции приспособить свою программу общественных преобразований к уровню развития народной мысли. Только в таком случае интеллигенция могла заявлять, что выражает волю народа. На практике это означало отказ от политической борьбы за парламент и конституцию. По мнению Каблицы-Юзова, их вполне могло заменить прямое общение царя с народом при помощи выбранных ходоков (выборные от крестьян, посылаемые «миром» ходатайствовать о его нуждах)¹⁰⁶. Таким «стародедовским» способом он надеялся ослабить вмешательство в народную жизнь царской и интеллигентской бюрократии, а заодно и врага народа № 1 – нарождающейся российской буржуазии. Однако это вовсе не означало, что Каблицы из анархиста превратился в убежденного монархиста. Скорее всего, он рассматривал изменение своего отношения к самодержавию как выбор меньшего из зол.

У народнической теории единения власти и народа было три источника: 1) крестьянский монархизм, который публицисты «Недели», как уже отмечалось выше, отнюдь не считали «наивным»; 2) теория об особом строе умственной и нравственной жизни русского народа, позволяющем ему разрешать все свои проблемы «миром», путем взаимных уступок и компромиссов; 3) убеждение в том, что государство, путем укрепления общинного землевладения и

самоуправления, может создать благоприятные внешние условия для «народного» типа развития¹⁰⁷.

Теоретическое обоснование антилиберализма правых удивительно созвучно известной славянофильской теории о единстве «земли» (общины, народа) и «государства». Согласно одному из ее авторов К. С. Аксакову, на Руси функция государства сводилась к защите народа от внешних врагов. Во внутреннюю его жизнь власть (вплоть до реформ Петра I) не вмешивалась, поскольку русская «земля» жила по собственной «внутренней правде» (особому нравственному закону). В этой «правде совести» славянофилы видели истоки особого пути развития России, пути постоянного нравственного совершенствования. Народы же Запада якобы жили по «внешней правде» (правде закона) и потому их путь развития был связан с совершенствованием внешнего устройства жизни¹⁰⁸.

Разумеется, народничество и славянофильство имели разную целевую направленность. Славянофилы мечтали о возрождении главного принципа народной монархии XVII в.: «сила власти – царю, сила мнения – народу». Народники так же считали, что власть должна уважать мнения народа, но для них это только первый шаг к реализации более амбициозного плана. Будучи социалистами, народники-социальщики настаивали на вмешательстве государства в экономическую жизнь народа. Конечно, не для того, чтобы бюрократия регламентировала народную жизнь, а с целью содействия организации национального производства на началах равенства и коллективизма¹⁰⁹.

И здесь мы опять сталкиваемся с вопросом об отношении публицистов «Недели» к тезису об «антинародном» характере царского режима и необходимости его скорейшей трансформации.

С воцарением Александра III правые народники перестали позиционировать себя в качестве оппозиции правительству. Демонстрируя лояльность власти, народническая «Неделя», наперебой с «Мыслью», а с 1883 г. «Русским богатством» будут доказывать, что реформа 1861 г. полностью соответствовала народным нуждам, требованиям и желаниям; что она создала важный задел для дальнейшего развития самобытных народно-бытовых начал в духе равенства и свободы. Однако эта работа правительства была приостановлена из-за деструктивной деятельности либерального общества, поддавшегося искушению решить все назревшие социальные вопросы путем ограничения самодержавия¹¹⁰.

За эти пассажи будущие историки обвинят идеологов правого крыла легального народничества чуть ли не в ренегатстве, как-то упустив из виду, что большинство из них открыто заявляло о своем сочувствии социалистическим идеям. Да, это был уже не революционный, а эволюционный социализм, который опирался на вмешательство государства в экономическую жизнь с целью проведения реформ, направленных на уменьшение в обществе социального неравенства. Поэтому его и назовут государственным. Правда, в отличие от государственного социализма Отто Бисмарка в Германии, народнический социализм делал ставку на развитие «народного производства», а не крупных капиталистических предприятий.

Дистанцируясь от политических радикалов, Каблиц-Юзов, Оболенский, В. С. Пругавин выражали надежду на то, что новая власть прислушается к их пожеланиям, на том основании, что они и есть подлинные представители народа. Сейчас это выглядит, по меньшей мере, наивно, но у народников были на то серьезные основания. Объявленный правительством Александра III курс на единение царя с народом не был пустым звуком. Новая власть действительно предприняла ряд конкретных мер, вполне согласных с идеей «народного самодержавия» «Недели»¹¹¹. Так, в 1882 г. был учрежден Крестьянский банк, началась отмена подушной подати. В 1883 г. прекращены временнообязанные отношения крестьян с помещиками. В 1886 г. ограничены крестьянские семейные разделы. В 1889 г. принят закон о неотчуждаемости крестьянских наделов. Царское правительство пока еще держалось за сельский «мир», насколько возможно препятствуя развитию в нем частнособственнических отношений. Благодаря этому теория «малых дел» получит большую поддержку у демократической интеллигенции 1880-х гг., чем идея продолжения политической борьбы с самодержавием.

В 1890-е гг. С. Ю. Витте, к слову, сторонник государственного вмешательства в экономику, начинает ускоренную капиталистическую индустриализацию страны. В самом начале XX века Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности поставило вопрос о роспуске поземельной общины. Вместе с этими переменами в верхних эшелонах власти окончательно исчезли и иллюзии народников относительно народности внутренней политики самодержавия.

Промежуточную позицию в вопросе о необходимости политических преобразований страны занимали умеренные народники во главе с известным экономистом В. П. Воронцовым. В 1880–1890-е гг.

они стояли на позиции аполитизма, доказывая, что Россия еще не созрела для освобождения от самодержавия. Слишком памятны были события 1881 г., наглядно продемонстрировавшие слабость и разрозненность либерально-демократических сил, а также отсутствие у идеи политической свободы прочной поддержки в народе. Кроме того, непосредственно Воронцовым в начале 1890-х гг. был выдвинут тезис о социокультурном бессилии русской интеллигенции, т.е. о ее неспособности стать главной движущей силой общественных преобразований, истинным творцом нового типа общественных отношений. Эта роль отводилась народу¹¹². Напомним, что все политические радикалы (от Ткачева до Михайловского) доказывали обратное.

Заморозив процесс политических преобразований, правительство Александра III активно продолжало социально-экономическую модернизацию страны (развитие в стране крупного промышленного производства, стимулирование строительства железных дорог, совершенствование финансовой системы). При этом вопрос о ее сугубо капиталистической направленности оставался для народнических экономистов открытым вплоть до начала XX в. Царская власть в интересах «национальной безопасности» свято охраняло «наследие» прежнего экономического и бытового строя (сословную систему, помещичье землевладение, общину с круговой порукой и т.д.). Такая политика превращала самодержавие в серьезное препятствие на пути ускоренного капиталистического развития, для которого требовалось полное освобождение страны от пережитков феодализма, включавших, таким образом, и форму политической власти¹¹³.

Отвечая на обвинения в том, что умеренные народники стремятся только к экономическим преобразованиям, Воронцов утверждал, что вовсе не отрицает значение для развития России политических реформ. Свобода сама по себе есть фактор благоприятный для развития общества. Но при отсутствии материальной обеспеченности народа этой свободой могут воспользоваться враждебные ему классы, как это неоднократно бывало в Европе¹¹⁴. Поэтому, по убеждению Воронцова, очередная реформа в России не политическая, а социально-экономическая¹¹⁵.

Однако это не означало, что интеллигенции вообще не должна была заниматься критикой правительства и политическим воспитанием общества и народных масс. Данная функция возлагалась Воронцовым на передовую печать и культурно-просветительские кружки, в которых он сам активно участвовал на всем протяжении своей обще-

ственной деятельности. Единственное, что не допускалось – это отстаивание своих прав при помощи физического насилия¹¹⁶.

На рубеже 1880–1890-х гг. Воронцов сближается с недавно вернувшимся из административной ссылки в Сибирь Кривенко. Десять лет назад Кривенко был тесно связан с «Народной волей», активно поддерживая идею силового воздействия на власть. Теперь его взгляды на механизм общественного развития заметно поправили. Кривенко стал сторонником мирного, компромиссного решения общественных вопросов. «Нельзя оспаривать право государства бороться с социальным движением, – писал публицист в 1890 г., – раз оно не является выражением стремлений всей или большинства народной массы и принимает угрожающий, воинствующий характер». Всякое правительство, прежде всего, обязано заботиться об интересах общества в целом. При его разумной политике «даже наиболее субверсивные (подрывные. – Г. М.) элементы могут найти приложение для общественной пользы...». Надо только, чтобы государство проявило достаточно умения и такта, и само не препятствовало мирному исходу обострившегося социального движения¹¹⁷.

Для подтверждения возможности разумного компромисса между властью и обществом Кривенко обращается к современной истории ведущих европейских государств – Англии и Германии. Их правительства начинали все больше и больше вмешиваться в экономическую жизнь своих стран, пытаясь урегулировать отношения рабочих и капиталистов законодательным путем. При этом Кривенко замечает, что произошло это не от особой мудрости государственных мужей, а как результат давления на них общественного мнения. Что мог бы сделать Бисмарк, если бы немецкий народ не отличался такой общественной сплоченностью, которая и заставляет чиновников, включая членов правительства, служить законам и государственным интересам? И этот пример подсказывал читателям тот естественный путь общественно-политического развития, на который, по убеждению Кривенко, предстояло вступить России¹¹⁸.

К сожалению, правительство и радикальная интеллигенция 1890-х гг. не прислушались к идеям народников-центристов. Начавшийся в царствование Николая II новый общественный подъем еще больше увеличил раскол между властью и обществом, что, в конце концов, приведет Россию к революции 1905 г.

Итак, мы могли убедиться, что легальным народникам не удалось выработать единую позицию относительно русского самодержавия.

Истоки разногласий, как уже отмечалось во второй главе, следует искать в различной тактике общественных преобразований страны. Однако этого не достаточно, чтобы понять, как изменялось их отношение к вопросу об ограничении царской власти на протяжении последней трети XIX в.

Попытаемся реконструировать общую картину эволюции образа государственной власти (как инструмента общественных преобразований) в сознании главных теоретиков легального народничества. Вначале следует выделить то основополагающее противоречие общественного развития России, которое они пытались разрешить. Его суть заключалась в несоответствии между назревшей к концу царствования Александра II потребностью в политической демократизации страны и отсутствием у общества сил для ее разрешения. Тогдашняя оппозиция так и не смогла создать либерально-демократическую коалицию, способную заставить самодержавие дать стране широкие политические свободы.

Неудача демократической интеллигенции, ее неспособность защитить народ от последствий несбалансированной модернизации, опираясь на собственные силы, заставили ее пересмотреть свое отношение к власти. Еще в первой половине 1870-х гг. самодержавное государство воспринималось народниками как послушное орудие в руках господствующих классов. К концу «героического» десятилетия у них возникает иллюзия полнейшей самостоятельности царского правительства, а вместе с ней и искус «одним махом» перевернуть пирамиду власти и установить «самодержавие народа».

Идея всесословности российской монархии станет одним из главных источников развития легально-народнической мысли в 1880–1890-е гг. И только на рубеже XIX–XX вв. народники-реформисты в полной мере осознают, что власть и общество неспособны придти к компромиссу и предотвратить радикальный путь разрешения существующего между ними конфликта.

Еще одним камнем преткновения для народников оказался вопрос о взаимоотношениях самодержавия и народа. События 1881 года наглядно показали, что народ, от имени которого выступали народники, не за них, а за царя и ограничения его власти желает только либерально-демократическая интеллигенция. Кроме того, новый император Александр III сделал теорию «народного самодержавия» официальной доктриной своего царствования. В этих условиях в легальном народничестве возобладала надежда на возможность затор-

мозить развитие в стране капитализма руками царского правительства. Точнее той ее рукой, которая поддерживала «народное производство» (другой рукой власть насаждала капитализм). Крайним идейным выражением этой новой тактики (собственной игры на противоречиях во внутренней политике правительства) стала теория единения царя с народом Каблиця.

Однако аполитизм легальных народников 1880-х гг. – начала 1890-х гг. не был простым возвратом к аполитизму семидесятников, связанному опасениями, что политические свободы конституция могут усилить влияние в стране буржуазии. Описав в своем развитии полный круг, народническая мысль обогатилась одной важной идеей. Путь к политической демократизации России лежит через предварительные социальные и культурные преобразования, призванные подготовить население к новой политической системе. Скороспелая политическая реформа не может сделать монархиста демократом, зато более вероятно перерождение «народного государства» в пресловутую «диктатуру просвещенного меньшинства».

В 80–90-е гг. XIX века в легальном народничестве возобладало убеждение в том, что русская интеллигенция не должна становиться частью власти. Ее удел – всегда быть в оппозиции. Только в таком случае она может выполнять свое основное предназначение – быть независимым экспертом по вопросам общественного развития. И даже новые политические реалии начала XX в. не заставили «старых народников» отказаться от этой идеи.

3.3. Русский народ и социальный прогресс

Начиная с 1860-х гг. у русских радикалов сложилось особое представление о путях и движущих силах общественных преобразований. Под влиянием основоположников народничества русская жизнь осмысливалась интеллигенцией как арена постоянного противоборства «трудящихся масс» – непосредственных производителей материальных благ и «не-масс» в лице привилегированных классов. При этом простой народ воспринимался народниками как сила, безусловно, страдающая от эксплуатации ее труда и общественного неравенства. Такой подход послужил основой общего для революционных и легальных народников учения о народе как естественной опоре социализма и демократии.

Большинство современных исследователей, как в свое время веховцы, обвиняют радикальную интеллигенцию в ложном демократизме (культ простонародья, приписывание трудящимся массам таких качеств, которыми они никогда не обладали, абсолютизация идеи народного блага), т.е. в незнании народа и его подлинных нужд и стремлений. В конечном итоге любовь к простому народу (точнее к идее народа) интерпретируется как один из симптомов болезни русской интеллигенции, порожденной социальной и культурной отсталостью России. Очень точно природу идеализации масс определил В. Г. Хорос. По его словам, вера интеллигенции в народ исходила «не столько из объективных качеств и нужд самого крестьянства (хотя постепенно народники приходили к осознанию его социальных интересов), сколько из внутреннего, нравственного стремления интеллигента-разночинца найти опору своей жизнедеятельности». «Народ» играл роль того «икса», при подстановке которого все миропонимание народнической молодежи обретало стройность и законченность»¹¹⁹.

Наблюдения и выводы историков при всей их справедливости страдают некоторой односторонностью. Стремясь к объективности, исследователи рассматривают проблему взаимоотношений интеллигенции с народом как бы извне, исходя из общих исторических условий. А как объясняли «тягу к народу» (любимое выражение В. П. Воронцова) идеологи самой демократической интеллигенции и как изменялось отношение к «мужику» на протяжении последней трети XIX в.? Неужели народники все это время блуждали в потемках и разгадать «тайну» народа-сфинкса сумели лишь большевики и левые эсеры?

Сочувствие и симпатии к народу проснулись в русском обществе довольно давно. Война 1812 г., патриотический настрой декабристов, идеализация образа простонародья русской литературой 1820–1830-х гг., жаркие споры о народности во второй четверти XIX в. — все это, так или иначе, способствовало зарождению у интеллигенции устойчивой «народостремительной» тенденции. Но это только предыстория той пылкой и страстной любви к народу, которая неожиданно вспыхнет у молодежи в 1860–1870-е годы.

В поисках причин, заставивших новую демократическую интеллигенцию встать на защиту народных интересов, легальные народники стремились учитывать все основные факторы (от индивидуаль-

но-психологических до социально-исторических), влиявшие тогда на сознание и общий настрой представителей образованного общества.

На первое место в данном списке многие народники ставили нравственные чувства и побуждения интеллигенции, что должно было подчеркнуть бескорыстность ее действий. Защита народа, «народозаступничество», по словам М. А. Протопопова, «есть дело не столько политического расчета, сколько личного нравственного удовлетворения» интеллигенции¹²⁰. При этом громко говорящая общественная совесть и альтруистические инстинкты людей, вопреки теории Чарлза Дарвина, возводились народническими публицистами в ранг самых могучих (хотя и субъективных) двигателей истории. Само возникновение народнического движения они связывали с сакраментальным вопросом «кающегося дворянина» 1860-х гг.: «как жить свято?»¹²¹. Народничество, – писал М. О. Меншиков, – есть «воззвание к совести образованных людей, к законам вечного человеческого братства, равенства, вытекающего из братства и свободы»¹²².

Особое влияние на радикальную интеллигенцию оказывало сознание несправедливости, царящей в отношениях между людьми различного социального положения. «Социальная несправедливость, – вспоминает В. Г. Короленко, была фактом, бьющим в глаза»¹²³. Откроем любое народническое издание. Почти в каждой статье нарисована тяжелая картина горя и беспомощности трудящихся масс, положение которых будет усугубляться по мере развития в стране капитализма. Народ, пишет Н. К. Михайловский, «прямо или косвенно, поит, кормит, одевает и оберегает нас, сам в то же время, оставаясь в нищете, в грязи, в невежестве». О том же вопиет Воронцов: «Крестьянство – несправедливо обделенный брат». Высшие классы стали культурными на средства, которые правительство выколачивало из народного кармана¹²⁴.

Если читать и думать об этом постоянно, если поверить в то, что истинный интеллигент не может оставаться равнодушным к боли и страданиям других людей, если убедить себя, что ты сам являешься невольной причиной этих страданий, то чувство долга, действительно, способно воодушевить на самоотверженную деятельность в пользу тех, кого народническая теория преподносила как главную жертву существующего в стране общественного строя. «Еще недавно, – вспоминал о начале 1890-х гг. А. С. Пругавин, – вся Россия была свидетельницей движения, возникновение которого обязано именно этой идее (долга перед народом. – Г. М.). Масса лиц различ-

ного общественного положения, различного возраста, воодушевленные этой идеей, шли в глухие села и деревни на борьбу с тяжелыми бедствиями, постигшими народ: голодом, холерой, тифом и т.д.»¹²⁵.

Глубокое чувство сострадания ко всем униженным и оскорбленным, признание народа «жертвой» истории, безусловно, один из главных мотивов резкой активизации общественной деятельности пореформенной интеллигенции. Но это, как говорится, только одна сторона медали. Еще современники отмечали, что «нравственный мотив народничества затемнялся его теориями», суть которых – превращение масс в инструмент для реализации собственных общественных идеалов¹²⁶.

Легальные народники не скрывали, что к сближению с народом русскую интеллигенцию подталкивали ее теории, заимствованные на Западе или выработанные самостоятельно. Отрицалось лишь желание использовать народ в своих интересах. Что побуждает интеллигенцию отдать долг народу? – спрашивает С. Н. Кривенко на страницах «Отечественных записок», – не один «буржуазный сентиментализм». «Раз она выступает на гражданское поприще, она не может не принимать в соображение последних выводов экономической науки и человеческого знания вообще и не может не руководиться ими в своей деятельности»¹²⁷. Выделим из этих «последних выводов» наиболее важные для народников положения.

Тезис № 1. Историю делает народ и чем ближе к современности, тем его роль становится более активной и сознательной. Без приобщения народа к плодам современной цивилизации новые преобразования не пустят глубокие корни, а человеческие отношения не сделаются более справедливыми¹²⁸. Наиболее часто встречающееся обоснование этого тезиса у народников: народ – это большинство населения страны (в сущности, само население) и «уже только в силу своей подавляющей численности является важнейшим фактором нашей жизни, которого благосостояние, развитие, прогресс есть благосостояние, развитие, прогресс всей страны. Отрицать этот факт – не мысль, не верование, не идеал, а именно *факт*, ясный, как день, твердый и устойчивый, как скала, могут теперь только “глупцы или негодяи”...»¹²⁹. Можно добавить, что в XIX веке известной формулой «все для народа и через народ» руководствовалась в своих действиях не только народническая интеллигенция, но и вся европейская демократия¹³⁰.

Тезис № 2. «Человек будущего в России – мужик». Легальные народники часто цитировали это известное положение А. И. Герцена, подтверждая свою веру в особое историческое призвание русского народа – «первому... осуществить в своей жизни идею братства и человечности»¹³¹. Писать о том, что народ – почва русского социализма, они из-за цензуры не могли. Заинтересованность крестьян в создании общества свободного труда доказывалась тем, что их жизнью управляют чувства общинности и коллективизма и любое творчество – массовое, коллективное. Особенно энергично эту идею в легальном народничестве проводил В. С. Пругавин. По его словам, «сильное своим земельным бытом и строем своей жизни, сознательно работающее во имя определенной, ясно выраженной в его учреждениях идеи, русское крестьянство является в настоящее время социумом, которому предстоит самая завидная будущность, самая широкая роль на арене мировой истории»¹³². Огромный толчок прогрессу всего человечества после привлечения народных масс к активному участию в «деле общественной эволюции» пророчил также Воронцов¹³³.

Тезис № 3. У русского народа и демократической интеллигенции, значительную часть которой составлял «умственный пролетариат», общие идеалы и интересы. Это означало, что «тип экономической и социальной организации крестьянства в значительной степени удовлетворяет идеальным представлениям интеллигенции о правде и справедливости»¹³⁴. Писательница Х. Д. Алчевская в 1887 г. в одном из писем к Г. И. Успенскому делится с ним своими мыслями в отношении крестьянства: «Что касается народа, то нравственное сближение с ним дает в результате необычайный подъем духа. Как ошибаются те, которые считают его разлагающимся организмом – идеалы его так чисты и светлы, так сходятся с нашими, что трудно верить тому, не приблизившись к народу, не заглянувши в его душу»¹³⁵. Действительно, сознание тождественности народных форм и западных идеалов в большей мере было присуще народникам 1870-х гг. В последующие десятилетия этот тезис заметно потускнел, а вместе с ним и вся народническая доктрина. К примеру, поздний Михайловский верил в общие интересы всех трудящихся, но сильно сомневался в полном или даже частичном совпадении конечных идеалов интеллигенции с коллективной мыслью и желаниями народных масс¹³⁶. На этой почве произошел раскол между Михайловским и умеренно правыми народниками, которые по-прежнему рассматри-

вали крестьянство в качестве одного из главных «агентов» социального прогресса.

Нельзя не отметить, что, несмотря на преобладание в интерпретации демократизма русской интеллигенции причин субъективного характера (морально-нравственных и идейных), некоторые теоретики легального народничества все же пытались доказать, что тяготение русской интеллигенции к народу – это процесс не случайный, а закономерный, т.е. обусловленный социально-историческими условиями развития русского общества. Больше других об этом писали Оболенский и Воронцов.

Оболенский еще в начале 1880-х гг., опираясь на спенсеровскую теорию органического развития общества, указывал на то, что к ассимиляции с народом интеллигенцию подталкивает «не корысть, а мука оторванности от народа». Это «бессознательный протест разорванного организма». Нет прогресса одной интеллигенции (без народа). Такой прогресс есть «мечта, призрак, самообольщение»¹³⁷. Таким образом, главную причину готовности интеллигенции на жертвы во имя отвлеченной идеи народного блага Оболенский находил в неорганическом характере общественного развития России, в сохранении между интеллигенцией и народом глубокой социокультурной пропасти.

Поисками социологических корней народничества активно занимался Воронцов. Его, как и других народников, очень интересовали причины, заставившие представителей образованного общества принимать к сердцу интересы народа в ущерб своим привилегиям. Народолюбивый характер отечественной интеллигенции Воронцов связывал с особыми историческими условиями ее формирования и развития. Самодержавно-бюрократическое государство подавляло все общественные элементы, обращая их в простые средства для выполнения своих целей. Поэтому задачу осуществления назревших в стране социальных и политических преобразований взяла на себя не буржуазия, а так называемая общественная интеллигенция, окончательно сформировавшаяся в 60–70-е гг. XIX в. Став в оппозицию к власти, интеллигенция очень быстро осознала полное бессилие воплотить в жизнь свои высокие общественные идеалы, не заинтересовав в них широкие трудящиеся массы. Такое понимание объективного содержания русского народничества позволило Воронцову утверждать, что «социализм» был всего лишь внешней оболочкой этого движения, одним из мощных средств самоорганизации интелли-

генции и народа вокруг главной задачи русской жизни, но никак не самоцелью¹³⁸.

Все перечисленные выше причины, побуждавшие интеллигенцию к сближению с народом, носят общий и потому несколько абстрактный характер. В реальной жизни любовь русской интеллигенции к народу никогда не оставалась постоянной величиной. И здесь были свои приливы и отливы, которые требовали объяснения.

В 1860-х – начале 1870-х гг. народ составлял центральный пункт миросозерцания интеллигенции, цель и средство предполагаемых ею общественных преобразований, *profession de foi* движения активного народничества¹³⁹. Интеллигенция, по словам Н. В. Шелгунова, «точно забыла сама себя» и «кающийся дворянин» буквально понес себя «на заклание», т.е. на гибель, мучение¹⁴⁰. Но уже с конца 1870-х гг. ситуация меняется. В обществе наблюдается упадок интереса к мужику. И идея народа как нового фактора общественного и государственного развития отходит в сторону, а на первый план выдвигаются политические задачи, в решении которых главная роль отводилась самой интеллигенции. А. М. Скабичевский очень эмоционально замечает по этому поводу: «Прежде чуть не молились на народ; теперь, подобно дикарям, секущим свой кумир, не оправдавший их упований, начали фыркать и смеяться при одном слове *народ* и разжаловали этот народ в толпу смердящих мужиков...»¹⁴¹.

Каковы же причины резкого поворота от веры в народ к пессимизму в отношении его будущего. «Куда девался этот самый народ, тот таинственный незнакомец, который составлял альфу и омегу всего русского мышления? Почему он, никогда еще не выступавший на практическую арену, быстро сошел и с арены теоретического мышления?»¹⁴². Автор этих строк П. Ф. Николаев давал самый, на первый взгляд, простой ответ: из-за неудачи попыток «слиться» с народом.

«Хождение в народ» в середине 1870-х гг. открыло интеллигенции горькую истину: мужик ей не доверяет, как и всем господам, и видит в ее поступках только подвох или обман. Он, по словам Протопопова, готов был «утопить в ложке воды» самого пламенного народолюбца и считал это не только нравственным, но и чуть ли и не богоугодным делом. «Если все это правда, – продолжает литературный критик, – то, скажите, неужели неестественно, что в нашей душе поднимается... некоторая горечь, что мы начинаем чувствовать себя оскорбленными... неправо, что в нас возмущается, наконец, чувство личного достоинства, та законная гордость, которая запрещает

человеку *навязывать* свою любовь, свои услуги, свое участие?». Легко обсахаривать, т.е. идеализировать народ как абстракт и мудрено обсахаривать его в живых, практических отношениях с ним¹⁴³.

На рубеже 70–80-х гг. XIX в. так могли рассуждать многие представители передовой интеллигенции, но далеко не все. Вот краткое, но очень верное замечание на этот счет другого народнического публициста Оболенского. Народ, пишет он, не подтвердил блестящих ожиданий радикально настроенной молодежи, а именно ее юной веры в способности русского мужика идти путем европейского развития. Кто же виноват в этом, как не сами «народолюбцы», которые возвели народ в какую-то религию и в ужасе отшатнулись от горе-божка, когда действительная деревня предстала перед ними со всеми своими красами и безобразиями¹⁴⁴.

Утрата некоторых народнических иллюзий и слепой веры в светлое будущее русского народа еще не означало, что передовая интеллигенция махнула на него рукой. Затяжной идейный кризис, который переживала народническая интеллигенция в связи с неудачей движения 1870-х гг., свидетельствовал лишь о необходимости пересмотра прежнего идеализированного понимания «народа», и соответствующей тактики взаимодействий с ним интеллигенции. Именно это впоследствии попытались осуществить теоретики легального народничества.

Что такое народ? Что нужно народу? Что может сделать для народа русская интеллигенция? Всю пореформенную эпоху эти вопросы не сходили со страниц периодической печати. Но что скрывалось под этим загадочным и таинственным словом?

В народнической литературе с начала 1870-х гг. вместо расплывчатого определения народа, в смысле чуть ли не всей нации от пахаря до сенатора, утвердилось понимание народа как представителей низших сословий (простонародье). «Выражаясь кратко, – писал один из столпов народничества В. С. Пругавин, – народ – это крестьянство, рабочий класс – это пролетариат»¹⁴⁵. Как известно, это «социальное» значение слова «народ» пришло в Россию из Франции, где оно получило широкое распространение в годы Великой французской революции¹⁴⁶.

Данное узкое понимание «народа» послужило теоретической основой для противопоставления народниками интересов «народа» (работники физического труда) и «не-народа» (все эксплуататоры его труда). Чтобы устранить это главное, по их мнению, противоре-

чие в жизни современного общества, необходимо было лишить «не-народ» его привилегированного положения, т.е. заставить всех людей трудиться не только умственно, но и физически. Основная идея будущего социального переворота заключалась, таким образом, в построении социально однородного общества.

Со временем выяснилось, что у логически стройной и ясной народнической доктрины имеется своя ахиллесова пята. Если народ это физически трудящиеся классы, то как тогда быть с народолюбивой интеллигенцией? Достояна ли она права называться частью народа или ее участь – оставаться отрезанным от него ломтем. Постоянно встречающееся в народнической литературе противопоставление умственного и физического труда рано или поздно должно было ударить и по самим народникам, многие из которых профессионально занимались литературной деятельностью.

Приведем небольшой отрывок из письма профессора Н. Н. в редакцию «Русского богатства» с критикой ключевого постулата народнической доктрины. «Если Вы, – обращается автор к редактору журнала, – истинный демократ, то зачем Вы противопоставляете народ, как что-то вне Вас стоящее, интеллигенции, к которой себя причисляете. *Народа, как чего-то особого нет. Я – народ и Вы сами – народ* (курсив мой. – Г. М.). Все, что мы помыслим и сделаем не для себя, не для своего личного блага и блага касты своей, все это будет на пользу всего народа. К чему Вы драпируетесь в тогу “особенно народолюбивого” человека? Ведь это тоже вывеска, тоже громкое словцо, без которого можно обойтись. Не проглядывается ли у всех Вас народников стремление выставить себя особенно и нарочито великодушными и совершенными, и не является ли это стремление выражения своего рода тщеславия и самолюбия?». Поэтому либеральный профессор предлагал отбросить всякие вывески и клички, «знамена и девизы» и служить человечеству и своей родине просто и без фраз, сохраняя один девиз – «вперед»¹⁴⁷.

Итак, был ли русский народ каким-то особым социальным образованием (массой с «известными стремлениями») или под народом следует понимать все население государства за вычетом его правительства, как это делали еще декабристы? Для демократической интеллигенции ответ на данный вопрос определял всю стратегию ее самореализации: должна ли интеллигенция быть проводником исходящих из народа идей и желаний или ей принадлежит роль воспитателя, руководителя и вождя народных масс. Именно эта проблема

соотношения роли народа и интеллигенции в предполагаемых общественных преобразованиях расколет легальное народничество на два непримиримых лагеря.

Идеологи крайне правого народничества (И. И. Каблиц-Юзов, В. С. Пругавин, М. О. Меньшиков) вынашивали идею умственного и нравственного превосходства народа над интеллигенцией. Народ «не косная, не пассивная, бессознательная масса», – писал в газете «Неделя» Н. А. Энгельгардт. Это живой, сложный организм, коллективный разум которого «постигает то и то видит, чего уединенному уму не увидеть и не постичь»¹⁴⁸.

Теоретическим обоснованием данного положения послужило старое народническое учение об особом типе развития русского крестьянства, дополненное теорией о самостоятельности и независимости нравственного прогресса¹⁴⁹. По убеждению народников «Недели» и близких им по духу изданий, качества души, характера, свойства ума человека определяются не какими-то абстрактными знаниями («книжной ученостью»), а всем строем социальной жизни общества, его культурой и бытом. Русский народ столетиями жил и трудился в лоне русской общины, которая воспитала в нем такие возвышенные чувства, как человечность, самопожертвование, общительность, уживчивость. Вот почему в отличие от интеллигента простой мужик мог устраивать и совершенствовать свою жизнь, согласовывая (путем всевозможных компромиссов) общественные интересы с интересами индивидуальной свободы. «Разружьте этот строй, – писал В. С. Пругавин, – и от нашего народа повеет холодом расчета, индивидуализма и капитализма, который господствует теперь в Западной Европе»¹⁵⁰.

Если у народа есть душа и коллективный разум, то их, естественно, нельзя разрывать на части, симпатичные и несимпатичные русской интеллигенции. Поэтому для «крестьянофильствующих» народников идеальный путь сближения с народом и познания его правды – это духовное «опрошение», т.е. приобретение способности мыслить по-крестьянски. Например, Г. П. Сазонов в письме к редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву с гордостью сообщал: «Я по происхождению и духу крестьянин»¹⁵¹. Однако для большинства русских интеллигентов, по признанию Ю. Н. Говорухи-Отрока, этой «жизни души» народа как бы не существовало. Образованная на европейский манер интеллигенция считала ее предрассудками и игнорировала, «ничего в ней не понимая» и не желая «дойти по нитке до сердцевины народной жизни»¹⁵².

Характерная особенность позиции правых народников – резкое противопоставление народа интеллигенции, вплоть до признания их антагонистами. Речь, разумеется, шла об интеллигенции в широком смысле этого слова, а именно о тех представителях образованного русского общества, которые использовали достижения современной цивилизации для личного обогащения за счет простого народа. Для обозначения всех тайных и явных «противников» народных интересов Л. Е. Оболенский ввел в оборот скандальные по своей сути термины «интеллигентская чернь», «полуинтеллигенция», «плесень цивилизации» и т.п.¹⁵³

«Истинную» интеллигенцию (с точки зрения ортодоксального народничества) отличала вера в непогрешимость народного смысла, уважение к этому смыслу, вера в безошибочность жизненного строительства и творческие силы своего народа, в самоисцеляющую мощь его свободного духа и, наконец, смирение перед народом. Настоящий демократ, – любил повторять в своих статьях Каблиц-Юзов, – тот, кто не навязывает народу свое понимание его интересов, а служит удовлетворению того, что желает сам народ. Только мужик может указать общественную форму, которая будет приспособлена к его свойствам и потребностям¹⁵⁴. В 80-е гг. XIX в. это требование станет «гвоздем» программы всего правого народничества.

Против мистической веры в то, что «новое слово» в области социального творчества скажут безграмотные пахари, резко выступали теоретики «критически мыслящего» народничества (Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко). Вот только одна цитата из статей А. М. Скабичевского. «Людям этим, – пишет народнический публицист и литературный критик, – постоянно мерещится, что где-то там, в недрах народных масс, в самой глубине народной... таится некий клад, в виде особенного какого-то народного мирозерцания, народных идеалов, постижение которых и должно будто бы составлять задачу каждого нравоописателя народного быта». Вопреки этому мнению, Скабичевский полагал, что о русском народе и его потребностях надо судить не по «заветным идеалам», которые он якобы старательно скрывает от всех, кто носит европейское платье, а по его реальной жизни, порой весьма грубой и жестокой¹⁵⁵.

В качестве образчика «реального» изучения народа и его требований представители левого крыла народничества считали литературные произведения Успенского. В своих художественно-публицистических очерках писатель с глубокой душевной болью, но все же прямо

и определенно показывал, что мужик груб, жесток, корыстолюбив, что опозитизированное идеализаторами народа (во главе с Н. Н. Златовратским) общинное чувство часто переходит в мелочное желание не дать соседу воспользоваться самым крошечным лишним куском, что все будто бы вековые нравственные устои народной жизни мгновенно исчезают при столкновении с городской цивилизацией¹⁵⁶.

Из идейного наследия Успенского особый интерес представляет теория «власти земли», объясняющая особенности народной жизни и мировоззрения не свойствами духа русского крестьянина, не его общинными идеалами, а объективными условиями земледельческого труда и быта¹⁵⁷. Благодаря писателю с начала 1880-х гг. хваленая «правда» народа-пахаря все чаще будет ассоциироваться с суровой и безжалостной «зоологической», «лесной» правдой. «Настоящий» демократ, руководствуясь наблюдениями Успенского, конечно, не мог потакать народным суевериям и предрассудкам. Он должен был воздействовать на сознание народа и пробуждать в нем новые потребности, т.е. поднимать его до собственного уровня культурного развития.

Весомый вклад в эволюцию народнического учения о народе внес Михайловский. В рассуждениях Червинского и Каблицы об общине и артели как «национальных особенностях» русского народа Михайловский увидел опасность его отождествления с нацией. Таким путем в рядах народа оказывались и городская буржуазия, и деревенское кулачество, которые являлись эксплуататорами его труда. «Народ, – по словам Михайловского, – есть совокупность трудящихся классов общества». Труд – единственный объединяющий признак этой группы людей. Поэтому «педагоги, в качестве работников, суть также народ, как и плотники, химики, литераторы, пастухи», а также математики, полицейские чиновники, землевладельцы, солдаты. Все эти люди трудом зарабатывали свой хлеб¹⁵⁸. При таком подходе «хозяйственный мужичек», живущий за счет труда своих односельчан, не мог считаться представителем народа. Зато его составной частью признавалась трудовая интеллигенция, причем частью наиболее развитой в умственном и нравственном отношении.

Почитая мужика как воплощение народного начала русской истории и идеала демократии, народники из окружения Михайловского специально подчеркивали, что они не имеют в виду действительного, реального мужика. «Исторический» мужик, «сильный чувством взаимности» создал, несмотря на все исторические преграды и

противодействия, свой «мир», свое деревенское «вече», в котором и «баба» имеет голос, и сохранил в своем «мирском» начале все основные инстинкты человеческого существования и ту высшую правду и высшую справедливость, которую сам и назвал «божескою»¹⁵⁹. У действительного мужика эта «божеская» правда тоже жива, но только в идее, о реализации которой он даже и не мечтает. Он привык жить сегодняшним днем, как жили его отцы, деды и прадеды. Вся его мудрость наследственная и охватывает всю сферу его практической жизни. Самому мужику здесь думать не о чем, – обо всем уже деревня передумала раньше и всему сложила свой порядок. Поэтому мужик не привык думать дальше своей полосы, избы и коровы, т.е. своего родного гнезда¹⁶⁰. Иными словами, реальный русский мужик не может изменить свою жизнь без посторонней помощи. И эту помощь, по убеждению народников-прогрессистов, способна предоставить ему только русская интеллигенция. Только она – «наша единственная лаборатория ума» и «творец нашего общественного сознания», со знанием дела может взять на себя роль выразителя и защитника общенародных интересов¹⁶¹.

В конечном итоге разногласия между народническими фракциями в отношении «народа» и «истинного демократизма» носили тактический характер. Если в предстоящих преобразованиях решающая роль отводилась социальному творчеству народных масс, то их качества и способности всячески превозносились и идеализировались. Но стоило только предположить, что народ будет участвовать в реформах под руководством прогрессивной интеллигенции (наделенной соответствующей этой задаче властью) и в его физиономии тут же обнаруживались тысячи изъянов, а идеализировалась сама интеллигенция. Может быть, подобные рассуждения слишком прямолинейны, но такая зависимость легко просматривается, если сравнивать не отдельные персоналии, а противоположные фракции народников с их обобщенными чертами.

Было, однако, нечто такое, что объединяло всю народническую интеллигенцию в один радикальный лагерь. Это общие социальные идеалы, предполагавшие построение такого общества, в котором не будет угнетения человека человеком. А это значит, что все народники верили в возможность перехода патриархального крестьянства из стадии натурального хозяйства в высший социалистический строй.

Где же истоки и в чем подлинный смысл твердой убежденности передовой русской интеллигенции в существовании у простого му-

жика социалистических инстинктов? С нашей точки зрения, ответ на этот вопрос требует выяснения рационального содержания народнических воззрений на народ и пути его социального освобождения.

Сегодня уже нет нужды доказывать ошибочность представлений о стихийном стремлении русского народа к социализму. На протяжении столетий крестьянство боролось за землю, разумное перераспределение ее между ним и помещиками, и волю, в основе представлений о которой лежала идея мужицкой «монархии» без дурных чиновников и жадных феодалов¹⁶². Смысл этой борьбы состоял в укреплении крестьянского хозяйства в рамках существующего строя, а не в его революционном преобразовании, как утверждали теоретики народничества. Правда, при этом не следует забывать, что и революционное, и легальное народничество апеллировало главным образом к потенциальным возможностям масс, реализация которых зависела от определенных обстоятельств. Так, социалистические склонности крестьянства могли полностью проявиться лишь при изменении экономических основ существующего строя¹⁶³.

Народники всячески превозносили положительное значение общины, как зародыша нового типа социального устройства. Тезис о том, что община – это не анахронизм, а живая, развивающаяся форма экономической и общественной жизни народа красной нитью проходил через исследования народников-экономистов 1880–1890-х гг.¹⁶⁴. В пореформенной России крестьянская община была превращена правительством в фискальный институт, который объективно тормозил развитие в деревне «здоровой» (не кулацкой) хозяйственной инициативы и предприимчивости. Однако опыт успешно развивающихся стран Дальнего Востока, в частности, Японии, доказывает, что самобытность хозяйственной культуры еще не означает неспособность к модернизации¹⁶⁵. Поэтому отстаивание народниками концепции «народного производства» не является доказательством ирреального характера их представлений о формах народного быта.

Если обратиться к материалам земской статистики крестьянских хозяйств за 90-е годы XIX века, когда капитализм в России утвердился достаточно прочно, то обнаруживаются факты поистине парадоксальные. В процессе переделов земли и в эти годы одним из ведущих мотивов оказывался крестьянский закон жизни миром¹⁶⁶. И как быть с тем, что общинная система владения землей, которую, с точки зрения народников, можно было искоренить только насильственным путем, успешно пережила и столыпинскую аграрную рефор-

му, и Октябрьскую революцию, и была действительно ликвидирована лишь в ходе сталинской коллективизации начала 1930-х годов¹⁶⁷.

Многие современные авторы отмечают, что марксисты слишком преувеличивали мелкобуржуазный характер русского крестьянства. В пореформенные десятилетия, в условиях проникновения в деревню капиталистических отношений, в крестьянстве неизбежно происходило разрушение традиционных идей и представлений. И в его среде оживали частнособственнические инстинкты, на первый план выходили организационно-хозяйственные нужды, возникало желание стать зажиточнее и независимее. Но мы не должны модернизировать этот процесс, так как кризис патриархального сознания приобрел затяжной характер ввиду многочисленных пережитков крепостничества в экономических и политических отношениях¹⁶⁸. Не случайно такой блестящий знаток сельской общины, как Б. Н. Мионов, высказал предположение, что одна из важнейших причин ограниченности реформ второй половины XIX – начала XX века заключалась «в прочности устоев крестьянской семьи и общины», в противоречии этих реформ традиционному укладу народной жизни¹⁶⁹.

Таким образом, причины народнической веры в грядущее социальное творчество русского народа нельзя объяснить одним только утопическим характером мышления радикальной интеллигенции (подход к действительности по принципу долженствования, механическое сцепление произвольно подобранных позитивных и негативных факторов и т.п.). Смысл идеализации народа русскими народниками состоит не в беспочвенной его мифологизации под влиянием заимствованных на Западе социалистических идеалов, а скорее в одностороннем преувеличении реальных черт, сторон, граней народного быта, сознания, истории.

Демократия (от греч. *demokratia* – народовластие) без народа – это лжедемократия. Разрабатывая общую концепцию демократизации России, народники рассчитывали на понимание и поддержку своих действий со стороны народных масс. Не случайно главной практической задачей для всего народнического движения 60–90-х гг. XIX оказалось «наведение мостов» между передовой русской интеллигенцией и простонародьем.

Идеологи легального народничества сломали немало копий, дискутируя о том, как сделать народ активным и сознательным участником русского освободительного движения. Одни из них (Шелгунов, Михайловский) выступали за «директивное» управление мас-

сами, полагая, что интеллигенция и народ не могут слиться (как масло и вода); сторонники Каблица предлагали действовать путем не принуждения, а убеждения, нравственного авторитета, подстраиваясь под понимание народом собственных потребностей и интересов; более умеренные (Воронцов, Кривенко) настаивали на развитии между интеллигенцией и народом партнерских отношений. Высказывалась также идея создания между двумя противоположными полюсами пореформенной русской жизни (городом и деревней) промежуточного слоя в лице «народной интеллигенции». Таким путем многие теоретики правого народничества (Каблиц, Оболенский, Успенский, Абрамов, Протопопов, Воронцов) надеялись преодолеть недоверие простого народа к представителям демократической интеллигенции¹⁷⁰.

И все же стать подлинными вождями масс народникам (и революционерам, и реформистам) так и не удалось. Дело в том, что идеалы и стремления радикальной интеллигенции (как одного из продуктов европеизации России) вплоть до начала XX в. не находили активной поддержки в народной среде. Громадная разница в образе жизни, мировоззрении, нравственных ценностях, культурных привычках и традициях (помимо всяких внешних преград) делало стремление к сближению между ними односторонним – от интеллигенции к народу.

Итак, в 80–90-е гг. XIX в. концепты «интеллигенция», «власть» и «народ» по-прежнему занимали в идеологии народников приоритетное место. В то же время интерпретация роли этих сил в модернизации страны (и соответственно их взаимоотношений между собой) отличалась крайней противоречивостью.

Представители правого крыла легального народничества полагали, что интеллигенции следовало способствовать сближению царя с народом в духе теории «народной монархии» Каблица-Юзова. Этот «союз» должен был ограничить влияние на русскую жизнь бюрократии (включая социалистов-политиков), которую публицисты «Недели» считали главным препятствием на пути развития самостоятельности народа и общества. Противоположную позицию занимали народники во главе с Михайловским и Шелгуновым. По их мнению, ни власть, ни народ не были в состоянии изменить «ошибочного» направления развития русской истории. Поэтому они настаивали на усилении роли в общественной жизни страны интеллигенции за счет расширения ее прав и свобод.

Рассмотренные концепции движущих сил общественных преобразований находились в отношении дуальной оппозиции. На рубеже 1870–1880-х гг. преобладало влияние народников-политиков, но с начала 1880-х гг. возрождается аполитизм. После закрытия «Отечественных записок» и «Дела» инициатива окончательно переходит к «Недели», которую она удерживала до начала 1890-х гг., после чего инверсия опять начинает развиваться в обратном порядке.

Общая же тенденция в развитии народнических представлений о механизме дальнейшей модернизации России, на наш взгляд, заключалась в попытке разработки теории государственного социализма. Над ее обоснованием работали многие народники, но наибольший вклад внес экономист и социолог Воронцов. Еще в начале 1880-х гг. он выдвинул тезис о возможности борьбы за социализм без предварительного завоевания политических свобод. То есть эта теория явилась попыткой примирить между собой два, как казалось народникам, противоположных начала: «антинародное» государство (которое, однако, начинает позиционировать себя как «народное») и народ («социалист по инстинкту» и прирожденный «демократа», но пока еще консерватор и монархист). Посредником между ними должна была выступить «народная интеллигенция», состоявшая из «лучших» представителей народа и «общественной» интеллигенции. Конечно, в России концепция государственного социализма была очередной народнической утопией, т.к. для ее реализации отсутствовали надлежащие условия. В то же время ее появление было закономерным результатом перехода легально-народнической мысли от инверсии к медиации.

П р и м е ч а н и я

¹ Противники признания исключительности феномена русской интеллигенции, как правило, ссылаются на более позднее появление аналогичных общественных групп в странах второго эшелона капиталистического развития (Польша, Индия, Индонезия и т.д.). См.: *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 84; *Чепулис-Растенес Р.* Формирование интеллигенции // Социальная структура общества в XIX в.: сб. ст. М., 1982. С. 336.

² Одним из первых термин «интеллигенция» в значении особой общественной группы использовал П. А. Кропоткина в записке «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», составленной им по просьбе «чайковцев» в ноябре 1873 г. См.: *Революционное народничество 70-х годов XIX века: В 2 т. М.; Л., 1964–1965. Т. 1. С. 64, 93–94, 96, 99, 108–109.*

³ Известное выражение «интеллигенция – мозг нации» одним из первых употребил С. А. Венгеров в статье «Литературные заметки». См.: Устой. 1882. № 9–10. С. 89.

⁴ Морозов Н. Медь звенящая (По поводу двух генеральских речей и нескольких обывательских статей) // Устой. 1882. № 2. С. 128, 134.

⁵ Кривенко С. Н. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1911. Т. 1. С. 212, 367; Юзов [Каблиц И. И.] Будущность сословий // Русское богатство. 1885. № 1. С. 181–182.

⁶ Подробнее о народнической интерпретации процесса генезиса «общенародной» (безсословной) интеллигенции см.: Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007. С. 174–187.

⁷ В. В. [Воронцов В. П.] Наши направления. СПб., 1893. С. 84–86.

⁸ См.: Успенский Г. И. Из разговоров с приятелем. «Интеллигентный» человек // Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1957. Т. 5. С. 237; Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 5. Стб. 508, 540; Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 108.

⁹ См.: Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 46–48, 53–57, 70–72, 82.

¹⁰ ...енск... [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 175, 176.

¹¹ Подробнее см.: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.

¹² См.: [Каблиц И. И.] Роль интеллигенции // Неделя. 1884. № 8. Стб. 252. Ср.: В семидесятых годах // В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятидесятым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 27.

¹³ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 193, 281.

¹⁴ См.: Фирсов В. М. Социальная философия либерального народничества (Воронцов В. П., Даниельсон Н. Ф., Каблиц И. И., Южаков С. Н.): дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. С. 172–174; Скворцов А. А. Судьба интеллигенции в России // Россия накануне XXI века: Новые вехи. Воронеж, 1999. С. 129–130; Возилов В. В. Омнизм и нигилизм: Метафизика и историософия интеллигенции в России. Иваново, 2005. С. 354–355.

¹⁵ [Каблиц И. И.] Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31. Стб. 981–984; Он же. Пессимизм нашей интеллигенции // Неделя. 1880. № 42. Стб. 1335.

¹⁶ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 1. Стб. 150.

¹⁷ Абрамов Я. По разным ведомствам // Книжки «Недели». 1898. № 7. С. 174.

¹⁸ Абрамов Я. Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. Стб. 500.

¹⁹ Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 253, 295; Каблиц И. И. Основы народничества. СПб., 1888. Ч. 1. С. 23; Оболенский Л. Е. Народники и марксисты // Исторический вестник. 1899. Т. 76. № 4. С. 233.

²⁰ Кривенко С. К вопросу о нуждах народной промышленности // Русское богатство. 1894. № 10. С. 121, 122.

²¹ [Оболенский Л. Е.] О нашей философии и народничестве // Русское богатство. 1883. № 3. С. 719.

²² См.: [Каблиц И. И.] Ум и чувство как факторы прогресса // Неделя. 1878. № 7. Стб. 228; Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Русское богатство. 1886. № 3. С. 239; В. В. Наши направления. С. 13, 46, 47; Меньшиков М. О. Совесть и знание // Русская мысль. 1895. № 7. С. 103.

²³ N. N. [Оболенский Л. Е.] Что в обществах следует считать болезнями (Опыт введения в общественную патологию) // Мысль. 1880. № 7. С. 70, 72, 73.

²⁴ См.: Абрамов Я. В. Личность в истории // Книжки «Недели». 1896. № 4. С. 6; № 5. С. 173.

²⁵ Там же. № 5. С. 174.

²⁶ Языков Н. [Шелгунов Н. В.] Идеализм всепримиряющей любви // Дело. 1874. № 12. С. 27.

²⁷ [Оболенский Л. Е.] Наше направление // Мысль. 1882. № 12. С. 292, 293.

²⁸ См.: N. N. [Оболенский Л. Е.] Что в обществах следует считать болезнями. С. 60; В. В. [Воронцов В. П.] Из истории нашего общественного развития // Северный вестник. 1888. № 12. С. 141; Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. С. 222.

²⁹ Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избр. тр. по социологии: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 6.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 91.

³² Там же. С. 67, 73, 85.

³³ Лурье Л. Я. Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России (декабристы и революционеры-народники) // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 77.

³⁴ См., напр.: Литературное наследие Г. В. Плеханова: сб. 4. Борьба с народничеством. М., 1937. С. 94.

³⁵ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 1. Стб. 32.

³⁶ См.: [Кривенко С. Н.] Экономические кризисы (По Марксу Вирту) // Отечественные записки. 1878. № 6, 7.

³⁷ Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. С. 145, 159, 175, 213.

³⁸ Там же. 222, 231.

³⁸ В. В. [Воронцов В. П.] Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 4–5; Оболенский Л. Е. Новый раскол в нашей интеллигенции // Русская мысль. 1895. № 9. С. 11–12.

⁴⁰ Подробнее см.: Рачков М. П. Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск, 1993. С. 17–20; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 253–254; Жвания Д. Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 283–285; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 216–217.

⁴¹ Южаков С. Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 12. С. 106–107.

⁴² См., напр.: Заявление группы народников // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 94.

⁴³ [Златовратский Н. Н.] Народничество // Настольный энциклопедический словарь Гранат. М., 1901. Т. 6. С. 27.

⁴⁴ В. В. Наши направления. С. 48, 56.

⁴⁵ См.: Алексеев Л. [Паночини Л. А.] Почему вскипел бульон и почему теперь только мы обращаем на это свое внимание // Русское богатство. 1880. № 12. С. 61; [Каблиц И. И.] Роль интеллигенции. Стб. 252, 254; Ан-ский С. А. [Раппопорт С. А.] Очерки народной литературы // Русское богатство. 1892. № 7. С. 154–155.

⁴⁶ Русское богатство. 1881. № 9. С. 30.

⁴⁷ См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 778, 780; Т. 5. Стб. 443, 444; В. В. Наши направления. С. 97, 98, 107, 196, 208; Протопопов М. Последовательный народник // Русская мысль. 1891. № 6. С. 105.

⁴⁸ [Каблиц И. И.] Пессимизм нашей интеллигенции. Стб. 1338–1339.

⁴⁹ В. В. Наши направления. С. 50, 58, 107–114; Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 112; Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 5. Стб. 515.

⁵⁰ Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Очерки русской жизни // Русская мысль. 1889. № 11. С. 166.

⁵¹ Неизданная записка Н.В. Шелгунова // Каторга и ссылка. 1929. № 7–8 (57–58). С. 165.

⁵² Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Внутреннее обозрение // Дело. 1881. № 3. С. 120.

⁵³ [Каблиц И. И.] Пессимизм нашей интеллигенции. Стб. 1335, 1338; Он же. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 145.

⁵⁴ Там же. С. 128.

⁵⁵ Л. О. [Оболенский Л. Е.] Провинциальные критики. Литературные заметки // Мысль. 1881. № 3. С. 411.

⁵⁶ В. В. Наши направления. С. 102–103.

⁵⁷ В. В. [Воронцов В. П.] Критик народничества // Русское богатство. 1893. № 4. С. 9–10.

⁵⁸ Подробнее см.: История философии в СССР: В 5 т. М., 1968. Т. 3. С. 281–282, 290; Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 180–181, 186.

⁵⁹ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 103.

⁶⁰ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 110; Смирнов Н. Н. Российская интеллигенция: к вопросу о дефинициях // Историк и революция. СПб., 1999. С. 50–51; Барзилов С. И., Чернышов А. Г. Самоидентификация российской интеллигенции: Политсимволы и механизмы // Свободная мысль. 2001. № 12. С. 34–35.

⁶¹ Подробнее см.: Живов В. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. № 3 (37); Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры порефор-

менного времени // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 20.

⁶² *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 261.

⁶³ См.: *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. Избр. тр. М., 1961. С. 656; *Лиоренцевич И. Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. С. 113; *Филиппов А. В.* Либеральное народничество и российский марксизм (На материалах публицистики 80–90-х гг. XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. С. 65.

⁶⁴ *Балуев Б. П.* Указ. соч. С. 257, 258.

⁶⁵ См.: *Харламов В. И.* Идеология правого народничества в публицистике Каблицы-Юзова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 1. С. 36; *Жванция Д. Д.* Указ. соч. С. 86–87; *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 86.

⁶⁶ *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 76.

⁶⁷ *А. Я.* Государство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. 9. С. 419.

⁶⁸ *Юзов И.* [*Каблицы И. И.*] Современная русская жизнь и ее задачи // Мысль. 1881. № 1. С. 107, 115; *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 6, 43–44; *Пругавин В. С.* Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888. С. 292–293.

⁶⁹ *Герцен А. И.* Россия // *Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. VI. С. 220.

⁷⁰ *Блохин В. В.* Н. К. Михайловский: центральные пункты мировоззрения и деятельности // Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени: сб. ст. Воронеж, 2005. С. 151.

⁷¹ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 72.

⁷² *Бакунин М. А.* Государственность и анархия. Прибавление «А» // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 45, 50–51, 53.

⁷³ [*Воронцов В. П.*] К вопросу об условиях революции в России // Вперед! 1876. № 31.

⁷⁴ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. М., 1988. Т. 5. С. 113.

⁷⁵ *С. К.* [*Кривенко С. Н.*] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1892. № 2. С. 122–123; *В. В.* Наши направления. С. 100.

⁷⁶ *Л. О.* [*Оболенский Л. Е.*] Оценка идей Достоевского // Мысль. 1881. № 4. С. 79–80; *Каблицы И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 116–117; *В. В.* Наши направления. С. 81, 174.

⁷⁷ *В. В.* [*Воронцов В. П.*] От семидесятых годов к девятисотым. С. 9–11, 19, 22.

⁷⁸ Термин «дворянская эра» использован С. Н. Кривенко для характеристики нового курса правительства Александра III, по мнению народовольцев, направленного на поддержку главной опоры трона – дворянского сословия. См.: [*Кривенко С. Н.*] Новая эра // Литература партии «Народная воля». С. 190–191.

⁷⁹ *Созерцатель* [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Мысль. 1882. № 10–11. С. 184–185; *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 17, 91.

⁸⁰ Там же. Т. 2. С. 156, 283.

⁸¹ О земстве и его особой роли в воспитании народа см.: *Абрамов Я. В.* Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства) настоящее. СПб., 1889.

⁸² *Юзов И.* Современная русская жизнь и ее задачи. С. 113.

⁸³ Имеется в виду теория В. П. Воронцова о том, что в России капитализм никогда не сможет достигнуть развитого состояния из-за отсутствия рынков сбыта.

⁸⁴ *Кривенко С. Н.* Физический труд как необходимый элемент образования. С. 280.

⁸⁵ *Гроньяр* [Михайловский Н. К.] Политические письма социалиста // Литература партии «Народная воля». С. 29.

⁸⁶ Подробнее см.: *Твардовская В. А.* Демократическая журналистика // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983.

⁸⁷ *Ивановская П. С.* Очерк истории революционного движения в России в 70–80-х годах. 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 42. Л. 10.

⁸⁸ *Н. Р.* [Русанов Н. С.] Событие 1-го марта и Н. В. Шелгунов // Былое. 1906. № 3. С. 44.

⁸⁹ *Гроньяр.* Указ. соч. С. 53.

⁹⁰ *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции: В 22 т. М., 1993. Т. 21. С. 105

⁹¹ См.: *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 214.

⁹² *Ферронский И.* Летопись Покровской церкви села Данково. Воронеж, 2009. С. 99.

⁹³ Письмо Исполнительно комитета «Народной воли» к Александру III редактировал лично Н. К. Михайловский.

⁹⁴ *Николадзе Н. Я.* Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С. 16–17.

⁹⁵ [Кривенко С. Н.] К русскому обществу от русских революционеров. – РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 469; *Он же.* По поводу воззвания конституционалистов // Народная воля. 1883. № 10.

⁹⁶ *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революции (сравнительно-политический анализ). М., 2000. С. 223; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. С. 151.

⁹⁷ *В. В.* Судьбы капитализма в России. С. 125.

⁹⁸ Там же. С. 6. Удивительно проницательное наблюдение, если вспомнить судьбу первых двух Государственных дум.

⁹⁹ *Горев Б. И.* Н. К. Михайловский. Его жизнь, литературная деятельность и миросозерцание. М., 1931 С. 62.

¹⁰⁰ *Блохин В. В.* Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 30–32, 37–38.

¹⁰¹ См.: Неделя. 1880. № 7. Стб. 260–261.

¹⁰² *Каблиц И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 72.

¹⁰³ [Каблиц И. И.] Либерал и народничество // Неделя. 1880. № 33. Стб. 1057.

¹⁰⁴ См.: *Л. О. [Оболенский Л. Е.] Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Мысль. 1880. № 9. С. 84, 95; Он же. Общественные вопросы последних дней // Мысль. 1880. № 10. С. 208; Он же. Оценка идей Достоевского. С. 79–80.*

¹⁰⁵ *Ред. [Оболенский Л. Е.] Первое марта 1881 года. Куда идти теперь? // Мысль. 1881. № 3. С. 420.*

¹⁰⁶ *Каблиц И. Основы народничества. Ч. 1. С. 324, 326.*

¹⁰⁷ *Л. О. Оценка идей Достоевского. С. 73, 75, 78; Каблиц И. Основы народничества. Ч. 1. С. 326; Пругавин В. С. Русская община в трудах ее местных исследователей. С. 270–273, 278, 295.*

¹⁰⁸ *Аксаков А. С. Об основных началах русской истории // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 11–23.*

¹⁰⁹ *Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. С. 293.*

¹¹⁰ *Юзов И. [Каблиц И. И.] Национализм, его приверженцы и враги // Русское богатство. 1882. № 7. С. 67.*

¹¹¹ Важное отличие официальной теории «народного самодержавия» от народнической заключалось в том, что «живым звеном между царем и народом» должно было стать дворянство, а не крестьянские ходоки. См.: *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 347.*

¹¹² *В. В. [Воронцов В. П.] Наши направления. С. 101–104. Подробнее этот тезис будет рассмотрен в четвертой главе.*

¹¹³ *Власть и реформы. С. 7–8.*

¹¹⁴ *В. В. [Воронцов В. П.] Что делается в общине // Северный вестник. 1889. № 9. С. 8. Это был старый народнический тезис, используемый народниками 1870-х гг. для обоснования своего аполитизма.*

¹¹⁵ *В. В. Наши направления. С. 105.*

¹¹⁶ Там же. С. 108.

¹¹⁷ *Сергеев С. Е. [Кривенко С. Н.] Император Вильгельм II и вопросы международной политики. СПб., 1890. С. 30, 31, 32, 37.*

¹¹⁸ Там же. С. 25, 33, 41–42.

¹¹⁹ *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783–1883. М., 1986. С. 238.*

¹²⁰ *Протопопов М. Последовательный народник. С. 117.*

¹²¹ *Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 2. Стб. 622; Николай-он [Даниельсон Н. Ф.] Теория трудовой стоимости и некоторые из ее критиков // Русское богатство. 1902. № 2. С. 65; Меньшиков М. Народные заступники // Книжки «Недели». 1893. № 12. С. 254.*

¹²² Там же. С. 251.

¹²³ *Короленко В. Г. История моего современника // Собр. соч.: В 8 т. М., 1953. Т. 7. С. 119.*

¹²⁴ *Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 6. Стб. 393; В. В. Критик народничества. С. 10.*

¹²⁵ *Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд. СПб., 1895. С. XX.*

¹²⁶ А. В. [Введенский А. И.] Несколько слов об идеалах русского народа // Дело. 1886. № 8. С. 49; Н. В. Народность и народничество // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 859; В-н А. [Пытин А. Н.] Народники и народ // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 695; Он же. Еще о теориях народничества // Вестник Европы. 1893. № 2. С. 760, 787, 788.

¹²⁷ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 281.

¹²⁸ Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. С. 270.

¹²⁹ Протопопов М. Последовательный народник. С. 117–118; Он же. Глеб Успенский // Русская мысль. 1890. № 10. С. 151. Слова «глупцы или негодяи...» – цитата из сочинений В. Г. Белинского.

¹³⁰ Особенно выделялась в этом отношении французская социалистическая мысль. Пьер Прудон давно уже признан исследователями главным зарубежным вдохновителем народнической веры в народ как могущественную силу, способную омолодить Европу. См.: Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 464.

¹³¹ Оболенский Л. Мораль и социальные взгляды Л. Толстого // Русское богатство. 1886. № 10. С. 195; Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. С. 273.

¹³² Там же. С. 280.

¹³³ [Воронцов В. П.] Народничество Юзова и В. Пругавина // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 73.

¹³⁴ Там же. С. 75.

¹³⁵ Цит. по: Глеб Успенский: Материалы и исследования. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 299.

¹³⁶ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 7. Стб. 661–662.

¹³⁷ Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Русское богатство. 1884. № 12. С. 707; Он же. Новый раскол в нашей интеллигенции. С. 4.

¹³⁸ В. В. [Воронцов В. П.] «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 167.

¹³⁹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 738.

¹⁴⁰ Н. Ш. Очерки русской жизни. 1889. № 11. С. 162.

¹⁴¹ Скабичевский А. М. Аскетические недуги в нашей современной интеллигенции // Русская мысль. 1900. № 10. С. 38–39.

¹⁴² Николаев П. Ф. Очерк развития социально-революционного движения в России // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 418.

¹⁴³ Протопопов М. Глеб Успенский. № 10. С. 152–153.

¹⁴⁴ Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Мысль. 1882. № 10. С. 185; Он же. Внутреннее обозрение. С. 172.

¹⁴⁵ Пругавин В. С. Что такое народ? – РГАЛИ. Ф. 412. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

¹⁴⁶ «Интеллигенция» и народ в общественной нашей деятельности // Отголоски. 1880. № 33. С. 516; Герье В. И. Понятие о народе у Руссо // Русская мысль. 1882. № 5.

¹⁴⁷ [Оболенский Л. Е.] О народничестве (Ответ издателя на письмо профессора N. N.) // Русское богатство. 1884. № 1. С. 246.

¹⁴⁸ *Энгельгардт Н. А.* Лженародничество // Книжки «Недели». 1896. № 11. С. 283.

¹⁴⁹ Подробнее об особой роли нравственного прогресса в истории см.: *Созерцатель [Оболенский Л. Е.]* Обо всем. Недоразумения среди идейных писателей // Русское богатство. 1889. № 2. С. 255, 260–263.

¹⁵⁰ *Пругавин В. С.* Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. С. 280.

¹⁵² Цит. по: *Жвания Д. Д.* Указ. соч. С. 209.

¹⁵³ *Николаев Ю.* [Говоруха-Отрок Ю. Н.] Литературные заметки: Либерализм и народничество // Московские ведомости. 1893. № 318.

¹⁵⁴ [Оболенский Л. Е.] О народничестве. С. 254, 257.

¹⁵⁵ *Юзов И.* Национализм, его приверженцы и враги. С. 64.

¹⁵⁶ *Скабичевский А. М.* Сочинения: В 2 т. СПб., 1895. Т. 2. С. 309.

¹⁵⁷ См.: *Венгеров С.* История русской литературы. Новейший период // Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 645.

¹⁵⁸ *Успенский Г. И.* Власть земли // *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 5. С. 164–169.

¹⁵⁹ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. 1. Стб. 828; Т. 6. Стб. 491; Т. 7. Стб. 673–675.

¹⁶⁰ *Н. Ш.* Очерки русской жизни. 1889. № 3. С. 196.

¹⁶¹ Там же. 1887. № 3. С. 146–148.

¹⁶² Там же. 1889. № 3. С. 197.

¹⁶³ *Гутнова Е. В.* Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 61–62.

¹⁶⁴ Возможность социалистического развития русской общины при условии помощи пролетариата Запада не отрицали и основоположники марксизма. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 545–546; Т. 19. С. 401.

¹⁶⁵ См.: *Пругавин В. С.* Русская земельная община в трудах ее местных исследователей; *В. В.* [Воронцов В. П.] Крестьянская община. СПб., 1892; *В. В.* [Воронцов В. П.] Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.

¹⁶⁵ *Зарубина Н. Н.* Самобытный вариант модернизации // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 50; *Хорос В. Г.* Указ. соч. С. 52.

¹⁶⁶ Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. М., 1892. Т. 1. С. 137–138.

¹⁶⁷ См.: *Данилов В. П.* Община у народов СССР в послеоктябрьский период // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 46; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. С. 450, 527.

¹⁶⁸ См.: *Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 35.

¹⁶⁹ *Миронов Б. Н.* Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 236–237.

¹⁷⁰ Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* Указ. соч. С. 209–226.

Глава четвертая

НАРОДНИКИ-РЕФОРМИСТЫ В ЭПОХУ «МАЛЫХ ДЕЛ» (середина 1880-х – первая половина 1890-х гг.)

После закрытия демократических журналов «Отечественные записки» и «Дело» наиболее активная и сознательная часть русского общества оказалась в состоянии затяжного идейного кризиса. Надежды на быстрый прорыв России в царство «высшей культуры», воодушевлявшие русскую интеллигенцию 1860–1870-х гг. на героизм и самопожертвование, оказались горькой иллюзией. В обществе происходит переоценка прежних идейных ориентиров и нравственных норм. По меткому наблюдению Н. Н. Златовратского, разочаровавшись в старых идеалах, общество утратило сознание преемственности между поколениями, что и повергло его в состояние апатии и безнадёжности. «Чувствуется, что назрело время иного отношения к “старым идеалам”, иных приемов в проведении их в жизнь»¹.

Примерно на десять лет (до второй половины 90-х гг. XIX в.) народническая интеллигенция отказалась от попыток поднять народ на социальную революцию и обратилась к мирной культурно-просветительской деятельности в деревне. Этот период, фактически совпадающий с царствованием Александра III, вошел в историю русской общественности как эпоха «малых дел».

4.1. Вопрос о новом «хождении в народ» в народнической печати середины 1880-х – начала 1890-х гг.

В обстановке крайней растерянности демократической интеллигенции² инициатива в развитии народнической теории и практики переходит к народникам-восемидесятникам. Это были И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов, К. В. Лаврский, В. В. Бирюкович, В. С. Пругавин и другие сотрудники газеты «Неделя» и журнала «Русское богатство».

Центральное место в доктрине легального народничества 1880-х гг. заняла теория «малых дел». Она была призвана реабилитировать русскую действительность, убедить интеллигенцию в необходимости и возможности посильного служения народу через профессию, т.е. в качестве простого учителя, врача, агронома и т.п. Не случайно

наибольшее количество сторонников этой теории было в среде провинциальной и особенно земской интеллигенции.

В том, что задачу обоснования и разработки новой программы демократической интеллигенции применительно к условиям политической реакции и общественного застоя взяли на себя теоретики «Недели», не было ничего странного. Еще в середине 1870-х гг. с призывом идти в народ для удовлетворения его неотложных нужд к интеллигентной молодежи обращался сотрудник этой газеты П. П. Червинский. Но тогда «новое слово» правого народничества сочувствия и поддержки в обществе не получило. Второй раз вопрос о необходимости сближения либералов и народников «на практической почве» был поставлен «Неделей» на рубеже 1870–1880-х гг. И опять призыв сосредоточиться на задачах текущего дня остался без ответа³.

Однако рост «издержек» политической борьбы и ее печальный для передового русского общества финал – изменение правительственного курса при новом императоре Александре III – объективно сработали на новую линию «Недели», заставив замолчать ее главных идейных противников. По крайней мере, когда в 1884 г. газета заявила, что не стремится играть активной политической роли и ставит на первый план разработку «культурных задач русской жизни», которые «не зависят ни от каких режимов, а, напротив, сами, в конце концов, управляют ими», никаких серьезных возражений на этот неприкрытый аполитизм уже не последовало⁴.

В исторической литературе утвердилось мнение, что пионером «теории малых дел» был Я. В. Абрамов, выдвинувший и обосновавший ее в газете «Неделя» в середине 1880-х гг. (саму теорию иногда называют «абрамовщиной»)⁵. В действительности Абрамов не автор, а талантливый ее популяризатор, разработавший практическую программу мирной культурнической деятельности интеллигенции в деревне. Репутацию главного теоретика «малых дел» Абрамову создал Н. В. Шелгунов, активно полемизировавший с ним во второй половине 1880-х гг.

Сам Абрамов указывал на то, что вопрос о судьбе трудящейся интеллигенции за год до него поставил другой народнический публицист – «В. В.» (В. П. Воронцов)⁶. В феврале 1884 г. в «Отечественных записках» он опубликовал статью «Капитализм и русская интеллигенция», посвященную тяжелому положению лиц интеллигентских профессий, обрекаемых капитализмом на безработицу и

нищету. По утверждению Воронцова, их материальное обеспечение всецело зависело от роста благосостояния народа и его запросов на высший труд⁷. Но еще до Воронцова разработкой идеи служения народу путем удовлетворения его насущных потребностей активно занимался Каблиц-Юзов.

Известный исследователь общественно-политических взглядов Каблиц В. И. Харламов прямо назвал его «ведущим создателем» теории «малых дел»⁸. При этом он уточнил, что Каблиц только заложил фундамент популярной теории, т.к. во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг. над ее социологическим, политическим и экономическим обоснованием одновременно с публицистами «Недели» работали сотрудники других народнических изданий (В. С. Пругавин, Г. П. Сазонов, С. Я. Капустин, С. Н. Южаков)⁹. Отдельные положения теории «малых дел» историки находят у А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и даже П. Л. Лаврова¹⁰.

Каковы основные доводы Каблиц-Юзова в пользу «малых дел»? Почему русскому народу нужны были не «вещатели истины и пророки», а практические труженики?

Основа теории «малых дел» – аполитизм, т.е. уклонение от постановки задач политических преобразований страны (как преждевременных) в пользу экономических. Многие исследователи понимают данную теорию как полный отказ от реформ («больших дел»), но это не совсем верная ее интерпретация. Хотя Каблиц и писал, что «наше время по-преимуществу экономическое» и «политика, по крайней мере, внутренняя, отодвинута в отдаленный уголок, где и покоится в прохладе», это вовсе не означало, что он отрицал необходимость общественно-политических преобразований страны¹¹.

Интеллигенция, по словам Каблиц, не должна была ставить на первый план экономические или политические формы. «Они равно необходимы и поддерживают друг друга»¹². Проблема в том, что политические свободы в России были пока недостижимы. Надежды на то, что их даст власть или завоюет интеллигенция, оказались напрасными. Кроме того, простой народ больше всего нуждался в разрешении земельного вопроса. Свобода без земли (экономической независимости), по убеждению Каблиц, мужику не нужна¹³. По этим причинам народнический идеолог сделал главным пунктом своей программы экономическое обеспечение народа.

Второй довод Каблиц в пользу первоочередного решения земельного вопроса связан со старым народническим догматом о кре-

стьянской общине как залого самобытного развития России. Аграрный переворот должен был укрепить общину как орган народного самоуправления и тем самым способствовать привлечению трудящихся масс к участию в общественной жизни страны¹⁴.

Народников «Недели» не случайно называют ортодоксальными. Принцип «все для народа и только через народ» для них священен и неприкосновенен. Все попытки облагодетельствовать массы путем различных социальных экспериментов, включая введение в стране свободных представительных учреждений, Каблиц воспринимал как грубое насилие, нарушение священного права народа жить по своей воле. Особое его недовольство вызывали стремления радикалов приучить крестьян к «общественным запашкам», от которых они шарахались как черт от ладана. Именно этот пункт их программы дал Каблицу повод обвинять своих идейных противников в склонности к бюрократическому способу разрешения проблемы взаимоотношений интеллигенции с народом¹⁵.

Самым слабым местом в теории «малых дел» многие исследователи считают отсутствие в ней требований ограничения самодержавия. Неужели ее сторонники поверили в то, что власть станет прислушиваться к советам народнической интеллигенции? На самом деле апелляция Каблица к государству с требованием экономической поддержки и юридической защиты общины была продиктована совсем другими соображениями.

По убеждению Каблица, русский мужик считал своими главными врагами чиновников, «мешавших» царю творить для него добро, и антимонархическую интеллигенцию. Даже если народ ошибался в своей вере в добрую волю царя, разумно ли было его в этом разубеждать? Не лучше ли попытаться использовать эту веру для давления на власть, вынужденную после 1881 г. открыто объявить себя «народной», и обуздания (с помощью верховной власти) влияния на крестьянскую жизнь «самых опасных» ее врагов (бюрократии и той же либеральной интеллигенции)?¹⁶

Каблиц-Юзов сотрудничал в «Неделе» до 1885 г. К тому времени крайний догматизм, проявившийся в нападках на передовую интеллигенцию, как на чуть ли не главный источник всех народных несчастий, закрепил за ним репутацию аутсайдера русского народничества, совершенно чуждого как левому, так и правому его крылу¹⁷. Чтобы избежать лишней критики в адрес газеты, Каблиц был «отправ-

лен в отставку», а место ведущего публициста «Недели» занял молодой и талантливый писатель Я. В. Абрамов.

Абрамов родился в Ставрополе-Кавказском в мещанской семье. После завершения обучения в Кавказской духовной семинарии (1877 г.) он два года учительствовал в станице Петровской. В 1878–1879 гг. будущий народник учился в петербургской Медико-хирургической академии, из которой был отчислен по болезни. В конце 1880 г. Абрамов становится активным сотрудником «Отечественных записок», «Дела», «Слова», «Устоев». Начинал он свою литературную деятельность как автор очерков и рассказов из народной жизни. Особенно интересовало бывшего семинариста положение современных раскольников и сектантов¹⁸.

В 1885 г. Абрамов неожиданно переходит в газету «Неделя» и переключается на социально-экономическую тематику. Причины его появления в самом ортодоксальном народническом органе печати следует искать, как это ни странно, в связях писателя с революционным подпольем. Еще в 1880 г., когда Абрамов находился в Ставрополе, полиция арестовывала его за хранение нелегальной литературы. В Петербурге в 1883–1885 гг. Абрамов был связан с народовольцами, которые пытались привлечь «сектанта» (его прозвище в среде партийцев) к сотрудничеству в «Вестнике “Народной воли”». Правда, ни на какие уговоры Абрамов тогда не поддался. Он был убежден, что политический террор как метод борьбы отжил свой век и успех социализма в опоре на народные массы.

Есть версия, впервые высказанная Б. И. Николаевским еще в начале 30-х годов, что развернутым изложением взглядов Абрамова стала брошюра «Опыт обоснования программы народников», изданная одной из подпольных народнических групп в 1884 г.¹⁹. Брошюра интересна тем, что в ней подробно обосновываются как раз те новые задачи русской интеллигенции, которые Абрамов с середины 1880-х гг. открыто пропагандировал в «Неделе»²⁰. Что же это были за задачи?

Программа начиналась с резкой критики народовольцев за их отрыв от народа. Радикальные преобразования признавались осуществимыми лишь путем сочетания аграрного и политического переворота, причем последний должен был являться ответом на народное движение, а не самостоятельным актом²¹. Этим исходным принципом определялись главные задачи народников в деревне: 1) просвещение народного сознания; 2) систематическая организация масс;

3) формирование в народной среде сознательных элементов (крестьянской интеллигенции), готовых возглавить народное движение²².

Подготовка коренного социального переворота включала целый ряд «ближайших паллиативов» (решение проблемы крестьянского малоземелья, отмена выкупных платежей, податная реформа и т.д.). Все эти меры, по мнению составителей «Опыта...», должны были принести народу немалую долю пользы: укрепить экономическое положение крестьянства, придать ему больше силы и самостоятельности и, наконец, повысить уровень его требований вплоть до признания необходимости окончательного перехода всей земли в его руки. Правило революционеров-разрушителей «чем хуже, тем лучше» решительно отвергалось как не выдерживающее критики²³.

Касаясь вопроса о политических задачах народников, авторы программы отмечали, что масса народа «совершенно чужда всякого политического интереса и понимания» и ее политическое воспитание не может быть предметом активной деятельности. Поэтому задача коренного изменения политического строя снималась с повестки дня. Отношение к конституции в программе было «пассивное и выжидательное». Политические свободы могли облегчить работу демократической интеллигенции в народе. Но, с другой стороны, конституция предоставляла дворянству и сельской буржуазии «все шансы» составить ядро в будущем самоуправлении и «принести вред в виде разрушения общины и свободной циркуляции земель»²⁴.

Главная роль в осуществлении новой народнической программы впервые отводилась «интеллигентному пролетариату» или безработным специалистам. По мнению ее составителей, сама сила вещей толкала эту наиболее демократичную часть современной интеллигенции на путь солидарности с народом. Но чтобы привлечь ее к движению, одних общих фраз и «идеалов чувств» было уже недостаточно. Интеллигенция нуждалась в живых «идеалах деятельности» и практических примерах их осуществимости в народной среде. Только тогда можно было вдохнуть в движение новую веру в возможность деятельности среди народа, ибо в ней «сущность социализма, начало и конец лучших идеалов человечества»²⁵.

Как видно, рассмотренная нами программа имела много общего с тем, что писал на страницах «Недели» предшественник Абрамова – Каблиц-Юзов. Но у нее было и одно существенное отличие, проливающее свет на дальнейшую эволюцию идеологии «малых дел». Это

идея привлечения к практической деятельности в деревне «культурного пролетариата».

Первые статьи Абрамова в «Неделе» («Правда ли, что нет дела?», «Еще о наших специалистах», «Стоит ли работать в деревне?») появились летом 1885 г. Их цель заключалась в том, чтобы убедить интеллигентных специалистов в необходимости перенести свою деятельность из культурных центров в провинцию. В качестве повода для такой постановки вопроса стали жалобы городской интеллигенции на безработицу и необеспеченность ее материального положения. По мнению Абрамова, во всем этом в значительной мере была виновата сама интеллигенция, которая боялась выйти из привычной колеи на новый путь. «У нас или все герои, или тряпки. Но пора бы народиться **среднему типу человека** (выделено мной. – Г. М.), способному на простое, честное дело. Нужда в таком человеке великая и будущее принадлежит ему»²⁶.

На призыв «Недели» идти в народ на «культурную работу» тут же появились оживленные отклики читателей, благо общее число подписчиков газеты в середине 1880-х гг. составляло 8 тыс. человек и за десять лет эта цифра возросла почти вдвое²⁷. Из опубликованных редакцией писем приведем одно из наиболее характерных. «В вашей газете, – обращался к редактору бывший воспитанник московской консерватории С. А. Кирьяков, – я прочел воззвания к труду в провинции, в деревне. Вполне соглашаюсь, что столицы и губернские города переполнены предлагающими свои услуги всякого рода, так что многие остаются без дела, не имея возможности быть победителями в борьбе за кусок хлеба...». Далее он сообщал о своем желании переселиться в деревню в качестве учителя рисования и игры на фортепьяно, искренне полагая, что станет там «драгоценностью для родителей и воспитателей, желающих дать (детям. – Г. М.) серьезное, законченное художественное образование...»²⁸.

Более сдержанной была реакция на статьи «Недели» о «лишних людях» других периодических изданий. В частности, коллеги Абрамова указывали на то, что в деревне для интеллигенции нет необходимых условий и работа там будет носить характер мученичества, добровольной каторги. Высказывалось также мнение, что она там погибнет с голоду²⁹. Даже Н. М. Астырев, убедившийся на своем личном опыте, что если образованные люди пойдут в деревню на должность писаря, то в крестьянской жизни произойдет огромный переворот, тут же скептически замечал: но как дать возможность ин-

интеллигенции стать в непосредственное общение с сельским населением? Пока это, к сожалению, «несбыточная вещь»³⁰.

В ответ на эти возражения Абрамов пишет новые статьи, пытаясь доказать, что «внешние условия» – удобный термин для объяснения бездеятельности всех тех, кто предпочитает сидеть сложа руки, вместо того, чтобы работать³¹. Для человека с «тепличным» (буржуазным) воспитанием идти в деревню на свой страх и риск очень тяжело. Но не стоило преувеличивать ожидавшие его там трудности. Много тысяч в деревне трудовой разночинной интеллигенции не работать. Но в любом случае, по заверению публициста «Недели», ее положение там будет «выше теперешнего», которого она достигала перепиской, уроками и даже извозным промыслом³².

Еще один аргумент Абрамова – это важное практическое значение предлагаемой народником социально-экономической программы деятельности интеллигенции в деревне. Во-первых, она включала систему неотложных мер по ограждению народа от разлагающего влияния новых капиталистических порядков. Это финансовая помощь крестьянам для покупки и аренды земли, организация сбыта сельскохозяйственной продукции, улучшение культуры ведения крестьянского хозяйства, распространение агрономических знаний и т.п. Во-вторых, целенаправленная программа борьбы с народной бедностью и невежеством (двух главных препятствий на пути дальнейшего развития народа) должна была создать предпосылки для того, чтобы вылечить деревню и от остальных ее застарелых недугов. Для этого Абрамов настоятельно рекомендовал интеллигенции заняться созданием в народной среде сети кооперативных, медицинских и культурно-просветительских учреждений³³.

Пропагандируемая Абрамовым программа «малых дел» была проста и понятна. Но для ее выполнения требовалось одно важное условие, а именно: участие в этой работе многих и многих тысяч людей и соответственно координация их деятельности, финансовая и моральная поддержка³⁴. Поэтому Абрамов предлагал интеллигенции универсальную для пореформенной России форму объединения общественных сил, уже реально существующую и положительно зарекомендовавшую себя на практике. Это система земских учреждений – всесословных органов местного самоуправления, где на вполне легальной почве могли сблизиться представители различных слоев русского общества и народа. «Правильная организация местного самоуправления, – писал публицист, – могла бы значительно облегчить

передвижение интеллигентных сил из центров в глушь и сделать их труд более плодотворным. Благодаря этому органы местной власти станут своеобразным форпостом, где будут концентрироваться необходимые силы для борьбы... с представителями своекорыстия и личных интересов»³⁵.

С момента своего возникновения земские учреждения стали убежищем идейной интеллигенции, желавшей служить не царю, а народу. Однако в 70-е годы XIX в. деятельность местного самоуправления (во многом под влиянием революционной пропаганды) считалась мизерной и бесплодной, т.к. она не могла избавить трудящиеся массы от «общих» причин их страданий. Лишь полное разочарование в идее быстрого и радикального решения проблемы народа заставило значительную часть интеллигенции отказаться от социального утопизма и перейти к вопросу об организации помощи миллионам крестьян в их повседневной борьбе за существование³⁶.

В 1888–1889 гг. Абрамов пишет о деятельности земства серию очерков, впоследствии переизданных в виде книги «Что сделало земство и что оно делает» (1889). В ней он попытался выработать «правильную» точку зрения для оценки общих результатов работы земской интеллигенции.

Согласно взглядам главного теоретика «Недели», земские учреждения воплощали все лучшее, что было сделано на местах в результате реформ 1860–1870-х гг. В тех губерниях, где были введены земства, их благотворное влияние сказалось на всех сторонах жизни народа. Наиболее важными областями деятельности земств публицист считал их заботу о народном здравии, образовании и об экономическом положении населения. В книге содержится большая выборка сведений о земских программах и практических мероприятиях (в указанных областях), собранных публицистом на основе изучения журналов земских собраний, докладов земских управ, протоколов съездов земских врачей и материалов земской статистики.

Свой обзор деятельности русского земства Абрамов посвятил разоблачению убеждения, будто земство «ничего не может сделать». Для этого он попытался сопоставить предъявляемые к земству требования с его реальными возможностями. Например, в главе «Земство и народное здравие» публицист пишет, что многие врачи считают лечение простого народа «наполнением бочек Данаид»: сколько не лечи, а народ все-таки будет болеть. Сам Абрамов находил этот взгляд совершенно абсурдным. Земские врачи, действительно, не

могли устранить главных причин народных болезней, т.к. для этого требовалось изменение всего экономического и бытового положения населения, что не входило в задачи земской медицины. Но они могли организовать рациональное лечение населения, которое уменьшало смертность и дарило людям способность работать. Отрицать эту действительную задачу земской медицины, по словам Абрамова, было также нелепо, как отказывать в лечении раненым на войне до тех пор, пока она не закончится³⁷.

Абрамов писал не только о достоинствах земства как «истинно народной формы самоуправления», но и о многих его недостатках, связанных с организацией и составом земских учреждений. В то же время практическую деятельность земства народнический публицист оценивал исключительно высоко. Благодаря настойчивости земцев население деревни получило доступ к начальному образованию, были снижены выкупные платежи, ликвидирована подушная подать, предприняты меры по устройству быта кустарей и крестьян-переселенцев³⁸.

Во второй половине 1880-х гг. поднятый Абрамовым вопрос о новых задачах деятельности интеллигенции в деревне получил развитие в статьях других публицистов «Недели»³⁹. Правда, их содержание не всегда соответствовало тому пониманию значения «малых дел», которое вкладывал в них Абрамов. Вокруг публикаций одного из сотрудников газеты – К. В. Лаврского развернулась настоящая война между «Неделей» и «Русской мыслью».

Известный в свое время публицист Лаврский был человеком с непростой судьбой. Сын священника, во время обучения в Казанском университете он сближается с шестидесятниками. Сочувствие революционным идеям стоило ему нескольких лет каторжных работ. В 70-е гг. XIX века Лаврский – ведущий сотрудник «Камско-Волжской газеты» и корреспондент «Недели», которую он тогда критиковал за то, что у нее «нет ясного мирозерцания и она не дает себе отчета, кому служит»⁴⁰. В 1884 г., вдохновленный «Письмами из деревни» А. Н. Энгельгардта, публицист поселяется на своем хуторе в Свияжском уезде Казанской губернии, сделавшись сельским хозяином⁴¹. В 1885–1886 гг. Лаврский публикует в «Неделе» под псевдонимом «Д. Ж.» ряд статей, где доказывает необходимость для интеллигенции жить своим трудом, став интеллигентными земледельцами⁴².

Недовольство передовой печати вызвали практические советы, как следует вести себя в деревне, которые Лаврский в изобилии раздавал читателям⁴³. Чтобы не оказаться в положении «чудака-барина»⁴⁴, он, например, рекомендовал интеллигенции держаться подальше от мужика, который будет пытаться ее «объегорить» и «одурачить». Их взаимоотношения должны были стать только деловыми, а не «сердечными», для чего интеллигенту предлагалось сделаться «управляющим, арендатором, прикащиком, торговцем, ремесленником, мельником, содержателем перевоза и т.п.»⁴⁵. Как заметил по поводу статей Лаврского Г. И. Успенский, получалось, что рано или поздно деревенский интеллигент (выработавший в себе, по совету «Д. Ж.», определенный запас «бессердечия») должен был сам научиться обманывать мужика, как это делал обычный деревенский кулак⁴⁶.

Больше всех возмущался статьями «Деревенского жителя» бывший шестидесятник Н. В. Шелгунов. В одном из своих «Очерков русской жизни» он подверг «деловое» мышление «Д. Ж.» подробному анатомическому разбору, признав его «атавизмом мысли», «шестью назад». По убеждению Шелгунова, призыв перестать быть интеллигентом и «засесть в деревенских лавках» не мог поднять уровень экономического благосостояния народа. Для решения данной задачи вначале необходимо было сравнивать потребности деревни и городской интеллигенции, что в свою очередь требовало развитие народного мышления и народного самоуправления⁴⁷.

Хотя редакция «Недели» попыталась отмежеваться от статей «Д. Ж.», сославшись на несовпадение изложенных в ней идей с позицией газеты, кое-что общее между ними было. И Лаврский, и Абрамов понимали общественное развитие как движение снизу вверх, от личности к обществу. Отстаиваемая ими теория «малых дел» должна была убедить интеллигенцию в возможности для отдельных нравственно развитых личностей бороться с общественным злом при данных общественных условиях. Позиция Шелгунова была диаметрально противоположной. Он считал, что мир спасут «хорошие учреждения», а не «хорошие люди»⁴⁸. Поэтому с критики «Д. Ж.» Шелгунов переключается на статьи Абрамова.

Формально полемика Шелгуновым с Абрамовым началась в 1888 г. с вопроса о значении в русской жизни так называемых «светлых явлений» (примерах проявления общественной и частной инициативы в решении различных вопросов повседневной народной жизни). С точки зрения Абрамова, популяризация подобных явлений была

лучшим средством указания положительных путей, на которые «нужно выходить людям, стремящимся к улучшению мрачной действительности». Кстати, в статье «Мрачные и светлые явления» он очень больно ужалит Шелгунова, сравнив его с гробокопателем, который видит в русской жизни одни только ужасы и «смрадную пучину»⁴⁹.

Неприятие Шелгуновым общественной программы «Недели» тоже имело свои резоны. Выделим основные причины его критики теории «малых дел». Разумеется, позиция Абрамова и других сотрудников газеты «Неделя» излагается здесь со слов Шелгунова.

Первая причина заключалась в отказе «Недели» от борьбы за изменение существующих общественных условий. У Абрамова общественное служение «не идет дальше деятельности учителя, врача, агронома», поскольку он уверен, что общественно-полезная деятельность «всегда возможна». Это, по выражению Шелгунова, «умственный дальтонизм», т.к. при отсутствии государственной поддержки работать в народе могут только энтузиасты-одиночки и их деятельность всегда будет носить микроскопический характер. Вторая причина – враждебное отношение «Недели» к идейности (критическому отношению к действительности), создание культа людей средних, исполнительских способностей («маленьких деятелей»). По Шелгунову, узкий практицизм – главный источник «нашего общественного бессилия» в решении больших задач, стоящих перед русской жизнью. И еще одна причина – это стремление публицистов «Недели» убедить интеллигенцию «жить своим хлебом». Шелгунов однозначно интерпретирует его как призыв к самоуничтожению общественной интеллигенции, для которой смысл существования – в служении общественным идеалам⁵⁰.

По убеждению Шелгунова, «энергия общественного поведения» создается только идейным движением мысли, а не возбуждением единоличного чувства и личной нравственности. «Наш разброд, – доказывал публицист, – происходит не от того, что у нас недоставало личной доброжелательности или личной энергии..., наш разброд происходит только оттого, что нашими личными чувствами и личной энергией не управляют точные понятия и определенные общественные идеи»⁵¹. Иначе говоря, проблема заключалась не в «малых делах» как таковых, а в том, какие общественно-политические идеалы их освещают. Проповедуют ли они «мещанское счастье» (чего не мог принять Шелгунов) или, наоборот, заставляют интеллигенцию думать в направлении общественного блага⁵².

С еще более резкими высказываниями в адрес «Недели» выступал единомышленник Шелгунова – Н. К. Михайловский. Теорию «светлых явлений» Абрамова он называл «школой общественного разврата», а поколение восьмидесятников в целом – «тусклым туманным пятном», потому что «оно не чувствует ненависти и презрения к обыденной человеческой жизни, не признает обязанности быть героем, не верит в возможность (существования. – Г. М.) идеальных людей». Михайловский прямо обвинял публицистов «Недели» в том, что своей реабилитацией действительности они только «вторят течению реакции против идеалов недавнего прошлого», ничего нового и положительного этим идеалам не противопоставляя. «Трудное время пройдет; волна реакции отхлынет, и я, – пишет публицист, – не поздравляю тех раков, которые останутся на мели». Вообще, по мнению Михайловского, Шелгунов сделал большую ошибку, уделив позиции «Недели» столько внимания⁵³.

Шелгунов и Михайловский выражали отношение к «малым делам» представителей левого фланга народничества. По понятным причинам в их оценках было много негатива и тенденциозности. Поэтому приведем мнения и другой стороны. Тем более что на рубеже 1880–1890-х гг. силы сторонников развития общественной самопомощи значительно возросли, а их аргументация в защиту «частного почина» стала еще более продуманной и убедительной.

Для начала обратимся к отклику на полемику «Недели» с «Русской мыслью» другого идеолога восьмидесятых годов Л. Е. Оболенского. Суть спора он определил так. Что необходимо для выработки «гражданской личности», как главного двигателя прогресса: наличие учреждений или развитие у личности нравственно-общественных чувств и потребностей? Для Оболенского данный спор есть плод недоразумения, потому что «учреждения даются, берутся, создаются только личностями». «Герои гражданственности» зарождались среди самых темных эпох и обращали их в светлые. Поэтому правильная постановка вопроса, по мнению Оболенского, сводилась к выяснению того, что оказывает на развитие личности большее влияние – знания или чувства⁵⁴.

Сам Оболенский мыслил на этот счет довольно категорично. Знание, пишет он, «есть слепое, хотя и могучее орудие, как в руках добрых, так и в руках злых». Поэтому победа «благих» идей над «злыми» заключалась не в самом знании, а в «нравственной гальванизации» общества. Вера в то, что общественное сознание возбуждается

одними знаниями и они одни могут изменить руководящие идеи общества, а с ними и внешние условия, – по убеждению Оболенского, – «страшная ошибка»⁵⁵. В итоге Оболенский поддержал позицию «Недели» с ее ставкой на развитие личной инициативы интеллигенции, а не на изменение общественных форм.

Взяв на вооружение теорию самоусовершенствования личности как новый ключ к сближению общества с народом, журнал Оболенского «Русское богатство» во второй половине 1880-х гг. (в унисон с «Неделей») также начинает активную пропаганду нового похода интеллигенции в деревню. В качестве примера приведем статью доктора медицины Н. Я. Пясковского, где доказывалось положительное влияние физического труда на здоровье интеллигенции.

Обратившись к идее А. Н. Энгельгардта о значении «интеллигентных деревень», Пясковский рисует идиллическую картину добывания интеллигенцией «хлеба насущного» собственным трудом. «Профессора, прокуроры садятся на землю, гордятся своими мозолями! Неоценимый граф Толстой на старости лет не постыдился надеть рабочую блузу. Разве это не знамение времени? Сама современная жизнь, порождающая уже у нас в России умственный пролетариат, заставит и заставляет уже этих ученых нищих взяться за плуг, топор и косу. Вот почему я, – пишет профессор, – так горячо мечтаю об этом радостном будущем»⁵⁶. Далее он в радужных красках рисует картину «бегства» городской молодежи в деревню и последовавшего за этим превращения пустыни в богатые поля и благоухающие сады, а самой интеллигенции в новое поколение великих ученых. Блажен, кто верует!

Как бы в подтверждение правильности позиции народнических публицистов, в «Русском богатстве» печатаются многочисленные письма и дневники непосредственных участников культурнического движения⁵⁷.

В конце 1880-х годов с приглашением «встать в ряды народа» к демократической интеллигенции обращались не только публицисты «Недели» и «Русского богатства». Та же идея красной нитью проходила через статьи «Русского дела», «Русской мысли», «Северного вестника», посвященные вопросам народного просвещения и улучшения различных сторон народного быта⁵⁸.

В начале 1887 г. в «Северном вестнике» появилась теоретически важная статья В. С. Пругавина⁵⁹. В ней один из столпов правого народничества доказывал необходимость уважения мнений народа и

призывал «культурных людей» отказаться от всякого навязывания крестьянству каких-либо форм и распорядков в его хозяйственной жизни. «Задача интеллигенции, – писал Пругавин, – должна состоять в том, чтобы дать народу благоприятные условия для полного и мирного удовлетворения и осуществления тех запросов, тех нужд, материальных и духовных, которые исторически... развились и надели в бытовой жизни крестьянства»⁶⁰.

Каблиц в письме к Оболенскому с удовлетворением констатировал, что если редакция «Северного вестника» решила напечатать статью Пругавина рядом с «глупыми глумлениями» Михайловского над «мнениями народа», то, следовательно, народничество успело вторгнуться в «самую цитадель враждебного лагеря». Теперь «они», писал Каблиц, могли только враждовать с выразителями народнических воззрений, но не с самими воззрениями. «Удивляться этому нечего и мы оба, вероятно, в глубине души веровали в свое дело и в его будущность больше, нежели в самих себя. Народничество – стихийная сила, а мы только его первые представители»⁶¹.

Среди многочисленных публикаций с призывами заняться созидательным трудом в провинции выделяется труд Александра Пругавина (старшего брата Виктора Пругавина) «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения» (1890).

А. С. Пругавин принадлежал к поколению «кающихся дворян» 1870-х гг. За участие в деятельности московских революционных кружков он был выслан на свою родину в Архангельскую губернию, где увлекся изучением старообрядчества. В 1880-е гг. Пругавин публикует на эту тему несколько статей, но цензурные гонения заставляют его переключиться на культурно-просветительскую тематику⁶².

Книга Пругавина интересна тем, что в ней впервые в народнической литературе обобщаются практические попытки представителей трудовой интеллигенции содействовать делу народного образования созданием вольных крестьянских школ, организацией публичных народных чтений, открытием народных библиотек и читален и т.п. Автор признает, что это движение развивалось бы лучше, если встретило больше доверия со стороны правительства. В то же время, ссылаясь на опыт более развитых европейских стран, он пишет, что «задачи народного просвещения и воспитания так велики, что, как бы много не делало государство в этой области, частной инициативе здесь всегда найдется обширное поле для деятельности»⁶³.

Заявление Пругавина о необходимости самого широкого личного участия интеллигенции в решении проблем народного просвещения вызвала полемику с ним со стороны видного литературоведа и публициста «Вестника Европы» А. Н. Пыпина. В сочинении Пругавина он увидел попытку переложить обязанности государства на плечи интеллигенции, что могло свести дело народного образования к простой благотворительности⁶⁴. И все же большинство отзывов на оба издания книги носили сочувственный характер⁶⁵.

В 1891 г. в журнале «Северный вестник» в защиту тех, кто занимался так называемыми «маленькими делами», выступил еще один семидесятник – С. Н. Кривенко. На его аргументах следует остановиться подробнее, потому что они выводили проблему соединения в общественном движении идейности и практичности на новый уровень ее понимания.

Смысл позиции Кривенко прост. Только человек, ранее занимавшийся пусть маленьким, но действительно полезным делом «для бедного и темного русского народа», сможет стать по-настоящему деятельным земцем и дойти до сознания зависимости успеха любого общественно значимого вопроса от масштаба и глубины его постановки⁶⁶. В данном случае «малое дело» представлялось первой ступенью к «делу большому», его необходимой составной частью, а не противопоставлялось ему в виде чего-то независимого и самодовлеющего, как у сторонников теории «малых дел».

Конкретное приложение данный подход получил в конце 1891 г., когда вследствие засухи и неурожая начался голод в Поволжье. Высказывая свои соображения о мерах помощи голодающим, Кривенко настаивал на свободном доступе к ним частных лиц. Размер их благотворительности был невелик, но своим нравственным примером единицы могли пробудить инициативу более широких слоев общества и тем самым стимулировать принятие правительством мер, действительно необходимых для прекращения народного бедствия⁶⁷. Иначе говоря, пропаганда «малых дел» являлась для Кривенко практическим средством развития самодеятельности общества, которому больше угрожала не опасность увлечься полумерами, а полное бездействие.

Полемика 1880–1890-х гг. о «малых» и «больших» делах дала впоследствии обильную пищу для дискуссий среди исследователей народнической мысли. Для марксистских историков теория «малых дел» – важное свидетельство идейного кризиса народничества, отка-

за от идей революционного преобразования общества и начала его либерального перерождения. Поэтому преодоление влияния этой теории марксистами долгое время преподносилось как важный шаг вперед в развитии общественной мысли⁶⁸. Современные исследователи, как правило, стремятся уйти от идеологических оценок идейных исканий правого народничества, находя в них не только слабости, но и несомненные достоинства.

Капитализм подрывал благосостояние народа, безжалостно разрушая хваленые народниками общинные устои. Все это заставляло новое поколение идеологов интеллигенции по крайней мере на время забыть о широких общественных задачах, связанных с устранением коренных причин народных болезней и задуматься о необходимости оказания деревни неотложной культурной помощи в ее повседневной борьбе за выживание. В исторической литературе этот поначалу тихий и малозаметный процесс по перемещению трудовой интеллигенции из столиц в провинцию получил громкое название «второго хождения в народ»⁶⁹.

С другой стороны, надежды идеологов «малых дел» на то, что все великие социальные вопросы можно разрешить сознательным и честным исполнением трудовой интеллигенцией своих профессиональных обязанностей не оправдались. Увлечение общества «малыми делами» и отказ от борьбы за политические преобразования – это, конечно, тоже крайность, которую народническая интеллигенция хорошо осознала после голода 1891–1892 гг. Кроме того, историки обращают внимание на то, как преднамеренный уход наиболее здравомыслящей части интеллигенции из политики в сферу хозяйственных дел лишил прогрессивную общественность возможности противодействовать экстремистам справа и слева, которые, в конце концов, ввергли страну в водоворот трех российских революций⁷⁰.

Однако было бы несправедливо возлагать ответственность за кровавые события начала XX века на Каблицу, Абрамова и их единомышленников, которые как раз и пытались противодействовать распространению в обществе идеи политического насилия как «локомотива истории». Теория «малых дел» предполагала отказ от непосредственного введения в России социализма из-за отсутствия для него социокультурных предпосылок (способности народа стать движущей силой этого процесса). Отсюда призыв народнической «Недели» к новому «хождению в народ» на «культурную работу». Ее цель – развитие самодеятельности трудящихся масс при помощи

системы экономических и культурно-просветительских мероприятий (с использованием легальных средств – печать, земство, кооперация). В стремлении доказать необходимость приобщения народа к общечеловеческой культуре как важнейшего условия практической цивилизации России и состоит главное значение общественной деятельности теоретиков «малых дел».

4.2. Попытки реформирования доктрины народничества в первой половине 1890-х гг.

К началу 1890-х гг. в русском легальном народничестве по-прежнему сохраняли силу два основные идейно-тактические направления. Это «социальщики» (сторонников неотложных социальных преобразований в интересах простого народа) и «политики», доказывающие, что первоочередная задача интеллигенции – завоевание политических свобод.

Практические задачи деятельности интеллигенции на пользу народа требовали смягчения разделяющих ее разногласий. На этой почве примерно с конца 70-х гг. XIX века между правым и левым флангами легального народничества начинает складываться еще одно идейно-тактическое направление, обнаружившее стремление к консолидации всех конструктивно мыслящих сил в интересах подъема общего уровня жизни народа, приобщения его к просвещению и цивилизации.

Следует отметить, что сторонники данного направления (В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко, П. В. Засодимский, А. М. Скабичевский, Н. М. Астырев) были ближе к правому крылу легального народничества, чем к левому. Задачи культурной работы интеллигенции в деревне заметно преобладали в их программе общественных преобразований над задачами политическими. Поэтому, как правило, их относят к одной команде с И. И. Каблицем-Юзовым и В. С. Пругавиным.

С конца 1870-х гг. идею создания особого, «синтетического» течения в народничестве, призванного примирить крайности «поборника народа» И. И. Каблица-Юзова и «поборника интеллигенции» Н. К. Михайловского активно разрабатывал Л. Е. Оболенский.

Став во главе «Мысли» (1880–1882), Оболенский, несмотря на идейную и личную близость к Юзову, попытался превратить свой журнал в орган всей народолюбивой интеллигенции. По его убежде-

нию, установление истины требовало согласия голосов всех «здоровых и здравых» общественных партий, ибо каждая партия есть «кусочек, неотъемлемый орган целого, живого общественного тела»⁷¹. Поэтому «мы, – писал Оболенский в статье “Наше направление”, – всегда провозглашали... чувства положительные, созидающие, творческие: любовь, альтруизм», «в наших идеях – стремление к синтезу, к отысканию даже в мнении противников доли истины, а в мнении единоверцев – ошибок и заблуждений». «Мы были и остаемся *синтетиками*; объединителями всего здорового и полезного для страны и народа, какой бы партии ни принадлежало это хорошее»⁷².

Попытки Оболенского синтезировать «поборников интеллигенции» и «поборников народа» на основе эволюционной теории развития общества продолжались и в «Русском богатстве» (1883–1891). Представляя интеллигенцию и народ как различные органы одного и того же тела, Оболенский стремился разработать такую общественную программу, в которой их потребности и нужды согласовывались между собой. Руководствуясь этой задачей, он призывал интеллигенцию забыть свои планы опекунов над народом. Деревне были необходимы не благодетели, а простые оплачиваемые работники, хорошо знающие свою специальность. Их первейшая обязанность – вооружить мужика «культурными средствами» борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство). Такие люди, уверял своих читателей публицист, станут «героями расцвета народной жизни», первыми пионерами, которые засыпят пропасть непонимания между «миром мысли» и «миром земледельческого труда»⁷³.

Оболенский высоко оценивал роль в общественной жизни разумно-сознательных целей. Упразднить в обществе идеалы и думать, что от этого будет спокойнее, по словам публициста, все равно, что сбросить с телеги кучера и воображать, что от этого будет лучше⁷⁴. Однако уже в середине 1880-х гг. Оболенский вынужден был признать, что в данное время объединение нескольких групп под одним идеалом – это утопия, т.к. идейная борьба между ними разгорелась с новой силой. Конкретно он имел в виду разногласия по вопросу о роли в общественной жизни России народа и интеллигенции, которые обострились в связи с деятельностью народолюбцев⁷⁵.

Наличие в обществе идейных противоречий Оболенский считал одним из главных законов развития человеческой мысли. В 1880-е гг., по свидетельству публициста, ожидалось, что тезис «поклонников»

народа и антитезис «защитников» интеллигенции примирятся в синтезе, соединяющем те доли истины, которые содержались у этих групп. Но случилось нечто совершенно особое. Крайности не соединились, т.к. для этого требовался «посторонний» связующий элемент. Оболенский назвал его новым морально-этическим народничеством, которое ставило во главу угла не народ и не интеллигенцию, а человеческую личность. Почва для его появления содержалась в статьях о прогрессе Михайловского и социологических этюдах Каблицы-Юзова. Но, по словам Оболенского, оба они остановились на половине пути к перемене общественного мирозерцания, поскольку их идеалы жизни были идеалами среды (общественного устройства), а не идеалами личности⁷⁶.

В журналах Оболенского печатались известные ученые и писатели, но большой популярности у демократической интеллигенции его идеи не приобрели. Причиной тому послужило не столько «засилье» школы Михайловского⁷⁷, сколько неспособность передовой русской интеллигенции к объединению под единой общественной программой. Впрочем, идейные поиски Оболенского пока еще не выходили за рамки идеологии «малых дел». Не случайно желанным гостем и в «Мысли», и «Русском богатстве» был Каблицы-Юзов.

Во второй половине 1880-х гг., окончательно убедившись в неготовности интеллигенции к объединению под одним общим идеалом, Оболенский все больше эволюционирует вправо и становится одним из яростных защитников морально-этических исканий Л. Н. Толстого. Отныне издатель «Русского богатства» будет развивать свои народнические идеи в «толстовском» духе, делая упор на умственное и нравственное самосовершенствование личности, как главное условие всех позитивных общественных изменений⁷⁸.

С начала 1890-х гг., после публикации в «Русском богатстве» серии статей под названием «Попытки обоснования народничества», главным теоретиком умеренно правого течения легальной народнической мысли становится Воронцов. Его звезда взошла на небосклоне русской литературы на рубеже 1870–1880-х гг., когда началось постоянное сотрудничество бывшего земского врача в «Отечественных записках». Кстати, утвердиться в этом новом качестве ему помог не кто иной, как Михайловский⁷⁹.

Все энциклопедические словари представляют Воронцова как известного русского экономиста, социолога и публициста, посвятившего свои главные труды выяснению вопроса об общих условиях

развития капитализма в России и его негативном влиянии на состояние народного хозяйства. О других сторонах общественной деятельности «В. В.» и, в частности, о его непосредственном участии в народническом движении 1870–1890-х гг. известно очень мало⁸⁰. Причина тому – крайняя скудость сохранившихся о Воронцове мемуарной литературы и архивных материалов. Например, до сих пор не обнаружен его личный архив, где могла содержаться переписка Воронцова с выдающимися общественными деятелями того времени С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловским, Н. Ф. Даниельсоном, А. Н. Пыпиным, Л. З. Слонимским, К. К. Арсеньевым и, возможно, с членами семьи К. Маркса.

Воронцов изначально занимал в народническом лагере особую позицию. Он был одним из тех теоретиков легального народничества, кто обосновывал необходимость развития политического сознания народа на почве борьбы за улучшение его экономического и правового положения, т.е. пытался согласовать «политику» и «экономику», свободололюбивые устремления прогрессивной интеллигенции и непосредственные нужды народных масс. Не случайно в 80-е гг. XIX в. «В. В.» был близок и к публицистам «Северного вестника»⁸¹, представлявшим западническую ветвь русского народничества, и к народникам-самобытникам.

В середине 1880-х гг. Воронцов на несколько лет переселяется в Москву, где более тесно сближается с кружком Н. Н. Златовратского. На субботках у автора романа «Устой» собирались В. С. Пругавин, С. Н. Южаков, писатели К. М. Станюкович и Д. Н. Мамин-Сибиряк. В 1885–1886 гг. участники кружка организовали съезд, на котором были выработаны основные тезисы программы «народников-самобытников». Их «кредо», по своему характеру близкое к идеологии «Недели», заключалось в признании служения идеалам народа, а не его интересам (на чем настаивали сторонники принципа «все для народа, но не при посредстве его»), ибо «идеалами определяются интересы, а не наоборот». В том, что народные идеалы существуют и жизнь деревни нельзя сводить к «зоологической правде», никто из окружения Златовратского не сомневался⁸².

В 1888 г. Златовратский и Воронцов для пропаганды своих взглядов задумали выпускать научно-литературный журнал «Эпоха». Согласие на участие в нем дали Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, С. Н. Кривенко, С. Н. Южаков, Я. В. Абрамов, А. С. и В. С. Пругавины, А. И. Эртель, А. П. Чехов и некоторые

другие известные литераторы⁸³. Летом того же года Воронцов ездил в Сумы к своим знакомым, чтобы раздобыть средства на издание нового журнала. Находящийся там Чехов писал в полушутливой манере А. Н. Плещееву: «К Линтваревым приехал полубог Воронцов – очень вумная политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России»⁸⁴.

Первый и единственный номер народнической «Эпохи» вышел в конце октября 1888 г. Еще до его появления Златовратский и Воронцов в газете «Русские ведомости» (за 17 октября) известили всех, кого они привлекли к сотрудничеству, что выходят из редакции журнала из-за разногласий с издателем А. П. Калачевским⁸⁵.

Во второй половине 1880-х годов статьи Воронцова охотно печатали самые известные либеральные журналы того времени – «Русская мысль» В. А. Гольцева и «Вестник Европы» К. К. Арсеньева. По свидетельству В. В. Бартенева, в обстановке правительственных репрессий никакой розни между народниками и либералами тогда не замечалось. На совместных вечеринках они «благодушно» спорили о «сравнительной желательности» в России политических и экономических реформ. На одном из таких собраний у юриста М. И. Свешникова в самом конце 1880-х гг., либерал Арсеньев отстаивал приоритет введения в стране конституции, а оппонирующий ему народник Воронцов утверждал, что в России нет почвы для борьбы за политические свободы из-за слабости русской буржуазии и образованного общества⁸⁶. Позднее он назовет ошибочным утверждение, что улучшение политических форм выгодно только привилегированным классам. Свобода сама по себе – фактор, благоприятствующий развитию общества. Но «при отсутствии материального обеспечения на одной стороне и при наличности экономической силы на другой, – свобода рядом с благотворными влияниями будет иметь результаты и прямо противоположные»⁸⁷.

К насильственному свержению самодержавия Воронцов никогда не призывал. Многие критики народников-реформистов, особенно первые русские марксисты, объясняли их отказ от конфронтации с властью надеждами на изменение правительственной политики в отношении крестьянства. С легкой руки Г. В. Плеханова Воронцов удостоился клейма «сторонника абсолютизма» и «злейшего реакционера»⁸⁸. На самом деле со студенческих лет Воронцов принимал непосредственное участие в русском освободительном движении,

цель которого, по его словам, состояла в демократизации экономического и политического строя России⁸⁹.

Говоря о преобразовательной миссии государства, Воронцов однозначно не имел в виду российский полицейский государственный строй, гнилость которого в полной мере проявилась в начале века⁹⁰. Чтобы стать народным, существующий в России политический режим должен был внутренне переродиться. Главная проблема, по мысли Воронцова, заключалась в том, что против идеи народовластия выступал сам народ, который в силу своей социокультурной неразвитости не представлял себе русского государства без «батюшки-царя».

В общественно-литературной деятельности Воронцова наибольший интерес представляет первая половина 1890-х гг., когда зарождается новый общественный подъем. Именно в это время Воронцов попытался осуществить реформу народничества с тем, чтобы привести его программу и тактику в соответствие с новыми запросами русской жизни.

В январе 1892 г. Кривенко с помощью Воронцова и других близких к ним по взглядам людей приобретает у Оболенского журнал «Русское богатство». Цель нового периодического издания состояла в объединении всех течений народнической мысли, не имевших своего органа со времени прекращения «Дела» и «Отечественных записок». До этого народники пытались обосноваться в «Северном вестнике», но после перехода в апреле 1891 г. издательских прав к Л. Я. Гуревич они были вытеснены оттуда символистами.

Главными теоретиками «Русского богатства» изначально выступали Кривенко и Воронцов. Первый из них, помимо выполнения редакторских обязанностей, на протяжении 1892 г. вел в журнале раздел «Хроника внутренней жизни». Основной проблемой обзоров Кривенко стал «вопрос о мужике», силой обстоятельств (голод в деревне 1891–1892 гг.) выдвинувшийся в центр общественного внимания. Причины страшной народной беды Кривенко связывал не только с общим упадком крестьянского хозяйства, но и с утратой передовым обществом способности к согласованным действиям на благо многострадального русского народа. Весомую долю ответственности за упадок общественной самодеятельности народнический публицист возлагал на столичную печать, которая «предала забвению» идею служения народным интересам, лишив общество руководящих принципов и общего плана деятельности. Верность идейному насле-

дию 1860–1870-х годов, по убеждению Кривенко, продолжало хранить только народническое направление, за что и подвергалось яростным нападкам со стороны тех, кто стремился к ревизии «наследства отцов»⁹¹.

Одним из таких «ревизионистов» Кривенко называл В. С. Соловьева. Известный русский философ, действительно, не сочувствовал народничеству. В его понимании специфической чертой данного течения было отрицание самостоятельного значения образованного класса и вытекающее отсюда требование уподобления народу. Стремление народников «жить как мужики», в отрыве от привычных умственных занятий, Соловьев считал не только ложным, но и греховным (как «идолопоклонничество»). Опрощение интеллигенции лишало народ возможности приобщения к достижениям общечеловеческой культуры, закрепляя его бедственное положение⁹².

Защищая народничество, Кривенко, прежде всего, попытался отделить от него толстовцев⁹³, которым «до народа никакого дела нет» и Иосифа Юзова, также не являющегося его воплощением. По убеждению Кривенко, народничество – это большое умственное течение, раздробившееся на несколько групп и оттенков. Одни народники стремились улучшать народное хозяйство, другие занимались вопросами народного просвещения, здравоохранения, защитой юридических прав крестьян, третьи шли в народ, чтобы просто «жить к нему поближе и делать все, что могут» и т.д.⁹⁴. Вот почему приписывание народникам отрицания культуры, непонимания значения хозяйственных улучшений народного быта, преувеличение тяготения части интеллигенции к «опрощению» (поспешно сводимому к хождению в лаптях) оценивались Кривенко как крайность⁹⁵.

Ответом на поставленный Кривенко вопрос, «на чем обществу сойтись и в каком направлении действовать», стала серия статей Воронцова под названием «Попытки обоснования народничества»⁹⁶. В этой работе Воронцов взял на себя смелость объяснить происхождение и дать теоретическое обоснование основных принципов практической политики народничества, сложившихся за последние 20 лет его истории. Таких принципов «нового народничества» он выделяет три: «народные интересы, как цель; формы, вырабатываемые коллективной мыслью народа или другие, соответствующие его желаниям, как средство; и самодеятельность населения, как рычаг общественной эволюции». Осуществление этих «благих пожеланий» русского народничества, по убеждению Воронцова, требовало «ум-

ственного подъема массы», который он и определял в качестве главной задачи переживаемого момента⁹⁷.

Таким образом, под народничеством Воронцов понимал временное движение среди интеллигенции, которое имело смысл до тех пор, пока привилегированное общество являлось главным фактором общественной эволюции России, а его интеллигенция – «авангардом прогрессивного движения». Но оно должно было потерять смысл своего существования после того, как народные массы приобщатся к сознательному участию в прогрессивном развитии страны⁹⁸.

Воронцов специально замечает, что «наша характеристика народничества относится, так сказать, к **среднему** (выделено мной. – Г. М.) его течению». Автора «Основ народничества» Каблиця-Юзова он характеризует как «крайнего представителя» народнической мысли, учение которого требует поправок и дополнений. Воронцов, в частности, критикует недооценку Каблицем роли в поступательном развитии общества науки и знания⁹⁹.

Свое отношение к левому флангу народничества Воронцов нигде открыто не выражает. О Михайловском, который тогда еще не входил в редакцию «Русского богатства», он упоминает вскользь в связи с письмом К. Маркса в редакцию «Отечественных записок». Но стремление нового «реформатора» народничества отмежеваться от представителей политического радикализма обнаруживается, когда он пишет о русских либералах. По мнению Воронцова, эта часть интеллигенции «не поняла существеннейшего смысла реформы (1861 г. – Г. М.), заключающегося в устранении пут, связывавших самостоятельность народа; не заметила той перемены в чувствах и мирозерцании массы, которая превращает прежнего раба в свободного гражданина, ищущего не опеки, а свободного развития... Ей кажется, что ничего этого в мужике еще нет, что крестьянин продолжает оставаться взрослым ребенком, которого нужно оберегать, учить, водить на помочах, но который неспособен к самостоятельному шагу...; она решается, как в эпоху рабства народа, все бремя прогресса держать на своих плечах»¹⁰⁰. Из рассуждений Воронцова читатель, видимо, должен был сделать вывод, что идею активного сближения интеллигенции с народом с целью превращения последнего в главную движущую силу социального прогресса отстаивали только народники «Русского богатства».

Предпринятая Воронцовым попытка разобраться, что представляет собой современное народничество, вызвала в обществе боль-

шой резонанс. На него нападали и справа (Л. А. Тихомиров¹⁰¹), и слева (Г. В. Плеханов¹⁰²).

Более взвешенной и конструктивной оказалась либеральная критика. Она признала предложенную Воронцовым формулировку народничества свободной от крайностей его предшественников¹⁰³.

Одним из наиболее ярких оппонентов «В. В.» оказался А. Н. Пыпин, который единолично написал в опровержение теорий народничества чуть ли не больше, чем все народники в свою защиту. Особое неудовольствие вызвало у него критическое отношение Воронцова к либеральной программе преобразований политических форм, якобы отвечающей интересам одних привилегированных классов. В данном случае, указывает Пыпин, «народническая теория забывает одно, что именно политические формы, т.е. известные гражданские установления, дают возможность той общественной самодеятельности, которая сближает общество с народом и в которой интеллигенция может работать для народа»¹⁰⁴. Полемике с Пыпиным Воронцов посвятил специальную статью в апрельском номере журнала¹⁰⁵. Больше публиковаться в «Богатстве» ему не пришлось.

В ноябре 1892 г., уступая усердным приглашениям Кривенко, в редакцию «Русского богатства» входит Михайловский. Интересно, что покупку необеспеченного средствами и к тому же подцензурного журнала он считал «большой глупостью» и даже год спустя все еще не верил в его будущий успех¹⁰⁶. «Я временно работаю в нем и потому не порываю с «Русской мыслью», – сообщает Михайловский одной своей знакомой, – “Сереженька” (Кривенко) просил меня об этом. Он убежден, что появление моих статей в декабре и январе создаст подписку, а то дела журнала очень плохи»¹⁰⁷. Благодаря Михайловскому «Русское богатство» действительно пошло в гору и превратилось в один из наиболее влиятельных и распространенных органов печати, почетного продолжателя традиций «Отечественных записок».

В середине 1890-х годов Михайловский находился в апогее своей популярности. Демократическая интеллигенция считала его одним из последних хранителей идейного наследия А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского.

Став фактически главным редактором «Русского богатства», Михайловский приступает к выравниванию идейной линии журнала. Легко догадаться, кто из сотрудников меньше всего подходил к его новому общественно-политическому направлению.

Кампания по «выдворению» Воронцова из журнала началась в феврале 1893 г. после публичного отказа Михайловского от чести называться народником. Свое решение он объяснил тем, что это слово «слишком захватано и в него нередко вкладывается смысл, с которым мы имеем мало общего»¹⁰⁸. «Мы» – это, прежде всего, Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский и В. Г. Короленко. Кстати, последний из них больше всех убеждал Михайловского, что «лучше отступить от клички, чем нести ответственность за благоглупости правого крыла народничества»¹⁰⁹.

Предоставив Воронцову возможность свести его «старые счеты» с критиком из «Вестника Европы», Михайловский в том же апрельском номере журнала заявил, что редакция «Русского богатства» считает весь полемический эпизод, связанный с теорией народничества «В. В.», исчерпанным. Как бы подводя итоги этой полемики, Михайловский заметил, что ни «В. В.», ни «А. В-н» (Пыпин) так и не продвинулись вперед в вопросе о народничестве. Для этого нужны не защита и не опровержение разных народнических теорий, а «что-то другое»¹¹⁰.

После лишения Воронцова права отстаивать свою доктрину на страницах «Русского богатства», редакция, очевидно, посчитала вопрос о его участии в журнале закрытым. Однако сам Воронцов рассуждал иначе. В «Богатстве» у него остались «товарищи по направлению», которые развивали такие же идеи.

В 1892 г. С. А. Ан-ский (Раппопорт)¹¹¹ в «Очерках народной литературы» так же как и Воронцов доказывал, что народу в первую очередь нужен был помощник-просветитель, который «осветил бы ему светом знания его собственные коренные устои и все внешние условия теперешней жизни»¹¹².

В течение 1893 г. журнал опубликовал серию статей Кривенко в защиту деятельности в деревне «культурных одиночек». Эту тему Кривенко выбрал не случайно. Собранный им материал о попытках культурных людей «сесть на землю», о подвижнической деятельности в деревне «независимых» (от властей) агрономов, медиков, педагогов и т.д., свидетельствовал о том, что культурно-просветительское движение в провинции превращалось в осязаемый фактор общественной жизни страны.

Тщательно отбирая разрозненные факты, автор представил довольно разнообразную и интересную галерею фигур, характеров, убеждений, задач и целей. В разных видах и качествах приходили

эти люди в деревню. Но и врача Г. Таирова, и учителя Г. Орла, и устроителя артельных сыроварен Н. Верещагина, и многих других, им подобным, объединяло стремление нести в деревенскую тьму «свою душу и знания». Эти люди энергичны и деятельны, что особенно выделяло их на фоне безразличной и пассивной общественной среды. Они не герои, но стремились выполнить то, что при иных условиях «должно было бы делать все образованное общество». И «вряд ли кто-нибудь имеет право смотреть на них сверху вниз»¹¹³.

Кривенко явно симпатизировал общественной деятельности «трудовой» интеллигенции, призывая и остальных одобрять «каждую активную попытку к добру». В то же время он признавал, что по сравнению с масштабами действительных потребностей народа труд «культурных одиночек» имел незначительные результаты. Причины этого Кривенко видел как в отсутствии материальной и нравственной поддержки подвижнической деятельности интеллигенции со стороны государства и общества, так и в их собственной малочисленности и разрозненности, слабых связях с земством и другими местными учреждениями, способными хоть как-то координировать и поддерживать эту «полезную и возвышенную деятельность»¹¹⁴.

Таким образом, идею сплочения демократической интеллигенции вокруг задачи «умственного подъема» народа (как первого шага по пути его превращения в активного участника русского освободительного движения) разделяли и другие сотрудники «Русского богатства».

Все это позволило Воронцову считать позицию редакции журнала следствием неприязненного отношения к нему Михайловского. Руководствуясь данными соображениями, Воронцов оставлял за собой право требовать продолжения своего участия в «Русском богатстве».

Свое несогласие с «критическим народничеством» Михайловского Воронцов выразил в статье «Печать и мирозерцание общества», опубликованной в сборнике «Путь-дорога» (1893). В ней доказывается, что печать как «центральная интеллектуальная лаборатория страны» могла выполнять свои прогрессивные функции и при ограниченной свободе слова. В соответствии со своей любимой идеей о прямой зависимости условий общественной деятельности от уровня развития самодеятельности общества Воронцов приходит к выводу о том, что главная задача печати – «способствовать устранению общественной апатии путем возбуждения активной работы мысли интеллигентного человека». Для этого руководители русской журналистики должны были иметь не программу «чаяний и надежд», оправ-

дывавшую бездеятельность общества, а программу деятельности, которая «при данных условиях возможна и необходима». А между тем, продолжает Воронцов, во главе прогрессивной русской печати по-прежнему находятся «старые силы», «представители приподнятого состояния мысли и духа недавнего прошлого» (явный намек на Михайловского), которые, несмотря на изменение настроения общества, отказываются от пересмотра оснований прежних практических формул, потерпевших *fiasco*¹¹⁵.

Затронутые Воронцовым вопросы о ближайших задачах печати, конечно, не могли не вызвать полемики с ним со стороны Михайловского, известного к тому времени критика «новых слов» правого народничества (Червинского, Каблицы-Юзова, Лаврского). Характеристике взглядов «В. В.» он посвятил специальную статью в своем октябрьском обозрении «Литература и жизнь» (1893 г.).

Михайловский аттестовал Воронцова как «одностороннего и очень путаного мыслителя», совершенно не компетентного в неэкономических вопросах, разбираемых в «Наших направлениях» и статье «Печать и мирозерцание общества». По мнению Михайловского, формула «нового народничества» поставила Воронцова в один ряд с Каблицем-Юзовым. Оба «правоверных» идеолога народничества преклонялись перед коллективной мыслью и желаниями народа, идеализировали выработанные им общественные формы (общину и артель) и не доверяли русской интеллигенции роли учителя трудящихся масс. Еще одну серьезную ошибку Воронцова он увидел в том, что свой экономический тезис (о невозможности полноценного развития капитализма в России) тот возвел в ранг социологической доктрины, отрицающей значение борьбы за политические свободы, будто бы выгодные только буржуазии¹¹⁶. Прямо о необходимости свержения самодержавия Михайловский, разумеется, написать не мог, но его позиция хорошо известна по другим источникам, например, по воспоминаниям П. П. Перцова. «В том-то и беда, – говорил ему Михайловский в одной из частных бесед, – что эта идея далеко не пользуется таким признанием, как в свое время идея освобождения крестьян. Многие сомневаются и даже отвергают ее... Поэтому мы так и слабы»¹¹⁷.

Отношение Воронцова к позиции Михайловского было подробно изложено в статье «Ответ моим критикам». В ней Воронцов попытался уличить своего оппонента в приписывании ему взглядов, на самом

деле нигде не высказываемых¹¹⁸. Эта статья изначально предназначалась для «Русского богатства», но увидела свет только в 1907 г.

С точки зрения Воронцова, господствующее положение в народничестве политического направления являлось одним из признаков ослабления русской интеллигенции, отказавшейся от идеи «хождения в народ», но так и не сумевшей достигнуть своих целей без его (народа) непосредственной помощи и участия. Опираясь на данный факт, Воронцов настаивал на пересмотре прежних практических формул народников-политиков и призвал интеллигенцию к новому (культурно-просветительскому) походу в деревню¹¹⁹.

По свидетельству Михайловского, на представленной Воронцовым рукописи он написал: «лично я не имею ничего против напечатания статьи, но полагаю, что в интересах как «Русского богатства», так и самого Воронцова, этого делать не следует». Спор с автором «Наших направлений» мог стать бесконечным, учитывая, что с критикой его книги выступили М. А. Протопопов (новый сотрудник «Русского богатства»), Л. З. Слонимский и некоторые другие публицисты¹²⁰. В итоге Воронцову было предложено опубликовать свой ответ Михайловскому в другом печатном органе.

В июне 1894 г. Воронцов посылает в Редакционный комитет «Русского богатства» официальное заявление с просьбой объяснить ему мотивы отказа в праве самозащиты на страницах журнала, деятельным сотрудником которого он был до прихода в редакцию Михайловского. Сам он видел причину в составе редакции, члены которой злоупотребляют своими правами¹²¹. Справедливости ради подчеркнем, что решение по заявлению Воронцова принималось коллегиально. Очередное заседание Редакционного комитета состоялось в октябре 1894 г. Большинством голосов (против одного – Кривенко) комитет признал публикацию статьи «Ответ моим критикам» неудобным для журнала, поскольку полемика Воронцова с Пыпиным «уже обнаружила существенное отклонение его мировоззрения от направления журнала»¹²².

Постановление комитета о разрыве редакции с Воронцовым имело далеко идущие последствия. Прежде всего, оно до предела обострило отношения Кривенко с Михайловским, которых полтора десятка лет связывала тесная и даже трогательная мужская дружба. «Я удивляюсь твоему решению относительно статьи В. В.», – писал Кривенко Михайловскому в конце 1893 г. Это он посоветовал другу «хоть для приличия» отдать статью, ставшую для «Русского богат-

ства» яблоком раздора, на обсуждение Редакционного комитета¹²³. Но дальнейшее развитие внутриредакционных разногласий привело к полному и окончательному разрыву между этими двумя народническими теоретиками.

Последнее совместное заседание редакции «Русского богатства», после которого Кривенко и его единомышленники вышли из журнала, произошло в начале декабря 1894 г. Непосредственный участник событий известный беллетрист-народник П. В. Засодимский, спустя много лет, вспоминал, что «оно оставило отвратительное впечатление». Так, на его вопрос к собравшемуся «цвету интеллигенции», известны ли причины, по которым Сергей Николаевич (Кривенко. – Г. М.) уходит из «Русского богатства», чей-то голос за всех ответил: «Конечно, известны!» «Некоторые из пайщиков, перед этим “возмутившиеся”, промолчали, – и лишили меня возможности говорить». Кривенко тоже промолчал. Он обещал Засодимскому когда-нибудь объяснить свое отношение к «Русскому богатству», но так этого и не сделал. «Вынудили уйти человека, – заключает писатель, – и только»¹²⁴.

По другим сведениям, «цвет интеллигенции» обвинял Кривенко в поддержке им Воронцова, лишённого редакцией права печататься в журнале, и в его благосклонном отношении к пропаганде теории «малых дел» Я. В. Абрамовым¹²⁵. Имели место здесь и так называемые «привходящие обстоятельства». Кривенко плохо ладил с А. И. Иванчиным-Писаревым и В. Г. Короленко, недовольными тем, как он справляется со своими редакторскими обязанностями¹²⁶.

И все же главную роль в расколе «Русского богатства» сыграли более веские причины, чем личные симпатии-антипатии. Речь идет о постепенном обострении идейных разногласий между его ведущими сотрудниками. Об их содержании Михайловский в общих чертах сообщал в одном из писем Н. С. Русанову. «Отщепеншиеся сотрудники слишком уж гнули, кто в сторону “маленьких дел” и “светлых явлений”, кто в сторону народничества на подкладке экономического материализма, т.е. с фырканьем по адресу политики (у нас это так складывается, хотя не у всех, конечно)»¹²⁷. Это и был наиболее острый пункт разногласий между умеренно правыми народниками, по-прежнему отстаивающими принцип «все для народа и посредством народа», и политизированной фракцией «Русского богатства», отрицающей возможность осуществления второй части этого принципа на почве существующих политико-правовых порядков¹²⁸.

После «голодного дела» 1891–1892 гг. в окружении Михайловского окончательно укрепляется убеждение, что программа преобразований страны, базирующаяся на экономическом укреплении общины как очага альтруизма и залога некапиталистического развития страны, отвергается самим ходом пореформенного развития России¹²⁹. Необходимо было, писал Михайловский, отказаться от «горделивого самообмана», что коллективная мысль простого народа совпадала с социальными идеалами передовой интеллигенции и перестать сводить ее насущную задачу к развитию общественной самодетельности трудящихся масс, на чем настаивал «В. В.»¹³⁰.

В действительности, многие защитники идеи органической культурной работы не отрицали необходимость политической демократизации страны. Только в отличие от Михайловского они не верили, что «скороспелая» политическая реформа, вырванная у правительства радикальной интеллигенцией, это самый короткий путь к превращению полицейского государства в правовое. Однако нельзя не признать, что в обстановке возрастания политической активности русского общества идея затяжной работы в народных массах (над подъемом ее материального и культурного уровня жизни) находила все меньшую поддержку в кругах передовой молодежи. В 90-е гг. XIX в., окончательно утратив веру в социалистические задатки общины, радикальная интеллигенция вынашивала планы ликвидации устаревшей государственной системы путем политического поворота. Не случайно редактируемые Воронцовым и Кривенко журнал «Новое слово» и газета «Сын отечества» быстро прекратили существование, а обновленное «Русское богатство», меняя названия, пережило все три российские революции и было закрыто большевиками в 1918 г.

В данной главе мы исследовали развитие легально-народнической мысли в период ее преобладания в народничестве. Оно пришлось на середину 1880-х – первую половину 1890-х гг., когда теоретики «Недели» и «Русского богатства» попытались консолидировать демократическую интеллигенцию вокруг идеи нового «хождения в народ» на «культурную работу».

В целом рассмотренный период можно охарактеризовать как эпоху «зрелого народничества».

Во-первых, именно в эти годы число земских служащих превысило десять тысяч человек (целая армия подвижников-интеллигентов, воспитанных на идее служения народу). Следовательно, «хождение в земства»¹³¹ имело место быть, только протекало оно неза-

метно, ибо не было окружено ореолом мученического самопожертвования. Переориентация значительной части народнической интеллигенции на идеологию «незаметного служения» впервые сделало ее живой силой общественного строительства. Деятельность земских учреждений и «культурных одиночек», несмотря на их ограниченные возможности, способствовала развитию инициативы и самостоятельности пореформенного русского общества, что, в сущности, и явилось одним из главных источников экономических и культурных достижений России в конце XIX – начале XX в.

Во-вторых, к середине 1880-х гг. легально-народническая мысль прошла полный инверсионный цикл развития (от аполитизма к политике и обратно). Это создало почву для перехода от инверсии к медиации – индуктивной верификации теорий и программ народников предшествующего времени, стимулировавшей интенсивное развитие народнической мысли (но при сохранении инверсии и циклического характера развития легально-народнической мысли). Прежде всего, речь идет о прикладных исследованиях положения пореформенного крестьянского хозяйства на основе развития земской статистики.

Наконец, в данный период внешние причины идейной эволюции народничества все более уступают место внутренним причинам, связанным с «собственной жизнью» его идеологической системы, что вполне отвечает логике развития любой системы¹³². А это означало, что успех деятельности интеллигенции начинает напрямую зависеть от расстановки сил внутри народнического движения и прежде всего среди его лидеров. Неслучайно начало кризиса легального народничества совпало с расколом в «Русском богатстве».

П р и м е ч а н и я

¹ Златовратский Н. Вопросы времени (Письма к старым друзьям). Письмо первое // Русское богатство. 1885. № 3. С. 664, 667, 671.

² Напр., тот же Н. Н. Златовратский во второй половине 1880-х гг. буквально бегал от молодежи, донимавшей его вопросом: что же нам делать? См.: Кранихфельд В. Н. Н. Златовратский // Современный мир. 1912. № 1. С. 317.

³ П. Ч. [Червинский П. П.] На что надеяться? (По поводу «новых веяний») // Неделя. 1880. № 50. Стб. 1651–1653.

⁴ Передовая // Неделя. 1884. № 43. Подробнее см.: Бялый Г. А. В. М. Гаршин и литературная борьба 80-х годов. М.; Л., 1937. С. 100–101.

⁵ Слобожанин М. [Максимов Е. Д.] К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. № 12. Стб. 49–51; Твардовс-

кая В. А. «Малых дел теория» // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стб. 980; *Новак С. Я.* Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 81; *Балуев Б. П.* «Малых дел» теория // Отечественная история: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 465.

⁶ Неделя. 1885. № 32. 11 августа. Стб. 1122–1123.

⁷ *В. В. [Воронцов В. П.]* От семидесятых годов к девятисотым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 47, 57.

⁸ *Харламов В. И.* Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. М., 1990. С. 111–112.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ См.: *Козьмин Б. П.* От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». Очерки по истории народничества. М, 1933. С. 156; *Жвания Д. Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 73.

¹¹ *И. Ю. [Каблиц И. И.]* Экономические веяния современности // Русское богатство. 1885. № 2. С. 409.

¹² *Юзов И. [Каблиц И. И.]* Современная русская жизнь и ее задачи // Мысль. 1881. № 1. С. 117.

¹³ *И. Ю. [Каблиц И. И.]* По внутренним вопросам // Русское богатство. 1883. № 7. С. 190.

¹⁴ *Юзов И. [Каблиц И. И.]* Национализм, его приверженцы и враги // Русское богатство. 1882. № 7. С. 64–66.

¹⁵ *Каблиц И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 43, 106.

¹⁶ Там же. С. 106, 117; *Каблиц И.* Основы народничества. СПб., 1888. Ч. 1. С. 324–327.

¹⁷ Во второй половине 1880-х гг. И. И. Каблиц сближается с В. В. Розановым, Н. П. Аксаковым и др. неославянофилами. См.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989–1999. Т. 2. С. 430.

¹⁸ *Зверев В. В.* Абрамов Яков Васильевич (1858–1906) // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 7.

¹⁹ *Иванов Б. [Николаевский Б. И.]* Н. Л. Сергиевский как историк «Партии русских социал-демократов» (1884–1887 гг.) // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 113–114. Лично Я. В. Абрамовым был написан раздел об отношении народников к сектантам.

²⁰ Интересно, что с той же целью (развивать идеи народнического подполья в легальной печати) в 1878 г. в «Неделю» пришел И. И. Каблиц-Юзов.

²¹ Опыт обоснования программы народников // Народническая экономическая литература: Избр. произведения. М., 1958. С. 610.

²² Там же. С. 610, 621, 623.

²³ Там же. С. 621, 622.

²⁴ Там же. С. 624–627.

²⁵ Там же. С. 617, 627, 630.

²⁶ [Абрамов Я. В.] Стоит ли работать в деревне? // Неделя 1885. № 41. Стб. 1412.

²⁷ Зверев В. В. «Неделя» // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. С. 334.

²⁸ Кирьяков С. А. Письмо к редактору // Неделя. 1886. № 7. Стб. 270–271.

²⁹ См. обзор отзывов: [Абрамов Я. В.] Еще о наших специалистах // Неделя. 1885. № 38.

³⁰ А-ревъ [Астырев Н. А.] В волостных писарях // Вестник Европы. 1885. № 8. С. 522.

³¹ [Абрамов Я. В.] «Внешние условия» и частный почин // Неделя. 1886. № 18. Стб. 601–602, 603.

³² [Абрамов Я. В.] Еще ответ на возражение // Неделя. 1885. № 48. Стб. 1676; Он же. Преувеличенные обвинения // Неделя. 1885. № 49. Стб. 1716; Он же. Маленькие деятели // Неделя. 1886. № 6. Стб. 204; Он же. Интеллигенция в деревне // Неделя. 1886. № 13. Стб. 445–446. Примечательно, что сам Абрамов ради «культурной работы» в 1890 г. уехал из столицы на свою родину в г. Ставрополь. См.: Абрамов Я. Геройство и безделие // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1179.

³³ [Абрамов Я. В.] Наш капитализм // Неделя. 1886. № 47. Стб. 1547; Он же. Народнохозяйственный подъем // Неделя. 1888. № 10. Стб. 326–327; Он же. Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. Стб. 500–502.

³⁴ Хотя Я. В. Абрамов горячо защищал значение частной инициативы в решении общественных вопросов, тем не менее, он не мог не признать, что филантропия и подвижничество – удел немногих единиц. См.: Абрамов Я. Переселения и частная инициатива (Письмо с Северного Кавказа) // Путь-дорога. СПб., 1893. С. 370.

³⁵ [Абрамов Я. В.] Самоуправление и интеллигенция // Неделя. 1885. № 40. Стб. 1379.

³⁶ Подробнее о деятельности интеллигенции в земстве см.: Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986.

³⁷ Абрамов Я. В. Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства). СПб., 1889. С. 66–67.

³⁸ Там же. С. 170, 251.

³⁹ См.: Як. Б. Интеллигенция в деревне // Неделя. 1886. № 7; Р. Д. [Дистерло Р. А.] Новое литературное поколение // Неделя. 1888. № 15; Е. Ч. Мнимый переизбыток интеллигенции // Неделя. 1886. № 40; Оторванность от жизни // Неделя. 1888. № 47.

⁴⁰ Цит по: Буланцев Х. С. Пионеры провинциальной печати (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981. С. 69.

⁴¹ Рогалина В. А. Лаврский Константин Викторович (1844 – после 1920) // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. С. 268–269.

⁴² [Лаврский К. В.] Почвенные вопросы // Неделя. 1885. № 17, 20, 25, 30; Он же. К чему способна интеллигенция? // Неделя. 1887. № 7, 9; Он же. Практика «своего труда» в деревне // Неделя. 1888. № 18, 19, 21, 28; Он же. Сомне-

ния относительно «своего труда» в деревне (Письмо деревенского жителя) // Неделя. 1888. № 51.

⁴³ Сам К. В. Лаврский был уверен, что его статьи попали в «больное место» интеллигенции и имели значительный успех, о котором он в то время даже не подозревал. См.: *Лаврский К. В.* Автобиография. – РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 96. Л. 20.

⁴⁴ «Чудак-барин» – герой одноименного очерка Г. И. Успенского (из цикла «Непорванные связи»). В основе сюжета реальная история, случившаяся с бароном М. П. Ребиндером. Увлечшись народническими идеями, он поселился на одной из мыз в Новгородской губернии, мечтая основать сельскохозяйственную артель. Однако, не будучи рачительным хозяином, новоявленный народник быстро разорился не без помощи местных крестьян. См.: *Успенский Г. И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 4. С. 591 (прим.).

⁴⁵ *Д. Ж.* [*Лаврский К. В.*] Практика «своего труда» в деревне. № 18, 19.

⁴⁶ См.: Глеб Успенский: Материалы и исследования. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 322.

⁴⁷ *Н. Ш.* [*Шелгунов Н. В.*] Очерки русской жизни // Русская мысль. 1887. № 4. С. 117, 119; 1888. № 9. С. 167, 170.

⁴⁸ Там же. С. 155.

⁴⁹ [*Абрамов Я. В.*] Мрачные и светлые явления // Неделя. 1888. № 29. Стб. 903, 904.

⁵⁰ *Н. Ш.* [*Шелгунов Н. В.*] Указ. соч. 1889. № 2. С. 204–205; 1889. № 11. С. 156, 160, 171; 1890. № 1. С. 186, 190–191.

⁵¹ Там же. 1888. № 11. С. 177–178.

⁵² Там же. 1889. № 2. С. 197, 203; 1891. № 4. С. 186–188.

⁵³ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 6. Стб. 771–773.

⁵⁴ *Созерцатель* [*Оболенский Л. Е.*] Обо всем. Недоразумения среди идейных писателей // Русское богатство. 1889. № 2. С. 254, 255, 256.

⁵⁵ Там же. С. 260.

⁵⁶ *Пясковский Н.* Условия долговечной и счастливой жизни // Русское богатство. 1887. № 5–6. С. 21.

⁵⁷ См.: *Егоров Я.* Что я передумал в деревне // Русское богатство. 1886. № 10; *Кившенко Н. Д.* Дневник сельской учительницы // Русское богатство. 1887. № 7–12; *Универсалист.* Как я учился пахать и косить [Письма к издателю] // Русское богатство. 1888. № 8; *Васильев П.* Нужны люди [Письма к издателю] // Русское богатство. 1888. № 8; *Яковлев Г.* Умственная жизнь одной деревни (К вопросу о деревенской культуре) [Письма к издателю] // Русское богатство. 1889. № 9.

⁵⁸ См.: *Другой студент.* О лишних людях (голос из молодой интеллигенции) // Русское дело. 1886. № 34–35; *Пругавин Виктор.* К вопросу об общественных запашках // Северный вестник. 1887. № 1; *Каблуков Н.* О значении профессионального образования при экономических условиях России // Русская мысль. 1888. № 12; *Щепотьева Ел.* Умственные запросы народа и их удовлетворение // Русская мысль. 1889. № 4. См. также: *Мичурин А.* В защиту книги «Что чи-

тать народу?». Тифлис, 1887; *Пытин А. А.* Одна из задач русской интеллигенции. Псков, 1887.

⁵⁹ Пругавин Виктор Степанович (1858–1896) – публицист, земский статистик, автор книги «Русская земельная община в трудах ее местных исследователей» (М., 1888).

⁶⁰ *Пругавин Виктор.* Указ. соч. С. 87.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 395. Л. 3.

⁶² Автобиография Александра Степановича Пругавина (1850–1920). – РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 2998. Л. 1–4.

⁶³ *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд. СПб., 1895. С. 401, 490.

⁶⁴ *Пытин А.* Народная грамотность // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 257, 265, 279.

⁶⁵ См., напр.: *А. П.* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1890. № 12; Критика и публицистика // Русская мысль. 1895. № 9; *Глинский Б. Б.* Народная грамотность // Исторический вестник. 1895. Т. 59. № 2.

⁶⁶ [*Кривенко С. Н.*] Из провинциальной печати // Северный вестник. 1891. № 1. С. 41, 50.

⁶⁷ Там же. № 10. С. 64.

⁶⁸ См.: *Неведомский М.* [*Миклашевский М. П.*] 80-е и 90-е годы в нашей литературе // История России в XIX веке. СПб., 1911. Т. 9. С. 19, 21, 23; *Есин Б. И. Н. В. Шелгунов.* М., 1977. С. 55–57; *Канаева Т. М.* Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1981. С. 14;

⁶⁹ *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: Сб. ст. М., 1990. С. 177, 180; *Балуев Б. П.* Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 316–317; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 273; *Жвания Д. Д.* Указ. соч. С. 82; *Новак С. Я.* Указ. соч. С. 84; *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 247.

⁷⁰ См.: *Оболонский А. В.* Драма российской истории: система против личности. М., 1994. С. 183–185; *Зверев В. В.* Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 93.

⁷¹ *Л. О.* [*Оболонский Л. Е.*] Оценка идей Достоевского // Мысль. 1881. № 4. С. 83.

⁷² Мысль. 1882. № 12. С. 299.

⁷³ [*Оболонский Л. Е.*] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 172–176.

⁷⁴ *Оболонский Л.* Идеалы современной жизни и литературы. (Критический этюд) // Русское богатство. 1885. № 10. С. 154

⁷⁵ Там же. С. 154, 156.

⁷⁶ Там же. С. 162; № 11. С. 194–196.

⁷⁷ В личной переписке с Н. К. Михайловским середины 1880-х гг. Л. Е. Оболенский открыто обвиняет главного «апостола» прогрессивной интеллигенции того времени в деспотизме по отношению к своим критикам, что, по его мнению, помешало другим идеологам народничества стать равноправными участниками полемики о практических путях и методах общественных преобразований. Подобнее см.: *Мокшин Г. Н.* «Простите за правду». Письмо редактора журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского Н. К. Михайловскому. 1885 г. // Исторический архив. 2003. № 4.

⁷⁸ Отношение Л. Е. Оболенского к учению Л. Н. Толстого о непротавлении злу насиллем изменится только во второй половине 1890-х гг. В письме к С. Н. Кривенко от 18 ноября 1896 г. публицист признается: «я убедился всей моей жизнью, что непротавление только разжигает произвол...». – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 163. Л. 6 об.

⁷⁹ *Емельянов Н. П.* «Отечественные записки» // Очерки по истории русской журналистики и критики (вторая половина XIX в.). Л., 1965. Т. 2. С. 282.

⁸⁰ См.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. Стб. 230–231; Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. Стб. 711; Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 457–458. См. также: *Зверев В. В.* Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов: Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997. С. 15.

⁸¹ Сотрудничество В. П. Воронцова в «Северном вестнике» продолжалось до 1891 г.

⁸² *Златовратский Н. Н.* «Кредо» [о народничестве] – РО ИРЛИ. Ф. 111. Д. 30. Л. 3, 4 об. Подробнее см.: *Сакулин П.* Народничество Н.Н. Златовратского // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 127–130.

⁸³ О подчинении журнала «Эпоха» строжайшему цензурному наблюдению. – ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 84. Д. 366. Л. 15 (Список сотрудников); Письмо Воронцова В.П. Михайловскому Н.К. 1888 г. – РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 134. Л. 3. См. также: *Харламов В. И.* Из истории развития легально-народнической мысли в пореформенной России // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета М. Г. Седова). М., 2005. С. 701.

⁸⁴ *Чехов А. П.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 11. С. 240–241.

⁸⁵ Подробнее см.: *Дергачев И. А.* К истории журнала «Эпоха» (1888 г.) // Вопросы журналистики. Свердловск, 1968. Вып. 2. С. 157–164.

⁸⁶ *В. Б-ъ [Бартенев В. В.]* Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 175.

⁸⁷ *В. В. [Воронцов В. П.]* Что делается в общине? // Северный вестник. 1889. № 9. С. 8; *Он же.* Критик народничества // Русское богатство. 1893. № 4. С. 17–18.

⁸⁸ *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939. С. 194.

⁸⁹ *В. В.* От семидесятых годов к девятисотым. С. 189, 194–195, 231–232.

⁹⁰ *Зверев В. В.* Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов. С. 116.

⁹¹ С. К. [Кривенко С. Н.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1892. № 3. С. 301, 305, 312.

⁹² Соловьев Вл. Идолы и идеалы // Вестник Европы. 1891. № 3. С. 370; Он же. Народная беда и общественная помощь // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 785; Он же. Кто прозрел? (Письмо в редакцию) // Русская мысль. 1892. № 6. С. 210.

⁹³ Толстовцы – участники социально-философского и нравственно-религиозного движения, возникшего в России в 80-е гг. XIX века на основе учения Л. Н. Толстого. Они проповедовали «всеобщую любовь», непротивление злу насилием и нравственное самосовершенствование как средство преобразования общества; создавали земледельческие общины, отказывались от уплаты податей и военной службы.

⁹⁴ С. К. Хроника внутренней жизни. 1892. № 6. С. 60.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ См.: Русское богатство. 1892. № 2, 3, 6, 10, 11.

⁹⁷ Цит. по: В. В. Наши направления. СПб., 1893. С. 7.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Цит. по: [Воронцов В. П.] Народничество Юзова и В. Пругавина // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 64, 75–76.

¹⁰⁰ В. В. Наши направления. С. 95.

¹⁰¹ Тихомиров Л. Что такое народничество // Русское обозрение. 1892. № 12.

¹⁰² Волгин А. [Плеханов Г. В.] Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.). Критический этюд. СПб., 1896.

¹⁰³ См.: В-н А. [Пытин А. Н.] Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10; Он же. Еще о теориях народничества // Вестник Европы. 1893. № 2; Гольцев В. А. Еще о народничестве (По поводу двух новых книг) // Русская мысль. 1893. № 10; Волынский А. Л. Народничество и либерализм // Северный вестник. 1894. № 2.

¹⁰⁴ См.: В-н А. Теории народничества. С. 740–741, 749.

¹⁰⁵ В. В. Критик народничества. 1893. № 4. С. 1.

¹⁰⁶ Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. С. 398.

¹⁰⁷ Пименова Э. К. Дни минувшие. Воспоминания. Л.; М., 1929. С. 154.

¹⁰⁸ Михайловский Н. Русское отражение французского символизма // Русское богатство. 1893. № 2. С. 62.

¹⁰⁹ Письмо В. Г. Короленко к А. В. Пешехонову от 1 сентября 1904 г. // Короленко С. В. Книга об отце. Ижевск, 1968. С. 17.

¹¹⁰ Михайловский Н. Литература и жизнь // Русское богатство. 1893. № 4. С. 124. См. также. С. 32 (прим. редакции).

¹¹¹ Раппопорт Семен Акимович (1863–1920) – народнический беллетрист и публицист. С 1894 по 1900 г. – личный секретарь П. Л. Лаврова.

¹¹² Русское богатство. 1892. № 7. С. 154.

¹¹³ Кривенко С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 111, 112, 216, 233–236.

¹¹⁴ Там же. С. 123, 144–145, 152, 165, 175, 217.

¹¹⁵ В. В. [Воронцов В. П.] Печать и мирозерцание общества // Путь-дорога. С. 280, 285, 291.

¹¹⁶ См.: Михайловский Н. К. О народничестве г-на В. В. // Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 7. Стб. 650, 654, 660–661, 673, 679–682.

¹¹⁷ Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 81.

¹¹⁸ Заявление В.П. Воронцова в Редакционный комитет журнала «Русское богатство». 17 июня 1894 г. – РО ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 10. Л. 62 об.

¹¹⁹ [Воронцов В. П.] Кризис идей 1870-х гг. // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 89, 91, 95.

¹²⁰ Автограф Н. К. Михайловского по поводу заявления В. П. Воронцова. Б/д. – РО ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 10. Л. 64–64 об.

¹²¹ РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 274. Л. 1 об.

¹²² Там же. Л. 1–2 об.

¹²³ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 355. Л. 5.

¹²⁴ Засодимский П. В. Письмо С. Е. Усовой. 14 февр. 1909 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2 об.

¹²⁵ В одном из писем к Н. К. Михайловскому С. Н. Кривенко прямо писал о том, что является убежденным сторонником *активной* деятельности, хотя бы и «маленькой», т.к. она гораздо лучше бездействия, порождающего в обществе апатию и равнодушие к положению народа. – РО ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 3. Д. 310. Л. 1.

¹²⁶ Максимов Е. Д. Выписки, заметки... к работе о С. Н. Кривенко. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 11. Л. 41 об.; Письмо Иванчина-Писарева А. И. Короленко В. Г. от 25 января 1894 г. – ОР РГБ. Ф. 135. К. 24. Д. 26. Л. 4.

¹²⁷ ОР РГБ. Ф. 358. К. 412. Д. 4. Л. 25–25 об.

¹²⁸ Протестуя против «крайне узких» формул народничества, предложенных И. И. Каблицем и В. П. Воронцовым, собственного его определения Н. К. Михайловский так и не дал. Видимо, в 1890-е гг. он и вправду перестал считать себя представителем народнического направления.

¹²⁹ «Полумистические представления о каком-то особенном народном “укладе”, где богатый или средний член общины охотно и сознательно берет на себя бремя своего неимущего собрата, – увы! – только фикция, – обобщил свои наблюдения В. Г. Короленко, работавший в голодающих деревнях в начале 1890-х гг. Факт состоит в том, что и в общине кипит уже разлад и антагонизм интересов, что теперь это явление проступает с особенной яркостью, что с ним надо считаться». Короленко В. Г. В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 5. С. 118.

¹³⁰ Михайловский Н. К. О народничестве г-на В. В. Стб. 676–677.

¹³¹ Термин принадлежит Н. М. Пирумовой. См.: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 112.

¹³² См.: Петров В. М. Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход). СПб., 2008. С. 51.

Г л а в а п я т я

КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ ПРАВОГО НАРОДНИЧЕСТВА на рубеже XIX–XX вв.

Во второй половине 1890-х гг. русское легальное народничество пребывало в состоянии затяжного идейного и организационного кризиса. Социальным фоном для его развития послужил нерешенный аграрно-крестьянский вопрос. Все попытки добиться облегчения положения крестьянства мирными средствами (при помощи печати, земства, кооперации, развития частной инициативы) были фактически исчерпаны. Это неизбежно подталкивало народническую мысль к поиску других, более радикальных способов разрешения противоречий между крестьянами и помещиками.

Наиболее ярким проявлением кризиса позднего народничества стал раскол в 1895 г. редакции журнала «Русское богатство» на сторонников и противников ускоренной политической демократизации России и формальный отказ от народничества самого авторитетного представителя этого направления – Н. К. Михайловского.

В исторической литературе дальнейшая идейная эволюция «Русского богатства», возглавляемого Михайловским до 1904 гг., обычно рассматривается с точки зрения генезиса неонародничества. Считается, что именно в эти десять лет легально-народническая мысль эволюционирует от экономического романтизма к политическому реализму. В данном случае идет речь: во-первых, о признании значительных успехов капитализма в России, правда ограниченной областью промышленности; во-вторых, об отказе от идеализации «народного производства», как главной альтернативы российскому капитализму; и в-третьих, усиление давления легальных народников на власть с тем, чтобы она быстрее осознала необходимость политических преобразований. Закономерным итогом данной эволюции стало образование в 1906 г. Трудовой народно-социалистической партии¹.

В обновленном составе «Русского богатства» найдут приют В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, В. М. Чернов и другие будущие неонародники, которые потом назовут Михайловского своим учителем². Однако нельзя забывать, что, например, многие экономические идеи они заимствовали у В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона (теория рынков и т.д.), хотя и старались избегать категоричных суждений о нежизнеспособности отечественного капитализма³. Так что

круг непосредственных предшественников неонародников должен быть расширен.

В данной главе основное внимание будет уделено теоретикам умеренного (центристского) народничества и развитию их культурно-идеологической доктрины в конце XIX – начале XX в. Во-первых, эволюция взглядов В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко и их единомышленников в условиях нового общественного подъема изучена намного слабее, чем взгляды публицистов «Русского богатства». Во-вторых, к этому нас побуждает необходимость уточнения причин кризиса идеологии легального народничества, а именно: почему в его истории центробежная тенденция, в конце концов, взяла верх над центростремительной?

5.1. Распад легально-народнического лагеря во второй половине 1890-х гг.

Если Михайловский и его единомышленники больше не хотели, чтобы их считали народниками, кто теперь олицетворял этот лагерь?

На право быть выразителями «истинного» народничества по-прежнему претендовали публицисты газеты «Неделя». Но к концу 1890-х гг. из народников «с именем» в ней остался один Я. В. Абрамов. Остальные теоретики «Недели» хотя и блистали талантами, как, например, М. О. Меньшиков и Н. А. Энгельгардт, являлись скорее временными попутчиками народнического движения. После закрытия «Недели» в 1901 г. все они перейдут в лагерь консерваторов-монархистов. По этим причинам в литературе того времени народничество чаще всего ассоциировалось с главными идеологами «Нового слова» и «Сына Отечества» (Воронцовым и Кривенко). Этот факт в 1898 г. зафиксировал С. А. Венгеров в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, с чем впоследствии согласились авторы статей о народничестве в других справочных изданиях.

Выдвижению Воронцова и Кривенко в число главных теоретиков позднего народничества во многом способствовали их попытки преодолеть крайности народничества И. И. Каблицы-Юзова и «критического» народничества Н. К. Михайловского. Затеянная центристами реформа заключалась в возрождении народнических идей 1870-х гг., а именно тактики прямого сближения интеллигенции с народом, но уже не с целью антиправительственной агитации и пропаганды, а на

основе «культурнического» народничества. Эта позиция, подробно изложенная в книгах Воронцова «Наши направления» (СПб., 1893) и Кривенко «На распутье» (СПб., 1895), несмотря на резкую критику со стороны либералов и марксистов, в целом встретила сочувственное отношение в обществе.

После раскола в «Русском богатстве» «отщепившиеся» сотрудники во главе с Кривенко летом 1895 г. перешли в журнал «Новое слово», специально приобретенный для них издательницей О. Н. Поповой. С самого начала этот журнал задумывался как издание единомышленников. Общие устремления сотрудников вместе с определенностью их мирозерцания и «чуткостью к жизни» Кривенко считал важнейшими условиями успеха своего нового детища⁴. В «Новое слово» были приглашены многие видные представители «старого» народничества (В. П. Воронцов, Я. В. Абрамов, Л. Е. Оболенский, Н. Н. Златовратский, Н. О. Пружанский и др.). Из новых лиц отметим Е. Д. Максимова⁵ – будущего теоретика и историка русского культуртрегерства.

Программа журнала «Новое слово», вопреки его названию, состояла в пропаганде давно известных народнических воззрений и лозунгов, считавшихся другими органами печати устаревшими. Основное место занимало в ней напоминание обществу о его долге перед народом. Понятие о нем народники считали во многом утраченным вследствие «духовной конверсии» современной интеллигенции, стремящейся «к самодовлеющим интересам собственного культурного существования»⁶.

Важнейший тактический лозунг «Нового слова» – опора на действительность (экономическую, политическую, культурную)⁷. Исходя из существующих общественных условий, все задачи интеллигенции сводились к подъему экономического и культурного уровня жизни деревни. В реализации данной программы упор по-прежнему делался на развитие общественной самодеятельности и частной инициативы. Не случайно в статьях сотрудников журнала так много места уделялось деятельности земских и крестьянских учреждений и различных кооперативных союзов (общин, товариществ, артелей).

Отстаивая традиционные для классического народничества идеи и ценности, «Новое слово» взяло на себя груз ответственности за прежние «грехи» народничества. С первых номеров журнал оказался втянутым в полемику с представителями всех главных направлений общественной мысли (от охранителей до марксистов). Но и внутри

«Нового слова» отношения между «идейными писателями» складывались не совсем так, как планировал Кривенко. По воспоминаниям одного из постоянных сотрудников журнала В. А. Поссе, его редакционные совещания производили впечатление «чего-то унылого». Писателю казалось, что здесь «хоронят умершую идею народничества» с его верой в русскую общину и русскую артель (как ячейки социалистического строя) и особые пути русского народа, ведущие его к социализму, минуя капитализм. «Поругивали» марксистов, но как-то вяло. Оживленнее критиковали друг друга. Например, «не в меру плодовитые» сотрудники вроде Оболенского и Воронцова постоянно наседали на Кривенко, требуя помещать в журнале массу обязательного с их точки зрения материала⁸.

Народническое «Новое слово» продержалось менее двух лет, до тех пор, пока у О. Н. Поповой опустел кошелек и она перепродала журнал марксистам⁹. С марта 1897 г. все его бывшие сотрудники перешли в газету «Сын Отечества»¹⁰. Здесь Кривенко и Воронцов в последний раз попытались собрать воедино все имеющиеся в наличии народнические силы. К числу прежних сотрудников добавились К. С. Баранцевич, К. Н. Левин, А. М. Хирьяков. Но, как верно подметил С. Н. Южаков, закон исторической дифференциации действовал неотвратимо, углубляя разногласия между вчерашними соратниками¹¹. Удержать их вместе не мог даже принцип посильного служения практическим нуждам народа, составляющий одну из основ идейной позиции газеты. Так, весной 1898 г. из-за внутриредакционных разногласий из «Сына Отечества» ушел заведующий ее внутренним отделом Абрамов. В письме к Кривенко публицист обвинил его в «тайном покровительстве» тем, кто «систематически выживал» Абрамова из газеты¹². Главной причиной удаления Абрамова, видимо, стала его узконародническая точка зрения на задачи интеллигенции, вызывавшая недовольство Воронцова и Максимова¹³.

Продолжая линию «Нового слова», сотрудники «Сына Отечества» пытались убедить общество в том, что развитие его самостоятельности есть одно из важнейших условий кардинальных изменений существующих порядков. Наиболее полное изложение позиции газеты по этой проблеме дал Кривенко (как ведущий обозреватель внутренней жизни страны) в статье «К характеристике нашего времени»¹⁴.

«Еще 35–40 лет назад, – пишет Кривенко, – в жизни и литературе вопросы общие преобладали над частными и личными» и общест-

венные деятели стремились высоко держать знамя общественного служения. Теперь, по мнению публициста, положение значительно изменилось. Печать перестала касаться «коренных» вопросов. В обществе «толки о своих делах: отсрочках платежей в банке, курсе бумаг, местах и окладах». Земское и городское самоуправление, где «наиболее сосредотачивается общественная жизнь», все чаще недосчитывалось гласных в заседаниях. Одним словом, действуют «случайные люди», а «наиболее живые» (способные отрешиться от личных интересов) либо совсем удаляются от дел, либо начинают заниматься в одиночку каким-нибудь маленьким «душеспасительным» делом: устраивают ночлежные и работные дома, приюты, ясли, пожарные дружины, воскресные чтения и т.п.

Кривенко, как и многие народнические публицисты, признает, что в России отсутствовали условия для развития «правильной» и свободной общественной жизни, а потому и традиции культуртрегерства (борьбы за культуру) пока еще не сложились. В этих условиях «маленькое дело» было «во сто крат лучше большого безделья и пустословия». И все-таки, замечает Кривенко, оно оставалось маленьким и пользу приносило ограниченную. Чтобы произвести большую работу, таких культурных работников должно быть очень много и они должны «одинаково функционировать», т.е. действовать в направлении «широкой» общей цели. В 90-е гг. XIX в. число таких людей заметно возросло, но их деятельность по-прежнему оставалась крайне разбросанной.

Каков же итоговый вывод Кривенко? Увы, он был лишен оригинальности: «на передовой интеллигенции лежит прямая обязанность употреблять все силы, чтобы изменить это, хотя бы ради одного только поднятия достоинства самого общества».

В конце мая 1900 г. после неожиданного финансового краха издательской фирмы редакция «Сына Отечества» известила своих читателей о прекращении выхода газеты. Вскоре она была продана с аукциона вместе с остальным имуществом обанкротившегося предприятия. Товарищи пытались убедить Кривенко перекупить неплохо зарекомендовавшую себя газету, чтобы издавать ее самим, но после трех непрерывных неудач у него уже не оставалось ни средств, ни сил, ни даже желания.

Для того чтобы лучше разобраться во взглядах главных теоретиков умеренно правого народничества на задачи «культурной работы», их следует сравнить с позицией «Русского богатства» и «Недели».

После ухода в конце 1894 г. из «Русского богатства» сторонников «народничества Воронцова», Михайловский ввел в его редакцию известного народнического писателя В. Г. Короленко – убежденного противника «узкого народничества» и публициста Н. Ф. Анненского – бывшего сотрудника «Дела» и «Отечественных записок» и одного из лидеров партии «Народного права». В итоге журнал очень быстро стал радикальным.

В 1895 г. Михайловский и известный юрист В. Д. Спасович составили на имя Николая II петицию «об изменении действующих законов о печати», под которой подписалось более сотни человек. Известные писатели и общественные деятели просили молодого царя о «принятии русской литературы под сень закона» (ограждения ее от произвола светской и духовной цензуры)¹⁵. Но, как известно, все мечтания о новых реформах оказались «бессмысленными».

В 1897–1899 гг. за неблагонадежным «Русским богатством» был установлен особый надзор. Департамент полиции не без оснований подозревал его сотрудников в связях с политическими эмигрантами и подпольной революционной прессой. Поводом послужило активное участие сотрудников редакции в так называемых «банкетных компаниях», которые носили характер замаскированных политических митингов¹⁶. Но, несмотря на негативное отношение властей, дела журнала шли успешно. К 1904 г. его тираж составил более 12 тыс. экземпляров, что было недоступно многим популярным изданиям того времени¹⁷.

Позицию «Русского богатства» по отношению к вышедшим из него в конце 1894 г. народникам изложил видный публицист и социолог С. Н. Южаков¹⁸. По его мнению, современное народничество – это очень узкая общественная доктрина, потому что ее сторонники (конкретно упоминаются Воронцов и Кривенко), во-первых, смотрят на деревенские вопросы как на самые важные в исторической жизни России, а, во-вторых, даже в сфере деревенской жизни придают исключительно большое значение экономике национальной жизни. Крайне умеренной представлялась Южакову и народническая программа спасения крестьянского хозяйства от капитализма на почве существующих общественных порядков. Провозглашая свое «новое слово»: «погибай все, лишь бы спасти экономические устои самостоятельного народного хозяйства», народники, по словам Южакова, не видят или не желают видеть других сторон исторической действительности, демонстрируя своего рода «исторический дальтонизм».

Под другими сторонами русской жизни, от которых народники «укрываются» за малыми делами и маленькими вопросами, Южаков понимал борьбу за «идеалы справедливости, свободы и просвещения», т.е. за радикальное изменение существующего в России политического строя¹⁹.

Поскольку яблоком раздора между главными народническими фракциями по-прежнему оставалась теория «малых дел», в октябрьском номере «Русского богатства» была помещена специальная статья по этому вопросу П. Н. Обнинского. Поводом для нее послужила одна из публикаций публициста Р. И. Сементковского²⁰, но адресована она была ко всем, кто прямо или косвенно выступал в защиту «маленьких дел».

Обнинский поставил под сомнение утверждение Сементковского о том, что «малые дела» могут дать великие результаты, если только делать их «сознательно, честно и дружно». «Маленькие дела», писал публицист, несомненно, ведут к великим результатам, но лишь там, где созданы «великие условия» для их «полного, беспрепятственного и благодатного развития». К сожалению, изменение общественных условия не под силу «незаметным героям» и потому большая часть их по-человечески симпатичных и благородных начинаний гложет и терпит крушение²¹. Вывод критика однозначен: «малые дела» ни в коем случае нельзя ставить образцом и панацеей. Еще меньше можно строить на них этическую теорию (т.к. это будет теория мещанского счастья) и с пренебрежением отзываться о широких задачах и возвышенных целях. «Вырастает занесенное ветром зерно и на каменной ограде, особенно когда она начинает от ветхости разваливаться, но отсюда еще далеко до предложения разводить посевы не на земле, а на камне, обещая будущие обильные урожаи»²².

Автору не откажешь в логике и оригинальности мышления, но все же один из его аргументов звучит весьма сомнительно. В конце своей статьи Обнинский призывает «большие корабли» не выходить в житейское море и «ждать погоды», чтобы не попасть на мель и совсем не потонуть²³. Впоследствии защитники «малых дел» расценят призыв «сиди у моря, жди погоды» как оправдание общественной неподвижности и безделья.

Что касается Михайловского, то он в память о прежней дружбе с Кривенко в открытую полемику с его изданиями не вступал. Уже после продажи народнического журнала марксистам в небольшой заметке «О новых словах и “Новом слове”» он обмолвился, что на-

родники, ограничив народолюбие деревней, фактически отказались от духовного наследия отцов, отстаивавших интересы всех трудящихся классов России. Начало отказу от наследия и провозглашению «нового слова» еще в 1870-е годы положили П. П. Червинский, И. И. Каблиц-Юзов и П. А. Гайдебуров, заявившие, что интеллигенции необходимо «слиться» с народными массами. Затем последовал новый отказ под предводительством Я. В. Абрамова и Р. А. Дистерло во имя «светлых явлений», «малых дел» и уважения к действительности. В том же ключе оценивалась Михайловским деятельность современных представителей народничества²⁴.

Итак, народники-политики обвиняли народников-культурников в отступлении от идейного наследия 1860-х гг., в сужении стоящих перед демократической интеллигенцией задач до «микроскопических размеров» и даже в примирении с действительностью.

Нетрудно предположить, что сами культурники все подозрения в отступничестве категорически отрицали, переадресуя их своим оппонентам. По этому поводу Воронцов опубликовал открытое письмо в редакцию «Нового слова». Недовольство публициста вызвала упомянутая выше статья Южакова, переизданная во втором томе его «Социологических этюдов» (СПб., 1896).

Письмо Воронцова интересно подробным анализом причин разногласий между «Русским богатством» и «Новым словом». Прежде всего, Воронцов относил оба издания к одному демократическому лагерю, перед которым стояли общие задачи, связанные с радикальными преобразованиями всех сторон общественной жизни. По его словам, с 70-х гг. XIX в. существенным пунктом, разделяющим «народников» и «политиков», был вопрос о последовательности изменения социальных и политических форм общественного быта. Сам Воронцов считал его второстепенным, т.к., с одной стороны, «ничто не мешает изменяться им одновременно, а с другой, – может ли кто-нибудь утверждать, что эти течения сами по себе в силах изменить какую-нибудь из них». Действительные разногласия, по убеждению публициста, касались вопроса о том, на какую среду должно быть «преимущественно» направлено просветительское воздействие интеллигенции (на город или деревню) и что должно составлять ее главную (но не единственную) задачу по отношению к культурному обществу: «подчеркивание давно ему известных недостатков общественного строения или возбуждение в нем критического отношения к самому себе и к своей пассивности?»²⁵.

Относительно критики народников 1890-х годов Воронцов заметил, что в последнее время их «не лягает только ленивый», причем каждый рисует такую физиономию народничества, которая удобней для нападения. На самом деле, по заверению публициста, современное народничество, как и в семидесятые годы, определяло свое мирозерцание двумя словами – «русский народ» и считало, что долг народу будет уплачен лишь после того, как интеллигенция передаст ему светоч знания и просветительские идеи. «Мы думаем, – писал Воронцов, – что такая задача не утратила своего значения и в настоящее время...»²⁶.

Сделав задачу просвещения масс основой своей общественной программы, народники «Нового слова» вовсе не утверждали что она совершенно новая, впервые заявленная в русском обществе. Новым в ней было только то, что «по условиям переживаемого момента», эта задача признавалась «одной из важнейших», и что «известное направление» брало на себя «возможное, при данных условиях, ее осуществление»²⁷.

Последние пятнадцать лет Воронцов характеризует как время спячки общества, когда старое знамя было обесцвечено и «мы так привыкли оставаться в области слов и не переходить на почву дела, что совершенно утратили идею солидарности, не видим осязательной от нее пользы и... готовы всякое неясное... выражение воображаемого противника истолковать таким образом, чтобы обратить последнего в своего антагониста». Поэтому обвинение народников в отказе от идеалов справедливости, просвещения, свободы Воронцов объяснил нежеланием их оппонентов из «Русского богатства» перейти к диалогу и совместной деятельности на практической почве²⁸.

Еще более неприязненные отношения установились у народников «Нового слова» и «Сына Отечества» с газетой «Неделя». Дело в том, что в 90-е гг. XIX в. тон в «Неделе» начинают задавать публицисты не прогрессивного, а скорее консервативного лагеря (такие как, например, фактический заведующий редакцией газеты правоверный толстовец М. О. Меньшиков²⁹). Поэтому с ее страниц все чаще звучали призывы к переселению интеллигенции в деревню и «опрощению», имевшие с идеями первых теоретиков «малых дел» лишь внешнее сходство.

О резкой эволюции «Недели» вправо свидетельствует идейная позиция Н. А. Энгельгардта³⁰, пытавшегося соединить свои консервативно-монархические воззрения с народничеством. В статье

«Лженародничество», направленной против «консервативного либерализма» «Нового слова», он прямо пишет о том, что корифеи критики 1860-х годов «для нас уже история», а не руководители современности. «Сочинения их – памятники литературные». «Мы... признаем правду Киреевского, К. и И. Аксаковых, Хомякова, Достоевского». Она состоит в том, что «сила и мудрость только в массе народной», а не в отдельной личности. Образованный человек мог служить народу многими службами (учить, лечить, сообщать технические усовершенствования), но смысл своей жизни он «почерпает... не в себе, не в городах, не в книгах, а в толпе народной... у всех этих безграмотных пахарей». «Слейтесь с народной толпой, – призывал Энгельгардт своих читателей, – уразумейте смысл ее жизни и растолкуйте потом этот смысл ей самой в живом слове»³¹. В чем состоит этот «истинный» смысл народной жизни он, к сожалению, так и не раскрыл, видимо, полагая, что это уже сделали славянофилы и Ф. М. Достоевский.

Поводом для полемики между Кривенко, писавшим для «Нового слова» обозрения «По поводу внутренних вопросов», и Энгельгардтом послужили призывы «Недели» убрать с пьедестала «ложных героев» 1860–1870-х гг. (Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова, Н. В. Шелгунова, Н. К. Михайловского). По словам Энгельгардта, их ошибки, увлечения, недостатки «ясны для всякого» и теперь все надо было начинать с другого конца: с преобразования самого человека, его миропонимания, ощущений, изменения недружелюбных отношений к злу и насилию на любовь и т.п. Кривенко, напротив, доказывал, что «философский камень», отысканный «Неделей» (теория Толстого о непротивлении злу насилием), не нов. «С этого конца уже не раз люди начинали и не получали искомых результатов»³².

Вообще эта полемика с самого начала приняла характер грубой словесной перепалки и нет смысла останавливаться на ней подробно. Отметим только, что, отвечая на упрек в непонимании значения новой философской мысли в России, Кривенко попытался доказать, что пока видит перед собой одну «философскую абракадабру» и не согласен с тем, что Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев и Ф. М. Достоевский заткнули европейскую философию за пояс³³.

В исторической литературе ведущих публицистов «Нового слова» и «Сына Отечества» нередко ставят в один ряд с идеологами «Недели»³⁴. В пользу этой точки зрения свидетельствует тот факт,

что после ухода Абрамова из «Сына Отечества» пропаганда в этой газете «малых дел» продолжалась, как и раньше³⁵. Однако более подробное исследование взглядов теоретиков «созидательного» народничества показывает, что в понимании роли интеллигенции в общественном прогрессе и трактовке ее практических задач у них были существенные отличия от народников «Недели».

Воронцов и Кривенко, как представители среднего течения в легальном народничестве, сознательно стремились не разделять идейность и жизненную практику, внутренние и внешние условия развития общества, частные меры и общие. Если Л. Е. Оболенский и А. И. Фаресов³⁶ спорили по поводу статей Кривенко о деятельности «культурных одиночек» в деревне: стоило ли интеллигенции начинать с личного самосовершенствования или сначала следовало добиться смены «общего режима»³⁷, то сам публицист доказывал ошибочность избрания какого-либо одного способа выполнения задач настоящей цивилизации. «Люди, идущие от частного к общему, – по убеждению Кривенко, – нисколько не мешают людям, идущим от общего к частному». Наоборот, разъединение практиков, занятых конкретным делом, и теоретиков, стремящихся к постановке широких общественных задач, – «двойная трата сил»³⁸. Той же позиции придерживался и Воронцов.

Тактические разногласия между умеренными и крайне правыми народниками настолько очевидны, что в специальной литературе представителей правого фланга легального народничества все чаще называют не «малоделами», а «народниками-культурниками».

Понятие «культурная работа» и «культурничество» гораздо шире понятия «малые дела». Хотя термин «культурничество»³⁹ до сих пор употребляется как синоним теории «малых дел», в действительности далеко не все культурники разделяли позицию ведущих публицистов «Недели». Для подтверждения этого факта разберем народническую теорию «культурной работы» более подробно.

Обоснованием определяющего значения культурно-просветительской деятельности интеллигенции для дальнейшего развития страны, включая обновление ее политического и экономического строя, в 70–90-е гг. XIX в. занимались практически все легально-народнические теоретики и публицисты. Почвой для широкого распространения в обществе культурнических идей послужило разочарование интеллигенции в возможности создать сразу внешние условия, необходимые для человеческого счастья, минуя кропотливую

работу над удовлетворением текущих хозяйственных потребностей. Широкие законодательные реформы, писал Сементковский, как бы гуманны и либеральны они ни были, сами по себе еще ни к чему не приведут, если не будут идти рука об руку с главным источником культурных успехов – сознательной деятельностью общества и народа в области своего благосостояния⁴⁰.

Цель культурной работы состояла в подъеме умственного и нравственного уровня простого народа, в развитии его общественной и хозяйственной самостоятельности и инициативы. Всех теоретиков культурничества объединяло стремление освободить народ из-под опеки привилегированных классов, сделать его главной силой общественного развития, подлинным хозяином своей жизни. Но сплотиться вокруг общей цели они так и не смогли из-за существенных разногласий в тактике подготовки социокультурного переворота.

Сотрудничавшие в газете «Неделя» теоретики «малых дел» (Каблиц-Юзов, Абрамов, Лаврский), доказывали, что основное предназначение русской интеллигенции в удовлетворении текущих потребностей народа мирными средствами (работа в земстве и разного рода благотворительных обществах, частная практика). Деревне были остро необходимы учителя, врачи, ветеринары, адвокаты, агрономы, писари, хорошо знавшие свою специальность и не боявшиеся серой, будничной работы. Никакого геройства тут не требовалось, ибо, как писал Абрамов, главным препятствием к успешной культурной деятельности в народе являлись не стеснительные внешние условия, а отсутствие у провинциальной интеллигенции навыков правильной организации и ведения дела и обязательной для его успеха веры в собственные силы⁴¹.

Суть теории «малых дел» – убеждение, что количество (постепенный рост народного благосостояния и культуры) рано или поздно без насилия перерастет в качество (утверждение нового общественного строя, основанного на принципах демократии и социальной справедливости, т.е. социализма). Разумеется, так далеко заглядывали не все сторонники «малых дел», а только создатели рассматриваемой теории.

Представители другой народнической фракции (Воронцов, Кривенко, Максимов), в том виде, как она сложилась к середине 1890-х гг., напротив, доказывали большое значение для успешной общественной деятельности широких демократических идеалов. Потеря идеи общего блага изолировала культурных работников друг от друга,

превращая их деятельность в «заплатывание худого кафтана», который будет пороться в других местах⁴². Всецело поддерживая земство и «культурных одиночек» в их борьбе за просвещение народа и повышение его благосостояния, они не придавали этим общекультурным мероприятиям самодовлеющего значения. «Культурная работа» рассматривалась как лучшее вспомогательное средство к общей работе по обновлению социального и политического строя России и как лучший способ подготовки масс к осуществлению исходной тактической формулы народничества – «все для народа и только через народ»⁴³.

«Культурная работа» включала два уровня: мероприятия, охватывающие экономическую, правовую и духовную жизнь народа и направленные на поднятие сознательности населения и увеличение его благосостояния (эта работа была рассчитана на людей «обычной меры» и не выходила за рамки «малых дел»); и высшую ступень для деятелей уже проникнутых стремлением к проведению в жизнь отдельных начал будущего строя.

Существенный вклад в развитие идеи «культурной работы» «высшего порядка» внес Кривенко. Он был одним из первых народнических идеологов, кто стал доказывать необходимость культурных предпосылок для проведения в стране социалистических преобразований. По мнению Кривенко, новый общественный строй должен был подготавливаться в недрах старого путем постепенного утверждения в обществе экономической солидарности, сочувствия к общему благу, общественного самоуправления и т.д. Для этой цели он настоятельно рекомендовал интеллигенции заведение образцовых сельскохозяйственных и промышленных артелей и земледельческих общин. Со временем успехи, достигнутые в ходе этих социальных экспериментов передовой интеллигенции, должны были послужить примером для остального населения страны⁴⁴.

Некоторые современные авторы не без оснований доказывают, что только с обращением к «малым делам» и «культурничеству» значительная часть интеллигенции превратилась в живую силу общественного строительства⁴⁵. «Трудно поверить, – пишет М. Колеров, – что лишь желание исподволь подготовить социальный переворот держало врачей, учителей, статистиков в нищих деревнях»⁴⁶. И все же именно это желание одухотворяло главных идеологов культурнического народничества 1890-х годов. При всех заявлениях о праве

народа на жизнь по собственной воле они, как и большинство социалистов-народников, хотели помочь ему сделать правильный выбор.

Одним из первых об этом изъяне народнической идеологии писал Л. А. Тихомиров, ставший в 1890-х гг. ведущим идеологом консервативных сил. Обращаясь к упомянутому спору «лучшей части» русской интеллигенции о путях преобразования России, основную ее ошибку он увидел не в выборе способа действия – «сверху» или «снизу», а в самом стремлении «пересоздать» нацию по своему (якобы общечеловеческому, а в действительности узкоклассовому) типу. «Такая задача, – по убеждению Тихомирова, – есть по существу абсурд». Желание навязать народу свое понимание жизни несло бы гибель России, но «к счастью, – это предприятие невозможно, а потому в истории нашей является другое зло – значительно меньшее: бесплодная гибель известной доли образованных сил в ложных и вредных для страны попытках»⁴⁷.

Если интеллигенция не хотела оставаться «источником пертурбаций» в жизни страны, то она должна была послушаться Тихомирова и стать «слоевой» частью нации. Не объединяться в особое сословие, чтобы направлять невежественные массы к неведомым целям, а жить в каждом социальном слое в тесной связи с его духовными и материальными интересами. Истинное же назначение образованного класса – освещать жизнь, опыт, интересы всех социальных слоев и способствовать приведению их к единству. По мнению Тихомирова, это и означало «примкнуть к России», честно служа ее (а не своим) целям и задачам⁴⁸.

В 1895 г. к критике передовой русской интеллигенции обратился еще один сотрудник «Русского обозрения» И. И. Фудель. Его внимание привлекла нашумевшая тогда «школьная история» (закрытие духовным ведомством школ грамотности А. А. Штевен в Арзамасском уезде по причине их антицерковного характера). В просветительской деятельности сельской учительницы Фудель нашел прекрасный образец устарелого интеллигентского отношения к мужику и народному вопросу. В соответствии с ним интеллигенция была обязана делиться с мужиком своими знаниями. В 1870-х годах, продолжал Фудель, теория долга народу была очень популярна, но опыт жизни и здравый смысл «заставил лучших народников (очевидно, имеются в виду Ф. М. Достоевский и И. С. Аксаков. – Г. М.) сознаться, что надо нам самим учиться у народа, а не его учить»⁴⁹. Стремление идейной интеллигенции «*переделать народ на свой лад*

и вытравить из народа то, что мешает этой переделке» Фудель, подобно Тихомирову, назвал одной из главных причин многих пагубных явлений в русской жизни⁵⁰.

Призывы консерваторов «вернуться домой, к народу» и употребить свои силы и знания на укрепление исторических основ русской цивилизации (надклассовой монархии, как подлинного выразителя воли народа и истинного христианства в лице русской православной церкви) народническая интеллигенция, по понятным причинам, попросту игнорировала. За исключением, разве что, некоторых представителей ее крайне правого крыла. Народников-культурников второй половины 1890-х гг. гораздо больше волновали периодические выговоры со стороны редакции «Русской мысли».

Надо признать, что либеральная критика почти всегда носила сочувственный характер, т.к. для русских либералов (таких как К. Д. Кавелин, В. А. Гольцев, А. Н. Пыпин) народники – это «заблудшие» товарищи по прогрессивному лагерю. Не случайно в начале XX в., когда Кривенко и Воронцов лишаются собственных изданий, их приютят «Русская мысль» и «Вестник Европы».

Главной особенностью народников «Русская мысль» считала отрицание возможности развития в России капитализма. В связи с этой ошибкой, как указывал анонимный обозреватель периодической печати⁵¹, находились и другие. Это требование сохранения устоев народной жизни и отрицательное отношение к «надстройкам» над ними по европейскому образцу, т.к. они послужили бы только на пользу буржуазии. Предполагалось, что народ «отсидится» от капитализма в общинах и артелях. «Суровая действительность доказала, что в народничестве недоставало политического такта. Оно повинно и в том, что несправедливо относилось к интеллигенции, утверждая, что она должна учиться у народа». «Суд истории, – по словам автора цитируемой статьи, – еще не наступил для народничества», но эти заблуждения имели «неблагоприятные последствия для нашего общественного развития», которому кроме национальных особенностей, необходимы были и общеевропейские основы культуры и общественной жизни⁵².

Приводя жалобы «Нового слова» на игнорирование интеллигенцией своих обязанностей перед «младшим братом», тот же обозреватель из «Русской мысли» заметил, что эти утверждения ошибочны, т.к. культурное общество, «когда ему делается возможным вздохнуть хоть крошечку посвободнее», всегда становится на точку зре-

ния общенародных интересов. Народники же избегают постановки вопроса о возможной роли интеллигенции в будущей эволюции России на «единственную правильную» почву обсуждения внешних условий деятельности. «А ведь в этом, – завершает свою мысль обозреватель, – все и дело», в вопросе, разделяющем народников и не народников⁵³.

Здесь уместно привести ответную реакцию автора внутренних обозрений «Нового слова». Отвечая на обвинение «Русской мысли» в непонимании значения политических условий общественной деятельности, Кривенко недоуменно восклицал: «Почтенный московский журнал... полагает, что такая точка зрения мною “намеренно” игнорируется или даже совсем недоступна... Я был бы очень благодарен за это указание..., но (оно. – Г. М.) ... никаких новых для меня горизонтов не открывает и ничего нового не говорит». Далее публицист еще раз объяснил причины своих критических высказываний в адрес интеллигенции. Это ее разобщенность и «уклонение» от служения народным интересам (в их народнической интерпретации). Интересно, что для обоснования правильности своей позиции Кривенко ссылался на «лучших наших писателей» (Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова, Н. А. Добролюбова, Н. А. Демерта, Г. З. Елисеева, Л. Н. Толстого), которые руководствовались в своей деятельности пословицей «коли сам плох, так не даст Бог» и потому всегда апеллировали не к губернаторам, а к тому же обществу и печати⁵⁴.

На исходе XIX столетия наиболее острая полемика по общему признанию завязалась у легальных народников с русскими марксистами. Здесь спорщики бились, можно сказать, на уничтожение, нередко переходя с теорий и фактов на личные оскорбления⁵⁵. Главный предмет их спора (нужно ли «вываривать» русского мужика в фабричном котле) достаточно подробно освещен в литературе⁵⁶. Поэтому сразу перейдем к вопросу о том, как оценивали марксисты культурническую трактовку народниками задач русской демократической интеллигенции.

Русские марксисты (как и народники) делились на революционных и легальных. Поэтому их высказывания носили порой прямо противоположный характер.

Революционные марксисты доказывали, что при сохранении основ существующего строя «культурная работа» – это «самокастрирование» интеллигенции. Она была «бесплодна, как песок в пустыне» и вела только к примирению с действительностью⁵⁷. «Иногда, – заме-

чал, например, Г. В. Плеханова, – им (народным учителям. – Г. М.) удается преподавать своим слушателям некоторые элементарные сведения по естествознанию, истории и географии, но они не дерзают затронуть перед ними важнейший вопрос народного образования, не решаются указать на царя и на царских опричников, как на сильнейшее теперь препятствие этому образованию»⁵⁸. Зло культурничества, с точки зрения марксистов, заключалось в том, что оно отвлекало демократическую интеллигенцию от борьбы за радикальные социально-политические преобразования России. Не случайно все сторонники «малых дел» были названы идеологами кулачества и отъявленными реакционерами⁵⁹.

«Легальные» марксисты, в частности, А. Н. Потресов, напротив, утверждали, что культурничество – это широкое течение, охватившее интеллигенцию после голода 1891–1892 гг. Оно дало «начатки политического воспитания масс культурных работников». При таком подходе культурничество нельзя было противопоставлять политике, как это делал Абрамов и публицисты «Недели», и путать «культурную работу» с «отрыжкой реакции» 1880-х гг. – культом «малых дел»⁶⁰.

Тем не менее, все русские марксисты считали, что народническая интеллигенция совершила серьезную ошибку, сделав ставку на крестьянство – консервативный класс разлагающегося феодального общества. Для марксистов настоящий народ – это пролетариат. Ему, а не «ветхозаветному» крестьянству, отводили они решающую роль в дальнейшем развитии России. Иными словами, народники и марксисты разошлись по главному для демократической интеллигенции вопросу: где находится центр русской жизни (в деревне или в городе) и соответственно, что делать интеллигенции: заниматься организацией крестьянства или пролетариата.

Одним из самых активных критиков легального народничества второй половины 1890-х гг. был А. И. Богданович. В течение 1893 г. он вел в «Русском богатстве» хронику внутренней жизни, но затем перешел на марксистские позиции. В своих статьях в «Мире божьем» Богданович постоянно изобличал народников в идеализации деревни (общины) и в создании мифа о народе-богоносце. Игнорирование фактов разложения крестьянского мира, по словам Богдановича, «завело народническую публицистику в непролазные дебри самобытного духа, привело к отказу от завоеваний цивилизованного Запада в области общественной жизни, во имя сохранения устоев... и

создало, в конце концов, тот ложный круг, из которого не может выбиться народническая мысль»¹.

Марксисты пытались убедить демократическую интеллигенцию в наличии особых исторических законов, «против которых не попрешь». Причем по этим законам выходило, что на мужика с его псевдосоциалистическими инстинктами следовало махнуть рукой. Народники же оставляли за собой право вмешательства в ход истории с целью устройства лучших человеческих отношений. С их точки зрения, марксистское понимание исторического процесса обезличивало интеллигенцию и народ, низводя их до степени шашек, которыми играли «господин капитал и госпожа индустрия» и прочие, не подлежащие воздействию экономические факторы. Они обвиняли марксистов в том, что их учение делало живого человека заложником экономической схемы, по которой ему надлежало «быть строительным материалом, заполнить скорее исторический ров и образовать собою гать, по которой перейдут будущие, не существующие еще поколения в лучшую жизнь»⁶².

Не менее острые разногласия разгорелись и вокруг марксистской теории борьбы классов как «локомотива истории». Марксисты из всех сил старались вытеснить из сознания радикальной интеллигенции остатки народнического учения об особой роли в развитии общества морально-этических факторов. Идея неоплатного долга перед народом отметалась как пережиток «крепостнического сознания» передовой дворянской интеллигенции⁶³. По словам Плеханова, народники смотрели на народ сверху вниз. Рабочая интеллигенция «неспособна относиться по-барски к людям физического труда уже в силу того убеждения, что историческое дело этих людей может быть сделано только ими самими. Она видит в них не детей, которых надо воспитывать, не несчастных, которых надо облагодетельствовать, а товарищей, с которыми надо идти рядом». Только так, по убеждению первого русского марксиста, могла исчезнуть пропасть, издавна разделявшая людей мысли и людей физического труда. Потому что теперь эти люди «сами становятся интеллигентными, чем прекращается неизбежная в свое время... монополия интеллигентности»⁶⁴.

Легальные народники идею разжигания в народе социального сепаратизма, инстинктов классовой борьбы и насилия категорически отвергали. В стране, где долгое время существовало систематическое угнетение личности, где человек привык быть господином или

рабом, не было гарантий, что политический переворот не приведет к власти более деспотичное правительство, чем при царе⁶⁵.

С другой стороны, постоянные заявления русских марксистов о том, что они хотят привлечь к социальным преобразованиям трудящиеся массы, делали их в глазах многих легальных народников союзниками в борьбе за победу демократии в России. В 1897 г. Лондонский фонд Вольной русской прессы выпустил брошюру Воронцова «Доктринеры материализма и русская действительность». В ней наряду с критическими замечаниями в адрес русских учеников Карла Маркса выражалась мысль о том, что постановка марксистами задачи «осуществления социализма пролетариатом», по сути дела, означала возрождение идеи организации народа, впервые высказанной народниками 1870-х гг.⁶⁶. На этой почве Воронцов, Оболенский и некоторые другие народники готовы были протянуть марксистам руку примирения. Однако марксисты не пожелали связывать себя с движением, по их мнению, уже отжившим свой век. В целом спор между идеологами «крестьянского» и «пролетарского» социализма закончился «ничьей», хотя последующий распад легального народничества дал современникам, даже Р. В. Иванову-Разумнику, повод говорить о победе марксистов⁶⁷.

В 1901 г. своеобразный итог походу марксистов против народников подвел Богданович – один из тех, кто пять лет назад призывал «стряхнуть с себя гнет обветшалых идей народничества, культурничества, проповеди малых дел»⁶⁸. Поводом послужило второе издание книги Кривенко «На распутье».

В своем отзыве Богданович отозвался о народниках как о «хороших покойниках», которые делали свое «хорошее небольшое дело» и ушли, оставив добрую память. Некогда русская интеллигенция верила в то, что истинное призвание культурного человека в деревне. По мнению Богдановича, жизнь убедила ее в бесплодности самых энергичных попыток поднять культуру народа без соответствующего изменения «общего направления государственной и общественной работы». И, как пророчествовал рецензент, призывы старого народника последовать примеру подвижников на народной ниве «навряд ли найдут широкий отклик в обществе»⁶⁹. Верность наследию А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского сохраняли лишь старики, которые никли один за другим. Молодое поколение инстинктивно обходило «остатки народничества», нашедшие приют в некоторых органах печати, «чувствуя, что живой источник здесь иссяк»⁷⁰.

Увы, в этих грустных для народников словах было много истины. В эпоху пробуждения политического сознания общества идеи эпигонов классического народничества из «Нового слова» и «Сына Отечества» теряют былое влияние на умы русской интеллигенции и уступают свое место, правда, не марксистам, а неонародникам – эсерам и энесам.

Но, как оказалось в начале XX в., не все идеи «старых» народников были «разбиты» жизнью. И отстаиваемая Воронцовым идея возрождения главного принципа народнического движения 1870-х гг.: все для народа и только *через* народ еще послужит эсерам и энесам. Что же касается большевиков, то фактически отступив от этого принципа в годы третьей русской революции, они «добились» того, чего так боялись многие легальные народники – торжества демократии без свободного волеизъявления народа.

5.2. Народники-реформисты в начале XX в.

В начале нового века легальное народничество как самостоятельное направление народнической мысли прекращает свое существование. Окончательно распался круг писателей и публицистов, определявших в 80–90-е гг. XIX века лицо русского народничества.

У всех общественных движений есть свои вожди, которые порой против своей воли становятся их символом, живой легендой. Молодежь почитает своих властителей дум как богов, им отдают должное идейные и политические противники, не говоря уже о соратниках по партии. В истории русского легального народничества таким вождем и непревзойденным авторитетом, главным хранителем идей 1860–1870-х годов был Н. К. Михайловский. В 1900 году по случаю 40-летнего юбилея его литературной деятельности более 20 тыс. корреспондентов прислали кумиру нескольких поколений русской интеллигенции поздравительные телеграммы и письма⁷¹.

В январе 1904 г. Михайловский скоропостижно умирает. Проводить его в последний путь придут около пяти тысяч петербуржцев. Такого скопления людей столица не видела со времени похорон Н. В. Шелгунова. Многие современники восприняли кончину Михайловского – «последнего истинного» русского народника, как своеобразную точку в истории и самого классического народничества. С Михайловского все начиналось, им же все и закончилось.

Что касается других теоретиков легального народничества 70–90-х гг. XIX века, то после прекращения выхода «Сына Отечества» и «Недели» о них уже мало кто вспоминал. Известно, что главный вдохновитель и организатор литературных предприятий народников – С. Н. Кривенко по состоянию здоровья отходит от активной журналистской деятельности. Я. В. Абрамов резко эволюционирует влево, публикуя в газете «Приазовский край» литературно-критические и публицистические статьи антиправительственного содержания⁷². Постоянно стесненный в средствах Л. Е. Оболенский становится ведущим сотрудником, а потом и редактором либеральной газеты «Приднестровский край», выходившей в Екатеринославле.

Особо следует сказать о судьбе В.П. Воронцова, которого «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона в свое время назвал главным теоретиком современного народничества. Лишившись собственного угла, Воронцов, как и его прежние товарищи по перу, вынужден был искать пристанища в других печатных изданиях. В 1901 г. по иронии судьбы он становится постоянным сотрудником «Вестника Европы» (где по-прежнему печатался А. Н. Пыпин), а с 1908 г., по протекции К. К. Арсеньева, редактором библиографического отдела этого журнала. В воспоминаниях издателя «Архива русской революции» И. В. Гессена, в начале XX века некогда знаменитый автор книги «Судьбы капитализма в России» предстал перед ним уже не задорным и смелым борцом, дерзкой рукой прокладывающим самобытные пути, а скромным молчаливым бесцветным человеком с «невывразительным плоским лицом». «Казалось, – пишет мемуарист, – что он сам находится под гнетом наступившего уже крушения своей прельстительной конструкции»⁷³. Тем не менее, Департамент полиции до 1903 г. причислял Воронцова к «радикально-оппозиционной группе» и вел за ним негласное наблюдение⁷⁴.

В исторической литературе взгляды теперь уже бывших идеологов легального народничества на стремительное развитие общественно-политической и экономической жизни страны в начале XX в. специально не изучались⁷⁵. А между тем многие из последних могикан народничества пережили первую народную революцию, а кое-кто и 1917 год. И не просто пережили, а продолжали делиться своими впечатлениями с читателями. Изменилось ли понимание народниками-реформистами задач передовой интеллигенции в условиях политического пробуждения масс? Как они интерпретировали причины поражения революции 1905 г.? Выяснение этих вопросов, на наш

взгляд, поможет глубже понять и оценить позиции народников в 80–90-е гг. XIX в., когда не все свои взгляды они могли выражать открыто.

Центральное событие начала XX в. – первая российская революция для многих общественных деятелей, включая марксистов, началась неожиданно, а точнее преждевременно. Поэтому противники революции сразу же аттестовали ее как детище русской интеллигенции, которая стремилась к ней на протяжении всей пореформенной эпохи. Так проблема интеллигенции (после двадцатилетнего перерыва) вновь оказалась в центре общественного внимания.

Предтечей очередной дискуссии об интеллигенции послужили статьи марксистов, опубликованные в легальной печати в самом начале 900-х гг. П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, В. В. Воровский, Н. Н. Иорданский выступили с критикой социально-этической концепции интеллигенции либералов и народников, вкладывавших в это слово сугубо идеологический смысл (служение определенным идеям и нравственным ценностям)⁷⁶. «”Интеллигенция” – это люди, “сердце и разум” которых “с народом”. В наше время, – по словам А. С. Изгоева, – никто, конечно, не подпишется под этим определением, насквозь пропитанным первородным грехом Михайловского, его субъективным методом»⁷⁷. Действительно, субъективный подход (в начале XX века его по-прежнему отстаивали П. Н. Милюков, П. Д. Боборыкин, Н. А. Рубакин, Р. В. Иванов-Разумник⁷⁸) отличался крайней узостью. Он исключал из состава интеллигенции всех противников идеи социального прогресса и просто образованных людей, далеких от политики.

Отстаиваемый марксистами социально-экономический подход расширял границы понятия «интеллигенция» до максимально возможных размеров. Интеллигенция – это все работники умственного труда, получившие специальное образование (представители свободных профессий, чиновники, банкиры, священники)⁷⁹.

Зачем марксистам потребовалось растворять интеллигенцию в образованных классах общества? Ответ дает тот же Изгоев: «Такая группа ни практического, ни теоретического значения не имеет. Это просто цивилизованные люди»⁸⁰. Народники 1870-х гг., например, сторонники П. Н. Ткачева утверждали, что интеллигенция – это особая сверхклассовая сила, способная к созданию новых социальных и духовных форм без привлечения других общественных сил. Марксисты стремились развенчать теорию «всесилия» интеллигенции, чтобы утвердить свое учение о пролетариате, как новой движущей

силе общественного прогресса. Кстати, одним из доводов в ее защиту стала угроза превращения «бессословной» интеллигенции в новую бюрократию, о чем И. И. Каблиц предупреждал еще в начале 1880-х гг.⁸¹

Таким образом, по убеждению марксистов, сознательная интеллигенция должна была оставить свои абстрактные идеи и ценности (служение народу, как некой цельной массе, и «вечным» общечеловеческим идеалам) и перейти на службу к самому передовому общественному классу – российскому пролетариату для организации его борьбы с капиталом⁸².

Объективно марксистский (социологический) подход к определению природы отечественной интеллигенции отражал реальные изменения в ее составе. Под влиянием развития в стране капитализма постепенно увеличивался спрос на работников массовых интеллектуальных профессий, для которых главное значение имел уровень образования, а не особые морально-этические качества.

Легальные народники в полемике об интеллигенции 1901–1904 гг. участия не принимали. Все, что они могли сказать, в свое время уже было произнесено. Да и подходящая трибуна для ответа на критику народнической точки зрения на интеллигенцию отсутствовала. Другое дело революция 1905 г. Начавшись в столицах, она в скором времени докатилась и до провинции, проникнув в самую толщу народной жизни. Пройти мимо происходящих в стране и народном сознании радикальных изменений, так долго ожидаемых русской демократической интеллигенции, народники не могли.

Некоторым из представителей народнической интеллигенции 1870–1880-х гг. довелось лично участвовать в бурных событиях революционного времени. Например, Абрамов и Кривенко занялись организацией работы местного самоуправления на Кавказе. Абрамов даже пытался баллотироваться в депутаты I Государственной думы, как независимый кандидат, но ставропольские крестьяне его не поддержали⁸³. Но все-таки основная масса народнических писателей, многим из которых было за пятьдесят, предпочитала служить народу с пером в руках. В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков откликнулись на подъем крестьянского движения специальными статьями, пытаясь заглянуть в будущее многомиллионного мужицкого царства.

Не менее остро волновала народников судьба рабочего класса. Н. Н. Златовратский, потрясенный расстрелом демонстрантов на

Дворцовой площади 9 января 1905 года, очень сочувственно отнесся к начавшемуся в столице вооруженному восстанию. У входа в его квартиру на Малой Бронной был создан перевязочный пункт для оказания первой помощи раненым с баррикад. Чутко вслушиваясь в гул нарастающего пролетарского движения, писатель-народник пишет свои страстные «Три легенды», пытаясь в христианско-мистическом духе осмыслить историческую роль рабочего класса⁸⁴.

Отношение народников к революции было крайне противоречивое. С одной стороны, она пробуждала в них самые радужные надежды на грядущее обновление русской жизни, с другой, пугала резкими вспышками насилия в народе и обществе, непрерывной чередой грабежей, погромов и убийств мирных граждан, грозящих погрузить страну во «тьму египетскую»⁸⁵. Но независимо от своих личных переживаний все бывшие идеологи легального народничества считали начавшуюся революцию явлением неизбежным, поскольку к ней Россию подталкивала суровая историческая необходимость.

Среди причин, вызвавших революцию, народники прежде всего называли неспособность властей удовлетворять назревшие нужды страны, включая ее внешнеполитическую безопасность (речь шла о позорном поражении России в русско-японской войне)⁸⁶. По их мнению, потребность в преобразованиях общественного строя России назрела давно, еще во времена Великих реформ Александра II. Все прошедшие 40 лет бюрократия, по меткому выражению Кривенко, только «коверкала» русскую жизнь, в конце концов, доведя ее до состояния полного хаоса⁸⁷.

Вторая причина была связана с неудовлетворенностью народа своим материальным положением. Крестьянская реформа, по мнению народников, принесла ему только формальное освобождение, т.к. предоставленные крестьянам наделы не давали возможности самостоятельного развития их хозяйства (без аренды помещичьей земли). Разорению и обнищанию крестьянства в пореформенные годы во многом способствовала фискальная политика правительства, проводимая в интересах дворянства и нарождающейся буржуазии. В начале XX в. царское правительство вообще отказалось от поддержки общины, взяв курс на ее постепенное разрушение. Для народников это означало окончательное крушение иллюзии о надклассовости русского самодержавия⁸⁸.

Конечной целью начавшейся в стране революции была демократизация политического и экономического строя в интересах основ-

ного населения страны. В этом у Н. Ф. Даниельсона, В. П. Воронцова, С. Н. Южакова и других народников не было ни малейшего сомнения. По крайней мере, термин «буржуазная» революция отсутствовал в их лексиконе. С самого начала она воспринималась ими как движение народных масс – крестьян, рабочих и передовой русской интеллигенции⁸⁹.

По подсчетам исследователей в 1905–1907 гг. в стране произошло около 20 тысяч крестьянских волнений⁹⁰. Такого размаха народного движения Россия не видела со времен пугачевщины. Уже для современников этих событий было очевидно, что участие крестьян в революции, призванной решить вопрос о земле, не могло пройти бесследно для политического воспитания народа. В либерально-демократической печати открыто высказывалась мысль о начале глубокого перелома в отношении народа к царю, о возможности превращения крестьянства в самостоятельную общественную силу, от которой будет зависеть направление и ход дальнейшего развития страны.

Точный учет уровня развития в народе политического сознания был, конечно, невозможен. Поэтому вопрос о том, что именно крестьянству предстоит сыграть решающую роль в борьбе с отжившим самодержавно-бюрократическим режимом, по-прежнему оставался открытым. В этой связи становится понятным, почему народники так внимательно следили за крестьянским движением 1905–1907 гг. Только подробно проанализировав его характер и причины, можно было делать прогнозы на будущее.

Из народнических публицистов наиболее обстоятельное исследование данных вопросов принадлежало Воронцову. По его мнению, изложенному в письме к Н. А. Рубакину, «очередные важные шаги в нашей истории могут быть сделаны лишь при участии народных масс и на основании изучения объективной обстановки, предугадывая особенную восприимчивость масс в восприятии прогрессивности освободительной идеи»⁹¹.

Свои наблюдения за изменениями в народном мировоззрении Воронцов черпал из сообщений газетных корреспондентов, а также в анкетах Вольного экономического общества, которые были изданы в 1908 г.⁹². К каким же выводам приходит народник после знакомства с этими материалами?

Прежде всего, Воронцов обращает внимание на то, чем крестьянское движение начала XX века отличается от предшествующих народных выступлений. Во-первых, «в новейшем крестьянском дви-

жении не встречается ни самозванца или его полковников, ни манифестов, призывающих к восстанию, ни предварительной победы царя-благодетеля над правительственными войсками – словом, ничего составляющего характерную черту пугачевщины». Свободное крестьянство, включает Воронцов, оказалось менее щепетильным в оправдании права восстать, чем его крепостные предки. Вторая его отличительная особенность – «бледность» знамени царской власти, которое так ярко окрашивало крестьянскую войну 1773–1775 гг. и более мелкие волнения крепостных⁹³.

Для доказательства Воронцов ссылается на анкеты Вольного экономического общества. В них, действительно, очень мало прямых указаний на то, что «жечь и грабить помещиков» им разрешили «Царь и Дума». В большинстве случаев крестьяне громили помещичьи имения, захватывали во временное пользование частновладельческие земли, смещали неугодных должностных лиц, не платили податей, устраивали забастовки и стачки не по приказу внешней силы, а по собственному побуждению, в зависимости от своего понимания целесообразности той или иной меры. Они действовали как самостоятельная политическая сила, как класс, защищающий свои интересы⁹⁴.

Еще одной характерной чертой народного движения явилось резкое увеличение контактов крестьян с интеллигенцией. Теряя надежду на помощь высшей государственной власти, народ стал более внимательно прислушиваться к советам «партийных людей» и «студентов», готовых работать в пользу его интересов. Воронцов оценивал этот факт как главный положительный результат новейшего этапа русского освободительного движения, как начало заполнения пропасти, разделявшей интеллигенцию и народ. «Рушились, – пишет публицист, – психологические преграды, мешавшие объединенной, организованной борьбе за благосостояние народа и за культурное преуспевание страны...»⁹⁵.

Констатировав начало изменений в политической ориентации крестьянства, народники, конечно, не могли не затронуть вопрос, какие именно исторические факторы способствовали пробуждению политического самосознания народа. На первое место они ставили реформы Александра II, которые не только завершили крепостнический период русской истории, но и призвали крестьянина к активному участию в общественной службе (земство, суд, воинская повинность), подняв тем самым его чувство личного и общественного достоинства. Благоприятную почву для развития политической психоло-

гии масс создало постепенное разрушение патриархальной замкнутости деревенского мира. Знакомство мужика с городской жизнью, проникновение в деревню книг и газет расширяло круг его представлений о государстве и о положении в нем крестьянского сословия⁹⁶.

Определенное значение для расширения политического кругозора народных масс имела просветительская деятельность демократической интеллигенции. Однако, по мнению народников, она не могла оказать на них значительное влияние, так как не имела систематического и планомерного характера. Своим политическим развитием народ обязан не интеллигенции, за 40 лет так и не сумевшей привить ему даже элементарных представлений о политической жизни и механизме политических преобразований, а названным выше общим условиям культурного развития страны⁹⁷.

На эволюцию политического мировоззрения крестьян большое (если не решающее) влияние оказали факторы отрицательного свойства. Прежде всего, это ухудшение экономического положения крестьянского хозяйства, которое стало главной причиной крестьянских волнений после отмены крепостного права. «Реформа 1861 г., – по словам Воронцова, – казалась, устранила самые основания крестьянских восстаний, уничтожив то установление, с которым – активно или пассивно – крестьянство боролось во все время его существования». Позже выяснилось, что крепостные отношения были ликвидированы только наполовину. Получив личную свободу, крестьянин лишался части своего прежнего надела и был вынужден арендовать отрезанную у него землю на самых невыгодных условиях. Причем по требованию помещика арендная плата осуществлялась трудом на его поле (как прежде на барщине). С ростом населения хозяйственная зависимость от бывших владельцев увеличивалась все больше (особенно в черноземных губерниях) и «в конце концов, крестьянин почувствовал себя в такой кабале, что, как и его крепостной предок, готов был на всякие средства для своего скорейшего освобождения»⁹⁸.

Почти полвека после объявления «воли» крестьянство надеялось добиться прирезки к своим наделам помещичьей земли при помощи царя. Правительство, пытавшееся с конца 1880-х гг. восстановить пошатнувшуюся административную власть дворянства (в лице земских начальников), обмануло эти надежды. В 1905 г. терпение народа лопнуло, «зависть и злоба» по отношению к помещикам выплеснулись наружу. Революционные выступления рабочих в столицах

крестьянство восприняло как сигнал к изменению сложившихся в деревне порядков традиционными средствами, т.е. путем «вытуривания» господ из имений (в надежде, что они туда не вернутся и вся земля перейдет к мужику). Однако стихийное народное движение потерпело новое поражение, еще раз доказав, что самовольный захват земли бесцелен, если крестьяне не будут добиваться закрепления ее за собой законодательно⁹⁹.

Неутешительные итоги последней «крестьянской войны» наглядно свидетельствовали, что наметившаяся тенденция к ослаблению монархических иллюзий – это только первый шаг по пути превращения народа в сознательную политическую силу. Для прохождения следующих классов политического образования народу, по убеждению народников, нужен был постоянный наставник и учитель в лице передовой интеллигенции.

Революция поставила на повестку дня вопрос о преобразовании полицейского государства в правовое, заставив бывших идеологов легального народничества пересмотреть свое понимание ближайших задач русской интеллигенции. Отныне резкая критика беззаконий и засилья царской администрации как главного источника всех бед в стране становится лейтмотивом статей Воронцова, Кривенко и других умеренных народников. Однако сама стратегия устранения «прогнившего» режима осталась прежней. Решение насущной задачи обновления политического строя, как и 30 лет назад, связывалось ими с выходом на историческую арену русского крестьянства и его включением в освободительное движение.

События 1905–1907 гг. еще раз убедили народников, что судьба политической свободы в России и сама возможность осуществления истинно-демократического строя, минуя либерально-буржуазный политический строй, напрямую зависела от скорейшего разрешения аграрного вопроса¹⁰⁰. Только соединив борьбу за свободу с требованием наделения крестьян землей можно было надеяться на превращение масс из потенциальной политической силы в реальную. Для этого надо было убедить народ в том, что аграрный вопрос не мог быть разрешен на местах путем частных сделок. Это важнейший политический вопрос и он должен был решаться в центре, для чего крестьянству необходимо объединиться в свою собственную партию и выработать единую программу действий. Образование Всероссийского крестьянского союза свидетельствовало, что народная мысль развивалась именно в этом направлении¹⁰¹.

С другой стороны, новые общественно-политические условия внесли свои коррективы и в решение крестьянского вопроса. Еще накануне революции Кривенко в статье «Крестьянский вопрос и канцелярское творчество» дал общую оценку политики правительства по данному вопросу. Поводом послужил созыв Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое обнаружило преобладание на местах противников общинного строя. Местные комитеты обрисовали общинные порядки в самых мрачных красках, представляя их варварским наследием крепостного права, мешающим культурному прогрессу, рассадником косности, лени, взаимного недоверия, а иногда и вражды. Все это нуждалось в проверке, но Кривенко допускал, что в действительности все было так, как утверждали комитеты, и нисколько этому не удивлялся. Тут мог быть задан только один вопрос: насколько справедливо возлагать эти недостатки и смертные грехи на общину, а не на те условия, в каких она столько лет находилась и находится? В дальнейшем автор приходит к выводу, что одним уничтожением общины избавить народ от бесправия и бедности невозможно. Для этого требовались другие средства – политические гарантии его гражданских прав и свобод; обобществление производства и национализация земли, к чему первым шагом могла стать крестьянская община¹⁰².

В данном тексте обращает на себя внимание включение народником в программу решения народного вопроса требования для крестьян полных гражданских прав (в том числе право свободного выхода из общины отдельных домохозяев¹⁰³) и возможности заботиться о себе самостоятельно. Иными словами, полное освобождение крестьян от бюрократического произвола признается здесь такой же важной задачей, как наделение их землей. «Мы не в состоянии указать, – писал в 1907 г. Воронцов, – какая политическая сила могла бы помешать осуществлению исторической мечты русского народа об обращении всей земли в пользование трудящихся масс, после того, как сила реакции будет сломлена и наша страна увидит себя под сенью свободных политических учреждений!.. со свержением бюрократического ига, народная сила окажется непреборимой»¹⁰⁴.

Известная политизация народнической программы в статьях Воронцова и Кривенко вовсе не означала отказа легальных народников от задач «культурной работы» в народе. В начале XX в. обоснованием ее «неизбежной необходимости» больше других занимался Е. Д. Максимов.

Прежний политический режим, по словам Максимова, отстранял интеллигенцию от «культурной работы» в широком смысле этого слова. Поэтому в деревню шли единицы (подвижники народной идеи) и их деятельность там сводилась к благотворительности. После революции 1905 г. положение в стране изменилось. Интеллигенция получала гарантии для легальной работы в массах. Поэтому теперь «культурную работу» ни в коем случае нельзя было отождествлять с теорией «малых дел», т.к. она не противоречила «коренной работе» по созиданию нового строя, как нечто самодовлеющее, а являлась лучшим для нее вспомогательным средством¹⁰⁵.

Культурно-просветительская работа в массах, в интерпретации Максимова, была направлена на решение следующих задач: воспитание из крестьянина и рабочего пролетария человека и гражданина, а потом уже профессионала; освобождение народа от экономической, правовой и духовной зависимости от «командующих» классов; подготовка почвы для сближения интеллигенции с простым народом. Иными словами, «культурная работа» должна была подготовить массы к их будущей «сознательной и творческой» государственной работе¹⁰⁶.

Первая народная революция, с точки зрения представителей левых течений и движений, закончилась поражением. Дума «народного гнева»¹⁰⁷, из-за ее непрерывных конфликтов с правительством, была распущена царем, а новый избирательный закон изменил соотношение сил в ней в пользу правых и умеренных партий. Многие старые народники предсказывали подобное развитие событий задолго до государственного переворота 3 июня 1907 г. Так, Л. Е. Оболенский еще в 1905 г. говорил своим товарищам, что «доктринерство русской интеллигенции, ее упорная и слепая теоретичность погубят освободительное движение в России и породят много бедствий, еще небывалых до сих пор...». В своих воспоминаниях он подробно описывает восторги редакции «Приднепровского края» по случаю манифеста 17 октября. Для Оболенского это была одна из иллюстраций идеалистической веры интеллигенции в то, что политические свободы могут исцелить Россию от всех бед¹⁰⁸.

О пренебрежении интеллигенцией созидательной и просветительской деятельностью в народе, как недопустимой ошибке, в феврале 1906 г. Кривенко сообщал в частном письме к Максиму: «Они (представители прогрессивных партий. – Г. М.) об этом не думают..., потребуется масса жертв..., чтобы опять очутиться лицом к

лицу с тем же вопросом»¹⁰⁹. Не случайно, в годы первой русской революции Кривенко по-прежнему выступал за объединение народников с земцами для практической разработки и законодательного проведения крестьянского вопроса.

Огромное разочарование принесла революция Абрамову. В конце ноября 1905 года он выразил уверенность в бессмысленности дальнейшей радикализации борьбы путем вовлечения крестьян в революцию, т.к. «аграрное движение будет подавлено военной силой, залито кровью..., у правительства достаточно еще для этого сил»¹¹⁰. В декабре того же года Абрамов заявил, что задачей момента является развитие производственной и потребительской кооперации, создание касс взаимопомощи, концентрация производства, установление муниципального социализма. По его словам, «социализм – не утопия, не фантазия: социализм – это реальная действительность». Но установление нового строя невозможно насильственным путем¹¹¹.

Отдельно следует сказать об отношении к причинам поражения революции 1905 г. Воронцова. Сущность кризиса, переживаемого страной, по его убеждению, состояла в том, что необходимость крушения государственного строя назрела раньше, чем сложились силы, способные выполнить эту задачу. Ни народ, ни интеллигенция были к этому не готовы, и власть могла оказаться в руках их нового врага – буржуазии, причем без всяких усилий с ее стороны. Главный позитивный итог революции, по мнению Воронцова, заключался в том, что пропасть между интеллигенцией и народом стала закрываться. Это обстоятельство вселяло в народнического публициста надежды на скорое слияние двух рукавов русского освободительного движения¹¹². Тогда еще Воронцов, принадлежавший к «фракции» народников-оптимистов, не мог себе представить, к каким последствиям приведет образовавшаяся при этом гремучая смесь.

После событий 1905–1907 гг. надежды на слияние оппозиционной интеллигенции и народных масс были присуще уже далеко не всем представителям старого русского народничества. «Тяжело и неприятно, – писал в 1911 г. К. В. Лаврский, – разочароваться в своем народе... признать его дегенератом, неудачником, обманувшим наши ожидания»¹¹³. Это, конечно, крайнее мнение человека, который и раньше не отличался особыми симпатиями к мужику, находя в нем слишком много язв и уродств. Но своя доля истины здесь была.

Революция наглядно продемонстрировала полную неподготовленность масс к длительной и упорной борьбе за свои права, что не

могло не отразиться на настроении интеллигентов, продолжавших поклоняться культу народа. «Где старый дух народоправства? Где тот “народный дух”, дух общины и “мира”, верой в который мы, интеллигенция, так долго жили и дышали?», – спрашивал один из ее представителей Н. Н. Черненко. «Неужели же “дух” этот только фантом, только призрак, только иллюзия измученной, исстрадавшейся о народе интеллигентской души?». «Неужели мы сотворили себе кумира, а не Бога и на алтарь кумира принесли столько жертв – от Радищева и Новикова до тысяч безвестных, страдавших и страдающих, погибших и погибающих?»¹¹⁴. Однако подобные сомнения мало трогали теоретиков нового поколения народнической интеллигенции.

Революция 1905 года, несмотря на поражение, радикально изменила общую картину политической жизни страны. Вместе с появлением парламента и легальных политических партий всевластие русского царя было ограничено, по крайней мере, юридически. Партийная и общественная интеллигенция с лихвой воспользовалась полученными ей свободами слова, печати и собраний, занявшись организацией масс для борьбы за окончательную победу русского освободительного движения. Последние двенадцать лет императорская Россия напоминала бурлящий котел, готовый в любую минуту взорваться и разлететься на мелкие кусочки.

Одной из самых больших и влиятельных политических партий стала партия социалистов-революционеров. В 1907 г. она насчитывала в своих рядах 65 тыс. чел., а в 1917 г. по разным подсчетам – от 600 тыс. до 1 млн. чел.¹¹⁵. Завоевав больше всех мест в Учредительном собрании (412 из 715), эсеры на деле доказали, что социалистические идеи интеллигенции при умелом ведении дела могут быть пересажаны в головы не только рабочего пролетария, но и простого русского мужика¹¹⁶. Мечту народников 1870–1890-х гг. о том, чтобы стать умственными вождями народных масс, осуществили их исторические преемники – неонародники¹¹⁷.

Сами социалисты-революционеры (главным их теоретиком стал В. М. Чернов) считали себя идейными наследниками революционных народников. По словам Г. В. Плеханова, эсеры захотели «опять слить воедино то, что разъединил 1879 год, т.е. “террор” и агитацию в народе»¹¹⁸. Традиции легальных народников, точнее Н. К. Михайловского и его ближайшего окружения, продолжали народные социалисты или энесы во главе с А. В. Пешехоновым и публицистами «Русского богатства».

Обе неонароднические партии окончательно оформились в 1906 г. Общим в их программах было требование свержения самодержавия и провозглашение (через Учредительное собрание) демократической республики. В народно-хозяйственной области на первом месте по-прежнему находился земельный вопрос. Считали ли неонародники крестьянина-общинника социалистом по инстинкту, как их предшественники, однозначно сказать нельзя. В любом случае они выступали против насильственного разрушения крестьянской общины. Главное различие между эсерами и энесами касалось методов перехода от капитализма к социализму. Первые выступали за революционный путь, вторые за постепенные реформы¹¹⁹.

Неонародники не случайно еще в 1905 г. устами Р. В. Иванова-Разумника назвали первую русскую революцию «народнической». Этим они подчеркивали свое стремление к осуществлению старых идеалов народничества¹²⁰. Правда, некоторые исследователи считают, что это заявление – удачный пропагандистский ход (повышающий их авторитет в глазах радикально настроенной молодежи), т.к. на самом деле в неонародничестве от теорий классического народничества мало что осталось¹²¹. В принципе с этим утверждением можно согласиться. Иначе не потребовалось бы называть новое поколение народников неонародниками. Однако нельзя забывать о том, что в главном вопросе – антикапиталистической направленности их программы преобразований и стремлении опереться в ее осуществлении на народ – преемственность действительно существовала.

Новый этап освободительного движения, на котором прогрессивная интеллигенция перестала быть единственной оппозиционной правительству силой, потребовал от неонародников заново определить свое отношение к народу. В качестве главной задачи они поставили пробуждение народных масс путем внесение в их среду «света сознательной мысли», после чего они сами (!) воплотят в жизнь идеалы демократической интеллигенции. При этом под «народом» понимались не только крестьяне и рабочие, но и трудовая интеллигенция¹²².

Причины неудачных попыток опереться на массы у своих предшественников неонародники объясняли искусственной изолированностью интеллигенции от народа. По признанию Петрищева, до революции 1905 г. общие условия жизни надолго исключали для барина и мужика возможность «сойтись на совместном деле». Теперь, пишет публицист «Русского богатства», общее дело нашлось. И со-

шлись интеллигенция и народ – два «таинственных незнакомца». «Это решающее событие в русской истории XX в.». Революция создала некий общий язык, одинаково понятный и интеллигенту, и мужику. «Интеллигент-барин получил возможность стать идейным руководителем народного движения»¹²³. Примерно также оценивали влияние революции на взаимоотношения интеллигенции с народом Пешехонов и Иванов-Разумник.

Отказавшись от идеи «всевластия» прогрессивной русской интеллигенции, неонародники надеялись, что со временем роль обновляющего фактора русской жизни возьмут на себя выходцы из самого народа – представители народной интеллигенции. Ее появление считалось важным доказательством жизненности народнических идей. Однако вера неонародников в творческие силы народа уже не была такой безграничной как в 70-е гг. XIX в. И хотя Иванов-Разумник утверждал, что «иной раз безграмотные крестьяне силой творческого духа превышают многих кабинетных пророков», практика это мнение чаще всего опровергала. Народ, писал по этому поводу Н. Ф. Богораз, также выдвигает интеллигенцию из своих рядов. Но, не имея необходимого образования, «эти личности не могут правильно поставить и привести в определенную форму партийные убеждения, а тем более соображать свои поступки с требованиями эпохи и случайностями борьбы». Поэтому в разработке новых идеалов и выяснении партийной программы интеллигенция «из рабов и плотников» должна играть подчиненную роль¹²⁴. Весьма красноречивое заявление.

Как уже отмечалось, многие неонародники считали своим главным идейным наставником Михайловского, поскольку благодаря личным контактам он оказал на них даже большее влияние, чем А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и П. Л. Лавров. На рубеже XIX–XX вв. под началом Михайловского начинали свой путь в «Русском богатстве» Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, С. Я. Елпатьевский, В. М. Чернов и другие публицисты. От Михайловского они заимствовали социально-этическое учение об интеллигенции и ее неоплатном долге перед народом. Именно Михайловский в 1901 г. предскажет возрождение в начале XX века народнических идей семидесятых годов, которые с учетом пережитого опыта смогут объединить русскую интеллигенцию¹²⁵. После смерти своего духовного наставника эсеры (Р. В. Иванов-Разумник, Е. Е. Колосов, Н. С. Русанов и др.) посвятят ему десятки воспоминаний, статей и

книг, заложив традицию почитания Михайловского в отечественной историографии народничества¹²⁶.

Сам Михайловский оценивал свои труды гораздо скромнее, чем его почитатели, видимо, понимая, что он скорее поставил вопросы, чем дал им удовлетворительное объяснение. Жизнь постоянно вносила в пропитанные духом субъективизма и идеализма народнические теории свои коррективы. И если бы неонародники слепо следовали за общими советами своего учителя, далеко бы они не ушли.

Действительно важное отличие народников начала XX в. от своих предшественников состояло в активном освоении новых форм организации движения. Уделив самое пристальное внимание партийному строительству на местах, эсеры уже в период первой российской революции имели в своих низовых структурах больше половины членов организации из рабочих и крестьян¹²⁷. Это был колоссальный прорыв в отношениях идейной интеллигенции с народом. Сумев в условиях политического пробуждения масс вовлечь их в свое движение, эсеры создали благоприятную почву для революционной пропаганды не только в городе, но и в деревне.

Если рассматривать идейное развитие народничества с точки зрения поисков интеллигенцией путей сближения с народом (а для неонародников эпохи пробуждения масс этот вопрос опять вышел на первое место), то идейно-тактические принципы Михайловского не могли иметь здесь решающего значения. Как известно этот теоретик всегда был против массового «хождения» интеллигенции в народ. То же самое относится и к необходимости разработки программы решения аграрно-крестьянского вопроса. Представители левого фланга легального народничества, в отличие, например, от Воронцова, никогда не считали его первостепенным. Но необходимость заручиться поддержкой крестьянства в условиях революционного брожения в деревне заставила неонародников обратить на данный вопрос самое пристальное внимание.

По этой причине мы можем говорить об актуализации в начале XX в. идейного наследия тех народников-реформистов 1880–1890-х гг., кто доказывал, что «ключ к сердцу мужика» лежит через практическую поддержку его стремлений к скорейшему разрешению земельного вопроса. Прежде всего, это были теоретики «Недели» П. П. Червинский, И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов, а также идеологи среднего течения в легальном народничестве В. П. Воронцов и С. Н. Кривенко, отколовшиеся от «Русского богатства» в середине

1890-х гг. из-за сочувствия сторонникам «малых дел». Все они отказывались видеть в свержении самодержавия самую важную задачу русской интеллигенции.

Однако неонародники по понятным причинам поспешили поставить на идейных исканиях бывших противников Михайловского жирный крест.

На наш взгляд, приписывание всем идеологам народнического аполитизма 80–90-х гг. XIX в. пренебрежительного отношения к интеллигенции и ее «учительной» роли, узкого практицизма и идеализации деревенских устоев, как это делал, например, Чернов¹²⁸, было в значительной мере данью традиции, сложившейся к тому времени в кругах радикальной интеллигенции. Так, Русанов, описывая полемику Михайловского против Воронцова – самого крупного представителя этого направления, назвал его формулу народничества узкой и односторонней. Жизнь, пишет Русанов, обнаружила влияние политики на экономику, а у Воронцова все было наоборот. Правда, он тут же замечает, что теперь (в 1905 г.) «В. В.», по-видимому, начинает отходить от «злополучных» идей «Наших направлений»¹²⁹. О том, что в 1880–1890-е гг. реальные условия русской жизни делали занятие политикой привилегией избранных натур, Русанов предумышленно умалчивает.

В июне 1906 г. ушел из жизни Кривенко. В отличие от своего бывшего друга Михайловского, он не принадлежал к идейным вождям той эпохи. Кривенко не оставил после себя оригинальных общественно-научных трудов, способных перевернуть мирозерцание целого поколения молодежи. Вместе с тем, его творчество явилось наиболее последовательным выражением идеалов и стремлений народнической интеллигенции последней трети XIX века. По свидетельству современников, Кривенко обладал особым умением увязывать решение самых злободневных вопросов пореформенной русской жизни с поиском практических путей реализации народнических идеалов, что придавало их достижению характер общественно значимой программы. На разработку и пропаганду такой программы общественных преобразований, призванной вывести Россию на путь некапиталистического развития, писатель потратил всю свою жизнь, занимаясь этим даже тогда, когда народнические идеи утратили значительную часть прежнего обаяния.

Вопрос о значении общественной деятельности Кривенко как одного из творцов, самостоятельных выразителей и проповедников на-

роднического мирозерцания вызвал между бывшими идеологами легального народничества целую полемику. С. Н. Южаков и некоторые его коллеги из редакции «Русского богатства» считали, что своей проповедью «культурничества» Кривенко фактически призывал к примирению с действительностью, т.е. отказу от идейного наследия 1860–1870-х гг.¹³⁰

Противоположной точки зрения придерживались его бывшие соратники (В. П. Воронцов, Е. Д. Максимов, П. В. Засодимский), утверждавшие, что всю свою скитальческую жизнь Кривенко исповедовал «самые высокие идеалы, которых достигла русская творческая мысль» («о земле и воле, о трудовом начале, как факторе распределения богатств, о земщине и общественных организациях вообще и о культурной работе в народе»), в конце концов, сделавшиеся «общим лозунгом самых передовых и радикальных течений освободительного движения»¹³¹.

Более взвешенно позицию Кривенко в 90-е гг. XIX в. оценил П. Ф. Якубович, хорошо знавший его по народовольческому подполью. По мнению Якубовича, вернувшись из ссылки в 1888 г., Кривенко «чересчур мрачными глазами» взглянул на свою прежнюю деятельность, решив, что «нужно заново поднимать новь, забирая землю осторожной и неторопливой сохой». Но и тогда из-под пера публициста не вышло ни одной строчки, которой могли бы стыдиться его друзья и соратники времен «Отечественных записок»¹³².

Замечание Якубовича о том, что в «период безвременья» Кривенко задался целью заново поднимать новь очень точно отражает главную идею «органической культурной работы» – необходимость подготовки почвы для возрождения народнической программы 1870-х гг. Однако новое поколение народников эти доводы во внимание не принимали. Радикальной молодежи по-прежнему нужны были духовные вожди, ничем себя не скомпрометировавшие, стойко пронесшие идею борьбы с самодержавно-бюрократическим строем через все перипетии 1880–1890-х гг. Михайловский подходил на эту роль лучше всех остальных, поэтому в ранг «истинного» народника возвели именно его.

Так или иначе, после революции 1905 г. легальное народничество – во всех его проявлениях – это уже история и немногие здравствующие его теоретики это прекрасно понимали. В последние годы жизни Кривенко, Оболенский, Златовратский, Засодимский, Южаков в большей мере были поглощены написанием мемуаров, отойдя от вопросов текущей политики.

Из старых народников, пожалуй, один только Воронцов продолжал держать руку на пульсе важнейших исторических событий. Но в печати о нем если и будут вспоминать, то только как о знатоке корней русского народничества и особой народолюбивой природы русской интеллигенции¹³³.

Призыв в 1905 г. будущего лидера народных социалистов А. В. Пешехонова к слиянию с народом, в котором «сейчас все наше спасение»¹³⁴, Воронцов назвал «поворотным пунктом» в истории демократической интеллигенции. Жаль только, сетовал публицист, что эта идея не проповедовалась «Русским богатством» раньше (при Михайловском), когда шла подготовительная работа по созданию социально-культурных предпосылок для эволюционного социализма, а предлагалась к руководству «в момент горячей борьбы»¹³⁵. Дожив до торжества важнейшего народнического принципа своей молодости, Воронцов, тем не менее, не примкнул ни к одной из легальных неонароднических организаций. Точнее, его никто туда не приглашал.

В заключении еще раз попытаемся выделить одну из главных причин кризиса легального народничества на рубеже XIX–XX вв. На наш взгляд, она была связана с несоответствием его идей и организационных форм новым потребностям общественного движения. Во-первых, в 1890-е гг. значительно ослабла социальная база легального народничества, представленная в основном земской интеллигенцией, которая постепенно утрачивала веру в самобытный путь развития России. Во-вторых, легально-народническая доктрина эволюционного социализма была изначально направлена на создание предпосылок для общественного переворота, а не на его непосредственную организацию. Народники-реформисты отстаивали дарование населению широких политических свобод, но никогда не ставили перед собой задачи борьбы за власть, как главное орудие общественных преобразований. Они считали, что интеллигенция всегда должна находиться в оппозиции к правительству. Поэтому от теории к практике, к образованию в народе (и обществе) массовой организации, легальные народники так и не перешли. Создание в России политических партий – это явление новой революционной эпохи, вписаться в которую «старые» народники уже не смогли.

Примечания

¹ См.: *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972. Гл. 3; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. Гл. 1; *Васильева Т. А.* Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

² Об идеологах неонародничества см.: *Алексеева Г. Д.* Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция). М., 1990; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. Гл. 3. «Михайловский и его литературная семья»; *Протасова О. Л.* Политическая и общественная деятельность А. В. Пешехонова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Гусев К. В.* В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

³ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. С. 11.

⁴ *С. К. [Кривенко С. Н.]* По поводу внутренних вопросов // Новое слово. 1895. № 2. С. 188.

⁵ Максимов Евгений Дмитриевич (1858–1927) – народнический публицист, земский статистик, деятель кооперативного движения.

⁶ Там же. 1895. № 3. С. 204, 206; 1896. № 4. С. 177–178.

⁷ См.: *В. В. [Воронцов В. П.]* Очерки современных направлений. Экономический материализм на русской почве // Новое слово. 1895. № 3. С. 70

⁸ *Поссе В. А.* Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.; Л., 1929. С. 114.

⁹ В действительности положение «Нового слова» было не так уж плохо. Через 1,5 года журнал имел 3 тысячи подписчиков и по самым скромным прогнозам еще через год-два мог обойтись без дополнительных финансовых вливаний. См.: *Гофштеттер И.* Рубль и мысль (На темы дня) // Жизнь. 1897. Т. 7. № 19. С. 105, 106, 109.

¹⁰ «Сын Отечества» принадлежал товариществу «Паллизен Мерк и компания». Последнее было совершено чуждо газетно-издательской сфере. Оно хотело вернуть деньги, которые задолжал ему прежний издатель, и поэтому предоставило народникам полную свободу во внутренних делах.

¹¹ *Южаков С. Н.* Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 2. С. 166.

¹² РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–13.

¹³ См.: *Слобожанин М. [Максимов Е. Д.]* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко // Минувшие годы. 1908. № 5/6. С. 294–295.

¹⁴ Сын Отечества. 1897. № 233.

¹⁵ Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 237–240.

¹⁶ *Балуев Б. П.* Указ. соч. С. 125.

¹⁷ Там же. С. 139.

¹⁸ Подробнее о нем см.: *Гросул В. Я.* Южаков Сергей Николаевич (1849–1910) // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия.* М., 2005. С. 633–634.

¹⁹ *Южаков С. Н.* Из современной хроники. С. 176, 177.

²⁰ *Сементковский Р.* Шестидесятые годы и современная беллетристика // *Исторический вестник.* 1892. № 4.

²¹ *Обнинский П. Н.* Из области современной этики. «Маленькие дела» // *Русское богатство.* 1895. № 10. С. 23, 25.

²² Там же. С. 27

²³ Там же.

²⁴ *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // *Русское богатство.* 1897. № 10. С. 171, 178–179.

²⁵ [*Воронцов В. П.*] «Этико-социологи». Письмо в редакцию «Нового слова» // *В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятисотым: Сб. ст.* СПб., 1907. С. 112.

²⁶ Там же. С. 109.

²⁷ Там же. С. 109, 110, 111.

²⁸ Там же. С. 112, 113.

²⁹ *Меньшиков Михаил Осипович* (1859–1918) – публицист и литературный критик «Недели» 1880–1890-х гг., с 1901 г. постоянный сотрудник «Нового времени».

³⁰ *Энгельгардт Николай Александрович* (1867–1942) – публицист, историк литературы, видный деятель монархического движения до 1907 г.

³¹ *Энгельгардт Н. А.* Лженародничество // *Книжки «Недели».* 1896. № 11. С. 282, 293, 294.

³² *С. К.* По поводу внутренних вопросов. 1896. № 1. С. 210, 211, 216; № 12. С. 240–247.

³³ *С. К. [Кривенко С. Н.]* Обо всем (лжелитература) // *Новое слово.* 1896. № 2. С. 241, 244, 249.

³⁴ *Люблинский С. Б.* К вопросу об истории издания журнала «Новое слово» *О. Н. Поповой* (1895–1897) // *Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга-Петрограда-Ленинграда.* Л., 1984. С. 51.

³⁵ См., напр.: *Мур.* Малые и большие дела // *Сын Отечества.* 1900. 1 мая. № 118.

³⁶ *Фаресов Анатолий Иванович* (1852–1928) – беллетрист-народник и публицист, сотрудник «Исторического вестника».

³⁷ *Оболенский Л. Е.* Личное совершенствование и изменение общественных форм // *Русская мысль.* 1893. № 7. С. 77, 94–95; *Фаресов А. И.* Интеллигенция в деревне // *Исторический вестник.* 1895. Т. 61. № 9. С. 761.

³⁸ *Кривенко С.* По поводу культурных одиночек // *Русское богатство.* 1893. № 12. С. 173, 174.

³⁹ Понятие «культурничество» в значении культурно-просветительской работы в массах в отрыве от политики в середине 1890-х гг. ввели в литературу русские марксисты.

⁴⁰ Сементковский Р. Культура и подвижничество // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 790.

⁴¹ [Абрамов Я. В.] Геройство и безделие // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1180, 1181.

⁴² Кривенко С. По поводу культурных одиночек. С. 174.

⁴³ Слобожанин М. На культурной работе. Очерки и воспоминания. СПб., 1907. С. 8.

⁴⁴ Кривенко С. Н. На распутье. СПб., 1895. С. 4.

⁴⁵ См.: Костиков В. Закон иллюзий. Заметки о русской интеллигенции // Совершенно секретно. 1990. № 4; Ротенфельд Ю. А. Философия братства или философия вражды? // Философские науки. 1991. № 3.

⁴⁶ Колеров М. Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание-сила. 1992. № 2. С. 109.

⁴⁷ Тихомиров Л. Что делать нашей «интеллигенции»? // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 874; Он же. К вопросу об интеллигенции // Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997. С. 595.

⁴⁸ Тихомиров Л. Что делать нашей «интеллигенции»? С. 878–879; Он же. К вопросу об интеллигенции. С. 584, 594; Он же. Новогодние думы // Тихомиров Л. А. Критика демократии. С. 622.

⁴⁹ Фудель И. Поучительная история. (К школьному вопросу) // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 756.

⁵⁰ Там же. С. 764.

⁵¹ Предположительно П. Ф. Николаев.

⁵² Внутреннее обозрение (Отголоски юбилея Н. Н. Златовратского) // Русская мысль. 1897. № 12. С. 191–192.

⁵³ Библиографический отдел // Русская мысль. 1896. № 3. С. 130, 144–145.

⁵⁴ С. К. По поводу внутренних вопросов. 1896. № 8. С. 223–224, 226.

⁵⁵ В. М. Чернов в своих воспоминаниях описывает «идейное столкновение» между В. П. Воронцовым и молодым В. И. Лениным на одном из конспиративных собраний молодежи в Москве в январе 1894 г. Эта стычка возникла случайно (спорщики даже не знали друг друга) и очень быстро переросла в беспорядочный диалог, который «пришлось прервать, т.к. он все более принимал личный характер и терял интерес для собравшихся». См.: Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 72.

⁵⁶ См., напр.: Хорос В. Г. Указ. соч. С. 87–101; Балухев Б. П. Указ. соч. Гл. 4; Мокшин Г. Н. С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847–1906). Воронеж, 1998. С. 95–97, 108–109.

⁵⁷ Воровский В. В. Лишние люди // Воровский В. В. Литературно-критические статьи. М., 1956. С. 118, 124.

⁵⁸ Плеханов Г. В. Еще раз социализм и политическая борьба // Плеханов Г. В. Соч.: В 24 т. М.; Пгр., 1923–1927. Т. 12. С. 94–95.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 1. С. 250, 264, 452; Плеханов Г. В. Наши разногласия. Часть вторая // Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 4. М., 1937. С. 64.

⁶⁰ *Потресов А. Н.* Что случилось? // *Потресов А. Н.* Этюды о русской интеллигенции: Сб. ст. СПб., 1906. С. 172.

⁶¹ *А. Б. [Богданович А. И.]* Критические заметки // *Мир божий.* 1897. № 6. С. 1–10; 1898. № 3. С. 5–6.

⁶² *С. К.* По поводу внутренних вопросов. 1896. № 12. С. 231, 233–234, 236–237.

⁶³ *А. Б.* Критические заметки. 1895. № 3. С. 228; *Плеханов Г. В.* О социальной демократии в России // *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 9. С. 8, 14.

⁶⁴ *Плеханов Г. В.* Наумов Н. И. // Там же. Т. 10. С. 131.

⁶⁵ См.: *Кривенко С. Н.* Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 269, 272; *Оболенский Л. Е.* Народники и марксисты // *Исторический вестник.* 1899. Т. 76. № 4. С. 233–234; *[Воронцов В. П.]* Производительные классы и интеллигенция в России // *В. В.* От семидесятых годов к девятисотым. С. 135–137.

⁶⁶ Цит. по: *[Воронцов В. П.]* Идеи Нео-марксизма и русская действительность // *В. В.* От семидесятых годов к девятисотым. С. 114. Как показывают работы современных исследователей, русские марксисты под влиянием «отечественной специфики» доработали и воспроизвели на практике и другие важные положения народнической доктрины. Так, идея ведущей роли интеллигенции в общественных преобразованиях страны была трансформирована марксистами в идею партии, а идея передачи власти всему народу заменена идеей диктатуры пролетариата. Подробнее см.: *Колеров М.* Народническое наследие и русский марксизм: 1890-е годы // *История мировой культуры: традиции, инновации, контакты.* М., 1990. С. 66–67; *Агаев С. Л.* «Маркс был соединен со Стенькой Разиным» (Об истоках большевизма) // *Политические исследования.* 1992. № 4. С. 165, 166; *Жукоцкий В. Д.* Народнические корни ленинизма: «хитрость разума» или «ирония истории»? // *Вопросы философии.* 2001. № 12. С. 52, 64.

⁶⁷ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 72.

⁶⁸ *[Богданович А. И.]* Насущный вопрос. Лондон, 1895. С. 30.

⁶⁹ *А. Б.* Критические заметки. 1901. № 9. С. 5, 7.

⁷⁰ Там же. 1898. № 3. С. 6.

⁷¹ *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосмос в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 23.

⁷² По свидетельству жандармерии, накануне революции 1905–1907 гг. *Абрамов* – «человек прямо-таки вредный для политического спокойствия (Ставропольской. – Г. М.) губернии». См.: *Новак С. Я.* Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // *Отечественная история.* 1997. № 4. С. 82.

⁷³ *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // *Архив русской революции:* В 22 т. М., 1993. Т. 22. С. 43–44.

⁷⁴ О лекаре *В. П. Воронцове.* – ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 92. Д. 208. Л. 2–2 об.; Оп. 230. Д. 363. Л. 1–2.

⁷⁵ Исключение составляют взгляды публицистов «Русского богатства». См. прим. на стр. 356–357.

⁷⁶ См.: *Струве П.* На разные темы // Мир божий. 1901. № 6; *Туган-Барановский М. И.* Что такое общественный класс // Мир божий. 1904. № 1; *Адамович Ю.* [Воровский В. В.] Представляет ли интеллигенция общественный класс? // Правда. 1904. № 5; *Иорданский Н.* Еще о народничестве и марксизме (Ответ г. Пешехонову) // Образование. 1904. № 10. С. 72–73.

⁷⁷ *Изгоев А. С.* Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. № 1. С. 75.

⁷⁸ См.: *Милюков П. Н.* Из истории русской интеллигенции. М., 1903. С. 80; *Боборыкин П. Д.* Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 80–81, 85, 87; *Рубакин Н. А.* Чистая публика и интеллигенция из народа. 2-е изд. СПб., 1906. С. 4, 7; *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. С. 24–26.

⁷⁹ *Изгоев А. С.* Указ. соч. С. 75.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Из литературы начала XX в. по проблеме превращения интеллигенции в бюрократию см.: *Изгоев А. С.* Указ. соч. С. 93; *Фриче В.* Сверхклассовая интеллигенция (Историческая справка по поводу модной темы) // Образование. 1904. № 12. С. 94, 102.

⁸² Споры об интеллигенции продолжались и дальше. См.: *Веселовский Б.* Идеинные течения современного народничества // Образование. 1907. № 1; *Лозинский Е.* Что же такое, наконец, интеллигенция? СПб., 1907; *Петрищев А.* Противотечения // Русское богатство. 1907. № 8; *Иорданский Н.* Вопросы текущей жизни. Кризис интеллигенции // Современный мир. 1908. № 2; *Зайцев Д.* Марксизм и махаевщина (К вопросу об интеллигенции) // Образование. 1908. № 3.

⁸³ *Новак С. Я.* Указ. соч. С. 82. Из бывших легальных народников депутатом I Думы стал, видимо, один К. В. Лавровский (как представитель «трудовой группы»).

⁸⁴ *Семенкин К. Г.* Н. Н. Златовратский. Очерк жизни и творчества. Ярославль, 1976. С. 118.

⁸⁵ Е. Д. Максимов в письме к С. Н. Кривенко от 24 февраля 1905 г. сообщал: «В С.-Петербурге – кавардак, анархия (забастовка)», «ученики одной школы сожгли ее и ограбили учителей», другие «жгут помещичьи экономии». «Улица с хулиганами заполнила прессу». – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 145. Л. 11, 12 об. О том же писал сам Кривенко в неопубликованной статье «Хулиганство» (По поводу событий 9 января). – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–4.

⁸⁶ См.: *Николай-он [Даниельсон Н. Ф.]* Наше общественное пробуждение с социально-экономической точки зрения. Беглые заметки // Русское богатство. 1905. № 7. С. 5, 14, 15, 21; [Воронцов В. П.] Политическое и социальное течения в русском обществе // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 166, 167; *Оболенский Л. Е.* Что я пережил в провинции в дни смуты // Историче-

ский вестник. 1906. № 5. С. 449; *Кривенко С. Н.* Нечто о русском разуме и национальном стыде. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 9.

⁸⁷ *Кривенко С.* Крестьянское дело и канцелярское творчество // *Русская мысль*. 1905. № 6. С. 125–126.

⁸⁸ Там же. № 9. С. 5–7; [*Воронцов В. П.*] *Русская революция и крестьяне* // *В. В.* От семидесятых годов к девятисотым. С. 203.

⁸⁹ Там же. С. 201; *Даниельсон Н. Ф.* Указ. соч. С. 15, 17; *Южаков С. Н.* Год 1905 // *Современность*. 1906. № 1. С. 65–67.

⁹⁰ *Анфимов А. М.* Неоконченные споры // *Вопросы истории*. 1997. № 6. С. 66.

⁹¹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 216. Д. 20. Л. 14.

⁹² См.: *Аграрное движение в России в 1905–06 гг.*: В 2 ч. СПб., 1908.

⁹³ *В. В.* [*Воронцов В. П.*] Крестьянское движение в 1905–6 гг. // *Вестник Европы*. 1909. № 5. С. 316.

⁹⁴ Там же. С. 318–319. В данном случае *В. П. Воронцов* явно преувеличивал уровень политической сознательности крестьянства, что он сам признает впоследствии.

⁹⁵ Там же. С. 325, 328, 333, 337; *В. В.* [*Воронцов В. П.*] Из деревенских наблюдений // *Вестник Европы*. 1913. № 12. С. 343–346.

⁹⁶ [*Воронцов В. П.*] Образование новой политической силы // *В. В.* От семидесятых годов к девятисотым. С. 195–197; *Южаков С. Н.* Крестьянский вопрос // *Русское богатство*. 1905. № 3. С. 149, 151, 153–154; *Даниельсон Н. Ф.* Указ. соч. С. 8–9.

⁹⁷ *В. В.* [*Воронцов В. П.*] Крестьянские волнения 1905–06 гг. // *Современник*. 1911. № 5. С. 234.

⁹⁸ *В. В.* Крестьянское движение в 1905–6 гг. С. 312; *Он же.* *Русская революция и крестьяне*. С. 205.

⁹⁹ *В. В.* [*Воронцов В. П.*] Причины крестьянских движений 1905–6 гг. // *Вестник Европы*. 1911. № 1. С. 227, 238; *Он же.* Крестьянские волнения 1905–06 гг. С. 235.

¹⁰⁰ *В. В.* Политическое и социальное течения в русском обществе. С. 179–180; *Кривенко С. Н.* Заметка о мерах по улучшению жизни крестьян России. – РО РНБ. Ф. 1029. Д. 89. Л. 1–1 об.

¹⁰¹ *В. В.* Из деревенских наблюдений. С. 343; *Он же.* От семидесятых годов к девятисотым. С. 199, 202.

¹⁰² *Кривенко С.* Крестьянское дело и канцелярское творчество. № 6. С. 146; № 9. С. 5, 9, 10, 14.

¹⁰³ Там же. № 9. С. 12–13. Вопрос о дальнейшем судьбе общины, по убеждению *С. Н. Кривенко* и других легальных народников, должны были решать сами крестьяне.

¹⁰⁴ *В. В.* *Русская революция и крестьяне*. С. 217.

¹⁰⁵ *Слобожанин М.* На культурной работе. С. 8, 10; *Он же.* Культурная работа. Общий характер культурной работы // *Слово*. 1908. 31 декабря. № 665; *Он же.* К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // *Жизнь для всех*. 1909. № 12. Стб. 50, 54.

¹⁰⁶ *Слобожанин М.* На культурной работе. С. 5, 6, 8; *Он же.* К вопросу о классовой культурной работе // Слово. 1909. 1 февраля. № 696; *Он же.* К вопросу о демократизации школы // Слово. 1909. 21 мая. № 802.

¹⁰⁷ Имеются в виду первые два созыва Государственной думы.

¹⁰⁸ *Оболенский Л. Е.* Что я пережил в провинции в дни смуты. С. 474.

¹⁰⁹ РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 48. Л. 12 об.

¹¹⁰ Северный Кавказ. 1905. 29 ноября. С. 2.

¹¹¹ Там же. 1905. 21 декабря. С. 2.

¹¹² *В. В.* От семидесятых годов к девятисотым. С. 235–236.

¹¹³ Цит. по: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 4 т. М., 1989–1999. Т. 3. С. 269.

¹¹⁴ *Черненко Н.* Текущие заметки. Интеллигенция, землеустроители и народ // Заветы. 1912. № 3. С. 155, 156.

¹¹⁵ *Ерофеев Н. Д.* Социалисты-революционеры // История политических партий России. М., 1994. С. 184.

¹¹⁶ Конечно, российское крестьянство понимало народнический социализм однобоко, как идею передела собственности (земли и имущества помещиков) в свою пользу. Идея коллективного труда и «справедливого» распределения его результатов, как показала практика социалистических преобразований в советской деревне, уже не пользовалась такой широкой поддержкой.

¹¹⁷ Сами социалисты-революционеры начала XX в. называли себя народниками. Термин «неонародничество», видимо, введенный в оборот Р. В. Ивановым-Разумником, утвердился уже в советской историографии. См.: *Балуев Б. П.* Указ. соч. С. 9.

¹¹⁸ *Плеханов Г. В.* Революционное движение семидесятых годов (конспект) // *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 147.

¹¹⁹ *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л., 1983. С. 12, 16; *Ерофеев Н. Д.* Социалисты-революционеры. С. 155, 163, 168; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 96, 98–100.

¹²⁰ *Иванов-Разумник Р. В.* Жизнь и теории. (Что думает «народ»?) // *Иванов-Разумник Р. В.* Литература и общественность: Сб. ст. СПб., 1912. С. 41.

¹²¹ См.: *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. С. 43; *Дворкин В. З.* Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России: Межвуз. сб. Л., 1989. С. 133; *Жаворонкова А. А.* Неонародническая интеллигенция 90-х годов XIX в. (К истории идейного становления): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 38, 46, 50, 53.

¹²² *Пешехонов А.* На очередные темы. Основные положения нашей программы // Современность. 1906. № 1. С. 123, 125.

¹²³ *Петрищев А.* Указ. соч. С. 122.

¹²⁴ *Жаворонкова А. А.* Указ. соч. С. 38.

¹²⁵ Русское богатство. 1901. № 1. С. 94.

¹²⁶ Подробнее см.: *Алексеева Г. Д.* Указ. соч. Гл. 4. «Народники XX в. и Н. К. Михайловский».

¹²⁷ М. И. Леонов приводит данные по социальному составу 21 губернской организации эсеров. Из 21752 членов партии рабочие составляли 43,2 %, крестьяне (и солдаты) – 45,2 %, интеллигенция – 11,6 %. По мнению исследователя, эти данные репрезентативны для общего представления о составе партии эсеров в 1906 – начале 1907 гг. См.: *Леонов М. И.* Указ. соч. С. 59.

¹²⁸ *Чернов В.* Типы капиталистической и аграрной эволюции // *Русское богатство*. 1900. № 10. С. 251.

¹²⁹ *Кудрин Н. Е.* [*Русанов Н. С.*] Н. К. Михайловский как публицист-гражданин // *Русское богатство*. 1905. № 1. С. 165–167, 173.

¹³⁰ См.: *Корсаков И.* Заметки социалиста о текущем // *Голос*. 1906. № 14. 7 июня; *Южаков С.* Памяти С. Н. Кривенко // *Русское богатство*. 1906. № 7. С. 181–182; По поводу письма г. Воронцова (от редакции) // *Русское богатство*. 1906. № 9. С. 195–196.

¹³¹ См.: *Воронцов В.* Поругание покойника // *Речь*. 1906. № 155. 3 сентября; № 156. 5 сентября; Слобожанин М. Памяти человека и писателя (письмо и редакцию) // *Сегодня*. 1906. № 21. 14 сентября; *Засодимский П. В.* Из воспоминаний. М., 1908. С. 233. Автор считал, что за «умеренность» и «отсталость» Кривенко его «тупые, ограниченные» критики принимали стремление писателя к беспристрастию, к справедливости, к всесторонней оценке людей и фактов».

¹³² *Якубович П.* Памяти С. Н. Кривенко // *Русское богатство*. 1906. № 9. С. 195.

¹³³ См.: *Снегирев Л. Ф.* Первое издание деревенских очерков Г. И. Успенского // *Голос минувшего*. 1914. № 4. С. 213.

¹³⁴ См.: *Пешехонов А. В.* Народ и интеллигенция // *Русское богатство*. 1905. № 4. С. 102.

¹³⁵ *В. В.* Политическое и социальное течения в русском обществе. С. 182.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе идейная история легального народничества изучалась с позиции социокультурного подхода. То есть все изменения в идеологии и движении народников-реформистов рассматривались в связи с процессом формирования и развития субкультуры народнической интеллигенции.

Разработанная нами социокультурная концепция идейной эволюции правого народничества основывается на анализе противоречий между его главными фракциями по вопросу о движущих силах и механизме общественных преобразований страны. Она устанавливает зависимость общего направления развития легально-народнической мысли (его ведущей тенденции) от способа разрешения указанных противоречий.

Апробированная в настоящей работе модель изучения идеологии легального народничества предполагает сосуществование двух разновидностей народнического дискурса: инверсии (монолога) и медиации (диалога). Первый способ ведения дискуссии допускал наличие только одной (правильной) точки зрения, второй – многомерность истины и путей ее познания.

В соответствии с социокультурным подходом была разработана новая типология идейно-тактических течений в легальном народничестве. Наряду с его левым и правым флангами, находящимися в состоянии диалектического противоречия (тезиса и антитезиса) в отдельное течение выделяются сторонники консолидации (синтеза) всех народнических направлений. Идеологи группы центра во главе с В. П. Воронцовым и С. Н. Кривенко доказывали необходимость примирения народников-политиков и народников-культурников (включая так называемых «малоделов») как главного условия разработки и осуществления «сбалансированной» (адекватной потребностям времени) программы общественных преобразований.

Социокультурная концепция развития легально-народнической мысли включает следующие основные положения:

- идеология легального народничества эволюционировала от противостояния двух основополагающих теорий реформирования страны (политической, инновационной, интеллигентской – с одной стороны и социальной, самобытнической, узконароднической – с другой) к их интеграции в виде компромиссной теории социально-политических общественных преобразований;

- внешние факторы (изменение общественных настроений и условий общественной деятельности) имели значение для роста и упадка популярности того или иного народнического течения. Но их влияние на саму народническую интеллигенцию (как главного субъекта развития народнической мысли) было опосредовано ее идеологией; тот факт, что радикальная интеллигенция жила в мире собственных иллюзий и зачастую действовала вопреки окружающим условиям, указывает на существование у идей легального народничества собственной (внутренней) логики развития;

- самосознание легально-народнической интеллигенции прошло две фазы развития, которые соответствовали «раннему» и «зрелому» народничеству; первая фаза характеризуется инверсией, когда мысль развивалась путем перехода от одного полюса дуальной оппозиции к другому; затем, как реакция на «оборотническую» логику мышления, начинает развиваться медиация в виде «срединной культуры» умеренного народничества (теория «органической культурной работы»);

- механизм эволюции реформистской идеологии народничества складывался из взаимодействия двух движений – повторяющегося, циклического (всего было пройдено два полных инверсионных цикла) и непрерывно поступательного, прогрессирующего движения; это позволяет сделать вывод о спиралевидном типе развития легально-народнической мысли;

- главная закономерность эволюции идеологии легального народничества заключается в том, что процесс дифференциации между его идейными течениями (начавшийся с момента его возникновения в конце 1860-х гг.) шел параллельно с процессом их интеграции; иначе идеология народнического реформизма, постоянно подпитываемая за счет взаимодействия с консервативной, либеральной и марксистской мыслью, могла быстро утратить свои объединяющие черты;

- общая динамика идейной эволюции легального народничества зависела, прежде всего, от реального соотношения сил на каждом из ее этапов; флуктуации между центробежной и центростремительной тенденциями то увеличивались (на рубеже 1870–1880 и в середине 1890-х гг.), то уменьшались (в середине 1880-х гг. и в преддверии революции 1905 г.); однако в целом амплитуда колебаний имеет тенденцию к уменьшению при итоговом смещении маятника флуктуации влево (под влиянием политизации народнического движения в царствование Николая II).

Легальное народничество – это, прежде всего, идеология общественных преобразований, основанная на доктрине эволюционного социализма. Решающее влияние на формирование и развитие данного варианта народнического учения о самобытной (некапиталистической) модернизации России оказали представления народников-реформистов о задачах, движущих силах и механизме социального прогресса. При этом все важнейшие проблемы русской жизни (капитализма, народа, власти и т.д.) разрабатывались сквозь призму их особого (общественного или наднационального) типа сознания, представляющего собой причудливый симбиоз элементов религиозно-авторитарного и рационалистического мировоззрения пореформенной демократической интеллигенции. Поэтому в данной работе особое внимание было уделено изучению системе ценностей и приемов мышления легально-народнической интеллигенции, выраженных в ее ментальности.

Для становления и эволюции самосознания народнической интеллигенции как субъекта истории принципиальное значение имели: во-первых, оригинальная для того времени интерпретация социальной и духовной природы интеллигенции (как бессловной социальной группы, выражающей интересы всего народа и общества); во-вторых, самоидентификация интеллигенции через идею служения «народу» и «прогрессу» (два неразрывных понятия); и, наконец, учение об особой исторической миссии «новой» русской интеллигенции, которая заключалась в ускорении процессов демократизации и социализации русской жизни.

Взаимосвязь между становлением и эволюцией идеологии легального народничества (включая доктрину общественных преобразований страны) и развитием самосознания ее главного субъекта (демократической интеллигенции) отражается в следующей периодизации.

Первый период (рубеж 1850–1860-х – середина 1870-х гг.) – генезис идеологии народнического реформизма; зарождение дуальной оппозиции между его правым и левым флангами. Данный период состоит из двух этапов:

- 1860-е гг. – возникновение легального народничества как самостоятельного течения народнической мысли;
- 1868–1874 гг. – обоснование теоретических основ доктрины раннего эволюционного социализма на основе инверсионной логики мышления.

Второй период (середина 1870-х – начало 1880-х гг.) – формирование главных течений легального народничества; первый полный цикл развития легально-народнической мысли (от аполитизма к политике и обратно). Он включает следующие этапы:

- 1875–1881 гг. – политизация легального народничества (прямая инверсия);
- 1882–1884 гг. – становление народнической теории «малых дел» (обратная инверсия); первые попытки медиации («синтетическое народничество» Л. Е. Оболенского).

Третий период (середина 1880-х – середина 1890-х гг.) – эпоха «зрелого» народничества; развитие медиации в виде тенденции к консолидации демократической интеллигенции на почве «практического» служения народу (при сохранении инверсии и циклического характера развития легальной народнической мысли). В нем выделяются:

- 1885–1891 гг. – развитие теоретиками «малых дел» идеи нового «хождения в народ» (прямая инверсия второго цикла);
- 1892–1894 гг. – оформление идеологии умеренного (центристского) народничества; критика народниками-политиками теории «органической культурной работы» (обратная инверсия второго цикла).

Четвертый период (вторая половина 1890-х – начало 1900-х гг.) – кризис позднего народничества и зарождение неонародничества. Этот период также следует разделить на два этапа:

- 1895–1900 гг. – окончательный распад легальных народников на «политиков» и «культурников»;
- 1901–1904 гг. – общая политизация легально-народнической мысли как торжество инверсионной логики общественного развития.

Рассмотрим наиболее спорные вопросы, с которыми сталкиваются исследователи при изучении основных этапов эволюции народнической мысли.

Начнем с проблемы возникновения легального народничества, т.е. начала поисков мирных путей к социализму. Когда и почему возникла такая потребность? На наш взгляд, главная причина заключалась в крушении надежд на то, что крестьянство вступит на путь радикального изменения условий своей жизни по собственному почину. Народ оказался не готов к борьбе за «Землю» и «Волю». Поэтому в начале 1860-х гг. зарождается идея использовать для его просвещения и организации легальные средства (печать, земство, кооперация и т.п.), предоставленные реформами Александра II.

Гносеологические корни народнического реформизма следует искать в трудах демократов-просветителей эпохи отмены крепостного права. А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбова призывали не только к революции, но и к просвещению народа, развитию местного самоуправления, созданию артелей и товариществ. В 60-е гг. XIX века к разработке идейных основ эволюционного социализма оказалась причастна целая плеяда писателей и общественных деятелей (А. П. Щапов, Д. Л. Мордовцев, Г. З. Елисеев, Н. В. Шелгунов, В. В. Берви-Флеровский, А. Н. Энгельгардт). Впоследствии многие из них, начиная с Елисеева, стали видными теоретиками легального народничества.

Говоря об идейных источниках легального народничества, нельзя не отметить влияние на него ряда коренных постулатов славянофилов и западников (идеи самобытного развития России, «бережения» общины, необходимости социального прогресса, борьбы с самодержавным деспотизмом и т.п.). Данный подход позволяет трактовать легальное народничество как попытку синтеза духовных ценностей двух основных течений дореформенной русской мысли.

Легальное народничество не имело программного произведения, которое указало бы на точную дату его превращения в самостоятельное течение народнической мысли. Поэтому мы предлагаем взять за условную «точку отсчета» его истории 1868 г. Во-первых, примерно в это время в истории народничества начинается переход от теории к практике. Народничество превращается в массовую идеологию разночинской среды, что поставило перед его теоретиками новую задачу: найти пути сближения демократической интеллигенции с народом. Во-вторых, именно в 1868 г. году легальные народники обзаводятся собственными органами печати (газетой «Неделя» и журналом «Отечественные записки»), сотрудники которых занялись разработкой и обоснованием ближайших задач народнической интеллигенции.

Разделение легального народничества на правое («крестьянофильское») и левое («интеллигентское») течения в скрытом виде возникло еще до 1868 г. Оно было обусловлено инверсионной логикой развития народнической мысли предшествующего периода. Окончательное оформление идейно-тактических принципов и программ этих течений происходит во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг. в ходе полемики о факторах исторического развития (т.е. о народе и интеллигенции). Фактически речь идет о двух противоположных типах общественных преобразований – социальном и поли-

тическом. Первый из них ориентируется на органическое развитие общества (его внутренние возможности). Поэтому этот подход характеризуют аполитизм, популизм и, как следствие, признание необходимости развития самодеятельности масс. Сторонники второго типа преобразований делают ставку на инновационное развитие (за счет заимствования извне). Его специфические черты – политицизм, элитаризм и этатизм – признание решающего значения в реализации программы преобразований за политической надстройкой.

Еще одна проблема связана с определением хронологических рамок периода наибольшего развития легально-народнической мысли, а также с различным пониманием причин торжества народнического реформизма над революционизмом.

Как известно, в 1885 г. молодой сотрудник «Недели» Я. В. Абрамов обратился к тогдашней интеллигенции с призывом к новому «хождению в народ» на «культурную работу» (правда, последнее словосочетание вошло в употребление только в начале 1890-х гг.). Однако во второй половине 1880-х гг., которую современники окрестили эпохой общественного застоя, идеи Абрамова не получили широкого распространения. Поэтому многие исследователи уверены, что если «второе хождение в народ» и имело место, то только в начале 1890-х гг., как реакция интеллигенции на голод в деревне.

По нашему мнению, десятилетие с середины 1880-х до середины 1890-х гг. вполне может быть признано эпохой расцвета идеологии и практики легального народничества. Во-первых, именно в эти годы число земских служащих превысило десять тысяч человек (настоящая армия подвижников-интеллигентов, воспитанных на идее служения народу). Даже эти приблизительные цифры позволяют говорить о том, что «хождение в земства» имело место быть. Во-вторых, этот период стал временем индуктивной верификации теорий и программ народников 1870-х гг., стимулировавшей интенсивное развитие легально-народнической мысли.

Многие исследователи по давно устоявшейся традиции объясняют рост влияния в интеллигентской среде идей народников-реформистов упадком народолюбческого движения, а также распространением в обществе иллюзий относительно «народной» политики Александра III. Данный подход имеет право на существование. Однако он не учитывает, что на «культурную работу» в земство трудовая интеллигенция шла не только потому, что все другие виды общественной деятельности ей были перекрыты властями. Далеко не

все представители интеллигенции были способны стать политическими деятелями. В конце концов, это еще и вопрос личного темперамента. Главное, однако, не в этом. Если внимательно почитать народническую публицистику 1880-х гг., то легко убедиться, что отказ от идеи быстрого решения сложных социальных вопросов имел своим основанием рост самосознания народнической интеллигенции. Невозможно создать сразу внешние условия, необходимые для человеческого счастья, минуя кропотливую работу над общим подъемом благосостояния и культуры народа. С помощью политической борьбы можно ввести в стране самые совершенные демократические институты, но при бедном и малообразованном народе, совершенно не интересующемся государственной жизнью, нормально работать они не будут. Иными словами, в данный период внешние причины идейной эволюции народничества все более уступают место внутренним причинам, связанным с «собственной жизнью» его идеологической системы.

Во второй половине 1880-х гг. учение о «культурной работе» как основе культурно-исторического прогресса разрабатывалось в трудах публицистов «Недели» и «Русского богатства» (И. И. Каблиц-Юзов, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов и др.). Всех теоретиков культурничества объединяло стремление освободить народ из-под опеки привилегированных классов, сделать его самостоятельной силой общественного развития, подлинным хозяином своей жизни. Однако аполитизм идеологов «малых дел» не позволил им привлечь на свою сторону политических радикалов и либералов.

Голод в деревне 1891–1892 гг., безусловно, подорвал веру интеллигенции в ее социокультурные силы. С другой стороны, он обратил внимание общества на положение пореформенной деревни. В 1892–1894 гг. сотрудники журнала «Русское богатство» Воронцов и Кривенко, опираясь на пробуждение общественного самосознания, предпринимают попытку возрождения тактического принципа народничества 1870-х гг.: «все для народа и через народ». Главной особенностью предлагаемой ими программы было признание значения (для успешной общественной деятельности) широких демократических идеалов. Потеря идеи общего блага изолировала культурных работников друг от друга, превращая их деятельность в «заплатывание худого кафтана, который будет пороться в других местах». Всецело поддерживая земство и культурных одиночек в их борьбе за просвещение народа и увеличение его благосостояния, они не придавали этим общекультурным мероприятиям самодовлеющего зна-

чения. В то же время теоретики умеренного народничества считали, что общественные деятели, борющиеся за утверждение в стране новых общественных учреждений, не должны были препятствовать тем, кто стремился к частным улучшениям народной жизни путем развития общественного самоуправления. Разъединение практиков, занятых конкретным делом, и теоретиков, стремящихся к постановке широких общественных задач, вело к двойной трате сил.

Существенный вклад в развитие теории «органической культурной работы» внес Кривенко. Еще в 1870-е гг. в «Отечественных записках» он доказывал необходимость культурных предпосылок для проведения в стране социалистических преобразований. По мнению Кривенко, новый общественный строй должен был «подготавливаться» в недрах старого путем проведения в жизнь отдельных его начал (физический труд, экономическая солидарность, сочувствие к общему благу, общественное самоуправление и т.д.). Для этой цели он рекомендовал интеллигенции заведение образцовых сельскохозяйственных и промышленных артелей и земледельческих общин. Со временем успехи, достигнутые в ходе этих социальных экспериментов прогрессивной русской интеллигенции, могли послужить примером для остального населения страны.

Таким образом, «культурная работа» рассматривалась умеренно-правыми народниками как лучшее вспомогательное средство к общей работе по обновлению социального и политического строя России и как лучший способ интеграции расколотого российского общества на основе общей медиационной задачи (примирение интересов различных общественных групп и их консолидация в новую культурно-историческую общность).

Создание идеологами умеренного народничества 1890-х гг. (С. Н. Кривенко, В. П. Воронцов, Е. Д. Максимов) теории «органической культурной работы» – одна из наиболее значительных попыток синтеза, примирения и «больших» и «малых» дел (тезиса семидесятников и антитезиса представителей восьмидесятых годов), неудача которой приведет к распаду классического народничества последней трети XIX в. Все это позволяет сделать вывод о том, что «культурничество» – это не побочная ветвь развития легально-народнической мысли, а существенный шаг вперед по пути преодоления противоречий между социальной и политической концепциями общественных преобразований и выработки нового (надпартийного, надклассового) типа мышления и действия.

Наиболее сложным для изучения является последний период в истории правого народничества, т.к. он связан с общим кризисом идеологии и движения классического русского народничества. Проверив на практике все свои прежние теории, оно должно было распасться на части, чтобы в новых своих «рукавах» продолжать двигаться дальше. Иными словами, кризис 1890-х гг. по своей сути был «кризисом роста». В то же время именно этот кризис привел к появлению народничества «новой формации», которое пересмотрело свое отношение не только к народу и обществу, но и к власти. Бывшие легальные народники отказались от тезиса о том, что истинная интеллигенция должна быть беспартийной. Они создают свою политическую партию и начинают борьбу за власть. По этой причине понятие «легальное народничество», прочно ассоциирующееся с классическим народничеством последней трети XIX в., не может быть распространено на легальное крыло неонародничества (народных социалистов).

Развитию кризиса в легальном народничестве 1890-х гг. в значительной мере способствовал тот факт, что сторонники деполитизированного варианта «хождения в народ» не смогли договориться с «политиками», категорически отрицавшими значение «малых дел» и «органической культурной работы». Причем не последнюю роль здесь сыграл авторитаризм лидера «политиков» Н. К. Михайловского. В итоге центробежная тенденция взяла верх над центростремительной. Со второй половины 1890-х гг. политизированное «Русское богатство» станет колыбелью неонародничества (его идеологи потом назовут Михайловского своим учителем). Умеренных народников после неудачи журнала «Новое слово» и газеты «Сын отечества» ожидало забвение.

В современной исторической науке преобладает мнение о том, что легальные народники не оказали серьезного влияния на развитие демократического движения и его идеологии. Временной промежуток между 1881–1895 гг. определяется как эпоха относительного спада общественного движения и, следовательно, «упадка» общественной мысли. На наш взгляд, это неверная трактовка идейного содержания и значения данного исторического периода.

Во-первых, общественное движение не прекратилось, а приняло другие формы, более соответствующие «условиям места и времени» (выступления в печати, культурно-просветительская деятельность, развитие местного самоуправления, кооперация и т.п.). Во-вторых, именно легальным народникам принадлежит заслуга раскрытия внутренней противоречивости и иллюзорности многих идей и теорий своих предшественников (от идеи противопоставления «народа»

и «не-народа» как антагонистов до признания политического насилия в качестве важнейшей движущей силы прогресса), что создало предпосылки для дальнейшего развития народнической идеологии. В-третьих, осознание значительной частью демократической интеллигенции самоценности личного служения обществу, т.е. востребованности своего интеллектуального труда, преодоление комплекса социальной вины за «грехи отцов» означали ее переход на более высокую ступень гражданской и нравственной зрелости. Именно в 1880–1890-е гг. русская интеллигенция впервые перестала позиционировать себя в качестве «лишних людей» и действительно превратилась в живую силу общественного строительства.

Народники-реформисты прекрасно понимали глубину отсталости России от передовых стран Европы, обусловленную всем предшествующим ходом ее исторического развития. Главным препятствием на пути общественных преобразований страны большинство из них считало не самодержавие как форму правления, а политическое сознание народа (его авторитаризм), для развития которого требовалось изменение общих социальных и культурных условий русской жизни. Вот почему они доказывали необходимость постепенной демократизации общественной жизни. Слишком много сил надо было приложить государству и обществу на ниве просвещения и общего подъема благосостояния народа, чтобы пробудить в нем стремление стать по-настоящему свободным.

Постановка теоретиками правого народничества задач культурно-исторического характера, означавших отказ от соблазна найти для русского народа сокращенный путь к счастью и процветанию, от веры в существование простых решений коренных социальных вопросов, принадлежит к наиболее сильным сторонам их идеологии. Однако существенные изменения в экономической и социокультурной жизни России на рубеже XIX–XX вв. потребовали от народников более решительной тактики действий и, в частности, овладение новыми приемами массовой агитации и пропаганды. Поэтому сторонники мирных и постепенных преобразований вынуждены были уступить свое место новому поколению политических радикалов, готовых к немедленной схватке с правительством и вхождению во власть.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы и искусства (С.-Петербург)
- РО РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А. Б. *см.* Богданович А. И.

А. Я. 190

Абрамов Я. В. 5, 8, 12, 16, 20, 31, 33, 38, 47, 48, 54, 58, 69, 96, 148, 119, 127, 140, 141, 143, 185, 187, 188, 191, 195, 196, 199–207, 211, 215, 225, 228–230, 236–238, 242, 245, 246, 251, 255, 257, 265, 269, 275, 276, 286, 287

Агаев С. Л. 276

Азаркин Н. М. 71, 124

Аксаков И. С. 6, 28, 132, 244, 248

Аксаков К. С. 78, 165, 192, 244

Аксаков Н. П. 228

Аксельрод П. Б. 28, 89

Александр II 77, 95, 114, 156, 157, 160, 161, 169, 258, 260, 284

Александр III 5, 56, 82, 132, 153, 161, 165–167, 169, 190, 191, 195, 196, 286

Алексеева Г. Д. 31, 273, 280

Алчевская Х. Д. 174

Андреевич *см.* Соловьев Е. А.

Анненский Н. Ф. 17, 38, 49, 55, 240, 268

Антонов В. Ф. 29

Анфимов А. М. 278

Аптекман О. В. 67, 129

Аронзон С. Л. 104, 129

Арсеньев К. К. 215, 216, 255

Астырев Н. М. 201, 212, 229

Ахиезер А. С. 60–62, 70, 72

Бакунин М. А. 89, 101, 103, 112, 125, 152, 155, 190

Баллин Н. П. 127

Балуев Б. П. 19, 24, 30, 31, 34, 39, 52, 55, 57, 67, 68, 70, 71, 125, 131, 190, 228, 231, 273, 275, 279

Баранцевич К. С. 238

Барзилов С. И. 189

Бартенев В. В. 216, 232

Баталов Э. 69

Белинский В. Г. 78, 79, 123, 193

Бельчиков Н. Ф. 13, 29, 130

Берви В. В. (Флеровский) 38, 83, 90, 92, 93, 126, 285

Бердяев Н. А. 9, 28, 61, 62, 68, 72

Березовая Л. Г. 18, 31, 72

Берлякова Н. П. 72

Берштейн Э. 35

Бессмертный Ю. Л. 72

Биллингтон Д. Х. 68, 193

Бирюкович В. В. 48, 195

Бисмарк О. 166, 168

Блан Л. 155

Блохин В. В. 19, 23, 31, 32, 56, 67, 71, 126, 163, 190, 191

Блюм Р. Н. 69

Боборыкин П. Д. 256, 277

Бовин А. Е. 68

Богданович А. И. 8, 28, 39, 68, 127, 251, 253, 276

Богораз Н. Ф. 268

Боткин В. П. 79

Брешко-Брешковская Е. К. 89, 125, 129

Брокгауз Ф. А. 126, 190, 236, 255

Буланов Л. П. 101

Буланцев Х. С. 229

Бялый Г. А. 227

В. В. *см.* Воронцов В. П.

Васильев Н. В. 101, 102, 125, 128

Васильев П. 230

Васильева Т. А. 15, 17, 31, 55, 71, 273

Введенский А. И. 192

Венгеров С. А. 10, 28, 117, 187, 194, 236

Верещагин Н. В. 222

Веселовский Б. Б. 29, 277

Ветринский Ч. 126

Виленская Э. С. 14, 30, 91, 126

Вильгельм II 192

Вирт М. 188

Виртшафтер Э. 73

- Витте С. Ю. 166
В-н А. *см.* Пыпин А. Н.
Водовозов В. В. 49
Возиллов В. В. 187
Волховский Ф. В. 96
Волынский А. Л. 233
Воровский В. В. 28, 256, 275, 277
Воронцов В. П. 5–12, 14, 16, 20, 23, 28, 30–33, 38, 40, 43, 44, 47–50, 54, 55, 58, 59, 69, 70, 74, 92, 94–96, 115, 126, 127, 142, 145, 147, 148, 150, 151, 153, 155, 157, 162, 166–168, 171, 172, 174, 175, 185–194, 196, 197, 212, 214–226, 228, 232–238, 240, 242, 243, 245, 246, 249, 253–255, 257, 259–263, 265, 269–281, 287, 288
- Гайдебуров П. А. 90, 112, 242
Гаршин В. М. 227
Герасимов И. 18, 31
Герцен А. И. 12, 21, 32, 37, 42, 79, 80, 84, 85, 97, 124, 127, 128, 154, 155, 174, 190, 197, 220, 253, 268, 285
Герье В. И. 193
Гессен И. В. 255, 276
Гиероглифов А. С. 124
Гинев В. Н. 279
Глинский Б. Б. 231
Говоруха-Отрок Ю. Н. 179, 194
Гоголь Н. В. 78, 250
Головачев А. А. 48
Голоушев С. С. 100, 128, 129
Голоушев С. Ф. 128
Гольцев В. А. 7, 28, 117, 179, 216, 233, 249
Гордеева И. А. 22, 32, 130
Горев Б. И. 162, 191
Гофштеттер И. А. 273
Грановский Т. Н. 79
Гриневицкий И. И. 118
Громыко М. М. 191
Гроньяр *см.* Михайловский Н. К.
Гросул В. Я. 273
Гуревич Л. Я. 217
Гусев К. В. 273
Гутова Е. В. 194
- Д. Ж. *см.* К. В. Лаврский
Даниельсон Н. Ф. 16, 30, 38, 43, 48, 49, 54, 69, 145, 187, 192, 215, 232, 235, 257, 259, 277, 278
Данилов В. П. 194
Дарвин Ч. 172
Дворкин В. З. 15, 16, 30, 279
Дебогорий-Мокриевич В. К. 132
Дейч Л. Г. 67, 129
Демерт Н. А. 83, 90, 250
Деникер И. Е. 95, 127
Дергачев И. А. 232
Дистерло Р. А. 229, 242
Добролюбов Н. А. 85, 101, 108, 128, 244, 250, 285
Достоевский Ф. М. 34, 67, 190, 192, 231, 244, 248
- Е. Ч. 229
Евгеньев-Максимов В. Е. 13, 29
Егоров Я. 230
Екатерина II 156
Елисеев Г. З. 38, 83, 84, 90, 91, 93, 94, 101, 105, 124–126
Елпатьевский С. Я. 268
Емельянов Н. П. 232
Ерофеев Н. Д. 17, 31, 55, 71, 273, 279
Есин Б. И. 231
Ефрон И. А. 126, 190, 236, 255
- Жаворонкова А. А. 279
Жвания Д. Д. 21, 32, 70, 188, 190, 194, 228, 231
Живов В. 189
Жуковский Ю. Г. 97, 128
Жукоцкий В. Д. 276
- Зайцев В. А. 85
Зайцев Д. М. 277
Зарубина Н. Н. 194
Засодимский П. В. 122, 212, 225, 233, 234, 271, 280
Зверев В. В. 20, 24, 31, 35, 38, 57, 63, 67–73, 123, 124, 129, 130, 188, 228, 229, 231, 232
Земцов Б. Н. 124

Зенкова К. В. 14, 30, 34, 67, 71, 109, 125, 130

Златовратский Н. Н. 11, 29, 30, 58, 59, 70, 96, 116, 117, 122, 127, 131, 147, 181, 189, 195, 215, 216, 227, 232, 237, 257, 271, 275, 277

Иванов-Разумник Р. И. 10, 28, 29, 253, 256, 267, 268, 276, 277, 279

Ивановская П. С. 191

Иванчин-Писарев А. И. 129, 225, 234

Изгоев А. С. 256, 277

Ильин В. В. 68

Иорданский Н. Н. 256, 277

Итенберг Б. С. 129

Каблиц И. И. 5–7, 9–12, 14–16, 20, 23, 28, 30, 32, 33, 38, 40, 43, 46–49, 54, 58, 63, 69, 71, 73, 74, 91, 92, 105, 112, 113, 115, 117–119, 121, 129, 130, 131, 136–140, 148–154, 158, 163, 164, 166, 170, 179–181, 185, 187, 188–195, 197, 198, 200, 209, 211, 212, 214, 218, 219, 223, 228, 233, 234, 236, 242, 246, 257, 269, 287

Каблуков Н. А. 49, 230

Кабытов П. С. 194

Кавелин К. Д. 7, 28, 79, 249

Кадышева И. А. 29

Кайсаров А. С. 77, 123

Калачевский А. П. 216

Канаева Т. М. 15, 16, 30, 231

Кантор В. К. 21, 32

Капустин С. Я. 197

Каракозов Д. В. 163

Каратаев Н. К. 14, 30

Карпачев М. Д. 123, 189

Карышев Н. А. 49

Касторнов С. Н. 22, 24, 32, 48, 69–71, 190, 231

Качаровский К. Р. 10, 29

Кившенко Н. Д. 230

Кирдина С. Г. 72

Киреевский И. В. 61, 78, 244

Кириллова Е. А. 127

Кирияков С. А. 201, 229

Клеменц Д. А. 96

Книгин И. А. 132

Ковалик С. Ф. 67, 128

Козлов В. А. 194

Козьмин Б. П. 13, 14, 29, 30, 52, 70, 122, 124, 131, 132, 190, 228

Колеров М. А. 31, 247, 275, 276

Колоницкий Б. И. 132

Колосов Е. Е. 114, 131, 268

Кондаков И. В. 73

Корба А. П. *см.* Прибылева-Корба А. П.

Короленко В. Г. 48, 49, 124, 172, 180, 192, 215, 221, 225, 233, 234, 240

Короленко С. В. 233

Коротаев А. В. 73

Корсаков И. 280

Костиков В. З. 275

Костин А. Ф. 53, 71, 123

Кошелев А. И. 79, 123

Кравчинский С. М. 107, 129

Кранихфельд В. Б. 227

Кривенко С. Н. 5, 8, 10–12, 20, 22, 29, 31, 33, 38, 40, 44, 47–50, 54, 59, 69, 70, 87, 88, 90, 94–96, 105, 111, 115, 116, 118, 122, 125, 126, 130–132, 139, 142, 148, 154, 155, 160, 161, 168, 173, 185, 187–193, 210, 212, 215, 217, 218, 220–222, 224–226, 231–234, 236–241, 244–247, 249, 250, 253, 255, 257, 258, 262–265, 269–271, 273–278, 280, 281, 287, 288

Кропоткин П. А. 129, 186

Кузьминов Я. И. 68

Куценко В. А. 72

Л. О. *см.* Оболенский Л. Е.

Лавров П. Л. 16, 36, 68, 89, 92, 97–101, 125, 128, 135, 140, 146, 155, 197, 233, 268

Лаврский К. В. 16, 195, 204, 205, 223, 229, 230, 246, 265, 277

Лапин Н. И. 72

Ларский И. 132

Лассаль Ф. 155

Левин К. Н. 238

Левин Ш. М. 30

- Левицкий С. А. 124
 Ленин В. И. 5, 8, 12, 13, 28, 29, 34, 153, 275
 Леонов М. И. 279, 280
 Лермонтов М. Ю. 78
 Лесевич В. В. 48
 Лизогуб Д. А. 92
 Лиоренцевич И. Г. 190
 Литвак Б. Г. 194
 Личков Л. С. 48
 Лозинский Е. И. 277
 Лопатин Г. А. 115
 Лорис-Меликов М. Т. 160
 Лукашевич А. О. 104, 128, 129
 Лурье Л. Я. 188
 Люблинский С. Б. 274
- Макаров В. П.** 30
 Максимов Е. Д. 11, 29, 48, 70, 227, 234, 237, 238, 246, 263, 264, 271, 273, 275, 277–280, 288
 Малеванный В. Г. 102
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 215
 Маркс К. 43, 93, 194, 215, 219, 253, 276
 Мартов Л. 29, 67
 Масарик Т. Г. 32, 54, 71
 Матковская И. Я. 127
 Медушевский А. М. 18, 31
 Межуев В. М. 28
 Мезенцов Н. В. 101
 Мельгунов С. П. 49
 Меньшиков М. О. 172, 179, 188, 192, 236, 243, 274
 Миклашевский М. П. 28, 29, 128, 130, 131
 Мильеран А. 35
 Милюков П. Н. 256, 277
 Минаев Д. И. 75
 Миронов Б. Н. 21, 32, 123, 184, 189, 191, 194
 Михайлов М. Л. 81
 Михайлова С. Б. 30
 Михайловский Н. К. 5, 6, 9–12, 14–17, 19, 20, 23, 24, 28, 30–34, 38, 40, 43, 47–50, 54, 57–59, 67, 69–71, 74, 88, 90–92, 98–101, 105, 109, 110, 112, 113, 116–118, 121, 125, 126, 128–131, 135, 138, 140, 142, 144, 148, 150, 151, 153, 155, 159–163, 167, 172, 174, 180, 181, 184, 185, 187–194, 207, 209, 212, 214, 215, 219–226, 230, 232–236, 240–242, 244, 254, 256, 266, 268–274, 280, 289
 Мичурин А. П. 148, 230
 Могильнер М. 73, 276
 Мокшин Г. Н. 31, 32, 69, 70, 129, 131, 132, 187, 194, 232, 275
 Мордовцев Д. Л. 88, 101, 125, 285
 Морозов Н. А. 88, 125, 129
 Морозов Н. *см.* Протопопов М. А. Мур 274
 Муратов А. Б. 125
 Мякотин В. А. 17, 38, 49, 55, 235, 268
- Н. В.** 192
 Н. Ш. *см.* Шелгунов Н. В.
 Наполеон I 77
 Наумов Н. И. 276
 Неведомский М. *см.* Миклашевский М. П.
 Некрасов Н. А. 80
 Некрасова Е. С. 124
 Николадзе Н. Я. 161, 191
 Николаев П. Ф. 124, 176, 193, 275
 Николаевский Б. И. 199, 228
 Николай I 158
 Николай II 46, 168, 240, 273, 282
 Новак С. Я. 20, 31, 228, 231, 276, 277
 Новиков Н. И. 156, 266
- Обнинский П. Н.** 241, 274
 Оболенский Л. Е. 5, 34, 40, 45, 47, 48, 54, 58, 59, 67–69, 92, 115, 117, 119, 120, 127, 132, 136, 140–142, 148, 150, 163, 166, 175, 177, 180, 185, 187–195, 207–209, 212–214, 217, 230–232, 237, 238, 245, 253, 255, 264, 271, 274, 276, 277, 279, 284, 287
 Оболонский А. В. 231
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 4, 10, 28, 29, 102, 128

Огарев Н. П. 79, 82, 124
Орел Г. М. 222
Орлов П. А. 129
Орлов С. Б. 73

П. Ч. см. Червинский П. П.
Пазухин А. Д. 118, 132
Пайпс Р. 32
Паночини Л. А. 117, 189
Пантин И. К. 32, 71, 191, 192
Перцов П. П. 223, 234
Петр I 61, 75, 79, 151, 156, 165
Петрицкий А. Г. 127
Петрищев А. Б. 10, 29, 49, 267, 277, 279
Петров В. М. 234
Петрова М. Г. 125
Петрункевич И. И. 59, 72, 123, 160, 191
Пешехонов А. В. 17, 29, 38, 49, 55, 233, 235, 266, 268, 272, 273, 277, 279, 280
Пименова Э. К. 233
Пиотровский И. А. 82, 83, 124
Пирумова Н. М. 69, 229, 234
Писарев Д. И. 85, 124, 137, 244
Плеханов Г. В. 5, 8, 12, 13, 28, 35, 36, 39, 67, 68, 70, 84, 112, 124, 153, 162, 188, 216, 220, 232, 233, 251, 252, 266, 275, 276, 279
Плещеев А. Н. 216
Плимак Е. Г. 191, 192
Плотник М. А. 49
Подоров Г. 126
Полонский Л. А. 129
Попов М. Р. 128
Попова О. Н. 237, 238, 274
Поссе В. А. 238, 273
Потресов А. Н. 11, 28, 29, 251, 276
Прибылева-Корба А. П. 115, 116, 131
Протасова О. Л. 273
Протопопов М. А. 14, 48, 58, 110, 116, 122, 130, 134, 148, 172, 176, 185, 187, 189, 192, 193, 224
Пругавин А. С. 22, 32, 48, 92, 115, 172, 209, 210, 215, 231

Пругавин В. С. 12, 47, 48, 153, 154, 166, 174, 177, 179, 190, 192–195, 197, 208, 209, 212, 215, 230, 231, 233
Прудон П. 193
Пружанский Н. О. 237
Пушкин А. С. 78
Пыпин А. А. 231
Пыпин А. Н. 7, 28, 47, 68, 70, 117, 127, 193, 210, 215, 220, 221, 224, 233, 249, 255
Пясковский Н. Я. 208, 230

Радищев А. Н. 99, 123, 128, 156, 266
Разин С. Т. 276
Раппопорт С. А. 189, 221, 233
Рачков М. П. 188
Ребиндер М. П. 230
Рогалина В. А. 229
Рогачев Д. М. 104, 129
Розанов В. В. 28, 228
Розенберг В. А. 49
Ротенфельд Ю. А. 275
Рубакин Н. А. 256, 259, 277
Русанов Н. С. 130, 160, 191, 225, 268, 270, 280
Руссо Ж. 193
Рысаков Н. И. 118
Рязанов В. Т. 21, 66, 188

С. К. см. Кривенко С. Н.
Сабурова Т. А. 73
Сажин Б. Б. 22, 32
Сазонов Г. П. 179, 197
Сакулин П. Н. 232
Салтыков М. Е. (Щедрин) 244, 250
Сарычев А. П. 123
Свешников М. И. 216
Седов М. Г. 30, 125, 232
Селезнев Ф. А. 32
Семенкин К. Г. 277
Сементковский Р. И. 241, 246, 274, 275
Сергиевский Н. Л. 228
Скабичевский А. М. 83, 116, 122, 124, 176, 180, 193, 194, 212
Скворцов А. А. 187

Слобожанин М. см. Максимов Е. Д.
Слонимский Л. 3, 7, 28, 215, 224
Смирнов Н. Н. 189
Снегирев Л. Ф. 280
Согрин В. В. 123
Соколов А. В. 72, 73
Соколов К. Б. 73
Соколовский П. А. 32, 70, 188, 228
Соловьев В. С. 7, 28, 61, 218, 233, 244
Соловьев Е. А. 10, 28, 29
Сорокин П. 72
Спасович В. Д. 240
Спенсер Г. 45
Станюкович К. М. 116, 215
Старостин Б. А. 70
Струве П. Б. 8, 28, 29, 237, 256
Сулова Ф. М. 14, 30, 71

Таганцев Н. С. 95, 127
Таиров Г. 222
Твардовская В. А. 71, 191, 227
Теодорович И. А. 13, 29
Тихомиров Л. А. 6, 7, 28, 68, 115, 131, 220, 233, 248, 249, 275
Ткачев П. Н. 45, 129, 157, 167, 256
Тойнби А. Дж. 59, 72
Толстой Л. Н. 108, 129, 193, 208, 214, 232, 233, 244, 250
Троицкий Н. А. 37, 68, 123
Троцанский В. Ф. 127
Туган-Барановский М. И. 29, 256, 277
Туниманов В. А. 128
Тургенев И. С. 155, 190

Уваров С. С. 78
Урсати А. И. 127
Усова С. Е. 234
Успенский Г. И. 38, 48, 58, 113, 114, 116, 128, 130, 160, 174, 180, 181, 185, 187, 193, 194, 205, 215, 221, 230, 280

Фаресов А. И. 245, 274
Федотов Г. П. 61
Ферронский И. 191
Фигнер В. Н. 115

Филиппов А. В. 190
Фирсов В. М. 15, 16, 30, 187
Фольмар Г. 35
Фриче В. М. 277
Фудель И. И. 6, 28, 127, 248, 249, 275

Хазанов Б. 123
Халтурин С. Н. 163
Харламов В. И. 15, 20, 24, 30, 31, 34, 50, 65, 67, 70, 71, 73, 90, 123, 125, 130, 131, 190, 197, 228, 231, 232
Хватов А. 123
Хирьяков А. М. 238
Хомяков А. С. 78
Хорос В. Г. 14, 18, 24, 30, 31, 34, 56, 67, 68, 70, 71, 123, 171, 186, 190, 192, 194, 273, 275

Цебрикова М. К. 128
Цвайнерт Й 32, 68

Чарушин Н. А. 95, 101, 127, 128
Чепулис-Растенес Р. 186
Червинский П. П. 9, 14, 16, 20, 38, 40, 47, 48, 107–110, 117, 129, 181, 196, 223, 227, 242, 269
Черненко Н. Н. 266, 279
Чернец Л. В. 130
Чернов В. М. 235, 266, 268, 270, 273, 275, 280
Чернышевский Н. Г. 12, 21, 37, 80, 81, 88, 101, 108, 124, 197, 220, 244, 253, 268, 285
Чернышов А. Г. 189
Чехов А. П. 215, 216, 232
Чичерин Б. Н. 79
Чупров А. И. 38

Шелгунов Н. В. 14, 38, 59, 81, 83, 93, 101, 110, 113, 116, 121, 124, 130, 141, 149, 160, 176, 184, 185, 188, 189, 191, 193, 194, 196, 205–207, 230, 231, 244, 254, 285
Шестаков М. Г. 29
Штевен А. А. 248
Штейн В. М. 29

Шапов А. П. 83–85, 90, 124, 285
Щепотьева Е. С. 230
Щербакова Е. И. 71

Элбакян Е. С. 18, 19, 31, 68
Эльсниц А. Л. 117
Энгельгардт А. Н. 22, 38, 83, 111,
130, 204, 208, 285
Энгельгардт Н. А. 179, 194, 236, 243,
244, 274
Энгельс Ф. 71, 93, 194
Эртель А. И. 116, 215

Юдин А. И. 71, 128
Южаков С. Н. 16, 29, 30, 38, 40, 43,
48, 49, 54, 69, 90, 92, 94, 115, 126,
151, 187, 189, 197, 215, 238, 240–242,
257, 259, 271, 273, 274, 278, 280
Юзов *см.* Каблиц И. И.

Як. Б. 229
Яковлев Г. 230
Яковлев М. В. 68
Якубович П. Ф. 271, 280
Ярош К. Н. 6, 28
Ярошенко Н. А. 130

Billington J. 31, 32

Mendel A. 32, 68
Müller O. 32, 73

N. N. *см.* Фудель И. И.
N. N. 178
Naimark N. 68

Walicki A. 32
Wortman R. 32

Научное издание

Мокшин Геннадий Николаевич

**ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ
ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА
в последней трети ХХ – начале ХХ вв.**

На обложке
репродукция с картины В. Е. Маковского
«Вечеринка» (1875-1897 гг.)

Художественный редактор Е. Ю. Бочарникова

Компьютерная верстка К. И. Савченко

Подписано в печать 18.09.2010. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 17,44. Тираж 1000 экз. Заказ № 421.

ООО Издательство «Научная книга»
394077, г. Воронеж, ул. Маршала Жукова, 3-244
[http:// www.sbook.ru](http://www.sbook.ru)

Отпечатано в ООО ИПЦ «Научная книга»
394030, г. Воронеж, ул. Кольцовская, д. 23/1.
тел. (4732) 610-475, 610-485, 29-79-69
[http:// www.n-kniga.ru](http://www.n-kniga.ru). E-mail: zakaz@n-kniga.ru